ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН ТРУДНАЯ ВЕСНА

ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

Трудная весна

ЛЕНИЗДАТ 1957

ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

(РАЙОННЫЕ БУДНИ)

I. РАЙОННЫЕ БУДНИ

1

Дождь лил третий день подряд. За три дня раза два всего проглядывало солнце на несколько часов, не успевало просушить даже крыши, не только поля, местами, в низинах, залитые водой, словно луга ранней весною, в паводок.

В кабинете второго секретаря райкома сидел председатель передового, самого богатого в районе колхоза «Власть Советов» Демьян Васильевич Опёнкин, тучный, с большим животом, усатый, седой, коротко остриженный, в мокром парусиновом плаще. Он приехал верхом. Его конь, рослый, рыжей масти жеребец-племенник, стоял нерасседланный во дворе райкома под навесом, беспокойно мотал головой, силясь оборвать повод, ржал. Опёнкин, с трудом ворочая толстой шеей, время от времени поглядывал через плечо в окно на жеребца.

Секретарь райкома Петр Илларионович Мартынов ходил взад-вперед вдоль кабинета, неслышно ступая сапогами по мягким ковровым дорожкам.

— Больше с тебя хлеба не возьмем, — говорил Мартынов. — Ты рассчитался. Я не за этим тебя позвал, Демьян Васильич. Ты — самый старый председатель, опытный хозяин. Посоветуй, что можно делать в такую погоду на поле? Три тысячи гектаров еще не скошено. На что можно нажимать всерьез? Так, чтоб люди в колхозах не смеялись над нашими телефонограммами?.. Я

вчера в «Заветах Ильича» увидел у председателя на столе собственную телефонограмму, и, признаться, стыдно стало. Обязываем пустить все машины в ход, а сам пришел к ним пешком, «газик» застрял в поле, пришлось волов просить, чтоб дотянуть до села.

— Куда там! Растворило!..

— Косами, серпами не возьмем по такой погоде? А?..

— Я, Илларионыч, не имею опыта, как по грязи хлеб убирать, — усмехнулся Опёнкин. — Наш колхоз всегда зáсухо с уборкой управляется... Жать-то можно серпами, а дальше что? Свалишь хлеб в болото. Если затянется такая погода — погниет. Порвет, дьявол, уздечку! — грузно повернулся к окну на заскрипевшем стуле Опёнкин, распахнул створки: — Стоять, Кальян! Вот я тебе! — Увидел проходившего по двору райкомовского конюха: — Никитыч! Есть у тебя оброть? Накинь на него оброть, пожалуйста, а уздечку сними.

Мартынов подошел к окну:

— Где купили такого красавца?

— В Сальских степях. Буденновская порода, из дончаков выведена. Крепкая лошадь. Лучшая верховая порода.

— Застоялся. Проезжать надо его почаще.

— Вот — проезжаю. Вчера в совхоз «Челюскин» на нем ездил. Во мне сто десять кило. Нагрузочка подходящая.

— А чего ты так безобразно толстеешь? — похлопал Мартынов по животу Опёнкина. — На кулака стал уже похож.

— Сам не знаю, Илларионыч, с чего меня прет, — развел руками Опёнкин. — Не от спокойной жизни. После укрупнения и вовсе замотался. Три тысячи гектаров, семь бригад. Чем больше волнуюсь, тем больше толстею.

— Покушать любишь?

— Да на аппетит не обижаюсь...

Ветер задувал в окно брызги, дождь мочил журналы, лежавшие на подоконнике. Опёнкин закрыл окно. Мартынов отошел, присел на край стола.

— А не получится опять по-прошлогоднему? — вскинул Опёнкин на Мартынова глаза, черные, умные, немного усталые.

— Как по-прошлогоднему?

— Соседи наши на семидесяти процентах пошабашат, а нам опять дадите дополнительный?

— По хлебопоставкам? Нет, насчет этого сейчас строго... Может быть, только заимообразно попросим. У тебя много хлеба осталось, а у других нет сейчас намолоченного. Вывезешь за них, потом отдадут.

— Вот, вот! — заерзал на тяжело скрипевшем под ним стуле Опёнкин. — Я ж говорю, что-нибудь да придумаете. Не в лоб, так по лбу! Нам уже за эти годы после войны столько задолжали другие колхозы! Нет на меня хорошего ревизора! Судить меня давно пора за дебиторскую задолженность!.. Тысячу центнеров должны нам соседи милые. И хлебопоставки за них выполняли и на семена им давали. И не куют, не мелют! Станешь спрашивать председателей: «Когда ж вы, братцы, совесть поимеете, отдадите?» — смеются: «При коммунизме, говорят, сочтемся». А по-моему, — встал, рассердившись, Опёнкин и, тяжело сопя, стуча полами мокрого, задубевшего плаща по спинкам стульев, заходил по кабинету, — по-моему, коммунизма не будет до тех пор, пока это иждивенчество проклятое не ликвидируем! Чтоб все строили коммунизм! А не так: одни строят, трудятся, а другие хотят на чужом горбу в царство небесное въехать!..

— Погоди, не волнуйся, Демьян Васильич, — сказал Мартынов. — Может, обойдемся и без займов.

— Какие займы! Говорите прямо — пожертвования. Никто и в этом году не отдаст нам из старых долгов ни грамма. Придут к вам, расплачутся, и вы же сами нам скажете: «Повремените, не взыскивайте. У них мало хлеба осталось. Надо же и там чего-нибудь выдать по трудодням, засыпать семена».

Остановился против Мартынова — высокий, грузный, на толстых, широко расставленных ногах.

— Ты не подумай, Петр Илларионыч, что я жадничаю. Почему не помочь колхозу, ежели несчастье постигло людей — град, скажем, либо наводнение? Пойдем навстречу, с открытой душой. Но ежели только и несчастья у них, что бригадиры с председателем во главе любят на зорьке понежиться на мягких пуховиках, — тут займами не поможешь!.. Не о своем колхозе беспокоюсь. Мы не обедняем. Еще тысячу центнеров раздадим — не обедняем. Но это же не выход из положения!

Вы же никогда так не поправите дело в отстающих колхозах — подачками да поблажками!..

— Я тоже не сторонник таких методов подтягивания отстающих, — ответил Мартынов, глядя Опёнкину прямо в глаза, умные, много перевидавшие за десять лет его работы председателем колхоза. — Та́к мы действительно не наведем порядка в колхозах и район не поднимем... Дополнительного плана тебе не будет. Ни под каким соусом.

Опёнкин недоверчиво покачал головой:

— Это пока ты правишь тут за первого. А приедет Виктор Семеныч? Скажет: «Ну-ка, потрясти еще Демьяна Богатого!».

— Попробуем и Виктора Семеныча убедить. Это самый легкий способ: потрясти тебя, других, выполнивших досрочно план.

— Когда у него отпуск кончается?

— Если не продлят ему лечение — в субботу приедет.

— Вот, с дороги отдохнет, может, часика два, и начнет шуровать!

Мартынов не ответил, отошел к окну, перевел разговор на другую тему:

— Всё же плохо организовано у нас хозяйство в колхозах. Пошли дожди не во́-время, и мы садимся в калошу. А если такая погодка продлится еще недели две?.. Надо вдесятеро больше строить зерносушилок, крытых токов. Может быть, и для снопов нужно сушилки строить.

— Риги — назывались раньше такие сараи у крестьян, — сказал Опёнкин.

— Не сараи — навесы хотя бы, соломенные крыши на столбах.

— Ежели без стен — еще лучше, — согласился Опёнкин. — Продувает ветерком, быстрее просушивает... Посевные площади не те, Илларионыч. Раньше у хозяина было всего десятин пять посева. А ну-ка, настрой этих риг на три-четыре тысячи гектаров!

— Вот я и говорю, — продолжал Мартынов: — совершенно в других размерах надо всё это планировать! Даем колхозу задание: построить три зерносушилки. А надо — тридцать, пятьдесят!.. То засуха нас бьет, то дожди срывают уборку, губят уже готовый урожай. Когда же это кончится?.. Тебя, Демьян Васильич, я вижу,

это не очень волнует. Ты думаешь небось: мне хватило двух недель сухой погоды для уборки. Ну, знаешь, и ты не очень хорохорься. А если бы дожди пошли с первого дня уборки? Тоже кричал бы караул! Пусть это раз в десять лет случается, но и к такому году мы должны быть готовы.

Опёнкин слушал Мартынова спокойно, с улыбкой:

— Готовимся и к такому году. Из нашего колхоза десять человек третий уже месяц работают на лесозаготовках в Кировской области. Пятнадцать вагонов леса получили оттуда. Еще раза три по столько же отгрузят. Хватит и на электростанцию, и на клуб, и на крытые тока, и на сушилки.

— У вас-то хватит!..

— Я тебе объясню, Илларионыч, — сказал, помолчав, Опёнкин, — почему в нашем колхозе работа спорится, люди дружно за всё берутся. Потому что колхоз богатый, есть чего получать по трудодням и хлебом и деньгами. У нас самое тяжкое наказание для человека, когда отстраняем его решением правления от работы дня на три.

Мартынов засмеялся.

— Объяснил! А колхоз богатый, потому что люди дружно работают.

— Да, — улыбнулся Опёнкин, — так уж оно, как пойдет колесом... А пережили и мы немало трудностей... Приехал ко мне как-то в военное время Михей Кудряшов, председатель «Волны революции», не помню уж по каким делам. Повел я его обедать к себе домой. А у меня — черный хлеб на столе. «Как тебе, говорит, не стыдно? Председатель, не умеешь жить! Не можешь для себя хотя бы организовать?» А чего — стыдно? Время было тяжелое, война. Сдали сверх плана в фонд Красной Армии полторы тысячи центнеров. Сами сдали, добровольно. Решили: переживем. Картошки в хлеб подмешаем, того, сего, — выдюжим! Прошлым летом заехал я к ним в «Волну». Какой был лично у Кудряшова хлеб — не знаю, а у колхозников у всех — черный. И семян просят занять им. А у нас уж который год все белый хлеб едят, как и до войны. «Как тебе, говорю, теперь не стыдно? Кабы себя от людей не отделял да черный хлеб ел тогда, может, злее был бы, пуще стремился бы скорее одолеть трудности!» Колхоз — не для нас только, пред-

седателей, так я понимаю, не для нашей роскошной жизни. Когда всем хорошо, то и нам хорошо...

...Долго еще думал Мартынов после ухода Опёнкина об этом человеке. Если бы все были такие председатели колхозов в районе! Вот у него пошло колесом: колхоз богатый, потому и люди хорошо работают. А в некоторых колхозах тоже идет «колесом», только наоборот: на трудодень — крохи, потому что был плохой урожай, плохо работали колхозники, а плохо работали потому, что и в прошлом году получили мало хлеба по трудодням. Тут уж получается не колесо, а заколдованный круг. Но этот круг надо разорвать во что бы то ни стало! Кто может его разорвать? Вот такие люди, которым народное дорого, как свое кровное... Мартынов был зимою в колхозе «Власть Советов» на отчетно-выборном собрании. Когда выдвинули вновь кандидатуру Опёнкина в председатели, один колхозник, выступая, назвал его: «Душевный коммунист».

Ветер сыпал в окна крупными каплями дождя, будто щебнем. Мартынов принял за день много людей — всех заведующих отделами райкома, каждого со своими вопросами, районного агронома, заведующего сельхозотделом райисполкома. Оказалось, что по случаю ненастной погоды весь партийный актив был дома.

— Что-то неладно получается у нас, товарищи, — сказал Мартынов. — Такое тяжелое положение с уборкой, а мы отсиживаемся дома. Вот сейчас-то нужно быть всем в колхозах!

— А что же можно там сейчас делать? — спрашивали его.

— Спасать хотя бы зерно, что намолочено. В кучах лежит, под дождем. Строить сушилки, крытые тока, перетаскивать туда зерно, лопатить. Машины не идут — волами возить просушенный хлеб на элеватор.

У него уже созрело решение — на что, в случае затяжки ненастья, можно и нужно сейчас поднять в районе всё живое и мертвое. Он велел помощнику созвать членов бюро в девять вечера на небольшое заседание по одному этому вопросу.

В конце дня, когда Мартынов собирался уже сходить домой пообедать, в кабинет вошла Марья Сергеевна Борзова, жена первого секретаря, молодая, но уже располневшая женщина, миловидная, с широким добро-

душным лицом, усыпанным мелкими веснушками, с живыми веселыми карими глазами, — директор районной конторы «Сортсемовощ».

На днях в одном колхозе Мартынову сказали, что у них третий год подряд не вызревают арбузы, убирают их осенью зелеными и скармливают свиньям. Он спросил — что за сорт? Оказалось, семена присланы с Кубани. Мартынов почувствовал завязку большого вопроса для постановки перед обкомом и Министерством сельского хозяйства и попросил Борзову составить ведомость, откуда получает их контора семена овощей, и зайти с этой ведомостью к нему.

— Вот сделала, Петр Илларионыч, — сказала Борзова, кладя перед ним на стол исписанный лист бумаги. — Выбрала из накладных. Верно, что-то не по-мичурински получается. Есть у нас местные семена, хороших сортов, их областная контора куда-то отсылает, а нам дают другие сорта. Арбузы, дыни — с Кубани, из Крыма. И помидоры — с Кубани.

— Там лето месяца на полтора длиннее, вот они привыкли к такому лету и растут себе не спеша, — сказал Мартынов.

Пока он просматривал ведомость, Марья Сергеевна, подобрав мокрые пóлы резинового плаща, села в кресло у стола.

— Мой-то — товарищ Борзов — сегодня приезжает, — сказала она.

— Как — сегодня? — поднял голову Мартынов. — У него еще отпуск не кончился.

— Должно быть, не высидел. Я ему отсюда посылала авиапочтой областную газету со сводками, по его приказанию.

— Если сегодня, ему пора уже быть. — Мартынов взглянул на настольные часы. — Поезд прошел.

— Вот и я думаю — каким же он приедет? Может, ночью, в час? Так тó уж другое число. Он телеграфировал: «Буду двадцать третьего, целую».

— Погоди, тут мне какие-то телеграммы принесли, я еще не смотрел. — Мартынов порылся в бумажках на столе. — Да, вот есть от него: «Приеду двадцать третьего». Только без «целую».

Марья Сергеевна вздохнула.

— Опять пойдут у вас всенощные заседания? Будете ругаться с ним на каждом бюро до утра?

— Не знаю, — ответил Мартынов, — ка́к он теперь после ессентукских вод. Может, язва не так будет его мучить.

— А мы с ним поженились, когда у него язвы еще не было. Я-то его давно знаю. Это у него не от болезни. У обоих у вас — характеры! Коса на камень... Развели бы вас по разным районам, что ли!

— От третьего человека слышу: просись в другой район, — сказал Мартынов. — Выживаете меня?

— А я не сказала: просись в другой район. Я говорю — нужно вас развести. Либо ему здесь оставаться, либо тебе... Ну, скажи мне, Петр Илларионыч, чего вы с ним не поделили?

Мартынов усмехнулся.

— Почему меня спрашиваешь? Тебе ближе его спросить.

— Он по-своему объясняет.

— Как? Небось: был Мартынов газетчиком, борзописцем, так бы и продолжал бумагу портить. А в партийной работе он ни черта не понимает. Да?

— И так говорил...

Зазвонил телефон; Мартынов снял трубку, долго разговаривал по телефону. Потом ему доложили, что из колхозов приехали пять человек за получением партбилетов, ждут приема. Борзова поднялась.

— Ладно, Марья Сергеевна, как-нибудь поговорим. Эту ведомость я оставлю у себя, а ты мне еще пришли сводку об урожаях местных сортов и привозных.

— Хорошо, пришлю... Пойду домой, похлопочу насчет обеда. Может, он всё же приедет сегодня. Поезд, может, опоздал.

Выдав молодым коммунистам партийные билеты, поздравив их с вступлением в партию и поговорив с ними о делах в колхозах, Мартынов замкнул на ключ ящики стола, оделся, но успел выйти только в коридор, — прошумела отъехавшая от райкома машина, на крыльцо взошел по ступенькам уверенной хозяйской походкой Борзов, среднего роста, коренастый, с нездоровым желтоватым лицом, в длинном, почти до пят, кожаном пальто.

— А, вот и сам, наконец, — сказал Мартынов, оста-

новившись в коридоре. — Мы уж не ждали тебя с дневным. Здравствуй!

— Привет трудящимся! — подал руку Борзов.

— Трудимся. А ты что ж это конституцию нарушаешь? Не используешь полностью права на отдых?

— Отдохнешь! — Борзов снял шляпу, отряхнул ее, расстегнул мокрое пальто.

— Зайдем в кабинет?

— Зайдем на минуту. Я еще дома не был... Отдохнешь! — Сняв у вешалки калоши и пальто, Борзов прошел к столу, но сел не в кресло секретаря, а сбоку на стул. — Дураки в это время ездят лечиться! Только и слышишь по радио: уборка, хлебопоставки, сев озимых. Область нашу «Правда» трижды помянула уже в передовицах как отставшую.

Мартынов тоже не сел в кресло, стал у окна. Он был выше коренастого, бритоголового Борзова, — загорелый, синеглазый брюнет, с давно нестриженной, вьющейся кольцами на шее густой шевелюрой, с поджарой, немного сутулой, несолидной фигурой. Разница в возрасте у них была лет в семь. Мартынову — лет тридцать пять, Борзову — за сорок.

— Сам виноват, — сказал Мартынов. — Съездил бы весною, когда сев кончали. Я тебе говорил: вот сейчас проси путевку и поезжай подлечись.

— Сев кончали — прополка начиналась. Разве из нашей беспрерывки когда-нибудь вырвешься? А зимою тоже неинтересно ездить на курорты... Ну, ладно, давай рассказывай, как дела?

— Когда же ты приехал? Поезд в тринадцать сорок прошел.

— Я с вокзала заезжал на элеватор. Не звонил насчет машины, подвернулся «газик» директора МТС. Проверил на элеваторе, как хлеб возят... Плохо возят, Петр Илларионыч!

— Да, можно бы лучше... До этих дождей выдерживали график.

— Как же вы могли выдерживать график, если три колхоза у вас уже с неделю как не участвуют в хлебопоставках: «Власть Советов», «Красный Октябрь» и «Заря»?

— Другие колхозы вывозили больше дневного зада-

ния. А «Власть Советов», «Октябрь» и «Заря» рассчитались.

— Как — рассчитались?

— Так, полностью. И по натуроплате — за все работы.

Борзов с сожалением посмотрел на Мартынова.

— Так и председателям говоришь: «Вы рассчитались»? Эх, Петр Илларионыч! Учить тебя да учить! Где сводка в разрезе колхозов?

Пересел на секретарское место, энергичным жестом отодвинул от себя всё лишнее — лампу, пепельницу, стакан с недопитым чаем. Под толстым стеклом лежал большой разграфленный лист бумаги, испещренный цифрами: посевная площадь колхозов, поголовье животноводства, планы поставок. Мартынов невольно улыбнулся, вспомнив слова Опёнкина: «Два часа отдохнет, и начнет шуровать».

— Да, вижу, правильно я сделал, что приехал. — Борзов взял чистый лист бумаги, карандаш, провел пальцем по стеклу. — «Власть Советов». Сколько у них было? Так... Госпоставки и натуроплата... Так. Это — по седьмой группе. Комиссия отнесла их к седьмой группе по урожайности. А если дать им девятую группу?

— Самую высшую?

— Да, самую высшую. Что получится? Подсчитаем... По девятой группе с Демьяна Богатого — еще тысячи полторы центнеров. Да с «Зари» — центнеров восемьсот. Да с «Октября» столько же. Вот! Мальчик! Не знаешь, как взять с них хлеб?

Мартынов, с непогасшей еще улыбкой на лице, подошел к столу:

— Я не мальчик, Виктор Семеныч. Эти штуки мне знакомы. Но пора бы с этим кончать, право! На каком основании ты предлагаешь пересчитать им натуроплату по высшей группе?

— На том основании, что стране нужен хлеб!

Мартынов закурил, помолчал, стараясь взять себя в руки, не горячиться.

— Во «Власти Советов» урожай, конечно, выше, чем в других колхозах. Но всё же на девятую группу они далеко не вытянули. И убрали они хорошо, чисто, никаких потерь. А что на двух полях у них озимую пшеницу прихватило градом — то не их вина. Почему же теперь

им — девятую группу, да еще задним числом? Что Опёнкин колхозникам скажет?

— Пусть что хочет говорит. Нам нужен хлеб. Чего ты болеешь за него? Старый зубр! Вывернется!

— Знаю, что убедит он колхозников, повезут они хлеб. Но объяснение остается одно: берем с них хлеб за те колхозы, где бесхозяйственность и разгильдяйство.

Вошел председатель райисполкома Иван Фомич Руденко — в одной гимнастерке, без фуражки, — перебежал через двор. Райсовет помещался рядом, в соседнем доме.

— Здоро́во, Виктор Семеныч! С приездом! Гляжу в окно — знакомая фигура поднимается по ступенькам. Не догулял?

— Привет, Фомич. Не догулял.

Руденко посмотрел на хмурое, рассерженное лицо Борзова, на нервно покусывавшего мундштук папиросы Мартынова:

— С места в карьер, что ли, заспорили? Может, помешал?

— Нет. — Борзов вышел из-за стола, не глядя на Руденко, подвинул ему стул: — Садись. Ну, продолжай, Мартынов.

— А что́ мне продолжать, — Мартынов затушил окурок в пепельнице и встал. — Как член бюро, голосую против. — Обратился к Руденко: — Предлагает дать девятую группу Опёнкину и другим, кто выполнил.

— Ну-у? — неопределенно протянул Руденко. — Это надо подумать...

— Чтоб и в тех колхозах, где люди честно трудились и где работали через пень-колоду, на трудодни хлеба осталось поровну!.. Я тоже знаю, Виктор Семеныч, что стране нужен хлеб, — продолжал Мартынов. — И план районный мы обязаны выполнить. Но можно по-разному выполнить. Можно та́к выполнить, что хоть и туго будет потом кое-где с хлебом, но люди поймут, согласятся: да, это и есть советская справедливость. У наших агитаторов будет почва под ногами, когда они станут с народом говорить: «Что заработали, то и получайте». И пусть рядом, во «Власти Советов», люди втрое больше хлеба получат! И нужно строить на этом политику! А можно та́к выполнить, что... — Мартынов махнул рукой, заходил по кабинету.

— Да, Виктор Семеныч, как бы не зарезать ту курочку, что несет золотые яички, — сказал Руденко.

Борзов опять сел за стол:

— Хорошо. Подсчитаем, что́ мы сможем вывезти из других колхозов, не трогая этих. — Провел пальцем по первой графе с наименованиями колхозов: — Какой возьмем? Ну, вот «Рассвет». Сколько у них есть на сегодняшний день намолоченного зерна?

— Нет ничего, — ответил Мартынов. — Они до дождей хорошо возили, всё подбирали, что за день намолачивали. Скошенный хлеб у них в скирдах. И не скошено еще процентов десять.

— Их МТС подвела, — добавил Руденко. — Дали им молодых комбайнеров, курсантов. Новые машины, а больше стояли, чем работали.

— Так. Значит, в «Рассвете» нет сейчас зерна. А хлебопоставки у них...

— На шестьдесят два процента, — подсказал Руденко.

— В «Красном пахаре» как?

— Такое же положение.

— «Наш путь»?

— Там хуже дело, — подошел к столу Мартынов. — Не скошено процентов тридцать, и скошенный хлеб не заскирдован... У них же нет председателя, — помолчав, добавил он. — В самый отстающий колхоз послали самого ненадежного человека. В наказание, что ли? За то, что завалил работу в промкомбинате?..

— Так... «Вторая пятилетка»?

— Там есть много зерна намолоченного,— сказал Руденко.— Но лежит в поле, в кучах. Надо сушить.

— Так какого же вы чёрта толкуете мне тут про справедливость, политику? — стукнул ребром ладони по столу Борзов.— Где хлеб? Такой хлеб, чтоб сейчас, в эту минуту можно было грузить на машины и везти на элеватор?

— В эту минуту, положим, машиной не повезешь,— Мартынов кивнул на окно, за которым лило как из ведра.

— Перестанет дождь — за день просохнет. А хлеб где? Те — выполнили, умыли руки, на районную сводку им наплевать. У тех — нет намолоченного. Обком, думаете, согласится ждать, пока мы здесь эту самую справедли-

вость будем наводить? Что мы реально сможем поднять в этой пятидневке? Что покажем в очередной сводке? По-ли-ти-ки!..

— А без политики выполнять поставки, так и секретари райкомов не нужны. Каким-нибудь агентам можно поручить,— ответил Мартынов.

— Я вижу,— сказал Борзов,— что главная помеха хлебопоставкам в районе на сегодняшний день — это ты, товарищ Мартынов. Сам демобилизовался и других расхолаживаешь. «Выполнили!» Разлагаешь партийную организацию.

— Ну, это уж ты слишком, Виктор Семеныч! — задвигался на стуле, хмурясь, Руденко.

Мартынов сел, потеребил рукой волосы, откинулся на спинку стула, пристально глядя на Борзова. Загорелое лицо его побледнело. Но сказать он ничего не успел. Борзов позвонил, в кабинет вошел помощник секретаря, белобрысый молодой паренек, Саша Трубицын.

— Приехали, Виктор Семеныч?!

— Да, приехал. Здравствуй. Садись, пиши... «Всем директорам МТС, председателям колхозов, секретарям колхозных первичных партийных организаций... Безобразное отставание района в уборке и выполнении плана хлебопоставок объясняется исключительно вашей преступной беспечностью и полным забвением интересов государства»... Написал? «Предлагается под вашу личную ответственность немедленно, с получением настоящей телефонограммы, включить в работу все комбайны и простейшие орудия»... Написал? «Обеспечить круглосуточную работу молотилок... Безусловно обеспечить выполнение дневных заданий по хлебовывозу, с наверстанием в ближайшие два-три дня задолженности за прошлую пятидневку... Загрузить на хлебовывозе весь наличный авто- и гужтранспорт... В случае невыполнения будете привлечены к суровой партийной и государственной ответственности»... Подпись — Борзов.— Покосился на Руденко.— И Руденко.

Руденко махнул рукой.

— Валяй!

— Один экземпляр этой телефонограммы, Трубицын, сбереги,— сказал Мартынов.— Может, когда-нибудь издадут полное собрание наших сочинений.

Саша Трубицын остановился на пороге, удивленно-вопрошающе поглядел на Мартынова.

— Иди печатай,— сказал Борзов.— Передать так, чтоб через час была во всех колхозах!

Трубицын вышел.

— Для очищения совести посылаешь эту «молнию»? — спросил Мартынов.— Всё же что-то делали, бумажки писали, стандартные телефонограммы рассылали.

— Напиши ты чего-нибудь пооригинальнее. Тебе карты в руки, литератору,— с деланным спокойствием ответил Борзов и повернулся к Руденко, хотел заговорить с ним, спросил его о чем-то, но тот не ответил на вопрос, кивнул на Мартынова:

— Нет, ты послушай, Виктор Семеныч, что он предлагает.

— А что он предлагает?

— Вот что предлагаю, — Мартынов придвинулся со стулом к Борзову. — Жерди, хворост в лесу рубить по дождю можно? Можно. Навесы крыть соломой можно? Неприятно, конечно, вода за шиворот потечет, но можно. На фронте переправы под дождем и под огнем строили. Машину не уговоришь по грязи работать — человека можно уговорить. Вот на что нужно сейчас нажать!

— Одно другому не мешает,— ответил Борзов.

— Нет, мешает! Забьем председателю колхоза голову всякой чепухой — он и дельный совет мимо ушей пустит. «Включить в работу все комбайны». Это же болтовня — такие телефонограммы! — взорвался, наконец, Мартынов. — Тогда уж вали всё: и озимку предлагаем сеять, невзирая на дождь, и зябь пахать.

— А мы из обкома не получаем таких телеграмм? Нам иной раз не звонят: «Почему не сеете?». А у нас на полях еще снег по колено.

— Область большая. Там — снег, там — тепло, там — дожди, там — засуха. А у нас же всё на глазах!.. Знаешь, Виктор Семеныч, чего никак не терпят хлеборобы в наших директивах? Глупостей. Они-то ведь знают не хуже нас, на чем булки растут.

Борзов долго молчал. Больших усилий стоило ему придать голосу некоторую теплоту, когда он, наконец, заговорил:

— От души советую тебе, Петр Илларионыч: поезжай ты в обком, нажалуйся на меня, чего хочешь наговори, но скажи, что мы вместе работать не можем. Пусть тебя переведут в другой район. Я со своей стороны буду

рекомендовать, чтоб тебя послали первым секретарем. Да в обкоме у нас обычно так и делают. Если где-то второй не ладит с первым, хочет сам играть первую скрипку и парень будто энергичный — посылают его первым секретарем в другой район, испытывают: ну-ка, покажи, брат, как ты сможешь самостоятельно работать?.. Поезжай, поговори. Когда хочешь, хоть сегодня. Дадут тебе район, может, по соседству с нами. Будем соревноваться. Руководи! Ты с этой самой крестьянской справедливостью, а я — по-пролетарски.

— Тьфу! — не выдержал Руденко.— До чего вы тут договоритесь? По-пролетарски, по-крестьянски! Таких и выражений нет. По-большевистски надо руководить!

— И в другой район я не хочу,— ответил Мартынов,— я уже здесь узнал колхозы, людей, и на первую скрипку не претендую. Плохо ты понял меня, Виктор Семеныч. Мне и в должности второго секретаря работы хватает. Но я не Молчалин, что мне «не сметь свои суждения иметь».

Пошел к вешалке, надел пальто.

— Пойдем пообедаем. В здоровом теле — здоровый дух. Марья Сергеевна заходила сюда, ждет тебя обедать, получила телеграмму... Я созывал на девять часов заседание бюро. Не отменишь?

— Нет, почему же,— ответил Борзов.— Бюро надо провести. Начнем работать.— Позвонил помощнику: — Вызвать на бюро всех уполномоченных, прикрепленных к колхозам.

...Заседание было бурное. Часть членов бюро поддерживала по многим вопросам Мартынова, часть — Борзова. Всё же воздержались пока рекомендовать комиссии перевести выполнившие поставки колхозы в высшую группу. Решили повременить — как будет с погодой, с обмолотом в других колхозах.

Расходились по домам поздно ночью, под проливным дождем. Мартынов и Руденко прошли по главной улице до угла вместе.

— Ну, ты сегодня зол! — говорил Руденко. — Не даешь ему ни в чем спуску. Прямо какая-то дуэль получается у вас, бокс.

— Отвык от него за месяц, — отвечал Мартынов.

— Ему, Илларионыч, из кожи вылезти, а хочется добиться, чтоб в первую пятидневку по его приезде хлеба вывезли раза в два больше, чем при тебе возили. Чтоб в обкоме сравнили сводки: вот Мартынов давал хлеб, а вот — Борзов!.. Он и в санаторий уезжал с неспокойной душой. Как это вдруг обком перед самой уборочной отпустил его лечиться? Тебе больше доверия, что ли?..

За углом Руденко свернул налево, пошел узеньким проулком, чертыхаясь, попадая впотьмах в лужи и набирая жидкой грязи в калоши, бормоча про себя: «Не всегда, стало быть, та первая голова и есть, которая первая по чину...» Мартынов пошел дальше главной улицей к своей квартире, тоже чертыхался, оскальзываясь в грязи и попадая на выбоинах дороги в глубокие лужи, и думал: «Сколько времени, сил тратим на споры, а нужно бы — на работу! Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат...».

На рассвете Мартынов поехал верхом в самый крупный из отстающих колхоз «Красный пахарь». Там он жил два дня. Собирал коммунистов, фронтовиков. Напомнил фронтовикам о более трудных днях, когда в дожди, по бездорожью несли на себе станковые пулеметы, помогали лошадям тащить пушки. Кирпич и лес, заготовленные для строительства новой конторы, посоветовал употребить на зерносушилки и крытые тока. Все бригады вышли в поле, кто подносить солому на носилках, кто зерно. Начали было строить навесы и над молотилками, чтобы попробовать молотить со скирд, но к вечеру второго дня дождь перестал. Не было дождя и ночью. Утром показалось солнце, подул прохладный восточный ветер. Установилась надолго сухая погода.

Уборка и прочие полевые работы в районе вошли более или менее в колею. Дороги просохли, вновь потянулись по ним колонны автомашин со свеженамолоченным зерном. Так-таки и получилось, что в первую пятидневку при Борзове колхозы сдали больше хлеба, чем в последние перед его приездом дождливые дни. Район выполнил план хлебопоставок в числе не передовых, но и не самых отстающих.

2

Однажды Марья Сергеевна Борзова сказала Мартынову:

— Чего никогда не зайдешь к нам, Петр Илларионыч, вечерком посидеть?

— Спасибо, — поблагодарил немного удивленный Мартынов. Он давно не получал от Борзовых приглашения в гости. — Вечерков-то свободных почти не бывает.

— Нет, верно, заходи. Что вам с Виктором Семенычем всё спорить да ругаться? Посидим, поговорим.

Мартынов пообещал зайти, но не торопился выполнить обещание. «Мирить, что ли, собирается нас за чашкой чая?» — подумал он.

Вскоре Борзова вызвали в обком, на десятидневный семинар первых секретарей райкомов, а Марья Сергеевна всё же позвонила Мартынову:

— Сегодня суббота, Петр Илларионыч, под выходной разрешается раньше кончать работу. Нет у тебя вечером заседаний? В колхоз не едешь? А обещание помнишь? Ну, приходи, буду ждать.

Встретила его Марья Сергеевна принаряженная, немножко смущенная тем, что может подумать Мартынов об ее настойчивом желании видеть его у себя дома. К шелковой ее блузке был приколот орден Ленина.

— Городишко у нас такой, — говорила она, гремя посудой у буфета, — на одном краю чихнешь, с другого края слышишь: «Будьте здоровы!». Завтра же разнесут всюду: «Мартынов ходил к Борзовой чай пить, когда мужа дома не было». А мне — наплевать!

Пока Марья Сергеевна собирала на стол, Мартынов обошел все комнаты их дома. Он здесь бывал раза два в прошлом году, по приезде. В детской бабушка, мать Борзова, укладывала детей спать, рассказывала им сказки. Маленьких у них было двое: мальчик лет шести и девочка лет четырех. Старшей, Нины, девушки, не было дома, ушла, вероятно, в кино или к подругам. В зале в кресле возле пианино спал огромный сибирский кот. Во всех комнатах на стенах висели клетки со скворцами, щеглами, дроздами. Две собаки, овчарка и ирландский сеттер, стуча когтями по полу, ходили следом за Мартыновым. В углу столовой гнездился на подстилке ма-

ленький ежик. Видимо, Борзов любил птиц и животных.

— За что ты, Марья Сергеевна, получила орден? — спросил Мартынов, садясь на диван. — Вижу его у тебя иногда по праздничным дням, давно хочу спросить. Партизанила?

— Нет, не партизанила. Это еще до войны было дело... — Марья Сергеевна вздохнула. — За хорошую работу на тракторе дали мне орден.

— Да? Ты трактористкой была?

— Эх, уже люди и фамилии моей не помнят!..

— Борзова?..

— Да нет, не Борзова. Моя девичья фамилия была — Громова.

— Громова?.. Вон что! Ну, прости, не знал... Та Маша Громова, что с Ангелиной соревновалась? Портреты были ваши в «Правде» рядом. Так это ты и есть?

— Маша Громова, да... Я родом из Ростовской области.

— Помню — из Ростовской области.

— Донская казачка... И Борзов там работал, в нашем районе, секретарем райкома комсомола. В тридцать восьмом году мы с ним познакомились. Я у него вторая, первая жена его умерла. Нина — это его дочка от первой жены... Ну, садись к столу... А ты, Петр Илларионыч, из каких сам краев? Чем раньше занимался?

— У меня в биографии ничего почетного нет. Неудавшийся писатель, — без скорби, почти весело стал рассказывать Мартынов. — Лет двенадцать назад написал один очеркишко, напечатали его в «Комсомольской правде», и с тех пор заболел литературой. Центнера два бумаги извел на романы — ничего путного не вышло. Пошел по газетной работе. Много ездил, спецкором был. Последний год перед приездом к вам был редактором районной газеты в Н-ской области. И там не бросал писать. Сынишка знает, что я всё почты жду, ответов из редакций, бежит, бывало, кричит: «Папка, иди скорее домой, там большое письмо принесли!». Эх, думаю, порадовал сынок! Лучше б — маленькое. Большое — значит, рукопись назад. Спасибо, один критик честно, прямо написал: «Сочинение романов не ваше, видимо, дело. Изберите себе, товарищ, другую цель в жизни». Вот избрал — другую работу. Цель-то у нас

одна у всех. Не сам избрал, предложили мне здесь перейти на партийную работу — дал согласие.

Мартынов засмеялся.

— Много раз критиковал, ругал в газетах секретарей райкомов. Интересно, как у самого получится!..

— Виду не подаю, Петр Илларионыч, — сказала Марья Сергеевна, помолчав, — а иной раз жалею, ругаю себя последними словами: зачем бросила ту работу, ушла из колхоза? Я бы с Пашей Ангелиной еще посоревновалась! Неизвестно, про кого бы теперь больше писали!.. Как вышла за Борзова, год поработала еще на тракторе и бросила. Ревновал меня к нашему бригадиру. Попусту ревновал. Нам такого назначили бригадира в женскую бригаду, выдержанного, хладнокровного — хоть молоко вози на нем на базар. Парень, правда, был красивый, богатырь, вот такой в плечах, все девчата на него заглядывались, но директор предупредил его строго-настрого! У нас директор был по фамилии Палачёв, его за одну фамилию все боялись... Приезжаю на рассвете домой с поля — на мотоцикле ездила, — дома мне допрос: «С кем ночь провела? Ты же еще вечером должна была смениться». — «С «натиком», говорю, своим провела ночь. Напарница моя заболела, пришлось за нее поработать». Идет утром в МТС, проверяет — действительно ли прошлой ночью моя напарница не работала?.. Потом купили дом, хозяйство завелось, уют, покой ему нужен, когда придет домой отдохнуть... Вот так и получилось. Прогремела Маша Громова ненадолго. Это уж я тут стала просить его: дай мне какое-нибудь дело. Послали в эту контору директором. Нашли огородницу. Я же в этих семенах ничего не смыслю. Я и дома у матери не сажала капусту. Как подросла, девчонкой еще, села на машину, только с техникой и зналась. Ну, что было, то прошло. Теперь уже мне поздно автолом, вместо румян, мазаться, — со смехом добавила Марья Сергеевна. — Разлюбит муж чумазую.

Оглядела стол.

— Чего ж я еще не подала?.. Хлеба-то и нет на столе. И чай забыла заварить. Вот хозяйка!.. Перебила я, извини, не договорил ты про себя, — вернувшись с кухни, сказала Марья Сергеевна.

— Да мне и договаривать нечего. Из газеты сюда

попал. По разверстке. Наша область — передовая. Взяли у нас, не помню, сколько всего человек, а из того района, где я работал, двух — меня и еще одного парня, инструктора райкома. Не знаю, за какие заслуги попал сюда. Одни товарищи говорили на прощанье: «Жаль с тобой расставаться, но что поделаешь — приказано лучшие кадры отобрать для отстающей соседней области». А другие говорили: «Избавляются от тебя, Мартынов, — слишком уж развел ты критику в своей газете и на конференциях резко выступаешь»... Но, в общем, не жалею, что приехал сюда. Всюду жизнь, люди...

— Трудно тебе с Борзовым?

— Трудно....

Марья Сергеевна села за стол против Мартынова, подперла рукой щеку.

— Знаешь, зачем я тебя позвала? — Ее простое веселое лицо, с добродушными веснушками и смешливыми морщинками под глазами, стало серьезным. — Продолжить тот разговор, что тогда в райкоме начала... Закусывай, Петр Илларионыч, — подвинула к нему тарелку с сыром, салатницу, хлеб. — Тебе чего налить? Я с Донщины, из тех мест, где виноградники разводят, у нас сухое вино пьют.

— Всё равно. По своему вкусу налей.

Марья Сергеевна налила два бокала белого вина.

— Объясни ты мне — что у вас с Виктором Семенычем происходит?

Мартынов ответил не сразу.

— Это разговор большой, Марья Сергеевна... Но ты же сама бываешь на пленумах, на собраниях партактива.

— Он мне говорит: Мартынов рвется к власти, авторитет в организации завоевывает, хочет выжить меня отсюда.

— Ты этому веришь?

— Нет, не верю.

— Напрасно, — усмехнулся Мартынов. — Да, я считаю, что партийная работа — не его дело. Постараюсь и в обкоме это доказать.

— Вон как...

— А что я авторитет завоевываю, рвусь к власти, — это чепуха... Да, может, сюда порекомендуют другого товарища первым секретарем? Почему бы мне не поработать здесь вторым? Очень хотелось бы поработать

с настоящим человеком, поучиться у него. Но у Борзова учиться нечему. Не обижайся, Марья Сергеевна...

Мартынов отпил из своего бокала.

— В тридцать восьмом году поженились?

— Познакомились. Поженились в тридцать девятом... Двенадцатый год живу с ним...

— Когда же вы переехали сюда с Донщины?

— Он воевал в этих краях. Был заместителем командира полка по политчасти. После освобождения области его здесь и оставили... Мы тут с ним уже в третьем районе. И всё такие районы — середка на половинке. Передовым ни один из них не стал.

— Должно быть, и в тех районах был у него этот груз на ногах — отстающие колхозы. С таким грузом высоко не взлетишь. Ты скажи, Марья Сергеевна, чего ты, собственно, хочешь? Помирить нас? Так мы с ним и не ссорились, не на базаре поругались.

— Нет, я вижу, вас не помиришь... Для себя хочу понять — о чем у вас идет спор?

— Ну, что ж... Если б не была ты бывшей Машей Громовой, может, не стал бы тебе говорить всего, что скажу. Но ты не из тех дам, у которых всё знакомство с деревней — через молочниц. Сама из колхоза вышла.

— Ого! — усмехнулась Марья Сергеевна. — Нашел даму! Сколько раз предлагала Виктору Семенычу: назначь меня в комиссию по проверке качества ремонта тракторов. Уж который трактор я приму — тысячу гектаров поднимет тебе за сезон!

— Не в том дело, что ты знаешь машины и сельское хозяйство. Я думаю, это тебе дорого, близко.

— А моя вся родня в колхозе живет. Мама, бабушка там, два брата, три сестры... До сих пор письма шлют мне колхозники из нашего района, всеми радостями и горестями делятся.

— Немножко нехорошо получается, — продолжал после большой паузы Мартынов, — что без него завели разговор о нем. Но я и в глаза ему это скажу. Да и говорил уж... Если придется тебе отчитываться за сегодняшний вечер, можешь передать ему всё слово в слово... Тебе, когда ты пожила с Борзовым, больше узнала его, никогда не приходило в голову о нем такое? Вот он волнуется, хлопочет, нажимает, чтоб зябь пахали, хлеб везли, всякие планы выполняли, а близко ли к сердцу

принимает он всё это? Что стране нужен хлеб и нужно его очень много? Что хлеб нам понадобится и в будущем году, не одним днем живем? Что если в каком-то колхозе не поднимут зябь, трудно придется там людям весною? Что за всеми нашими сводками и цифрами — хорошая или плохая жизнь людей? А может быть, он только о себе думает? Не выполним то-то и то-то — на дурном счету в обкоме будет район и он, секретарь. Пятно ляжет на его служебную репутацию.

— Страшные вещи ты говоришь, Петр Илларионыч, — ответила задумавшаяся Марья Сергеевна.

— Сама вызвала на такой разговор, теперь уж слушай... Что у нас происходит? О чем мы спорим? Мне кажется, о самом главном... Почему наш район средний? Что, все колхозы у нас средние? Если бы так, еще терпимо! Нет. Есть в районе очень богатые, крепкие колхозы и есть слабые колхозы. Вот из этих крайностей и выводим среднее. Я думаю, такой пестроты не было и в старой деревне. Конечно, были в каждом селе батраки, середняки, кулаки — разно люди жили, — но между селами в одной волости не было, не могло быть такой разницы, как сейчас: в одном колхозе — три миллиона дохода, а в другом, рядом, — триста тысяч. Земли поровну, и земля одинаковая, один климат, одно солнце светит, одна МТС машины дает, и — такая разница! Когда же мы доберемся до причин и покончим с этой пестротой? А времени прошло немало, с тех пор как мы колхозы организовали. Война была, оккупация, разорение, но и война уже давно окончилась... Виктор Семеныч не любит, когда говорят: «Отстающий колхоз», поправляет: «Отставший!». Это, мол, не хроническая болезнь, временное явление: сегодня — отстал, завтра — догонит. Но людям-то не легче от того, что мы формулировку уточнили — в тех колхозах, что «отставшие» с самого сорок третьего года?..

И как же мы вытягиваем отстающие колхозы? Да вот так — пóлы режем, рукава латаем. В прошлом году в пяти колхозах остался немолоченный хлеб в зиму в скирдах, а «Власть Советов», «Труженик», «Победа» выполняли за них поставки — и «заимообразно» и «в счет будущего года». Когда-то такие вещи называли головотяпством. Так и в передовых колхозах можно развалить дело. У лучших колхозников опускаются

руки: да что же мы, обязаны век трудиться за лодырей?.. Нет, уж пусть там, в отстающих колхозах, люди до дна испьют чашу. Плохо работали? — ну, плохо и получайте по трудодням. А рядом, во «Власти Советов», — по пять килограммов надо выдать!.. Пусть люди прочувствуют свою вину. Но и нам нужно понять наши ошибки, нашу вину. Должны же мы когда-нибудь дать в такие колхозы настоящих руководителей? Ведь всё дело в председателях! Никакие наезжие сверхчрезвычайноуполномоченные не наведут в колхозе порядка, если он без головы! Из тридцати тысяч населения в районе не выберем тридцать хороших председателей!.. Интересно получается, Марья Сергеевна, — рассмеялся вдруг Мартынов, откинулся на спинку стула, потеребил свои и без того взлохмаченные волосы. — Посылаем во все колхозы уполномоченных — на это людей у нас хватает. И живут они там месяцами, всё лето. И жизнь без них в райцентре идет своим чередом, все конторы пишут. Ну, раз мы посылаем человека уполномоченным, значит, надеемся, что он поправит дело, считаем, что он умнее председателя. Так, может, и оставить бы его в колхозе, навсегда. Тем паче, что его контора без него пишет не хуже, чем при нем?.. Между прочим, контор этих развелось у нас — пропасть! «Заготлен» и тут же рядом — «Пенькотрест». А нельзя ли их как-нибудь одной бечёвочкой связать, льняной или пеньковой?.. Так вот, говорю: на гастроли в деревню людей хватает, а на постоянную работу не подберем. И навязываем иной раз колхозникам в председатели такого проходимца, какого не следовало бы и на пушечный выстрел подпускать к общественному хозяйству!..

— Может, Борзов плохо знает кадры?..

— Так с этого нужно начинать! Искать людей! Без этого — провалимся с треском!.. И на месте, в колхозах, нужно продолжать поиски. При всех новых установках насчет специалистов с высшим и средним образованием на постах председателей никто же нам не сказал, что надо прекратить выдвижение!..

— Зимою, когда проходили у нас отчетно-выборные собрания в колхозах, я рассказал Борзову такой случай, — продолжал Мартынов. — Это было в Н-ской области, в одном районе. Я туда наезжал, когда в областной газете работал. Был там самый отстающий колхоз

«Сеятель». Уже просто не знали, что с ним делать. С десяток председателей там перебыло, и ни один не справился с работой. Дисциплина плохая, люди на работу не идут, все на базаре торгуют, урожайность низкая, на трудодни — копейки. Взяла там верх кучка рвачей-горлохватов. Обсядут нового человека — либо споят его, в какое-нибудь жульничество впутают, либо доведут до того, что бросает всё, скрывается днями от людей, ни дома не сыскать председателя, ни в конторе, где-то в поле под скирдой спит, махнул на всё рукой — работайте, как знаете!..

Едет в «Сеятель» уполномоченный — проводить очередное отчетно-выборное собрание. Секретарь райкома говорит ему: «Не знаю уж, кого им рекомендовать. Самого себя, что ли, или предрика? Нас там только еще не было. Присмотрись там получше к людям. Может, есть у них на месте подходящий парень?».

Заслушали отчет правления, сняли председателя — колхозники спрашивают уполномоченного: «Что же вы никого не привезли? За кого же будем голосовать?». Уполномоченный говорит: «Больше не будем возить вам председателей. Ваш колхоз — вам и думать о председателе». — «Так у нас некого выбирать!» — кричат. И вдруг кто-то там подал голос: «Как — некого выбирать? А вон — Степка Горшок. Чем не председатель?». Шум, смех: «Степку Горшка!» — «Степа, встань, покажись народу!». Но не все смеются. Многие колхозники всерьез предлагают: «Степана Горшкова!».

Степан сидит на передней скамейке — в опорках, одна штанина разорвана по колено, в милицейской фуражке, — когда-то уходил в город, служил там в милиции, потом вернулся опять в колхоз. Работал прицепщиком в тракторной бригаде, хорошо работал, трудодней было много, но получать-то по ним нечего было в том колхозе. А семья — больная жена да семеро детей.

«Степку Горшка!» — кричат. «Хоть горшка, хоть корыто — всё равно!» А уполномоченный прожил в том колхозе перед собранием два дня, ходил по хатам, расспрашивал уже людей про Горшкова. Начал с табелей. Видит, вдвое больше у него трудодней, чем у других колхозников. Что за человек? Никто ему ничего плохого про Горшкова не сказал — кроме того, что с виду неказист, штаны на нем худые. Так ему за колхозной рабо-

той, может, некогда было и на базар съездить... Со смехом, с шуточками дело подходит к тому, что нужно голосовать. Горшков просит слова, встает: «Товарищи, пока не поздно, не проголосовали — подумайте получше. За доверие спасибо, но всё же подумайте еще. Как бы не пришлось после пожалеть. Может, кой-кому хуже будет». И сел. Шутники не унимаются: «Не будет хуже». — «Хуже некуда!» — «Валяй, голосуй!». Проголосовали. Выбрали председателем колхоза Степана Горшкова.

На другой день приходит Горшков в правление принимать дела от старого председателя. Так же, как был одет, в опорках, только штанину зашил. Бывший председатель думал сдать дела быстро, как и сам принимал: вот тебе печать, вот подушечка для печати — садись, действуй. Степан: «Без глубокой ревизии не приму». Ему говорят: так была же ревизия перед самым отчетным собранием, три дня назад! «Вор вора проверял». Вызвал из района ревизора. Две недели копался, перевешали весь хлеб в амбарах, продукты в кладовых, сам каждую бумажку в бухгалтерии проверил, поднял дела и трехлетней давности, — в общем, так принял колхоз, что человек пять бывших правленцев и членов ревкомиссии засадил в тюрьму по закону от седьмого августа. Потом созвал бригадиров и говорит: «Довольно вам по дворам ходить, дразнить собак, зазывать на работу. Кто не хочет и в этом году остаться без хлеба — выйдет в поле без вашего приглашения». А уже в каждой семье только и разговору о том, как новый председатель дела принимал, с жуликами расправился. Думают люди: пожалуй, теперь иначе дело пойдет, будет чего получать по трудодням. Как бы не ошибиться, дома сидя. И повалили все на работу.

С тех пор колхоз пошел в гору. Хорошо вспахали, во́-время посеяли, убрали, — с урожаем, с хлебом! А когда жирок завяжется — хозяйство быстро растет! В два года «Сеятель» стал передовым колхозом в районе. Хотели было перебросить Горшкова в другой отстающий колхоз, чтоб и там наладил дело — куда там! Колхозники — ни в какую! «Не отдадим Степана Егорыча!» Послали ходоков в Москву — отстояли.

— Это очень похоже на наш колхоз, тот, где я работала трактористкой, — сказала Марья Сергеевна. — Был у нас хороший председатель, и забрали его в район, за-

ведующим сельхозотделом райкома. У нас там чуть проявит себя на работе председатель колхоза, так торопятся выдвинуть его в район. А мы через год прокатили нового председателя — при нем дело пошло хуже — и вынесли решение: избрать старого, Ивана Романовича Шульгу. Он в райкоме работает, а мы его выбрали, самосильно. Поехали с этим решением в обком — добились, вернули нам Ивана Романовича.

— Вот, вот! Из колхозов-то мы торопимся выдвигать стóящих работников. Будто наши учреждения существуют ради себя. Не рáди себя — ради колхозов! Да будь у нас во всех отделах в райкоме партии и райсовете профессора, доктора экономических наук — положение не улучшится, если в колхозах где-то останутся шляпы, пьяницы!..

— Разговорился я как-то с этим Горшковым, — продолжал Мартынов, — о его прошлой жизни, о колхозе. «У меня, говорит, сердце изболелось, глядя, как воры, проходимцы зорили наш колхоз. Я в активе ходил, когда колхоз организовывали, кулаков выселял, мне в окна стреляли, хату мою поджигали, и я же в этом колхозе дожился до того, что сапог не стало. Всякая сволочь смеется: «Вот он, тот рай зéмной, Степка, что ты нам обещал — ты уж на Адама стал похож». Сами же угробляют колхоз и еще издеваются. Эх, думаю, мне бы власть! Добрался бы я до вас!»...

К чему я рассказал про этот случай Виктору Семенычу? Да не без задней мысли. И нам надо бы поискать вот таких, у которых «сердце изболелось». А кто едет в колхоз под угрозой исключения из партии или только потому, что в райцентре ему уже больше никаких должностей не дают, — грош цена такому председателю! Ну, и что же? Рассказал ему — он и усом не повел. Поехал на другой день в колхоз «Наш путь» проводить отчетно-выборное собрание — три раза заставлял колхозников переголосовывать, пока выбрали-таки этого прохвоста Камнева, которого сейчас приходится судить за падеж скота и растрату.

Мы не всё знали про Камнева, когда обсуждали его кандидатуру на бюро. Знали, что в промкомбинате он не справился с рабóтой и на маслозаводе его сняли за самоснабжение. Товарищи говорят: это дело старое, он за это понес уже взыскание, учтет на будущее время.

Но там колхозники столько рассказали про него, что, конечно, нужно было не настаивать, извиниться перед собранием за свою ошибку и подумать о другом человеке. Он родом из соседнего села, его там все знают. Говорят: «На трибуне — соловей, на деле — ворона». Были заявления, что он партизанскую медаль обманом получил. Отрастил бороду и жил у родичей в другом районе, где его не знали, только всего и геройства. Да эвакуированным скотом барышничал. Но Борзов уперся, ничего не стал проверять. Есть решение бюро — надо проводить его в жизнь. Взял собрание измором. Райком-де недостойных людей в колхозы не посылает. Он думает, что от этого пострадает авторитет райкома, если люди где-то в чем-то нас поправят...

— Открытие сделал! — вдруг просиял Мартынов, встал и заходил по комнате. — Всё время мучил меня вопрос: почему у нас среди партактива мало добровольцев ехать в колхозы председателями? Если даже практически рассудить: чем быть мне вечно уполномоченным в селе, разрываться между своим учреждением и командировками, так пошлите уж меня председателем! И зарплату высокую установили для таких, взятых с другой работы. Секретарь райкома столько не получает, сколько в крупном колхозе при хорошем урожае может председатель заработать. И — нет охотников. Район, думаю, что ли, здесь какой-то особенный, заклятый? У нас там это не было проблемой. Догадался, наконец: Борзова боятся. Есть и здесь такие, что с удовольствием променяли бы свою канцелярию на живую работу в колхозе, но — его боятся. Боятся: что ни сделают хорошего, всё пойдет насмарку. Он тебя и группой урожайности подрежет и выговор ни за что влепит, — за то, что в проливной дождь комбайны не работали. Нет хуже для председателя колхоза, когда он не уверен, что ругать его будут лишь за дело, а помогать по-настоящему, что в своей трудной работе, где не раз, конечно, и ошибешься, он не станет жертвой произвола, самодурства... В общем, можно сделать вывод: если где-то жалуются, что лишь в порядке партийной дисциплины удается послать человека в колхоз на должность председателя, — ищи причину в самом райкоме. Может, спросишь: откуда я знаю психологию председателя? Так я же сам был председателем колхоза три года, забыл рассказать.

Там и очерк свой написал. Меня тоже «выдвинули». «О, так у нас, говорят, есть свой писатель!» — и назначили меня заведующим типографией райгазеты. Оттуда и пошел по газетам.

— От твоих открытий, Петр Илларионыч, я сегодня, кажется, всю ночь не буду спать, — сказала Марья Сергеевна. — Я вот думаю, между прочим, — добавила она с невеселой усмешкой, — за что он меня полюбил? Я и девушкой не была красавицей. Мода тогда пошла такая: на знаменитых стахановках жениться. У нас и предрика женился на простой девушке, звеньевой, из первых орденоносцев, про нее тоже во всех газетах писали...

— Ну, это уж я не знаю, как у вас было, — ответил Мартынов. — Тут я тебе вряд ли помогу сделать правильные выводы.

Закурил, сел, попросил Марью Сергеевну налить ему чаю.

— Любое живое дело можно загубить, если делать его равнодушными руками, с холодной душой, — продолжал он. — Вот нам сейчас подсказали: выдвигайте в председатели колхозов специалистов сельского хозяйства, агрономов, зоотехников. Правильно! Давно пора! Ведь что получается. В промышленности, на заводах начальник цеха — обязательно инженер, не говоря уж о директоре завода. Там кадры учат, основательно подготавливают. А ведь иной колхоз — тот же завод, по объему работы: громадное полеводство, тысячи гектаров, животноводство, всякие подсобные отрасли, строительство оросительных систем, лесонасаждение. И всё на самородках выезжаем. У лучшего нашего председателя, Демьяна Васильича Опёнкина, образование — три класса церковно-приходской школы. Учим мы председателей? Да, учим. Есть вот областная школа председателей колхозов, трехгодичная. Дали нам на район два места, послали двух человек. Пока всех председателей пропустим через эту школу, пятьдесят лет пройдет. Конечно, нужно побольше выдвигать агрономов на руководящие посты в колхозы. Рано или поздно к тому придем, что и бригадиры у нас будут все агрономы. Но как это сейчас делается у нас?..

У Борзова на столе лежит разнарядка, послать восемь агрономов в колхозы председателями. Есть, послать! А кого послать, как послать — это его не очень волнует.

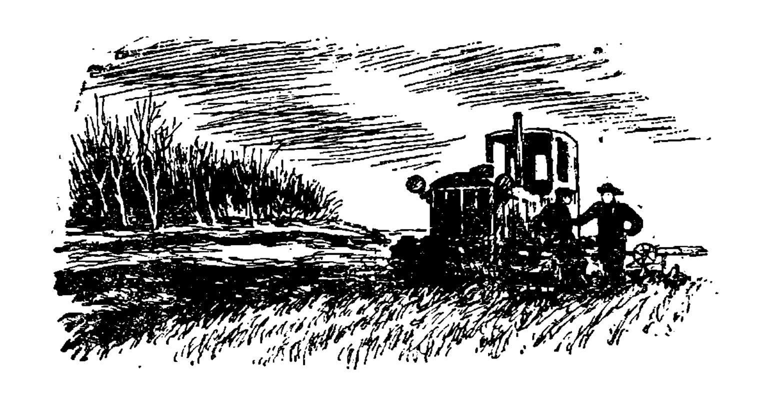
Лишь бы выполнить в срок задание по количеству и отчитаться перед обкомом. Но ведь агроному, чтобы он справился с обязанностями председателя, нужно, кроме диплома, иметь и талант организатора. Он должен быть вожаком, массовиком, воспитателем народа. А в первую голову — должен быть готов послужить верой и правдой советской власти на очень трудном посту!.. А мы вот послали в отстающий колхоз Аксенова. Двадцать лет просидел человек в конторе сельхозснаба, — не по специальности, счетоводом, наряды какие-то выписывал, должно быть, уже и позабыл всю ту агротехнику, что учил в институте. От трудностей колхозного строительства спасался там. Чего же хорошего дождемся от этого трухляка? Но для отчета перед обкомом он годится: диплом о высшем агрономическом образовании имеет...

А от таких — много ли проку? Если парень поступил в сельскохозяйственный институт только потому, что не прошел по конкурсу в институт кинематографии, и вся его колхозная практика — выезды на уборочную в колхозы на каникулах? Мы и таких двух агрономов послали в колхозы. Но ребята мне понравились. Комсомольцы, не робеют. Много задору, свежий взгляд на такие вещи, к которым мы уж притерпелись, искренне удивляются, почему мы до сих пор, при нашей передовой науке, при нашей механизации, не берем урожаи пудов по двести хотя бы с гектара?.. Если помочь им — может быть, дело у них пойдет. Но если с первого дня начать стучать кулаком по столу: «Вы же — специалисты! Вы больше других председателей знаете! Я с вас три шкуры спущу!» — не знаю, как оно с ними получится...

Очерку нет пока продолжения, так как пишется он почти с натуры. Он, может быть, вырастет и в повесть, но для этого необходимо развитие событий в жизни. Я встречаю таких людей, слышу такие споры, как у Мартынова с Борзовым, в одном районе.

Какие решения примет обком об этом районе, как пойдут там дела дальше, как повернутся личные судьбы людей, представленных читателю в этих первых главах очерка, — это всё нужно еще понаблюдать в жизни. Возможно, это и будет содержанием следующих глав.

1952 г.

II. НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

1

Был один из последних дней осени, — может быть, последний день.

Вчера и позавчера еще показывалось солнце. В затишке, в балках, на крутых склонах, где косые лучи падали отвесно к земле, чуть даже пригревало. Зеленая озимь, слегка присушенная утренниками, еще тянулась к солнцу. В голых рощах щебетали птицы — запоздалые перелетные стайки щеглов, зябликов. Хрупкий стрельчатый ледок у берегов речек к полудню бесследно растаивал. Еще носилась в воздухе паутина, кружились над бурьянами какие-то мошки. К ветровому стеклу машины прибило даже бабочку.

А сегодня с утра подул резкий северный ветер. Всё замерло в полях и рощах, — ни птичьего голоса, ни пастушьего окрика. Лишь мыши-полевки сновали в сухой траве, торопясь натащить в свои норы побольше корму. Тяжелые тучи низко стлались над землею. Вот-вот повалит снег, закружит его метелью по полям, ударят морозы...

На краю недопаханного загона стоял гусеничный трактор «натик», как его называют ласкательно трактористы, возле него — два человека.

— Подверни к ним, — сказал Мартынов шоферу.

«Победа» съехала с дороги на жнивье, остановилась.

— Здорово, «седовцы»! — сказал Мартынов, выйдя из машины.

Два молодых парня, тракторист и прицепщик, грелись с подветренного бока трактора, возле не остывшего еще мотора.

— Здравствуйте...

— Почему мы седовцы, товарищ Мартынов? — спросил тракторист, круглолицый, невысокого роста парень, с плутоватыми черными глазами, Костя Ершов.

— Ваш трактор похож сейчас на ледокол в Арктике. Затрет его льдинами, и останетесь здесь на зимовку.

— Пятнадцать гектаров нужно допахать, — сказал Ершов. — Все машины ушли уже в МТС, одни мы вот с Кузьмой страдаем тут.

— А почему стоите?

— Горючее кончилось. Развозку ждем. Мы уж давали сигнал. — Тракторист поднял с земли длинную жердь-веху с насаженным на конец снопом сухого бурьяна. — Вон выезжает из села.

— А я думал, скажешь: ждем, пока мотор остынет, карбюратор будем перетягивать, — сказал Мартынов. — Помнишь, на уборке проса я к вам приезжал?

— Помню, — вильнул глазами в сторону Ершов. — То я тогда пошутковал.

— Испытывал секретаря райкома, понимает ли он чего-нибудь в технике?..

Мартынов прошел по пахоте, нагнулся, порылся в борозде, и теплое чувство, с которым он подъехал к этим «зимовщикам», допахивавшим последние гектары в последние часы перед снегопадом, вдруг исчезло.

— Подо что пашете? — спросил он.

— Не знаем, товарищ секретарь, — пожал плечами, улыбаясь, тракторист. — Наше дело маленькое. Скажут: паши — пашем, боронуй — боронуем. А что́ тут будет колхоз сеять — то уж ихнее дело.

— Ты разве не колхозник?

— Колхозник.

— Как же ты не интересуешься своим хозяйством? Не знаешь, что́ будете здесь сеять?.. И ты не знаешь? — обернулся Мартынов к прицепщику.

— Знаю, — ответил прицепщик Кузьма Ладыгин. —

И он знает. Чего зря болтаешь, Костя? Было сказано председателем: под свеклу пойдет эта земля.

— Под свеклу?.. Что же вы делаете? Нужно на тридцать сантиметров, а тут, — Мартынов еще раз нагнулся над бороздой, смерил пальцами глубину, — пятнадцать сантиметров, не больше.

— Я уж ему говорил, — сердито поглядел на улыбавшегося тракториста Ладыгин. — У него батька кузнец, а мать доярка, в поле не ходят. А у меня мать и сестренка на свекле работают. Может, как раз им тут и участок отведут. Заработают сахару — на два раза семейством чаю попить. Полны руки мозолей тут заработают, больше ничего!..

Тракторист молчал. Улыбка сходила с его круглого, толстощекого, загорелого лица.

— Как же ты, Ершов, так рискуешь? Ведь будут принимать участок, забракуют, заставят перепахать — горючее за твой счет?.. — Мартынов оглядел загон. — То вчера пахал? Там, видно, глубже. А это сегодня, с утра? Поелозил плугом.

— Он вот на что рассчитывал, Петр Илларионыч, — подошел шофёр к Мартынову, указал рукой на тучи. — На снежок.

— Не успеют принять твою пахоту — пойдет снег, закроет все грехи?..

— Машина не тянет, товарищ секретарь, — стал оправдываться тракторист, — компрессии нет. Сколько уж работаю без ремонта!

— Вчера еще тянула, сегодня не тянет?..

Ершов сдвинул шапку на лоб, поскреб затылок.

— А зачем глубоко пахать, товарищ секретарь? Мы вот читали давеча в газете: один лауреат в Сибири совсем без пахоты сеет и хорошие урожаи собирает.

— Мальцев?.. — Мартынов пристально поглядел на тракториста: дурака валяет или в самом деле так извращенно понял агротехнику уральского колхозника-ученого Терентия Мальцева? — Во-первых, Мальцев не совсем без пахоты сеет. Не ежегодно, но пашет. И когда пашет, то глубоко, сантиметров на пятьдесят. Во-вторых, что́ он сеет на непаханом поле? Пшеницу, ячмень. А здесь будет свекла. Корнеплоды. Им нужна рыхлая почва. И у нас, Ершов, кой-какие поля можно не пахать. Хорошее свекловище, например. Чистое поле, сорняков нет, об-

рабатывали его культиваторами — тот же черный пар. Зачем его весною перепахивать? Забороии, и сей пшеницу. Где не нужно, не паши совсем. А где нужно — паши как следует.

— Это мне-то говорите: не паши совсем? Ого! Да какие же я на это права имею?..

— Ты хозяин этих полей. Ты же колхозник.

— Хозяин?.. — Ершов порылся в кармане, достал щепоть табаку и обрывок газеты, свернул толстую, в палец, цыгарку, закурил. — Вон в колхозе «Новая пятилетка» бригадир Терещенко посеял в прошлом году наволоком по свекловищу тридцать гектаров и — судили человека. А урожай вышел — двадцать пять центнеров. А где перепахали свекловище — по десять. Стали убирать, колхозники говорят: «Подавай, Никита, на пересуждение». Подал, да что-то не слыхать до сих пор — оправдался ли? Вот так-то всыпают нашему брату, хозяевам!..

Мартынов внимательно выслушал тракториста.

— Пойдем-ка вон туда под скирду, посидим, поговорим. Там теплее.

Тракторист, прицепщик, шофёр и Мартынов сели в затишке на соломе.

— Послушай, Ершов... Неужели ты не заинтересован в том, чтобы ваш колхоз собирал высокие урожаи?

— Почему не заинтересован? Заинтересован...

— Зачем же безобразничаешь?..

Тракторист молчал.

— Да от свеклы-то ему интересу мало, ее по трудодням не дают, — сказал шофёр. — А вот вы спросите, Петр Илларионыч, про хлеб. Какую пшеницу ему выгоднее убирать, где десять, скажем, центнеров или где тридцать?

Ершов ухмыльнулся.

— Конечно, где десять центнеров — выгоднее.

— Ну-ка, объясни, почему?

— А тут и объяснять нечего. Неграмотная бабка поймет... Комбайнер от умолота получает, а я — тракторист, таскаю комбайн, мое дело гектары вырабатывать. На редком хлебе комбайн лучше работает, пошел и пошел без задержки! Перевыполняю норму, прогрессивку мне начисляют. А как заехали на такой участок, где тридцать центнеров, пшеница стеною стоит, комбайн на полный хедер не берет — вот тут и завязли! Полнормы не выра-

ботаешь. Да и пережог горючего. Да если еще дождики, поляжет хлеб. Труба!..

— Да-а, — протянул Мартынов. — Десять выгоднее убирать, чем тридцать. Интересно... А пять еще выгоднее?

— Как сказать... Оно-то нам разный минимум установлен. И по два и по три килограмма на трудодень дают. Хороший хлеб — по три, похуже — по два. Так на плохом хлебе я больше трудодней заработаю. Опять же так на так и выйдет.

— Рассчитал?

— Рассчитал! — усмехнулся шофёр. — Юрист!..

— Оно, если разобраться как следует, — сказал прицепщик Ладыгин, — так и комбайнеру невыгодно очень хороший урожай убирать. На среднем хлебе он за то же время больше зерна намолотит.

— Факт! — подтвердил шофёр. — На среднем хлебе у него всё нормально идет, никаких задержек, а где тридцать центнеров, молотилка не перерабатывает — поломки да простои.

Мартынов долго молчал и вдруг крепко, с непечатным загибом, выругался.

— Дошло, Петр Илларионыч? — спросил шофёр.

— Дошло, — ответил Мартынов. — И раньше об этом знал, но как-то не доходило до сердца. Куда же мы едем? Что это за организация труда, при которой трактористу невыгодно выращивать высокие урожаи? В Министерстве сельского хозяйства думают об этом? Тысячи специалистов изучают колхозную жизнь. Сколько диссертаций написали, брошюр выпустили об организации труда в МТС и колхозах!.. Погоди, Ершов, давай уж проверим всё до конца. Неужели так-таки нет у вас никакой заинтересованности в урожае? Два-три килограмма зерна на трудодень — это ваш гарантированный минимум, это вы получаете при любых обстоятельствах. Но если в колхозе вышло больше, по четыре-пять килограммов — и вам дадут по столько же.

Ершов и прицепщик Ладыгин засмеялись.

— Чего смеетесь?

— А было ли, товарищ Мартынов, в нашем районе за всё время после войны, — сказал Ершов, — чтоб дали в каком-то колхозе по пять килограммов?

— При Борзове у нас все колхозы под одну гребенку

причесывали, — сказал Ладыгин. — Где и двадцать центнеров урожай, так заставят за отстающих выполнять хлебопоставки. Что же вы, не работали с Борзовым, не знаете? Вот мы, прицепщики и трактористы, и не верим теперь, что можно больше минимума получить.

— А вот на Кубани, Петр Илларионыч, — повернулся к Мартынову шофёр, — иначе дело поставлено. Брат мой там учительствует. Часто мне пишет. Ни колхозы на МТС не обижаются за их работу, ни трактористы на колхозы — за обслуживание. Как-то согласованно у них идет. Вот там-то верят трактористы, что можно больше минимума получить! И по пяти и по шести килограммов на трудодень дают в колхозах. Кадры, что ли, там лучше?

— А может, Василий Иваныч, — ответил Мартынов, — и на Кубани еще больше бы урожаи собирали, если б иначе оплату труда трактористов организовать?.. Что — Кубань? А у нас, в средней полосе, мало разве хороших МТС и колхозов? Но надо, чтоб они все стали хорошими!

...Подъехала горючевозка. Ершов с прицепщиком заправили баки, запустили мотор, установили плуг на нужную глубину. Машина не тяжело тянула плуг, мотор работал даже не на полный газ. Мартынов зло поглядел на тракториста.

— Нет, Ершов, не прощу тебе этого! — крикнул он, идя по жнивью рядом с трактором. — Совесть, брат, всё же нужно иметь! Пришлю сюда председателя колхоза. Пусть составит акт. Не успеешь перепахать — трудодни спишут.

Ершов сделал вид, будто запорошило глаз, отвернулся, стал вытирать вспотевшее лицо черным, как его замасленная стеганка, платком.

С неспокойной душой ехал Мартынов дальше по опустевшим, притихшим, ожидавшим с часу на час зимы полям.

«Что ж это, стоять над каждым трактористом? — думал он. — Ковыряться в бороздах, проверять «компрессию», заглублять плуги? Нет, так дело не пойдет. Таких Ершовых ничем, видимо, кроме рубля и килограмма, не прошибешь... А ведь это передний край — машинно-трак-

торные станции! Здесь урожай делается! От одного тракториста зависят судьбы сотен людей. Он может и завалить зерном амбары, может и без хлеба оставить колхозников. Как ни удобряй, ни подкармливай, а вот такой «юрист» вспашет тебе — не вспашет, поцарапает почву — ну и жди урожая с этого поля! От козла молока!..

«Конечно, нельзя рассчитывать лишь на совесть. Не с ангелами имеем дело — с людьми. Надо воспитывать механизаторов. Крепко придется с ними поработать. Но надо и систему оплаты труда перестраивать. Как перестраивать? Подумать надо. Неужели нельзя найти такие формы — чем выше урожай, тем больше все получат по трудодням?.. Надо написать в обком. Не любят у нас в обкоме тревожных писем. Скажут: растерялся молодой секретарь. Другие работали при этих же порядках, а ему, вишь, подавай какие-то реорганизации...

«А вот это я ему, Ершову, глупость сказал. «Где лучше бы не пахать — не паши совсем». Кому сказал? Рядовому трактористу. Не всякий и председатель колхоза решится на такую «самодеятельность»... У нас — свекловища, а на юге вот больной вопрос с площадями из-под кукурузы, подсолнухов. Так называемый зеленый пар. Умный хлебороб никогда не перепахивал «зеленый пар», хорошо обработанный, конечно. Уничтожены сорняки, задержана влага, не нужно эту почву больше тревожить. Уберет бодылки, очистит поле, пустит боронку и сеет пшеницу. В любой год будет выше урожай, а в засушливый — вдвое выше, чем по зяби. Но попробуй-ка сейчас председатель колхоза посеять по зеленым парам «наволоком»! Не успеет еще взойти пшеница, еще неизвестно, кто прав, этот ли председатель, старый опытный хлебороб, или те канцеляристы, что посевные инструкции сочиняли, а у прокурора уже «дело» на него — за нарушение обязательной агротехники. Точно так, как с этим бригадиром, что Ершов говорил. Если мы, районные организации, простим «нарушителю» — нас взгреют. Посмотрят по сводке — сев на сто процентов, а план techно-вспашки не выполнен. «Каким же вы чудом посеяли? Что-то у вас, друзья, концы с концами не сходятся... А ну, подать сюда Ляпкиных-Тяпкиных!»

«Иногда мы так уж подробно расписываем в своих инструкциях и резолюциях: когда сеять, как сеять, как убирать, точно боимся, что колхозники без наших указа-

ний не смогут и лошадь правильно в телегу запрячь. Будто не с хлеборобами имеем дело. Себя тратим на мелочи и разумную инициативу людей сковываем. Если не верим в способности председателя колхоза или директора МТС — не нужно держать таких в руководстве. Сельское хозяйство требует гибкости ума, смелости, находчивости. Здесь, как в бою, приходится прямо на поле принимать решения. Год на год не похож. Заранее, из кабинетов, всего не предусмотришь. То ранняя весна, то поздняя, то засуха, то дожди заливают. Вот, скажем, затяжные дожди срывают уборку. Попробуй пустить жатки на участки, закрепленные за комбайнами! «Антимеханизаторские настроения!» Хотя всем ясно, что в такую погоду нужно бросать всё — не только жатки, и косы, и серпы — на спасение урожая.

«У нас не так, как в промышленности: закончен рабочий день и можно итоги подвести, продукция налицо. Хлебороб целый год работает, пока сможет свою продукцию показать. В деревне цыплят по осени считают. И надо бы не торопиться объявлять нам выговора за «нарушения». Терпеливее бы надо относиться к таким «нарушениям», когда люди хотят сделать лучше, чем предписано. Надо ругать или благодарить за урожай, а не за одну какую-то выхваченную из целого сельскохозяйственного года «кампанию...»

«Самый страшный враг у нас сегодня — формализм, — думал Мартынов, откинув голову на спинку сиденья, закрыв глаза. — Эх, брат, Петр Илларионыч! Если хочешь по-настоящему поработать в этом районе, а не поденщину отбыть — трудно тебе придется! Много у этого самого формализма разветвлений. Не раз схватишься с этим врагом врукопашную... Формально руководить — отстающие колхозы не вытянешь. Напиши хоть сотню резолюций: «указать», «обязать», «предложить». Мелочным опекунством не заменишь настоящей заинтересованности колхозников в хорошей работе... А судьбы колхозного урожая — в руках механизаторов. Но им, оказывается, выгоднее вырастить десять центнеров, чем тридцать. Вот задачка, которую нужно решить! Вот где узел! Отсюда надо начинать распутывать. Собрать бы коммунистов-механизаторов в райком, поговорить с ними...»

— Дремлете, Петр Илларионыч? — спросил шофёр.

— Нет, — открыл глаза Мартынов. — Так, задумался...

— Снег идет.

Мартынов приоткрыл окно, чтобы выбросить погасший окурок. В щель со свистом ворвался ветер. В полях потемнело. Снег валил крупными хлопьями.

— Рассчитал Костя, химик! — сказал шофёр. У него было два слова, которыми он определял высшую степень человеческой хитрости: «юрист» и «химик». — В точку! К утру всю землю забелит, никто уж не будет в его бороздах копаться.

— Нет, Василий Иваныч, — ответил, помолчав, Мартынов. — То, чего мы не доделаем, никакой снег не забелит. Ни снег, ни бумажки-сводки. Придет лето — урожай покажет, как мы поработали.

— Правильно, Петр Илларионыч! Бабы говорят: толкач муку покажет.

— То-то и оно!

Шофёр включил свет. «Победа» неслась по глухому проселку, сверкая фарами, пугая рано вставших с лежки, ошалевших от внезапной перемены погоды, первый раз в жизни увидевших снег молодых зайцев и укрывшихся от ветра в кусты у обочин дороги куропаток.

2

Даже при полной механизации будут, вероятно, такие недели и месяцы в году, когда по проселочным дорогам ни на чем, кроме обыкновенных саней, не проедешь. Снегоочистители будут работать на главных асфальтированных шоссе, но не пустишь же их по всем «зимнякам», проложенным от села к селу напрямую через замерзшие речки, болотистые луга, овраги.

Метель поднялась еще днем, а сейчас было уже около девяти. Стояли безлунные ночи, в белесоватом мраке вокруг — ни одного черного пятна, ни дерева, ни телеграфного столба. Дорогу замело, править вожжами было бесполезно. Умная старая лошадь сама сворачивала то влево, то вправо, когда в сугробах под ее ногами терялся твердый накат дороги.

Мартынову и директору Семидубовской МТС Глотову благоразумнее было бы, конечно, после собрания в колхозе остаться и заночевать. Но теперь поздно было ис-

кать виноватого, кто первый сказал: «Едем!». Теперь уж надо было добираться домой.

— Но, но, Мальчик! — помахал кнутом Глотов.

— Этому Мальчику, должно быть, много лет, — сказал Мартынов.

— Что? — не расслышал Глотов за свистом ветра.

— Ваш Мальчик уже, вероятно, в преклонном возрасте! — прокричал ему в лицо Мартынов.

— Человек в двадцать лет — юноша. А у лошадей свой счет, — ответил Глотов. — Но, но! Пошевеливай!

Сани двигались по рыхлому глубокому снегу натужно, толчками. Оба сидели боком к ветру.

— А еще был у нас, в том районе, где я работал, такой председатель Тихон Петрович Глущенко. — Мартынов придвинулся ближе к Глотову, продолжая разговор, прерванный при переезде через замерзшую реку Сейм, где им пришлось для облегчения саней подняться на крутую гору пешком. — Работал он, этот Глущенко, когда-то секретарем райкома — не получилось у него, не справился с районом. Послали его директором МТС. С неохотой пошел. И там ничего видного не сделал. Так себе, средняя была МТС. Потом послали его председателем в крупный колхоз, самый отстающий. Отбивался, не хотел, чуть из партии его не исключили. Ну — пошел. И там-то он рванул! За два года сделал колхоз самым богатым в районе. Но знаешь, с чего он начал, этот Тихон Петрович?

Глотов что-то невнятно пробурчал в воротник тулупа.

— Начал с того, что строго-настрого запретил всем бригадирам и колхозному агротехнику принимать без него от МТС хотя бы гектар пахоты. «Я, говорит, знаю этих бракоделов! Сам буду проверять качество!» В первое же лето урожай у него — вдвое выше против прежнего. С этого и пошли жить. Колхозники прямо на руках его носили. А в соседних колхозах — ругали на чем свет стоит! «Чего ж ты, когда сам был директором, не пахал, не сеял всем колхозам так, как теперь требуешь от МТС?» Вот какие дела, товарищ Глотов. А?.. Покурим, что ли? Доставай, у меня кончились папиросы.

Тяжело одетый Глотов, с трудом ворочаясь, отвернул полы тулупа и ватного пальто, достал из кармана пиджака пачку «Севера». Скинув рукавицы, обжигая голые

руки на ветру, закурили, истратив чуть не коробку спичек.

— Может, и тебя послать председателем колхоза? А? Хотя бы на время? Чтоб полюбовался на свою работу со стороны? Так сказать, для самокритики снизу?..

— Не хватит директоров на все колхозы, — ответил Глотов. — МТС у нас в районе — три, а колхозов — тридцать.

— А папиросы ты куришь не директорские, — заметил Мартынов. — Хотя, что ж, по урожаю и папиросы. «Казбек» тебе даже неприлично было бы курить перед колхозниками. Не заработал.

Глотов опять что-то невнятно проворчал.

— Шутки шутками, Иван Трофимыч, — продолжал после большой паузы Мартынов, — но как же всё-таки заставить вас, директоров МТС, болеть за урожай?

— А мы разве не болеем за него?

— За выработку вы больше болеете, чёрт бы вас побрал, а не за урожай! Гектары ради гектаров. Всё равно, как если бы мы стали оценивать работу какого-то завода по количеству оборотов станков. В этом году, мол, станки сделали вдвое больше оборотов, чем в прошлом, значит, завод вдвое лучше работал. А что́ обороты? Наплевать на обороты! Давай продукцию!

Глотов повернулся к Мартынову:

— В открытую дверь ломишься, Петр Илларионыч. Давно уж это всё решено.

— Что решено?

— С нас уже не только выработку спрашивают, но и урожай.

— Как спрашивают? «Ай-яй-яй, как вам не стыдно, какие вы нехорошие, низкий урожай вырастили!» Так? Это не спрос.

— А новые правила для участников сельскохозяйственной выставки? Теперь МТС за одни мягкие гектары на выставку не попадет. И урожай будет учитываться.

— Ну, выставка, конечно, — дело большое. А чем ты материально отвечаешь за плохой урожай? И что́ выигрываешь от хорошего урожая?.. «Всё решено». Ничего, брат, еще не решено!.. Да ты вперед смотри, раз уж сел за кучера. Метет как! Не велико удовольствие — в поле заночевать. Хоть бы к какой-нибудь скирде прибиться.

Глотов потыкал кнутовищем в снег возле полоза:

— Доро́га.

— Спокойный ты человек, Иван Трофимыч, — опять заговорил уже сердитым тоном Мартынов. — Три дня драили тебя на колхозных собраниях за невыполнение договоров, а с тебя — как с гуся вода!

— Меня драили, и я драил, — ответил Глотов. — И мне, бывало, горючее не подвозили во́-время, прицепщиков не выделяли, трактористов плохо кормили.

— Ты не выполнял свои обязательства, колхозы не выполняли — квиты? На том и помирились? А кто же должен взять верх в этом споре? Ты — представитель государственных интересов в деревне!..

Сани заехали в балку, где снегу намело метра в полтора. Лошадь остановилась.

— Не погоняй, пусть отдохнет, — сказал Мартынов и соскочил с саней.

Утопая по пояс в снегу, зашел наперед лошади, поправил перекосившиеся оглобли, ощупал гужи, хомут и — рассмеялся:

— Что это у вас за механизация?

— А что?

— Хомут, вместо супони, болтом с гайкой стянули. Да еще — с контргайкой.

— У нас в МТС легче железку найти, чем кусок ремня.

— А кормите коня не стружками железными вместо сена? Что-то он уже не хочет нас везти.

— Довезет. Немного осталось... Пошевеливай, Мальчик!

Выехали из сугробов на косогор, где снег сдувало ветром, поднялись выше на гребень перевала. Впереди близко показались огни — городок в степи, усадьба МТС.

— Приехали!

— Не совсем приехали. На усадьбу приехали. Хочешь — ночуй здесь, в конторе, хочешь — поедем ко мне в село, еще три километра.

— Подворачивай к общежитию трактористов. Погреемся.

Из распахнувшейся двери повалил клубами пар. С крыльца сбежал парень, в нижней рубахе, босиком, зачерпнул ведром чистого снега из сугроба, увидев подъехавшие сани, задержался на ступеньках, приложил руку

козырьком ко лбу — со света ему не видно было, кто приехал.

— Здесь гостиница Семидубовской МТС? — спросил Мартынов, вылезая из саней.— Есть свободные номера?

— Есть, есть, товарищ Мартынов! — быстро подхватил шутку тракторист, узнав в приехавших секретаря райкома и директора МТС. — С ванной, с парикмахерской, с рестораном!

Мартынов и Глотов вошли в дом.

— Свободные номера вижу,— сказал Мартынов, оглядев нары. — А где же ресторан?

— А вот, — указал тракторист на печку, где кипело что-то в больших чугунах. — Картошку варим и печем, в разных видах. Воды не хватило, снегу подсыпаем. Через десять минут будет готово.

В большой комнате было жарко натоплено. В ней размещалось на двухэтажных нарах человек двадцать трактористов. Все работали на зимнем ремонте машин. Домой идти далеко, — оставались ночевать здесь же, при мастерской. В общежитии густо пахло керосином, соляркой, пригорелой картошкой, стиральным мылом.

— Ох, не хочется дальше ехать! — сказал Мартынов, сбросив тулуп и усевшись на нары возле жарко пылавшей печки. — Здесь бы и поспать.

— Оставайтесь, товарищ секретарь, — заговорили трактористы. — Место найдем.

— Сегодня не все в сборе, трое пошли в деревню за харчами. Вот — ихние купе.

— Матрацики у нас, правда, грязноватые...

— На тулупе можно поспать.

— Насчет клопов или какого прочего насекомого не сомневайтесь. Они нашего горюче-смазочного духу не выдерживают.

— Поужинаете с нами.

— И чайком угостим. Вскипел, повара́?

— Вскипел. Мойте чашки.

Мартынов взглянул на Глотова:

— Позвони к себе домой из конторы, что задержимся тут. А то еще жена твоя подумает, что метелью нас где-то занесло.

Трактористы сдвинули два стола, застелили их газетами, расставили посуду, нарезали хлеба:

— Присаживайтесь, товарищ Мартынов! Товарищ директор! С дороги горяченького!

...Перевалило за полночь, поужинали, попили чаю, в печке прогорело и погасло, а Мартынов всё еще разговаривал с трактористами. Кто сидел на нарах, кто, по степной привычке — садись, на чем стоишь, — на корточках перед ним или прямо на полу. Один лишь Глотов дремал, полулежа на нарах, привалившись головой к стене.

За год работы в районе Мартынов знал уже всех бригадиров тракторных отрядов и многих трактористов. Был среди ремонтников молодой бригадир Егор Афанасьевич Маслов, получивший в прошлом году районное переходящее знамя. Колхозники и трактористы уважали его за строгость, требовательность, большие технические знания, но звали Егором Афанасьевичем лишь в глаза, а за глаза — Юрчиком: очень уж молод он был, лет двадцати двух, румяный, кареглазый, чернобровый. Был здесь бригадир Николай Петрович Бережной, работавший в Семидубовской МТС со дня ее основания, капитан запаса. Был тракторист Василий Шатохин, «наш Маресьев», как звали его ребята, инвалид на протезе. Были отец и сын Григорьевы, оба трактористы. Был горючевоз Бережного семидесятилетний старик Тихон Андроныч Ступаков, и зимою не расстававшийся с трактористами, помогавший им на ремонте. Когда Мартынов с Глотовым вошли, Ступаков достирывал рубахи в тазу, сделанном из старого топливного бака. После ужина, развесив мокрые рубахи над печкой, и он присоединился к общей беседе, сел возле Мартынова на перевернутый таз.

— Как дела, Андроныч? — спросил его Мартынов. — Компрессия как?

— Да ничего, товарищ Мартынов.

— Кольца не пропускают?

— Пока нет... А у вас?

Трактористы засмеялись.

— Почему — у меня?

— Да вот выбрали вас первым секретарем. Как оно? Тяжеленько?

— Тяжеленько.

— В подручных легче было ходить, конечно.
— С вашей помощью, думаю, справлюсь.
— У деда — задир цилиндра, — сказал Шатохин.
— Как задир цилиндра?
— Да вот было у нас вчера вечером политзанятие, изучали книгу товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Так он как загнул! «А чего, говорит, с этими двумя собственностями канителиться? Переводи сразу всё на совхозы!»
— Ну-у? — Мартынов удивленно, с интересом поглядел на старика. — Чего это тебе, Андроныч, захотелось в совхоз?
— Не одному мне.
— Больше пока ни от кого не слыхал.
— А разве вы всё слышите, что люди думают? Думают про себя и помалкивают.
— Может быть... Ну-ну, почему же — в совхоз?
— Так там лучше, товарищ Мартынов. Твердая зарплата. А в колхозе не знаешь наперед, чтó на трудодень получишь.
— Ну, положим, не во всех колхозах не знают люди наперед, чтó получат, — сказал Мартынов. — Во многих колхозах доход уже устоялся. Знают, что меньше не будет, чем в прошлые годы. А больше — может быть, потому что хозяйство растет.
— А ты, дед, знаешь совхозские порядки? — спросил Григорьев-отец. — Работал в совхозе?
— О-о! — махнул рукой старик. — Где я только не работал! И в совхозе «Гигант» в Сальских степях работал, и на Каспийском море нефть добывал, и в Донбассе шахты откачивал. Помотался по белу свету.
— Чего ж вернулся сюда?
— На родину вернулся... Под конец жизни, должно быть, каждого человека на родину тянет.
— Обмёр дед...
— Обмёр?
— Да, один я остался. Три сына погибли на фронте. Старуху давно похоронил. Дочка замужем в Саратове... Вот с ребятами коротаю время. Помогаю им. Имел дело с машинами, немного смыслю в технике. Разобрать там чего, собрать, помыть, почистить, на место прикрутить. Тут мой и дом — с ними...

— Деда бы можно уже и в рулевые зачислить, да по теории слабоват, экзамен не сдаст, — сказал Шатохин.

— И чего вы такие прилипчивые? — оглядел сердито старик трактористов. — Ежели чего скажешь не так, как написано, а от своего соображения, так — загнул! Задир цилиндра!.. Я им вот чего доказывал, Ларионыч. Повидал я на своем веку всяких начальников, и директоров, и председателей. В совхозе от плохого директора вреда народу всё же меньше, чем в колхозе от плохого председателя. Там, что бы ни было, рабочий свою зарплату получит. Сделал столько-то — получай столько-то денег, иди в магазин, покупай за эти деньги хлеб, крупу, масло — чего тебе желательно. Задержала контора зарплату — на то суд есть, профсоюз, защита рабочему человеку. А в колхозе — что посеешь, то и пожнешь. Попадется в председатели какой-нибудь обалдуй, растяпа — он и хозяйство в разор введет и людей без хлеба оставит, да не на один год.

— Действительно загибаешь, Андроныч, — ответил Мартынов. — «От плохого директора меньше вреда, чем от плохого председателя». Это не решение вопроса. Надо, чтобы не было ни плохих директоров, ни плохих председателей!

— Тебе ж разъясняли, Андроныч, — вступил в разговор Юрчик Маслов, — что колхозная собственность есть социалистическая собственность. Нельзя ее отбирать у колхозов, как отбирали фабрики и заводы у капиталистов.

— Это ты об этой самой кспро...привации?

— Об экспроприации.

— А может быть, нам не жалко с этой собственностью расстаться? Ежели нам самим не жалко отдать ее в государство — чего ж сомневаться?

— Тебе не жалко, а другим, может, жалко. Не равняй всех по своему сознанию.

— Да переболело уже у всех! Много воды утекло! Не бегает нынче мужик на колхозную конюшню погладить свою бывшую кобылу. Он уже и забыл, что́ вносил в колхоз, уже и кости той кобылы сгнили!

Дед спорил горячо, но подкреплял свои философско-экономические изыскания лишь собственным житейским опытом.

— Или, может, Ларионыч, — повернулся он к Мартынову, — правительство наше опасается, что хлеборобу не по нутру звание «рабочий»? А? Так что ж тут такого страшного? Жил я, скажу тебе, и по гудку. Загудел — вставай, собирайся на работу; загудел еще — перерыв, отдохни, позавтракай; еще раз загудел — шабаш, по домам! Что́ гудок? Хорошо! Дисциплина, порядок! Трудовому человеку гудок всё одно, что старому солдату музыка перед сражением — дух поднимает! А для лодыря опять же подхлест! Ларионыч! Слышь! Вот мужик-единоличник гудка боялся, как чёрт ладана. Без гудка, мол, вольготнее, развязнее, сам себе хозяин. А разве у него дома не было своего гудка? Ежели он в страду проспал да вышел из хаты, а солнышко уже в дуба — что́ соседи скажут про такого хлебороба? Засмеют! На всю округу ославят такого работничка. А жинка кочергой по спине потянет — это не гудок? Ого, еще какой! А не посеял, не скосил во́-время — чего возьмешь в левую руку? Детишки, старики на печи сидят, все просят: хлеба! Это тебе что — не гудок?

Мартынов с интересом слушал деда Ступакова.

— Тихон Андроныч! — перебил старика Григорьев-отец. — А ты-то сам не забыл, что́ вносил в колхоз? Вклад свой помнишь? Акты бережешь? Много имущества обобществил?

— Я-то? Имущества? — оглянулся дед. — Чего спрашиваешь? Не в соседях ли мы с тобою жили?... Какого бы я лешего обчествил, когда до самого двадцать девятого года по наймам ходил? Три курицы было да гусак с гусыней — вот и всё имущество. И тех не уберег от кулацкой смуты. Пока голосовал на собрании за колхоз, баба увидала, что на вашем дворе свинью смалят, а у Федьки Ковригина слышит — корову стельную режут, — за топор, и порубила птицам головы. Ничего я не внес в колхоз, извиняюсь. Вот эти руки, — протянул, расставив пальцы, длинные руки, в синих натруженных жилах, с ороговевшими наростами — мозолями на ладонях. — Две руки, больше ничего.

— Самый передовой элемент! — засмеялся бригадир Бережной. — Ничего не имел, ни о чем не жалеет! С вещевым мешком за плечами, без лишнего груза — за партией, куда она поведет! Солдат революции!..

— Кабы у нас в «Красном пахаре» в правлении та-

кие руководители были, как Демьян Опёнкин, — с обидой в голосе закончил дед Ступаков, — я бы этими руками вдесятеро больше сделал для колхоза! Никуда бы не рыпался из родного села, не искал бы лучшего на стороне. Меня даже летуном называли. За что? Кто называл? Те, кто колхозу не давал хода своим разгильдяйством!.. Да я бы работал — вó как! Кабы знал, что мой труд — хозяйству в прибыль. И что мое заработанное не пропадет!..

— А вот будет у нас отчетно-выборное собрание — подумайте, хозяева, кого выбрать в правление, чтоб и ваш колхоз стал передовым. Сам приеду к вам на собрание.

Мартынову пришлось долго и обстоятельно разъяснять Тихону Андроновичу Ступакову, что не только свету, что в окне; нельзя за неудачами отстающих колхозов не видеть огромных успехов передовых; что и в совхозах не всё делается само собою, и там по-всякому бывает, и там нужны умные директора, честные бригадиры, дельные парторги, иначе совхоз будет приносить убытки и его хлеб обойдется государству очень дорого; что колхозный строй — общественное владение артельным имуществом — по душе и сейчас большинству крестьян, вчерашних мелких собственников, и с их желаниями нужно считаться; что двадцать три года существования колхозов не такой уж большой срок в истории после тысячелетий единоличного хозяйства, всего за такой малый срок не сделаешь; что колхозный строй может дать нам, если приложить ума и сил, полное изобилие всех продуктов, и к новым формам в сельском хозяйстве, к единому государственному сектору мы придем через изобилие, а не потому, что не сумели еще чего-то доделать в колхозах.

— Значит, — покашлял в кулак дед Ступаков, — это у меня, по-вашему, по-партейному, сказать — левацкий заскок?

— Да, похоже немножко... Хорошо, что сам припомнил, как оно называется.

Все засмеялись.

Мартынов перевел разговор на другое:

— Как это всё будет в дальнейшем, — переход к единому госсектору, — этого сейчас точно, в подробностях никто себе еще ясно не представляет. Поживем — уви-

дим. Давайте подумаем о том, как нам сегодня вытянуть отстающие колхозы? Вы ва́лите вот всю вину на председателей. Да, от председателя многое зависит. И наша тут вина, райкома, что не помогли колхозникам до сих пор выбрать всюду в правления хороших руководителей, достойных людей. Но оглянитесь-ка и на себя. Кто пашет, засевает колхозные поля? Вы, работники МТС, механизаторы. Как пашете, как засеваете? Да так, что вас кое-где колхозники стали уже называть махинизаторами. Стыдно, товарищи! Вот об этом давайте и поговорим... Три дня ездили мы с вашим директором по колхозам, отчитывался он о выполнении договоров. Сколько жалоб на вас, сколько чертей вам насулили колхозники за ваши простои, за бракодельство! Ну, почему вы работаете, как подрядчики, а не как хозяева, которым каждый лишний колосок дорог?..

— Не все работают, как подрядчики! Не обижайте нас, товарищ Мартынов! — зашумели трактористы.

— А во «Власти Советов» у Демьяна Богатого двадцать два центнера был урожай. Кто его вырастил? Не трактористы?

— А в «Октябре», в «Заре»? Тоже почти по двадцать центнеров вышло.

— Нас обвинить — проще всего. А вы войдите в наше положение — в каких условиях мы работаем!

— Ремонт хотя бы взять. На снегу машины собираем!

— Лучше бы ремонтировали тракторы — меньше было бы простоев.

— Так разве в таких условиях отремонтируешь хорошо?

— Хотите разобраться, что́ нам мешает работать лучше — расскажем всё!..

...Мартынов, поглядывая на дремавшего Глотова, злился: «Какие люди, какие мысли, а он дрыхнет! Флегматик окаянный!».

— Проснись! — не выдержав, толкнул он в плечо директора.

— А? Что? — открыл глаза Глотов.

— Послушай, что ребята говорят.

— Слушал, слушал, и в сон бросило...

— Нет, верно, Петр Илларионыч, — говорил Юрчик Маслов, — два-три года можно не давать нам новых машин. Обойдемся теми тракторами, что есть. Хватит их по нашей посевной площади. Бывают ведь дни, когда дизелям просто делать нечего, стоят на приколе. Давали бы лучше нам побольше денег на строительство!

— Неладно как-то получается у нас, товарищ Мартынов, — сказал Григорьев-отец. — Дают в деревню миллиарды — в каждой МТС сколько машин, да машины какие дорогие! — и недодают каких-то там тысяч, которых как раз и не хватает, чтобы эти миллиарды работали на урожай в полную силу.

— Как в евангелии сказано: давай правой рукой так, чтоб левая не ведала, — вставил дед Ступаков. — Один министр дает комбайны, а другой министр не дает денег построить сараи для тех комбайнов, чтоб не зимовали в сугробах.

— Может, бюджет у нас очень строго рассчитан, так вот я говорю, — продолжал Маслов, — можно продать те тракторы, что нам планировали, другим государствам — вот и деньги.

— Слышишь? — толкнул Мартынов Глотова.

— Слышу.

— Как твое мнение?

— А что, я согласен с Масловым... Хватит нам пока машин, надо довести до ума то, что есть. Без новых тракторов года два я обойдусь, а без хорошей мастерской — зарез! Что за ремонт, когда на дворе машины разбираем, собираем? Повозись-ка на морозе с железом, да вот в такую погодку! Покрутятся ребята час возле трактора — два часа в кочегарке отогреваются. На пять машин всего места в мастерской. И зарабатывают они поэтому на зимнем ремонте — копейки! — Глотов оживился. — А станки наши видел, Петр Илларионыч? Старье! Барахло!.. Я уж сколько раз думал: почему у нас при такой великолепной, дорогой технике нет хорошей ремонтной базы? Всё равно как бы пожалеть купить хорошую упряжь на орловского рысака-призовика. Выехали на бега, а уздечка — из мочала.

— Согласен, значит, с Масловым?.. Почему же не написал в министерство: так и так, мол, отказываемся временно от пополнения тракторного парка, но просим взамен то-то и то-то: большую мастерскую, станки,

хорошие общежития для трактористов, инвентарные сараи?..

— А что ж там, в министерстве, не догадываются, не знают наши нужды?

— Знают, знают... Знает дядька дорогу, а спрашивает, — проворчал дед Ступаков.

— Можно мне слово сказать, Петр Илларионыч? — поднялся бригадир Николай Бережной. — По другому вопросу. Вы вот рассказали про того парня из Олешенской МТС, Костю Ершова. Разъяснил он вам правильно, почему у нас на хорошем хлебе тракторист меньше трудодней зарабатывает. И надо бы как-то иначе начислять нам трудодни. Не только за выработку, но и за урожай. И надо дать директору МТС пра́ва больше повышать нормы горючего, где нужно, смотря по земле, по урожаю. А то ведь и так бывает: поневоле парень начинает хитрить, мелко пашет, натягивает горючее, потому что перед этим у него получился большой перерасход на другом участке, на тяжелой земле, где никак не уложишься в норму. Или на таком хлебе погорел, где на четверть хедера косили. Но я вот скажу еще про тех работников МТС, которые на зарплате. Главный агроном, главный инженер, участковые агрономы, разъездные механики, да и сам директор — они ведь тоже за урожай отвечают.

— Не тоже, а в первую голову!.. Что, Иван Трофимыч, — спросил Мартынов, — никаких нет у вас поощрений по зарплате за высокий урожай?

— Никаких, — ответил Глотов. — Только за диплом и за выслугу лет — надбавка.

— Значит, если у одного директора — выслуга лет и диплом, а урожай так себе, а у другого нет диплома и выслуги лет, но прекрасный урожай, первый директор получит больше зарплаты?

— Больше, конечно.

— Да-а... Ну, тут тоже можно что-то придумать, — сказал Мартынов. — Может быть, так сделать? Вырастили в среднем по колхозам МТС десять центнеров — получай, директор, тысячу рублей в месяц, или там тысячу триста. Вышел урожай пятнадцать центнеров — получай две тысячи. Двадцать центнеров — две с половиной тысячи или три. А за диплом и выслугу лет — само собою. Основное — за урожай. Так же для агрономов, механиков. Как, Иван Трофимыч? Скажем, получал ты весь год зарплату

по минимуму. А потом, как убрали хлеб, подсчитали урожай — вышло двадцать центнеров. Давай-ка, министр, еще разницы тысчонок десять. А?

Глотов усмехнулся:

— Чего спрашиваешь! Конечно, больше бы старались, лучше бы работали... Бытие определяет сознание.

— Материалисты!..

Мартынов поднялся с нар, подошел к черному окну, за которым бушевала метель, постоял немного, поскреб ногтем лед на стекле.

— С какого года работаешь на тракторе, Николай Петрович? — обернулся он к Бережному.

— Да с того года, как появились у нас в товариществах первые «фордзоны». С двадцать пятого.

— Двадцать семь лет?

— Без четырех. Четыре года — на танке.

— Офицер?

— Офицер.

— И не стал после демобилизации подыскивать работу почище? Вернулся в свою бригаду?

— Та работа и есть чистая, которая тебе нравится. Люблю я это дело, Петр Илларионыч! И землю люблю — крестьянин я, хлебороб, — и к рабочему классу душа рвется... Вот так, не уезжая из родного села, через МТС, и войдешь в рабочий класс. А по должности меня не понизили. И тут у меня — пять машин.

— Да, интересная фигура у нас в селе — тракторист, — сказал задумчиво Мартынов. — Он и колхозник, он уже и рабочий...

— И председатель колхоза нас ругает и директор МТС ругает! — засмеялся один тракторист. — И в хвост и в гриву достается нам от двух хозяев!..

— Вот это-то нас и выручает, товарищ Мартынов, что мы колхозники, — сказал Василий Шатохин. — Вроде бы и нет нам особого расчета бороться за высокий урожай, но как подумаешь: да я же сам член этого колхоза, семья моя там, жена, дети, вся родня. Свое, кровное. Как же не порадеть?..

— Мы и без вас тут, Петр Илларионыч, — заговорил Бережной, — вечером, бывает, надоест в шашки играть, заводим разговор о том, как сделать, чтоб колхозам больше было пользы от нашей работы. Полежали бы вы с нами тут на нарах ночку-две, чего-чего только не на-

слушались бы!.. Мы вчера вот о чем говорили. Надо бы как-то так сделать, чтоб МТС и за фактический урожай отвечала. За тот урожай, что в амбар попал. Ведь у нас в руках — вся техника. Не то время, когда на коровах пахали. На восемьдесят процентов полевые работы механизировали. Значит, теперь больше мы должны отвечать за колхозный урожай! А как у нас делается? Определяют урожайность на корню. Как его называют: «биологический» урожай. Отсюда и все расчеты с колхозами по натуроплате. Учли на корню четырнадцать центнеров. Неплохая пшеница. Стали убирать. Убираем опять же мы, трактористы, комбайнеры. Убрали, скажем, плохо, с потерями. Упустили сухую погоду, пошли дожди, хлеб полег — чисто уже не уберешь. Из четырнадцати попало в амбар только десять центнеров. Но группа урожайности та же, никаких поправок. А устанавливают эти группы по тем данным, что инспектора представляют. Ничем больше эти инспектора по определению урожайности не занимаются. Ни зябь, ни осенний сев, ни зимовка скота — ничто их не интересует. Какой будет в следующем году урожай — опять же их это не касается. И наказывают их за ошибки только в одну сторону: если занизят группу. А если завысят так, что хоть и уберем мы хорошо, без потерь, а всё же у колхоза после хлебопоставок концы с концами не сходятся — за это не наказывают.

— Ну, если на то пошло! — вторично и окончательно проснувшись, встал Глотов. — Если мне и за амбарный урожай отвечать!.. Эта арифметика, что ты тут подсчитывал, Бережной: восемьдесят процентов механизации, — стало быть, мы на восемьдесят процентов и за урожай отвечаем, — это филькина грамота! Что ж, по-твоему, у колхоза только двадцать процентов ответственности остается? А ты знаешь поговорку, что ложкой дегтя можно испортить бочку меда? То-то же!.. Как бы мы хорошо ни вспахали, ни засеяли, а если поле не унавожено — в нашей местности, по нашим тощим почвам урожая с этого поля не жди! А кто должен навоз возить? Колхоз. А минеральные удобрения? А подкормки? А на свекле сколько еще осталось ручного труда?.. Согласен отвечать за всё, и за «биологический» урожай и за фактический. Но в таком случае — дайте мне широкие права!

— Какие — широкие права? — усмехнулся Мартынов. — В холодную сажать председателей колхозов, если не вывезут навоз?

— Нет, ты, Петр Илларионыч, не смейся. Поставь себя на мое место!

— На твоем месте, Иван Трофимыч, — сказал Мартынов, — я бы так поступал. Выработали вместе с правлением колхоза агропроизводственный план на год. Я, директор МТС, обязуюсь сделать то-то и то-то, в такие-то сроки. И сделаю, если я коммунист. Но и тебе, товарищ председатель колхоза, спуску не дам! И ты выполняй свои обязательства — точка в точку!..

— Опять Америку открываешь! — развел руками Глотов. — Есть такой договор. Называется типовой договор МТС с колхозом. В первых строках написано: договор имеет силу закона.

— Силу закона... Это значит: при нарушениях составляй по каждому пункту акт и — в суд? Где искать директора МТС, председателей колхозов? Да в суде, судятся... Нет, слышишь, вот что ребята говорят. К этому договору чего-то не хватает. Такого, чтобы очень заинтересовало всех вас в высоком урожае. И тебя, и председателя колхоза. Та́к заинтересовало, чтобы некогда было вам жалобы друг на друга прокурору строчить. Потрачу два часа на жалобу, а за это время много потеряю!..

...Метель утихла. Решили ехать дальше в село — ближе на несколько километров к райцентру.

Дед Ступаков сказал на прощанье Мартынову:

— Хоть ночь не поспали, зато время неплохо провели. В прошлом году у нас в колхозе за зиму двадцать лекторов перебыло. И всё рассказывали нам: из чего произошла земля да как началась жизнь на земле. А вот как сделать, чтоб порядку было больше на земле — ни с кем так, как вот с вами, на эту тему не поговорили!..

— Скажите нам, Петр Илларионыч, если это не секрет, — спросил Василий Шатохин, — за что Борзова сняли?

— А вы же читали в газете, — ответил Мартынов, надевая тулуп.

— Да в газете-то было вкратце написано: за зажим критики.

— За зажим критики.

— Мы тут слышали такое: выступил один коммунист на партактиве против него, а Борзов на другой день будто звонит в милицию: «Нет ли у вас какого-нибудь, хоть паршивенького, дела на него? Если нет, то заведите».

— Был такой случай.

— Ишь ты, как зарвался человек!..

— Значит, если б не дошел он до такого безобразия, может, и до сих пор бы секретарствовал у нас? — сказал Шатохин. — Не за то сняли, что неправильно районом руководил?..

— Плохо, что вот так у нас иногда бывает, — сказал Григорьев: — когда уж совсем до какой-то невыносимой подлости дойдет ответственный начальник — тогда только снимают его. А может, он вообще не годился в руководители, не теми методами действовал, народа чуждался, не думал, как сделать, чтоб народу было лучше, о своей лишь шкуре думал?..

— Помню, — усмехнулся Бережной, — приехал как-то Борзов ночью в нашу бригаду. Зябь пахали. Все машины на ходу, работают. Я сплю в вагончике. Как раскричался он: «Какой ты бригадир! Тракторы работают, а ты спишь!». Я говорю: «Товарищ Борзов! А что же мне делать, когда все тракторы работают? Бегать вокруг них по загонкам, высунув язык? Если все машины в борозде, ни одна не простаивает, стало быть, я, бригадир, потрудился возле них, наладил их. Могу теперь и отдохнуть». Покричал, покричал — уехал. Только и слышали мы от него: «Лодыри! Саботажники!».

— Жесткий был человек, — сказал Василий Шатохин. — Недружелюбный. Три года проработал он у нас, и нечем нам хорошим вспомнить его. Мотался по полям, как объездчик. Увидит председателя — подъедет, отведет его в сторону, поговорит с ним о чем-то по секрету, а больше — ни с кем ни слова.

— Не довели с ним дела до конца! — махнул рукой Юрчик Маслов. — Если бы вынесли вот такое решение, подробно: за что сняли, почему сняли? — и колхозникам бы всё было ясно, и тем, кто после Борзова будет работать в райкоме — наука!..

— Это теперь очень близко нас касается, товарищ Мартынов, — кто нами руководит? — сказал дед Ступаков. — Время-то ведь какое. Не то время, когда каждый

сидел в своем углу, как таракан за печкой. При царе Николе нам начальства век бы не видать! Приезжали в село только за тем, чтоб недоимку из нас выколотить. Приехал и уехал, — скорее бы уехал! — а жизнь своим чередом идет. Своя земля — ежели она есть, — своя лошадь, опять же ежели есть она у тебя, свои семена, как посеял, как убрал, — никому дела нет. А нынче — колхозы. Дело общее. Без вас, без партии как же нам это общее дело-то строить? Без вас мы — ни шагу. Нынче мы очень интересуемся начальством — что за человека нам бог послал? Какой у нас, скажем, секретарь райкома или председатель исполкома? Надолго ли приехал к нам, или погостить? Горячая ли душа, или так себе, тепленькая? Речи от него слышим правильные, а умеет ли и дело делать? Веселый ли, смелый ли? С веселым — и нам веселее. Если смелый — опять же неплохо. Когда командир не робеет — солдаты за ним в огонь и в воду пойдут!..

Дня через три Глотов был у Мартынова в райкоме.

— Почему я от рядовых трактористов больше услышал, узнал о ваших неурядицах, чем от тебя, директора МТС? — говорил Мартынов, стоя у стола, с неприязнью поглядывая сверху на сидящего в кресле Глотова, на его седую, лобастую голову, багровую шею, отечные мешки под маленькими, глубоко запавшими глазами. — Не волнует это тебя, что ли? Привык к роли подрядчика, другой роли и не хочешь играть? На второстепенной роли спокойнее?.. Нет, нашим МТС принадлежит руководящая роль в колхозном строительстве!.. Обо многом я еще передумал, товарищ Глотов, после разговора с трактористами. Вчера ночью прилег вот здесь на диване и размечтался: какими должны стать наши машинно-тракторные станции. Это же — и организаторы борьбы за урожай, и кузницы кадров, и очаги культуры! Конечно, чтобы поднять их авторитет, укрепить их, нужны большие капиталовложения, многое нужно. Но вот еще чего не хватает ко всему, о чем мы с ребятами говорили: хороших директоров! Отобрать бы лучших коммунистов на эту должность! Самая главная должность в деревне! Дать, может быть, директорам такие права, как были у начальников политотделов. Никакой уполномоченный не смеет переставлять по-своему тракторы, комбайны! Авторитет-

ные, образованные, хорошо знающие сельское хозяйство и, конечно, глубоко партийные, болеющие за дело люди — такими я представляю себе директоров МТС. И вот, как будут у нас настоящие директора, боюсь я, Иван Трофимыч, за тебя. Ты не выдержишь соревнования с ними. Как бы не пришлось тебе уступить свое место более подвижному человеку. Очень уж ты спокоен. Флегматик ты!

— Таков характер у меня, что поделаешь, — ответил Глотов.

— Характер? А что такое — характер? Это и есть — сам человек... Один, скажем, меланхолик. Другой — флегматик. Отчего этот меланхолик загрустил? Может быть, всем недоволен, не верит ни в свои силы, ни в силы народа? А другой равнодушен ко всему, живет по принципам: «моя хата с краю», «не лезь поперед батька в пекло», «выше головы не прыгнешь».

— На твою власть — ты бы флегматиков и меланхоликов и в партию не принимал? Заглянул бы в анкету: «Вопрос: темперамент? Ответ: спокойный». Не надо таких!..

— Видишь ли, товарищ Глотов, твое спокойствие — это просто политическая пассивность. Давай уж найдем этому точное название. За целый год не услышал от тебя живого слова: как улучшить работу МТС?.. А читаешь, изучаешь решения девятнадцатого съезда! Устав партии изучаешь, обязанности и права члена партии!..

Глотов усмехнулся:

— Пассивность... А я слушал, Петр Илларионыч, как ты с трактористами разговаривал, и удивлялся твоей активности: «Что еще, по вашему мнению, нужно поправить? Что еще нужно изменить?» — будто от тебя это всё зависит: завтра же последуют нужные решения, и пойдут у нас дела, как по маслу. Слушал я тебя и, по правде сказать, посмеивался в душе.

— Напрасно посмеивался! Не в наших правах изменять законы, издавать новые указы, да. Но мы обязаны доводить до сведения наших руководителей всё, что слышим в народе, думы народа. Твои трактористы — люди государственного ума. Они хотят, чтобы наши МТС стали действительно могучими государственными предприятиями в деревне. Они понимают, что здесь — передний край борьбы за урожай. Они думают о своей МТС и колхозах не только в служебное время, как некоторые из нас,

руководителей. Мы в колхоз приехали и уехали, по трудодням нам в колхозе не получать. А для них это дом. Колхоз — это вся их жизнь, настоящая и будущая. Днем и ночью думают они о своей жизни!..

В кабинет вошла Марья Сергеевна Борзова.

— Не помешаю? — спросила она, приостановившись у порога.

— Нет, не помешаешь. Заходи. Садись.

Марья Сергеевна села на стул у окна, небрежно причесанная, какая-то осунувшаяся, с красными пятнами на щеках, будто недавно плакала. Мартынов посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом.

— Вот женщина мучается не на своем месте, — сказал Мартынов, достав из ящика стола пачку папирос и закуривая. — Семенной конторой заведует. А бывшая трактористка. Да какая трактористка! С Пашей Ангелиной соревновалась. Орден Ленина получила... Слушай, Марья Сергеевна! Пойдешь к нему, — кивнул на Глотова, — замполитом? У них есть замполит, хороший парень, но больной, инвалид, ездить по бригадам ему тяжело. Найдем ему работу полегче. Это же твое любимое: степь, трактористы, машины!

— Что ты говоришь, — удивился Глотов. — Ее к нам, замполитом? Так Виктора Семеныча-то послали в другой район?.. Куда его, Марья Сергеевна?

— Не послали, — ответила Борзова. — Он сам уехал. В Борисовку. Преподавателем истории в среднюю школу поступает.

— Я не знал, что он уехал, — сказал Мартынов. — Мы предлагали ему здесь работу, в сельхозснабе... Давно уехал?

— Позавчера.

— Вот, как же так? — пожал плечами Глотов. — Муж будет работать в том районе, а она — здесь? Это для нее неподходяще.

Борзова молчала.

— Он еще не снимался с учета, — сказал Мартынов. — Может быть, передумает?..

— Петр Илларионыч! — вскинула Борзова глаза на Мартынова. — Я пришла к тебе посоветоваться по очень важному делу... Для меня важному... Если ты занят, я позже зайду.

Глотов встал:

— Я пойду. Мы кончили, Петр Илларионыч?

— Нет, не кончили. Характер тебе придется менять.

— Попробуем... Если возможны в природе такие вещи.

— Бывает, бывает, Иван Трофимыч: с возрастом меняется характер у человека. Посиди там немного. В два — бюро.

Глотов вышел.

— Что случилось, Марья Сергеевна? — обойдя стол и остановившись у окна, спросил Мартынов.

Борзова отвернулась к окну, губы у нее задрожали. Вместо ответа она припала лбом к спинке стула и горько заплакала. Мартынов растерянно налил из графина воды в стакан, поставил его на подоконник возле Борзовой.

— Не хочу я ехать с ним в Борисовку, Петр Илларионыч, — справившись с собою, заговорила Борзова. — Как мне трудно! Что мне делать?.. Я бы осталась здесь. В МТС я бы пошла. Я сама хотела просить у тебя другую работу. Но как же мне быть?.. Я с ним не хочу жить. Не могу! Как с ним тяжело! Я ни одному его слову не верю... С кем я прожила двенадцать лет? Дура, почему я не ушла раньше. А теперь стыдно. Пока был на высоком посту, жила с ним, примирялась, а в трудную минуту, когда ему плохо, бросить? А дети? Двое у нас. Я их не брошу! И ему не отдам. Кого он из них воспитает? Таких эгоистов, как сам? Не отдам!.. Что мне делать?..

Мартынов долго молчал. Стенные часы пробили два раза.

— Прости, Марья Сергеевна... Сейчас ко мне придет народ. У нас в два часа — бюро. Если хочешь со мною поговорить об этом, я приду завтра сюда пораньше, часов в восемь. Хорошо? Приходи, поговорим.

Борзова встала.

— Нет, не уходи, посиди. Сегодня у нас на повестке вопрос: о работе МТС. Разошлем всех проводить партийные собрания. Может быть, и ты поедешь? А?..

Вошли председатель райисполкома Иван Фомич Руденко, второй секретарь Медведев, редактор районной газеты Посохов, Глотов, директор Олешенской МТС Никифоров, секретарь парторганизации этой же МТС разъездной механик Гришин, директор третьей МТС Зарубин. Мартынов хмуро поздоровался с ними, расстроенный слезами, тяжелой житейской драмой Марьи Серге-

евны, помолчал несколько минут, собираясь с мыслями. Сел за стол, нажал кнопку звонка.

— Зови всех, — сказал он заглянувшему в дверь помощнику. — Кого еще нет?.. Товарищи члены бюро! Мы хотели сегодня заслушать доклады директоров и секретарей парторганизаций МТС. Но я думаю, давайте мы перед этим сделаем так: разъедемся по МТС и проведем там партийные собрания. Поговорим с коммунистами на месте. Пригласим коммунистов и из колхозов. Там мы больше выясним, узнаем — в чем причины плохой работы наших МТС? Всё выясним — где наши недоработки, что мы сами в силах преодолеть, а в чем нужно просить помощи у областных организаций и у Москвы. Только надо приехать не за полчаса до собрания, а пожить там по крайней мере денек-другой. Походить, поговорить с людьми, подумать. А?.. Ну, давайте решим, кто куда поедет?..

1953 г.

III. В ТОМ ЖЕ РАЙОНЕ

1

На другой день, как условились, Мартынов пришел в райком пораньше, до начала работы, но Марья Сергеевна Борзова не зашла к нему. Часа в два она позвонила из дому и сказала, что уезжает в Борисовку к мужу — посмотреть, как он устроился там на новом месте. «Что ж, счастливого пути, — подумал с сожалением Мартынов. — Не останется она здесь. „Когда был на высоком посту, в почете, жила с ним, примирялась, а когда ему плохо — бросить?" — вспомнил он слова Марьи Сергеевны. — Переплачет, успокоится и будут жить попрежнему».

А через неделю к нему в райком пришел сам Борзов. Еще накануне Саша Трубицын, помощник секретаря, сообщил Мартынову, что видел в городе Борзова с женою: приехали за вещами, переселяются в Борисовку. Борзов пришел в райком поздно вечером, когда Мартынов сидел там один.

— Здоро́во! — протянул он руку Мартынову. — Как живешь-можешь?

— Помаленьку, — ответил Мартынов, пожав его руку и пересаживаясь из кресла на диван. — Садись.

Закурили из портсигара Борзова.

— Ты ведь не курил, — заметил Мартынов.

— Курил, много лет. Бросал, опять начинал... На что намекаешь? От переживаний, думаешь, закурил?

— Не намекаю ни на что. Просто, помнится, не курил...

Борзов оглядел бывший свой кабинет. В нём не было никаких перемен. Мартынов не принадлежал к числу тех ответработников, которые начинают свою деятельность с перестановки по-своему мебели в служебном кабинете.

— Ну, как оно здесь? — пожевав мундштук папиросы, спросил Борзов. — Много ли грязи льют на меня бывшие мои подхалимы? — В его голосе слышалась какая-то напускная игривость, вызывающая не то на шутку, не то на спор. — Бывает ведь так: уехал человек, которого боялись, он уже не у власти, и тут-то начинается, на ушко: «Вы знаете, он на птицекомбинате тысячу яиц выписал за год!» — «Ему из рыбхоза рыбу бесплатно возили!» — «На охоту ездил на казенной машине!»

— А я таких, Виктор Семеныч, — ответил Мартынов, — что задним числом льют грязь на тебя, гоню в шею. Я им не верю. «Почему раньше молчали, на пленумах, конференциях? Сегодня на Борзова капаете, завтра, может, меня снимут — про меня какую-нибудь сплетню пустите?» Гоню таких к чёрту!

— Правильно делаешь! Это — не опора твоя. Ищи опору среди других людей, среди тех коммунистов, которые не заискивают перед новым секретарем, не лезут ему в глаза.

«Совет-то дельный», — подумал Мартынов.

Борзов был всё такой же: коренастый, бритоголовый, с сильными плечами и толстой мускулистой шеей, не похудел, не изменился в лице. Если бы не землисто-желтоватый цвет лица, он бы выглядел просто здоровяком.

— Приехал за открепительным талоном, — сказал Борзов. — Отпустите?

— Если очень настаиваешь — отпустим, — ответил Мартынов. — Но мы и не гоним тебя. Нашли бы и здесь тебе работу.

— Ну-у? Не гоните? Не рад тому, что уезжаю?.. Ты, говорят, и Марье Сергеевне предлагал тут другую работу? Ее удерживаешь или меня?..

— Что ж, Марья Сергеевна — работник неплохой, жалко ее отпускать, — насколько смог спокойно ответил Мартынов.

Борзов искоса, потемневшими глазами, с недоверчивой недоброй усмешкой поглядел на Мартынова. Однако продолжал разговор в том же шутливо-развязном тоне:

— А какую дали бы мне работу? Директором инкубатора? В сельхозснаб послали бы? На Втором Троицке? Пять километров? Покорно благодарю!.. Войди в мое положение, Петр Илларионыч. Что-то неохота ходить пешком по тем самым улицам, по которым в «Победе» ездил. Лучше уж — в другом месте, по другим улицам.

— Пожалуй, лучше, — согласился Мартынов. — Поэтому и отпустим тебя... Не поминай нас лихом.

Борзов в две затяжки докурил папиросу, пустил клуб дыма к потолку, еще раз оглядел кабинет. После большой паузы заговорил — уже серьезно, без натянутой улыбки.

— Рано ли, поздно ли, — убежденно сказал он, — вспомнят Борзова! Позовут меня опять на большую работу! Нельзя так разбрасываться кадрами. Поймут товарищи!.. Я ли не просиживал в этом кабинете ночи напролет? Сколько сил я здесь положил? Я здесь здоровье потерял!.. Позвонишь в сельсовет: «Разыщите всех председателей колхозов и бригадиров!». В третьем часу ночи. Для чего я это делал? Чтобы люди чувствовали: от этого секретаря и ночью нигде не скроешься! Я, бывало, не сплю — весь район не спит! Государству нужны на руководящих постах энергичные работники!.. Теперь тут чего хочешь наговорят про меня. Одного только не скажут: что я размазней был. Умел держать район в страхе божьем!..

— Что умел, то умел, — согласился Мартынов.

А про себя подумал: «Если б ты был не энергичный — это еще полбеды. За дурною головою и ногам нема покою...»

— Неправильно всё же записали обо мне в решении бюро обкома, — продолжал Борзов. — «Грубый зажим критики»... Не так ведь всё было, как растрезвонили. Ну, позвонил я прокурору насчет этого Мухина, что обозвал меня на партактиве самодуром. Но я же не приказывал завести на него дело. Глупости! Если человек не совершал преступления — за что же его судить? Сам прокурор как-то говорил мне: «Придется привлекать Мухина за нарушение устава сельхозартели: сено трактористам на корню продал». Я только справился — в каком положении дело, ведется ли следствие?.. Просто — время сейчас такое. Решения девятнадцатого съезда, новый устав.

«Зажим критики является тяжким злом. Тот, кто глушит критику...» Надо было кого-то пустить под нож, в назидание другим. Попал под колесо истории.

Мартынову стало невыносимо скучно. Он зевнул во весь рот, поглядел на стенные часы:

— Половина первого. Завтра мне к восьми утра надо быть в «Заре коммунизма».

Борзов встал.

— Думал я, Виктор Семеныч, что ты что-нибудь поймешь, прочувствуешь за эти дни, — сказал Мартынов. — А ты ерунду говоришь. «Время такое». Какое? В моде увлечение критикой, что ли? И ты стал жертвой этой моды? «Попал под колесо истории». Неумно обставил дело с Мухиным — вот и вся твоя ошибка?.. А в каком положении сейчас район? По сводкам-то числимся середняками, а по существу ведь — очень запущенный район! Почему он стал таким? Чего нам будет стоить его вытянуть?..

Хотелось Мартынову высказать Борзову всё, накопившееся у него с тех пор, как стал он здесь первым секретарем, и почувствовал ответственность в первую голову за положение дел в районе... «Три года глушил ты здесь живую мысль. С членами бюро не советовался, в мальчиков на побегушках пытался их превратить. Подшучиваешь над подхалимами, — «мои подхалимы», — а зачем же приближал таких к себе? Доверял ответственные посты начетчикам, бездумным службистам. По образу и подобию своему выдвигал и расставлял вокруг себя кадры? Авгиевы конюшни оставил нам. Расчищай теперь! А в колхозы посылал неугодных либо штрафников. «В село пошлем тебя, в отстающий колхоз, в «Гибель капиталу». За одно это, что испохабил высокое звание председателя колхоза, следовало бы исключить тебя из партии! Самое святое — люди, земля, хлеб. Для чего же мы и существуем, коммунисты, как не для того, чтобы сделать жизнь во всех колхозах богатой, радостной!..»

Многое захотелось ему высказать, но подумал: «Пустая трата времени! Доказывай слепому, какого цвета молоко!» — махнул рукой, пошел к вешалке за пальто и шапкой.

— Ничего ты не понял! И вряд ли поймешь. И разъяснить тебе невозможно. На разных языках разговариваем.

— Погоди, не горячись. — Борзов попытался изобразить на лице иронически-снисходительную улыбку. — Не горячись! Укатают сивку крутые горки. Давай-ка присядем еще на минутку. Расскажу тебе, с чего я начинал, какие у меня были благие намерения, когда сюда приехал. И почему у меня не вышло. Могу передать тебе свой опыт.

— А ну тебя с твоим опытом!..

Пропустив Борзова вперед через порог, Мартынов погасил свет в кабинете, крикнул ночному сторожу, дремавшему в коридоре возле жарко пылавшей печи, чтоб закрыл дверь на ключ, и быстро сбежал вниз по ступенькам, обогнав Борзова на лестнице.

На улице мело. В лицо Мартынову ударил холодный ветер с колючим, сухим снегом. Он поднял воротник пальто, глубже насунул на лоб шапку и пошел домой, слыша сзади шаги Борзова, удалявшегося в другую сторону.

На том они и расстались.

В середине января установилась прекрасная погода. Легкий безветренный мороз, солнце по утрам, неглубокий снег на улицах города.

Троицк — маленький городишко. Стоит он на сторожевом взгорье, на высотах, далеко видны вокруг сёла, луга в пойме реки Сейма, темные полоски лесов за холмистыми полями. Нынче Троицк — обыкновенный районный центр в сельскохозяйственной области. Всё, что есть в нем, все учреждения, предприятия — всё подчинено сельскому хозяйству, всё работает на колхозы. А когда-то это была крепость на южных границах Руси. До сих пор пригороды носят названия: Стрелецкая слободка, Пушкарская слободка. «Под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены»... Восемьсот лет городу. Но выглядит он молодо. Новые здания на месте разрушенных в войну, скверы на площадях, молодые клены и березки в парке возле районного Дома культуры. Много молодежи — студенты пединститута. Не успели только переименовать Троицк как-нибудь по-новому, в Зерноград-на-Сейме или Хлебодаровск. Вероятно, потому, что с урожаями здесь было всё же неважно.

В воскресенье Мартынов встал поздно, в половине

двенадцатого, — накануне вернулся из района перед рассветом. На столе, возле тарелок с приготовленным для него завтраком, лежали три записки. От сына: «Ушел на лыжах, большой кросс, скоро не ждите»; от жены: «Ушла к портнихе. Пожалели тебя будить, позавтракали без тебя. Если пойдешь гулять, встретимся в парке»; и от двоюродной сестры, которая выполняла у них в доме обязанности хозяйки: «Я на рынке. Остынет чай — подогрей на плитке».

Мартынов позавтракал, оделся и вышел на улицу, защелкнув за собою дверь на английский замок. Ночью слегка припорошило, свежий белый пушок покрыл старый наст, глазам было больно от ослепительного сияния под солнцем чистого снега. В райкоме Мартынов, не раздеваясь, просмотрел у дежурного принятые ночью телеграммы, в кабинет не зашел. Сегодня ему хотелось отдохнуть, побродить по городу, освежиться.

На главной улице, по дороге к парку, у бывшей квартиры Борзова его окликнул знакомый голос:

— Петр Илларионыч! Что же проходишь и не здороваешься?

Мартынов оглянулся. На крыльце дома стояла Марья Сергеевна, в меховом пальто и белом вязаном платке, натягивала на руку варежку.

— Не ожидал уж увидеть тебя здесь... Здравствуй. Приехала? Забрать последние вещички?

— Приехала... Гуляешь? И я вышла на воздух, подышать. Как тут скользко!..

Мартынов взял Борзову под руку, свел ее со ступенек.

По улице, круто спускавшейся к Сейму, между машинами и подводами, с бешеной скоростью, угрожая сшибить зазевавшегося встречного, проносились салазки. Ребята, тормозя ногами, склонившись набок, лихо заворачивали на углах. Мартынов, погрозив кулаком нарушителям правил уличного движения, перевел Борзову под руку на другую сторону улицы.

— Побывала у него в Борисовке, — начала рассказывать Марья Сергеевна, — и вот приходится остаться здесь. Буду здесь жить. Не прогоните? Квартира-то эта мне с ребятами велика, пусть горсовет сделает из нее две квартиры, еще кого-нибудь вселит... Обещал послать меня в МТС? Что ж, пойду. Тогда и жить там буду,

в Семидубовке, совсем откажусь от этой секретарской квартиры.

— Да что ты о квартире! Никто тебя не выселит, живи... Что у вас произошло?

— Что произошло?..

На Торговой площади из-за угла универмага вышла быстрой легкой походкой женщина в черном пальто с меховой опушкой внизу, в серой каракулевой шапочке и маленьких белых фетровых валенках. Она помахала Мартынову издали рукой, указала жестом в сторону парка, крикнула: «Сейчас приду!» — и скрылась в дверях магазина.

— Кто это? — спросила Марья Сергеевна.

— Моя жена, — ответил Мартынов. — У портнихи была. Вероятно, не хватило материалу на какие-нибудь оборочки, побежала купить.

— Твоя жена?.. Когда она приехала?

— Да уж дней десять, как дома.

В парке были протоптаны дорожки гуляющей молодежью. Густо посаженные низкорослые деревья срослись кронами над аллеями. Мартынов задел шапкой ветку, снег посыпался на них.

— Пойдем на ту дорожку, там деревьев нет.

— Так что случилось? — спросил Мартынов, когда они прошлись два раза взад-вперед мимо установленного на пьедестале танка — памятника погибшим при освобождении Троицка танкистам. — Ты ушла от него?

— Ты знаешь, Петр Илларионыч, — горько усмехнулась Марья Сергеевна, — он сам облегчил мне задачу. — Я-то, дура, колебалась: в такую трудную для него минуту если и я, жена, покину его... А он этой минуты ждал. То есть не ждал, конечно, чтобы его сняли. Но раз уж так вышло... У него в Борисовке старая привязанность. С тех пор еще, как он там работал. По возрасту-то не старая, моложе меня. Лаборантка на элеваторе. Говорили мне, когда мы уже здесь жили: если Виктор Семеныч звонит, что заночевал в дальнем сельсовете, так и знай: заехал через границу в Борисовский район, проверяет на элеваторе по квитанциям, какой район сдал больше хлеба за пятидневку. Не верила... Ну, что ж — убедилась. Приехала в Борисовку, и пришлось остановиться в гостинице. Она, эта женщина, уже у него живет.

— Вот как!.. Был у меня — ни словом не обмолвился о семейных делах.

— И мне здесь не сказал. Оттягивал до последнего. Знала бы — я бы и не ездила туда, срамиться...

Мартынов взглянул на замолчавшую Борзову, увидел на ее глазах слёзы.

— Не горюй! Не пропадешь без него.

— Да не горюю я! — с жаром ответила Марья Сергеевна. — Противно мне!.. Всё поняла! Давно его тянет к ней, но не решался бросить меня. Пока занимал такой высокий пост. Как же! Люди осудят. До обкома дойдет. Другим — пример? Руководитель должен быть безупречным в быту. Сам читал тут лекции о семье, о морали. Крепкая семья — основа государства. А теперь ему нечего терять!..

— Что-то не так, — сказал Мартынов. — Он ведь уверен, что недолго пробудет в опале. Говорил мне: «Рано ли, поздно — позовут меня опять на руководящую работу». Если метит снова в секретари — ему невыгодно еще чем-то замарать свою репутацию... Может быть, он в самом деле очень любит эту женщину?

— Может быть... Так бы и сказал, по-человечески. А то ведь я осталась виновата. Всем будет говорить: «Она мне первая изменила». Оправдание.

— Ты — виновата? — остановился на дорожке Мартынов.

— Помнишь, когда пришел ты к нам вечером, я сказала: «Городишко у нас такой: на одном краю чихнешь, с другого края слышишь: «Будьте здоровы!». Ему сразу донесли. Он мне тогда — ни слова. Только спросил: «Чего Мартынов приходил?». Я сказала: «Сама позвала его. Хотелось от него узнать — о чем вы всё спорите?».

— Ну?..

— Ну, вот тогда не ревновал, приберег до времени. А сейчас всё припомнил: «Вижу, что у вас с Мартыновым пошло на лад. Как только я из дому — Мартынов на порог. Стало быть, и мне нужно подумать о другой жене». Такую сцену ревности закатил!

— Какая чепуха! — Мартынов покраснел. — Чего ж он молчал?.. Да врет он, не ревнует! Почему мне не сказал? Был в райкоме, сидели с ним на диване. Взял бы пресс-папье да стукнул меня по голове, что ли. Ишь Отелло какой!..

— Не ревнует? — Марья Сергеевна большими серьезными глазами посмотрела на Мартынова. — И это — не от души?..

Прошлись еще раз по аллее от танка до входной арки.

— А дети? — спросил Мартынов.

— Договорились так: Нина, его дочка от первой жены, осталась с ним, а малышей мне отдал. Очень просил, чтобы старший, Миша, с ним остался. Детей он любит. Я не уступила... Обещал: «Буду помогать». А зачем мне его помощь? Сама, что ли, не прокормлю, не воспитаю их?..

Сзади послышались быстрые шаги. Звонкий голос произнес: «Разрешите присутствовать?».

Мартынов, улыбнувшись, ответил: «Пожалуйста!» — и обернулся. Стройная черноглазая женщина, с выбившейся из-под шапочки на лоб прядью черных вьющихся волос, шутливо взяла «под козырек», сдвинула пятки валенок — щелчка не получилось.

— Пожалуйста, присутствуй. Познакомьтесь — моя жена, Надежда Кирилловна. Марья Сергеевна Борзова, бывшая Маша Громова. Я писал тебе о ней.

Женщины, пристально взглянув друг другу в глаза, не снимая варежек, обменялись рукопожатием.

— Вы только парк обошли? — сказала Надежда Кирилловна. — А я в этом городе новосел. Я тут еще ничего не видела. Пойдемте вниз к речке, на каток.

...Долго гуляли в этот день по окрестностям города Мартынов с женою и Марья Сергеевна. Побывали в Ореховом логу, где лыжники прыгали с трамплина, исходили вдоль и поперек, по колено в снегу, дубовую рощу за рекой, посидели у замерзшего Сейма на бревнах, приготовленных для строительства нового моста. Марья Сергеевна узнала о жене Мартынова — кто она и что.

— Война помешала закончить институт, — рассказывала Надежда Кирилловна. — Почти уж плюнула на это дело. А потом посмотрела на его литературные увлечения, думаю: может, человек на этом и свихнется, а как же я с сыном?.. Достала старые учебники, подготовилась, выдержала на второй курс. Вот — доучивалась в Краснодаре. Специальность у меня хорошая, вкусная. Садоводство и виноградарство. Только садов здесь в районе ма-

ло. А виноградников совсем нет. Что ж, будем разводить, товарищ секретарь, а? Или вам сейчас не до винограда? Не до жиру, быть бы живу? Пшеничку еще не научились хорошо выращивать? Хлеба по трудодням мало даете?..

— Погоди ругать меня за пшеничку. Дай сроку. Вот подготовимся как следует к весне!.. Как узнала она в институте, что я пошел на партийную работу, — обратился Мартынов к Марье Сергеевне, — такие нежные письма стала мне писать! Давняя ее мечта: чтоб я бросил газету. А приехала — начинает с критики!..

— Особых нежностей я тебе, положим, не писала. Написала, что художником можно быть не только в литературе. Сам своего призвания не понимаешь! Сочинишь рассказ — читать невозможно, скучно, хуже протокола. А послушаешь, как ты иной раз, под настроение, речь произнесешь на собрании о заготовке кормов в зиму для скота — это же поэма! Вергилий!

— Ладно, Вергилий... При чем тут мои литературные увлечения? Это я настоял, чтобы ты закончила институт. Жалко, училась, училась — и бросила. Да и трудно нам было жить на одну мою зарплату.

— Трудно, конечно. Ты же вместо корреспонденций романы писал. А их никто не печатал. Да переезжали с места на место три раза в году. Кадушки, ведрушки, горшки, корыто — только наживешь, обзаведешься хозяйством, — бросай всё, наживай сызнова!..

— Вот ведь какая, — Мартынов опять тронул за локоть Марью Сергеевну. — Вспоминает: три раза в году переезжали. А у самой — цыганская натура. Век бы кочевала по белу свету... Когда я работал собкором областной газеты, хотел написать новеллу: «Жена корреспондента». О ней. Я тогда был влюблен в нее по уши.

— Вот как! А сейчас уже — не по уши?..

— Пожила бы подольше в Краснодаре — я бы тебя совсем забыл.

— Ну, не забыл бы!..

— Не перебивай. Я расскажу Марье Сергеевне про наши мытарства... Приезжаем мы с нею в какой-то пятый или шестой по счету район. Чемодан, рюкзак — все наши пожитки. Живем в гостинице, пока квартиру нам дадут. Она просит меня: «Петя, давай хоть здесь поживем спокойно. Полегче критикуй начальство. У тебя характер

скверный. Ты всегда видишь только плохое». Это она ведь неправду сказала, что я не писал корреспонденций. Писал. Не часто, но — крепко. Не только в том районе читали мои статьи, где я жил. После каждой статьи — решение бюро обкома. Так ли, не так, подтвердит комиссия или, может быть, загладит, но решения не миновать. «Тебе, говорит, всегда только недостатки в глаза бросаются. А ведь у них здесь, наверное, есть и достижения». — «Да мне, говорю, и самому уже хочется немножко отдохнуть. На этот раз мы, кажется, в хороший район попали. Побывал в райкоме, райисполкоме — товарищи веселые, приветливые. Съездил в два колхоза — богато люди живут». Ликует! Наконец-то! Начинает белить новую квартиру, картинки развешивает по стенам... Проходит неделя, другая. Замечает — я что-то помрачнел, неспокойно сплю по ночам. «Что с тобой?». — «Да ничего»... Еще проходит неделя. «Что ж ты молчишь, ничего не рассказываешь о районе?» — «Да знаешь, говорю, Надя, разобрался я поглубже — не так уж хорошо здесь, как сначала мне показалось. Руководители-то здесь — народ бывалый, умеют товар лицом показать. В одной МТС у них колхозы богатые, всех гостей туда возят, все планы за счет этих колхозов выполняют. А есть одна МТС — туда они и сами раз в году заглядывают. Старая болезнь — очковтирательство». — «А с урожаями как?» — «На отдельных участках — рекорды, а в общем — неважно». Еще проходит неделя, я ей рассказываю, где был, что видел... Вдруг она как хлопнет рукой по подушке! «Так какого же ты чёрта мне тут в постели на ухо шепчешь? Почему не напишешь об этом в газету? Там же в области небось считают этот район передовым?» — «Напишу, говорю. Подумаю, посмотрю еще — напишу. Только ты больше никаких картинок не развешивай по стенам. Как бы не пришлось их опять убирать». Обо мне в редакции сложилось мнение, что я неуживчивый человек, не умею ладить с местным руководством. «Напишу... Укладывай вещички в чемодан». — «А долго ли мне их, говорит, уложить? Голому одеться — только подпоясаться. Лишь бы ты совесть свою не продал тут за хорошую квартиру да за спокойную жизнь!..»

Мартынов положил руку на плечо Надежде Кирилловне:

— Молодец жена!.. С такой женой можно земной шар пять раз пешком вокруг обойти!..

Мартынова звонко рассмеялась:

— А помнишь, как нас в одном районе — в каком это, в Сизовском, да? — с хлебом-солью встречали?

— В Сизовском. Только что в колокола не звонили. Как же! Корреспондент областной газеты приехал на жительство. Человек опасный!.. Там в торговых организациях жулики засели, я потом большое дело там раскрыл. Подъехали к дому, — зимою, на грузовике, — вещи сбросили, я ее оставил одну, пошел на почту передать в редакцию срочный материал. Прихожу поздно ночью, она сидит в пустой квартире и плачет. «В чем дело?!» — «Да тут без тебя что было! Двадцать посетителей справлялись о твоем здоровье. Один пришел из торга, хотел оставить мне корзину с продуктами. Другой — из потребсоюза: «Проголодались небось с дороги? Вот вам тут закусить и погреться». Машину торфу привезли нам, дров на растопку. Спрашиваю: «Сколько платить?» — «Бесплатно, из уважения. Забота о живом человеке...» Да что ж это такое? Купить тебя хотят, что ли? Дураки, негодяи!..» Сидит на полу, как узбечка, поджав ноги, — мебели в квартире еще не было никакой — и ревет белугой. «Я, говорит, не стерпела, кому-то, кажется, еще и по шее дала»...

Прощаясь с Марьей Сергеевной, Мартынов спросил:

— Так как же насчет Семидубовской МТС? Пойдешь?

— Тяжело мне будет работать с Глотовым, — ответила, подумав, Борзова. — Какой-то он закоснелый человек.

— А может быть, и ему душу разбередим?.. Ведь с двадцать девятого года коммунист. Первые артели организовывал. В трудное время вступал в партию. Почему он стал таким обрюзгшим примиренцем? Надо разобраться!.. Мы порекомендуем избрать тебя там и секретарем парторганизации.

— Что ж, будешь помогать, Петр Илларионыч, — пойду, — сказала Марья Сергеевна. — Вот только за последние годы много появилось машин новых марок. Нужно их изучить. Какой же я руководитель, если хуже тракториста в машине разбираюсь?.. Мне бы бросить все

эти дамские маникюры да надеть опять комбинезон! Показала бы, что можно выжать из нашей техники!..

— Это тебе не трудно — освоить новые машины. Но прежде всего — человек.

— А что же я — не люблю людей? Не среди людей выросла? В диком лесу?..

— Значит, — по-деловому закончил разговор Мартынов, — завтра на бюро и обсудим. Приходи в райком к двенадцати.

Марья Сергеевна не сразу вошла в дом, долго стояла на углу на перекрестке улиц, глядела вслед уходящим, оживленно о чем-то разговаривающим Мартынову и Надежде Кирилловне...

2

Мартынов принимал в райкоме посетителей.

Саша Трубицын, его помощник, принес и положил ему на стол большой список.

Первой зашла в кабинет известная в районе звеньевая-пятисотница, старуха лет шестидесяти Суконцева Пелагея Ильинична, из села Речицы. Усевшись в глубокое кресло, — из-за стола выглядывала только голова ее в шерстяном платке, — маленькая, щуплая, с живыми черными глазами, она стала излагать суть дела:

— Это что ж такое творится у нас в Речице, товарищ секретарь райкома? Прямо, как у тех лесовиков, что как загуляли на масленой, так аж на второй неделе поста опамятовались: а не заехали ли мы уже в великий пост, греховодники? Ну, у тех хоть, по неграмотности, календаря не было, до батюшки в село пришлось посылать гонца, чтоб узнал, который день они пьют без просыпу. А у наших-то календари есть!.. Самого председателя как кинулись искать третьего дня по всему селу — печать на какую-сь бумажку приложить, — так аж нынче утром нашли на мэтэфэ в силосной яме, чуть тепленького.

— С чего это у вас пошло такое гулянье?

— Престолы! Престолы, товарищ Мартынов!.. Так совпало: нынче у нас в Речице престол, а через три дня — в Подлипках. Сёла — рядом. То подлипкинцы ходили к нам гулять, то наши повалили туда в гости. Не успели прохмелиться — в Сорокине престол. А в воскресенье — престол в Горенске. Да когда ж оно кончится? Я уж

смотрела, смотрела да думаю себе: надо властям, что ли, заявить про такое безобразие. Я в колхозной ревкомиссии состою. Ежели что плохое случится в колхозе — и с меня спросят. Скот ревет непоенный, корма на животноводстве не подвозят. Прошлой ночью свиньи семь поросят задавили. По недогляду. Свинарок на дежурстве не было.

— Неужели так много у вас в Речице религиозных?

— Какая там религия! — махнула рукой старуха. — Была бы причина погулять. Не всё ж работать, надо и повеселиться. А по какому случаю? Да святого Пантелеймона нынче! Ну давай — за святого Пантелеймона!..

Из разговора выяснилось, что старуха сама неверующая. В девятнадцатом году белые повесили ее мужа. В селе была подпольная большевистская организация, в которой состоял и ее муж. Донес на них поп, — жена одного из подпольщиков проболталась на исповеди. Повесили двенадцать человек.

— Это ж как, допустимо им, пастырям духовным, людей предавать? — возмущенно говорила Суконцева. — Согнали всё село на площадь смотреть, как наших мужиков казнили. И батюшка туда же, с крестом: «Ныне отпущающи...» Вот тогда-то меня и отвратило от них, долгогривых! И иконы в печке пожгла! «Не убий», — учат. А сами что делали?.. Я еще смолоду насмотрелась на ихнюю святость. Жила в городе у попа в прислугах. Встает он утром, идет ко мне на кухню, без рясы, в подштанниках: «Пелагея! Нет ли там у нас чего-нибудь — от всех скорбей?» — «Нету, говорю, батюшка. Матушка всё, что не допили вы вчера с отцом дьяконом, спрятала в шкаф под замок и ключ унесла». — «А то, что у тебя в бутыли?» — «То, говорю, батюшка, денатурат, примус разжигаю». — «Налей-ка стакан да принеси моченой капусты». Налакается денатурату, пьяный идет в церковь, в алтарь, обедню служить!.. Отвез матушку в больницу на операцию, и с первого же дня начала к нему ходить одна прихожанка, такая пышная дама, в шляпе, кольца, браслеты. Придет она — батюшка мне сует двадцать копеек: «Ступай, Пелагея, погуляй по городу». А куда я пойду? Зима, мороз, девчонка молодая, из деревни, ничего не знаю, где там что, солдат боялась. Выйду за ворота и стою, замерзаю до полуночи, пока эта барыня от него уберется... Чего ж я тебе, старому козлу, буду про свои

грехи рассказывать, когда ты во сто раз грешнее меня? Да ну их к лешему!..

Вернулись опять к вопросу о престольных праздниках.

— Это ж у вас такая беда небось не только в Речице? — сказала старуха.

— Не только в Речице, — подтвердил Мартынов. — Беда действительно. Но что же делать?.. Видимо, антирелигиозная пропаганда у нас хромает?

— Вам лучше знать, что у вас хромает. Хромает — подковать надо.

Суконцева помолчала.

— А я так думаю, товарищ Мартынов, не от религии это, а от того, что людям погулять хочется. Вы ж того не учитываете, что человек не машина. Работу требуете, а как людям лучше отдохнуть, повеселиться — об том не беспокоитесь!.. Спросите у нас любого человека: а что это за святой Пантелеймон, которого сегодня в церкви поминали? А в Подлипках — на святого Кирилла престол. Что они за люди были? Как жили, чем прославились? За что их в святые произвели? И почему это так устроено, что в одном приходе престол на такого-то святого, а в другом — на такого-то? Никто не знает и не сможет объяснить. Бессмысленно водку пьют, и больше ничего!..

— Так, может, провести нам разъяснительную работу — о происхождении престольных праздников?

— А! Вы не смейтесь! Может, я своей старой головой и не так чего придумала, а всё ж послушайте меня. Надо с этими поповскими праздниками советскими праздниками бороться!

— Клин клином вышибать!

— Ага! Надо в каждом колхозе свой колхозный праздник людям дать! Вот, скажем, наш колхоз называется именем товарища Буденного. А в Сорокине — колхоз Чапаева. Еще где-то у нас в районе, слыхала, есть колхоз имени Валерия Чкалова. Эти люди известные старому и малому, знаменитые люди! Посмотреть бы по святцам: когда там Симеона, Василия?..

— Так зачем же по святцам, если уж на то пошло, — улыбался Мартынов. — В святцах день ангела. По биографии надо смотреть день рождения.

— Ну, день рождения. И в этот день, значит, — праздник по всему колхозу! А святого Пантелеймона —

долой! Провести собрание, доклад сделать людям про нашего именинника, про его житие, заслуги. Ну и погулять, конечно, потом. Не без этого... Может, и телеграмму отбить самому Семену Михайловичу: «Приезжайте к нам в гости на праздник».

— Всюду в свой день рождения он не успеет побывать. Колхозов имени Буденного у нас в стране, вероятно, сотни.

— Не приедет — письмецо нам пришлет, и за то спасибо.

— А не получится, Пелагея Ильинична, — сделав озабоченное лицо, с трудом сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, сказал Мартынов, — что будут в одном колхозе праздновать Симеона, в другом Василия, в третьем Климентия, — опять же пойдут друг к другу в гости всем селом, потеряют месяц и число?..

— Нет, товарищ Мартынов! — доказывала свое старуха. — Вот вы приглядитесь сами: всё же на советские праздники у нас безобразия куда меньше! «День Победы», к примеру. Нелегко она досталась нам, победа, кровь лилась рекою. Либо «Октябрьская революция» — народ власть брал в эти дни, за коммунизм боролся. Понимают люди. Да и совестно же нам, если, скажем, товарищ Буденный дознается опосле, что мы тут без меры за его здоровье нахлебались и отпишет нам: «Что ж вы, товарищи колхозники, мое честное имя позорите? На мои именины у вас коровы стояли целый день недоенные!». Этого мы не допустим! Сам народ в сознание войдет, что в такой день неприлично пьяному в кювете валяться!..

— А ведь она очень большой вопрос подняла! — сказал Мартынов Трубицыну после ухода Сукснцевой. — «Клин клином вышибать»! В старых церковных праздниках много было своеобразной красоты, поэзии. Религиозные праздники не все такие бессмысленные, пьяные, как престольные. Страстна́я неделя, вербная неделя, троица, святки, крещенье, масленица. А Ивана Купала — еще со времен язычества? Ряженые, народные гулянья, венки на воде, песни подблюдные... Вытеснить старые праздники из быта, ничем их не заменив, — трудно. Надо создавать новые красивые, поэтические праздники. Тут есть над чем и комсомолу поработать. День урожая, День тракториста, Праздник песни, такие вот колхозные юбилейные праздники. А те дни, когда в школах за-

канчиваются экзамены, парням, девушкам, вручают аттестаты зрелости? Это тоже можно сделать народным праздником, Днем молодежи, что ли. Да мало ли чего можно придумать. Организовать только нужно с душою!..

Молодой парень, комсомолец Николай Терехов, шофёр из колхоза «Власть Советов», где председателем работал Демьян Васильевич Опёнкин, пришел в райком к секретарю с практическим предложением — как в два счета ликвидировать повсеместно взяточничество.

Он работал раньше на грузовой машине, а когда колхоз купил в воинской части старый «газик», стал возить председателя на «газике». Тут-то у него и наболел этот вопрос — о взяточничестве.

— Душа уже не терпит, Петр Илларионыч, — говорил шофёр Терехов. — Как едем в город в какой-нибудь снаб, так везем в машине мешок яблок, либо свиной окорок, либо пару гусей. Я уж говорил Демьяну Васильичу: «Как комсомолец, отказываюсь такие грузы возить!». Ну, опять же и председателя винить нельзя. Не для себя достает — для колхоза. Нам и гвозди нужны, и кровельное железо, и запчасти, и немало нам всего этого нужно. Хозяйство большое! Не добудем — всё дело станет. Там в гутапе один кладовщик есть, ну, негодяй, до чего же обнаглел! Приедешь к нему с пустыми руками — и разговаривать не хочет! «Нет таких подшипников». А как ты его проверишь — есть или нет? Он же не допустит тебя в склад копаться на полках. А привезешь чего-нибудь — с полоборота всё найдет, выпишет без задержки. Брали вагоны на железной дороге, картошку в Таганрог возили, — и там опять же не обошлось без подмазки. Когда же мы эту болячку ликвидируем, Петр Илларионыч? На моих глазах Демьян Васильич, честный человек, тоже в преступника превратился. Его же давно судить пора, если строго по закону! А за что судить? Надо и в его положение войти. Он — хозяйственник. Вы же первый с него спросите, если у него в хлебопоставку машины будут стоять без подшипников... Хапуги проклятые, ненасытные! Государственным добром торгуют! Я бы их!.. А знаете, как это дело можно изжить? Ехали мы вчера вечером с Демьяном Васильичем из города,

и я надумал. Сейчас у нас ка́к по кодексу законов? И тот отвечает, кто взял взятку, и тот, кто дал. Оба — преступники. Значит, у них круговая порука, один другого не выдаст. Потому и трудно разоблачить того, кто берет. И берёт он смело, знает — не донесут. А надо сделать так, чтобы тот, кто дал взятку, не отвечал перед судом. Не от хорошей жизни он дал. Разбить надо круговую поруку! И — кончится сразу! «А, ты, мол, даешь да еще свидетеля подставишь, шофёра своего либо грузчика, тебе — ничего, а меня в тюрьму загоните? Иди ты подальше со своими гусями!» Никто не решится взятки брать. Да еще про старые дела немало расскажут те, кому приходилось их давать!..

Мартынов исписал листок в настольном блокноте, пообещал Терехову, что его предложение особой докладной запиской пошлет в Москву в Министерство юстиции.

Следующим вошел в кабинет ветеринарный фельдшер из села Круглого кандидат партии Семен Никифорович Кусков.

— Мне по роду моей работы часто приходится объезжать колхозные фермы, — начал Кусков. — Лечу скот, в разных колхозах бываю и вижу, где у кого как дело поставлено. Вы не задумывались, товарищ Мартынов, над таким вопросом: нужны ли нам эти, как их называют, кормодобывающие бригады, не подчиняющиеся заведующим фермами? Кто их выдумал?

— По инструкции создали их. Погоди минутку.

Мартынов встал, прошел к двери, распахнул ее.

— Не скучно вам здесь сидеть, товарищи? — обратился он к ожидающим очереди. — Чтобы не думалось вам, что секретарь пустяками, может, занимается, а вам приходится ждать, — заходите все, веселее вам будет. У нас не секретный разговор. Послушайте, о чем говорим. А кто хочет со мною с глазу на глаз — придется немного подождать, пока других отпущу. Вот тут есть и животноводы. Заходите!

В кабинет вошло человек семь, среди них трое, которым разговор о животноводстве был небезинтересен: председатель колхоза, секретарь парторганизации другого колхоза и зоотехник.

Мартынов сел за стол:

— Продолжай, товарищ Кусков. Что́ говоришь — не нужны кормодобывающие бригады?

— Не нужны! За зимовку скота отвечает один бригадир со своими людьми, а корма́ заготавливают ему другой бригадир, другие люди. И валят вину друг на дружку: «Ты не обеспечил ферму кормами на зиму!». А тот: «Вы не умеете наши корма использовать!». Сущая обезличка, товарищ Мартынов!

Присутствовавшие в кабинете председатель колхоза и зоотехник выразили полное согласие с Кусковым:

— У семи нянек дитя без глазу!

— Вододобывающие бригады еще бы организовать, чтоб за водопой третий бригадир отвечал!

— Надо передать тех людей, что в кормодобывающих бригадах числятся, — продолжал Кусков, — в полное подчинение заведующему фермой или завживотноводством, и пусть они, животноводы, сами себе подвозят, заготавливают корма́. Так лучше будет, товарищ Мартынов! И людей, и тягло, и инвентарь какой есть — всё передать им. Чтоб один начальник полностью за всё животноводство отвечал — и за заготовку кормов и за содержание скота. Не будут тогда кивать Иван на Романа, а Роман на Петра!.. А слово-то какое выдумали: кормодобывающая! Добыть это я понимаю — выпросить, либо украсть, либо из-под земли достать, как уголь или нефть. А чего ж добывать-то сено? Оно — сверху. Если посеял клевер, суданку, так добудешь сено. Скосить, заскирдовать во́-время — вот и есть корма́, добыл без громких слов.

— Что ж, — заключил Мартынов, — в пятницу у нас будет районное совещание животноводов. Сельхозотдел проводит. Обсудим твое предложение, товарищ Кусков. Предложение, мне кажется, дельное...

Грузный, широкоплечий седой человек, с могучей атлетической шеей, остриженный «ежиком», в старомодном, длинном, в обтяжку, пиджаке, придвинулся со стулом к столу, привстав, протянул Мартынову через стол широкую, как малая саперная лопатка, руку:

— Житель вашего района, пенсионер, бывший цирковой борец, чемпион Европы, Андрей Кожемякин.

— Слышал, слышал, как же! — воскликнул Мартынов, с опаской вкладывая свою руку в ладонь Кожемякина. —

Знаю, что есть у нас в районе такая знаменитость. Мальчишки однажды на базаре мне показывали: «Вот Кожемякин идет!». Садитесь, Андрей...

— Маркович. А ваше, простите, как имя-отчество?

— Петр Илларионович. Что-то не часто видно вас в городе?

— В Озерках живу. В глушь забрался.

— На отдых? Как Поддубный? Поддубный, кажется, в Ейске жил на пенсии?

— В Ейске. Он-то родом был сам не из Ейска — с Полтавщины. А Озерки — родина моя. Домишко там есть у нас. Сад посадил, пасекой обзавелся. Вот привозил сегодня на базар мед продавать... Поддубного вспомнили?.. Между прочим, могу похвалиться: встречался с Иваном Максимовичем на ковре. Правда, положил он меня на шестнадцатой минуте. А кого он не клал? Эх, что говорить! Были богатыри!

Старик, заметив, что собравшиеся у секретаря райкома люди и сам секретарь не прочь послушать его, стал рассказывать о своих встречах на ковре, о поездках по разным странам, о победах сильнейшего борца мира Ивана Поддубного, о европейском чемпионате 19... года, в котором он сам вышел победителем. Мелькали французские, турецкие, немецкие, английские имена борцов, забытые и полузабытые ныне. Вошел второй секретарь райкома Медведев, хотел что-то спросить у Мартынова и тоже заслушался рассказом старого чемпиона, уселся на диван.

— Когда же вы бросили борьбу и сколько вам сейчас лет? — спросил Медведев.

— Лет мне сейчас шестьдесят пять. (Все сидевшие в кабинете заулыбались, переглянулись: попадись в «двойной нельсон» такому старику!) А с манежа я ушел в тридцать шестом году. Работал в Мухине на механическом заводе. В военное время эвакуировался с заводом на Урал. Там еще в заводском клубе немножко тренировал молодежь по французской борьбе, — сейчас-то она называется классической борьбой. А после войны совсем пошел на отдых. Приехал в Озерки к своим родителям — отец мой с матерью еще живы были.

— А чего вы вздохнули, Андрей Маркович: «Были богатыри!»? — спросил Мартынов. — И сейчас у нас есть хорошие борцы.

— Есть, есть... Я-то к вам, товарищ секретарь, по делу пришел.

— Слушаю вас.

Мартынов придвинул к Кожемякину коробку папирос.

— Спасибо, не курю. Никогда этим не занимался. Считаю, что легкие человека приспособлены для вдыхания чистого воздуха, а не дыма, — не в обиду вам, курящим, будь сказано. — Старый борец гулко, басом, откашлялся, окинул взглядом всех сидевших в кабинете. — Ехал я, товарищи, из Озерков на колхозной машине и по пути, в селе Кудинцеве, обратил внимание на такую картину: в одном дворе на крыше хаты — мельничный жернов. По размеру — пятерик, пудов двадцать пять. Как же он туда попал? Не святым духом, конечно, люди его туда встащили. А зачем?.. И вспомнилась мне моя юность, как мы, озерковская молодежь, по ночам гуляли, разбойничали. И ворота, от нечего делать, от одного двора к другому переставляли и амбары из двора во двор переносили. Силушки много, дури еще больше! А то, бывало, уснет хозяин летом во дворе на телеге с сеном, мы возьмем его с телегой на руки, чтоб не разбудить стуком, и — в речку на мелководье. Просыпается он ночью — что такое, вода кругом?! Так, должно быть, и в Кудинцево жернов на крышу попал. Гуляли ребята, пока улица разошлась, проводили девушек по домам, ночь длинная, спать не хочется, — чего бы еще такого сотворить? А давайте-ка вот этот жернов кому-нибудь на крышу встащим! Пусть потом хозяин попробует снять его оттуда! Попыхтели, должно быть, над ним, пока встащили!.. А не лучше бы эту силу молодецкую на полезное дело направить?

В дверь заглянул высокий парень в лыжной куртке, с русыми, пышными, зачесанными назад волосами, с двумя авторучками в нагрудном кармане.

— Ну-ка, зайди, — кивнул ему Мартынов. — Этот вопрос, кажется, и тебя касается. Познакомьтесь. Наш секретарь райкома комсомола. Товарищ Кожемякин, бывший чемпион...

— Знаю, знаю товарища Кожемякина! — перебил Мартынова вошедший парень. — Был в Озерках — показывали мне и дом, где он живет... Здравствуйте! Рыжков.

— Не обращайте внимания на его спортивный ко-

стюм, Андрей Маркович, — сказал Мартынов. — Для фасону носит. Спортом не занимается. Погряз в бумажках. Ни разу не видел его на лыжах. Организу-ют, организу-ют всё товарищи! Кроссы, велопробеги, а сами не принимают участия. А вам бы вот, комсомольцам, да в первую очередь райкомовцам, поучиться у товарища Кожемякина французской борьбе! Не в каждом районе найдешь такого учителя — чемпиона Европы!

Широкое, скуластое, с мелкими оспинками лицо старого борца расплылось в улыбке:

— Товарищ секретарь! Да вы же угадали мои мысли! Я за этим к вам и пришел!.. Хочу переселиться из Озерков в город. Надоело уж мне что-то с огородом да пасекой возиться. Хутор — двенадцать дворов, до села далеко. Могу переехать сюда, если пожелаете. Сын у меня механиком в Олешенской МТС работает. Отдам ему всю домашность. А себе куплю здесь домишко. Только дайте мне занятие! Допустите меня к вашим школам. Буду ребятам французскую борьбу преподавать. Могу и по самбо тренировать. А это же знаете, какая борьба!

— Самооборона без оружия, — сказал Рыжков. — Особенно разведчику полезно знать самбо.

— Да, да, молодой человек! Очень полезно! Из разных видов борьбы отобраны приемы. И джиу-джитцу, и бокс, и монгольские приемы, и индейские. Каждый должен знать их. Чемпион-то не из каждого выйдет, но для себя нужно знать, для дела. Вдруг какой-то бандит на вас набросится — как его обезоружить, чтоб он и глазом моргнуть не успел? Или как в разведке часового снять без шума, без выстрела?..

— Небось, сколько нас тут есть, один, два, три... — пересчитал Медведев сидевших в кабинете, — от всех отбились бы приемами самбо?

— А выходите!..

Дружный хохот остановил увлекшегося старика, направившегося было уже на середину комнаты, на ковер.

— В другой раз как-нибудь, Андрей Маркович! — смеясь, сказал Мартынов. — И в другом месте, не здесь.

Старый борец, молодецки подкрутив усы, вернулся к столу, сел на место.

— А всё же, товарищи руководители, нужно думать и о будущих чемпионах, — продолжал он. — Вы меня

спросили, Петр Илларионыч, отчего я вздохнул? Да вот — вспомнили Поддубного. Говорите — и сейчас есть хорошие борцы. Есть, но всё же про таких богатырей, каким был Иван Максимыч, еще не слыхать. Так надо же их выращивать! Учить, тренировать нужно молодняк, который сызмальства силу и способности проявляет! Сам Иван Максимыч признавался, что от упражнений и борьбы стал втрое сильнее, чем был отроду.

— Мне, товарищ секретарь, — почти умоляющим тоном закончил старый борец, — и жалованья за это не нужно. По-любительски буду работать. Очень уж я соскучился по этому делу! Под старость даже как-то хуже стало. Так всё в памяти прояснилось!.. Сам уже не могу выйти на манеж, так хоть на других полюбуюсь. Передам молодежи свое. Что ж мне его — в могилу уносить?..

Мартынов поглядел на Медведева, на секретаря райкома комсомола.

— В школьных программах нет таких часов, — сказал Медведев, — чтобы можно было в учебное время борьбой заниматься.

— Как же нет! — возразил Рыжков. — А часы для физкультуры?.. А впрочем, я думаю, надо сделать иначе. Борьбой всех не охватим, а физкультура — это обязательно для всех учеников. Надо при клубе организовать кружки. Можно и в школах, в спортзалах, после занятий, в вечернее время. Если поздно придется домой возвращаться, вас, Андрей Маркович, комсомольцы будут домой провожать, чтобы кто-нибудь в темном переулке вас не обидел.

Мартынов спросил у секретаря райкома комсомола:

— А тебе, Рыжков, известно, что в Лиственичном произошло?

— Нет, не знаю еще, Петр Илларионыч, что там произошло.

— Плохо, что не знаешь. В Лиственичном трое учеников средней школы спутались с бандитами, участвовали в поджогах и грабежах. Прокурор мне сегодня утром докладывал. Серьезный сигнал для нас!..

— Так я же говорю, товарищ секретарь, сегодня жернов на крышу встащат, а завтра скирд подожгут!

— Да, одними политзанятиями молодежь, конечно, не заинтересуешь...

— Учителя вот жалуются, Петр Илларионыч, — про-

должал Кожемякин, — что мальчики шумят на уроках, балуются. А я им всё про спорт толкую: «Пусть побольше на переменах шумят! Пусть там они свою силу расходуют! Чемпионаты, соревнование за первенство! Дайте разгуляться силе молодецкой — в другое время, в другом месте, не в классе, не за партой. Тогда и на уроках будет тишина!».

— Договорились, Андрей Маркович! — встал, крепко, двумя руками пожал руку Кожемякину Мартынов. — Переезжайте из своих Озерков в райцентр. В чем будет нужна вам помощь — поможем. И вы нам поможете. Не во всех районах есть чемпионы Европы. Уж из этого-то мы сумеем извлечь для себя пользу! Может, и нас вот с товарищем Медведевым подучите, на всякий случай, самбо?..

— А всё же, товарищ секретарь райкома партии, — остановившись на пороге, приоткрыв уже своим могучим плечом дверь, сказал Кожемякин, — как-то у нас за последнее время насчет чемпионов ослабло. Не про борьбу говорю, а вообще... Помните, как было до войны? Валерий Чкалов — через Северный полюс. Вслед за ним — Громов. Девчата на Дальний Восток без посадки несколько тысяч километров пролетели. Папанин — на льдине. Коккинаки в гору лез, мировые рекорды покрывал. На стратостатах до седьмого неба добирались. Вот они, русские богатыри!.. Может, это только мне запомнилось, потому что у меня такая азартная душа? Всю жизнь на том провел: «кто кого»? Нет, вся Россия переживала! У радио толпы собирались. Газеты нарасхват. И не один день. За папанинской льдиной целый год следили. Все ребятишки в зимовщиков играли. Интересная жизнь! А почему же сейчас затихло? Что у нас нынче Чкаловых нет? Быть не может, есть они! И техника куда посильнее! Теперь уж можно без посадки подальше залететь! На планету Марс пора лететь!.. Или правительство наше не тем сейчас занято? Каналы, колхозы, то, сё? Так надо бы и этому внимание уделять. Вот о молодежи мы говорили. А это тоже влияет на молодежь — геройство, романтика! Опять же — первенства нам не нужно упускать! Вдруг какой-нибудь чёрт возьмет да и махнет на эти планеты раньше нас?..

— Урожайный у нас сегодня день на людей, — сказал Мартынов, возвращаясь к столу. — Ну что ж, от

французской борьбы и полетов на Марс — к нашим районным будням?.. Чья очередь?

— Моя, товарищ Мартынов, — отозвался мужчина лет сорока пяти, заведующий мастерскими колхоза «Искра», он же секретарь колхозной парторганизации, сам по профессии кузнец, Герасим Иванович Храпов. — Вот — об этих самых буднях... Наш вопрос тоже жерновов касается, про которых этот борец рассказывал. Только — с другой стороны... Почему этот жернов в Кудинцеве валялся не на своем месте, не на мельнице был? Так в Кудинцеве ж мельница уже лет десять, как не работает!.. Товарищ Мартынов, товарищ Медведев! Вот мы на большие дела замахиваемся, всякие планы строим, чтоб и то было в деревне, и то было, мечтаем, чтоб со временем деревня с городом поравнялась, а самого маленького, простого для удобства жизни — нету! Мельниц в селах нет! Негде колхозникам муки себе смолоть. В Сухановский район возят — за восемьдесят километров. Ближе нету мельницы.

— А почему ты, товарищ Храпов, пришел с этим вопросом в райком? — спросил Мартынов. — Дело хозяйственное. Почему — не в райсовет?

— Посылали мы в райсовет протокол общего собрания, — продолжал Храпов. — И я лично от себя писал письмо товарищу Руденко. Не только про наш колхоз, а вообще — какое нынче положение с мельницами. Ответили нам: «Ваши жалобы пересланы в облисполком»... Мой отец, товарищ Мартынов, был мастер по мельничным установкам, большой специалист, и я с детства ходил с ним по селам, помогал ему. Где строили мельницу, где ремонтировали, где жернова наковывали. Сколько было мельниц в округе — ни одна наших рук не минула. Уж я-то знаю, что́ было здесь, ка́к было. И как теперь стало. Об этом я и писал товарищу Руденко. Было — в каждом селе не ветряк, так водяная мельница, а то и две-три. У кого и лошади нет — взял мешок на плечи, отнес, смолол. Близко, удобно. А сейчас одна мельница на район осталась, в райцентре. По два месяца ждали люди очереди на помол. Закрылась на ремонт — и вовсе беда. Хоть в Сухановский район, говорю, вези. Да хоть по десять килограммов на трудодень будем мы давать колхозникам — мало радости людям, если негде смолоть! А сколько фуража зря переводим! Разве можно

цельное зерно скармливать скоту? В навоз зерно идет! И половины нет той питательности, что в муке!..

— В самом деле, — откинувшись на спинку стула, задумался Мартынов, — почему у нас мельничное хозяйство пришло в такой упадок?..

— Почему? А я расскажу вам, товарищ Мартынов, почему... Мельницы были кулацкие. Кулаков ликвидировали, а мельницы как-то к порядку не произвели. То колхозам их передавали, то трестам, то другим организациям. Не было хозяина этому делу. Опять же — глупости всякие. Скажем, плохо идут в области хлебозаготовки или семенные фонды не засыпаны. Распоряжение: закрыть мельницы! Чтоб зерно не утекало, чтоб не перемололи, часом, лишнее зерно, которое можно в заготовку сдать. Закрываются мельницы, специалисты уходят кто куда, оборудование портят, растаскивают. Объявление: можно пустить опять мельницы. А там уже пускать нечего и некому. И гарнцевым сбором прижимали. Хороший ли урожай, плохой ли, много ли дней в году работала мельница в колхозе, или, может, больше стояла, чем работала, а гарнец — сдай, сколько начислено! Выгоднее совсем закрыть мельницу, чем работать. Вот так оно и заглохло дело... А как же можно в сельском хозяйстве без мельниц? Если даже одна большая вальцовая мельница на район — и то мало! В каждом колхозе надо иметь мельничку — для хозяйства, хотя бы простого помолу. Не водяную, так ветрячок. А где торфом богаты — локомобиль поставить. Но сейчас, должно быть, и заводов таких нет, где бы оборудование для маленьких мельниц выпускали?..

— Я, товарищ Мартынов, — продолжал Храпов, — и кузнец и по мельничному делу мастер, могу камень наковать, веретено установить. Я и колесник и плотник... Вот еще в чем беда у нас. Одни старики остались в колхозах по мастерству. Помрут — нету смены им. Молодежь нынче прямо на большую технику прет, в МТС, на трактора, комбайны, а к ремеслу как-то уже не то рвение. Что ж, МТС, конечно, дело великое, там вся механизация. Но и коня в колхозе нужно кому-то уметь подковать! И колесо ошиновать, и сани смастерить, и избу срубить! И эту самую мельницу установить!.. Какую бы тут работу провести, товарищ Мартынов, с народом, как бы рассказать, доказать, что это дело, мол, тоже нужное?

Чтоб и к ремеслу у молодежи не пропадал интерес?.. Может, выставку такую сделать в районе — лучшие работы лучших колхозных мастеров? Прославить этих мастеров в газете, премии им дать?..

Продолжать прием Мартынову не пришлось, хотя среди тех, с кем он еще не говорил, тоже, вероятно, были пришедшие в райком не по пустякам. Позвонили из обкома: срочно выехать в Л-ский район, к часу дня, на кустовое совещание первых секретарей райкомов «по вопросу зимних мероприятий по повышению урожайности».

Второй секретарь Медведев увел Храпова и остальных, кого не успел принять Мартынов, в свой кабинет.

— Чем только не приходится заниматься секретарю райкома партии! — сказал Мартынов, застегивая пальто и втаптывая валенки в калоши. Шутливо перекрестился на стенные часы: — Господи боже, дай мне такую голову, чтоб вмещала всё, что за день услышишь, увидишь! У министра и то, должно быть, работа проще, чем у секретаря райкома. Там — одно ведомство, выпуск такой-то продукции. А тут — и хозяйство, и идеология, и французская борьба, и здравоохранение, и революционная законность, и детские сады!.. А всё же работа у нас в райкоме интересная! Чем сложнее — тем интереснее!..

3

Провожая Марью Сергеевну Борзову в Семидубовскую МТС, — совсем, на жительство, на работу, — Мартынов давал ей такой совет:

— Когда подъезжаешь или подходишь в поле к трактористам, колхозникам — подходи с опаской, бойся их.

— Зачем же бояться?

— Пойми меня правильно. Может быть, я не так сказал, не подберу слово... Не их бойся — себя. Не робей, но чтоб всё же было в сердце беспокойство: сумею ли поговорить с народом не впустую, а так, чтобы надолго след остался? Понимаешь меня?

— Кажется, понимаю...

— У нас, партийных работников, обязанности как будто несложные. Мы не врачи, не агрономы, не инженеры, не специалисты, в общем. За рабочим столом у нас никаких инструментов, кроме пера и чернил.

И в поле выйдем — ни рулетки в руках, ни гаечного ключа, ни теодолита. Чем работать? Одно орудие у нас — слово. Грубо выражаясь, языком работаем. Но языком можно по-разному работать! И дьячок языком работает... Слово — вещь неосязаемая. Ни металл, ни дерево, ни зерно. Но наше слово может стать и металлом и зерном! Смотря какое слово — сама понимаешь... И зерном и металлом может стать, — но может стать и ширмой для бездельников. Собрал народ, отбарабанил доклад, — грамотному человеку не так уж трудно прочитать по бумажке то, что слово в слово выписал из «Блокнота агитатора», — подсчитал количество выступивших — активность достаточная, ставит птичку в плане работ: «Мероприятие проведено». А подвинуло ли это «мероприятие» жизнь хоть на сантиметр вперед?..

— Вот еще, что мне иногда приходит в голову, — продолжал Мартынов. — Опять же насчет встреч с народом... Скажем — секретарь обкома. Область большая, ведь он за всю свою жизнь не успеет побывать во всех колхозных бригадах. Разве только так: «здравствуйте — прощайте». Так не нужно! Так лучше к колхозникам не показываться. Но он должен суметь побывать в одной бригаде так, чтоб люди три года вспоминали и всем рассказывали о его приезде: как он с ними разговаривал, что сделал у них, чем помог. Главное — что̀ сделал. Чтобы не просто вспоминали его шутки и что̀ он в ответ какому-то местному острослову отмочил, а вспоминали бы его стиль работы! Другим руководителям, большим и маленьким, — пример!.. Каждая наша встреча с народом — это слово, которое должно быть обязательно воплощено в дело. Чувствуй ответственность этих встреч! Бойся бесплодности, пустоты!..

— Когда я сама была трактористкой, — сказала Марья Сергеевна, — то видела и таких руководителей, что по-настоящему людей боятся. Приедет иной начальник из района и идет мимо вагончика в поле, подальше, колоски рвет, зерно щупает, подзовет к себе туда учетчика, дневную выработку запишет, плуги, культиваторы целый час с таким интересом рассматривает, будто первый раз их видит. А нас, трактористов, зло берёт: чего ж ты от нас, живых людей, к мертвому железу убегаешь?..

— Инженеры человеческих душ...

— О ком ты? — спросила Борзова.

— О нас с тобою. Партийные работники — инженеры человеческих душ.

— Насколько мне помнится, — возразила Марья Сергеевна, — это было сказано о писателях.

— Ничего. Писатели не обидятся, поделятся с нами этим званием. К нам оно тоже подходит. Во всяком случае, партработники *должны быть* инженерами человеческих душ!.. А кадры, Марья Сергеевна, и в МТС и в колхозах нужно искать поглубже. Не всегда они — на виду. Если бы кадры дефилировали прямо по улицам перед нашими окнами, целыми толпами, чего проще — зови, выбирай, кто тебе больше понравится, и посылай на любую работу. В том-то и дело, что хороший человек сам не придет к нам и не скажет: «Я — хороший. Давайте мне ответственный пост». Искать надо кадры. Если бы их так легко было находить и не было бы трудностей с кадрами — вообще не было бы у нас уже никаких трудностей!..

Спустя неделю, встретившись с Мартыновым на сессии райсовета, Марья Сергеевна сообщила ему:

— Интересный человек есть у нас в Марьине, Петр Илларионыч! Дорохов; не слыхал о таком? Работал когда-то председателем колхоза «Родина» и, говорят, очень хорошо работал, при нем этот колхоз гремел. Еще в сороковом году закончил заочно агротехникум. С войны пришел майором.

— Где же он сейчас?

— В Марьинском лесничестве. Лесник. Почему он не попал после войны опять в «Родину» председателем — он сам тебе расскажет, если вызовешь его. Целая история! Из партии его исключили, судили. Десять лет, кажется, дали. Верховный Совет помиловал. Но как его там в колхозе вспоминают! Как отца родного!

— Что ж, — сказал Мартынов, — я завтра утром буду в Марьине. В лес оттуда километра три? «Газиком» проедем? По пути заеду в Семидубовку, захвачу тебя или Глотова. Посмотрим, что́ за Дорохов. За что его судили?

— За дуэль.

— Что-о?..

— Так мне люди говорили, не знаю точно. Надо, в общем, всё выяснить подробно.

— Ладно, поедем, выясним.

«Газик», взрывая буфером свежевыпавший глубокий снег на лесной дорожке, подъехал к одинокому жилью лесника, остановился у закрытых высоких тесовых ворот. Шофёр просигналил два раза и заглушил мотор.

В старом темном лесу было сумрачно, тихо. Величественные дубы, «озимые», с засохшими, но не опавшими листьями, чуть слышно шелестели верхушками. Огромная ель у самой избы склоняла на крышу отягченные снегом разлапистые ветки.

Дверь рубленой избы приоткрылась, женщина в наспех накинутом платке с порога присмотрелась, крикнула кому-то через двор:

— Вася! Охотники приехали!

Из сарая вышел высокий человек лет сорока пяти в стеганке и ушанке, с вилами, открыл ворота, впустил «газик» в огороженный плетнем двор, и лишь когда машина остановилась у порога избы, заглянув в нее, поинтересовался — кто к нему приехал.

— А, товарищ Мартынов! — Скупо улыбнулся. — Товарищ Глотов. Ошиблась жена. Кажется, не охотники.

— Знаете меня? — спросил Мартынов, вылезая из машины и протягивая руку.

— Знаю. Видел вас в городе на Октябрьском митинге.

— А я вас не знал. Приехал познакомиться. Товарищ Дорохов?

— Дорохов. Что ж, милости прошу — в избу.

...В чистой комнате, со свежевымытым полом, с репродукциями картин Репина и Левитана из «Огонька» на стенах, было уютно, тепло, но темно — от черных веток ели, свисавших на окна. На столе горела семилинейная керосиновая лампочка. От самовара приятно пахло перегоревшими еловыми шишками. Мартынов, Глотов, шофёр и Дорохов — сурового вида мужчина, с лохматыми ру-

сыми бровями и такими же русыми усами, — сидели за столом. Жена Дорохова в другой комнате, в кухне, рубила солдатским ножом-финкой в деревянном корыте тыквы на корм свиньям.

Дорохов взял пол-литровку, в которой оставалось немного водки, поглядел на свет:

— На слёзы оставили. Давайте уж допьем...

Разлил водку по стопкам:

— Закусывайте грибами. Вот еще штука — моченый терн... Чем хороша лесная жизнь: уж этого добра, грибов, ягод всяких, — пропасть! Рыбы здесь в речке, не полениться — каждый день будешь со свежачком. Охота хорошая, особенно в перелет, на Чистом озере. Между прочим, знаю место, где волки держатся, два старика и два переярка. Можно обложить. Если занимаетесь этим делом, товарищ Мартынов, приезжайте с ружьем — организуем облаву.

— Да надо бы как-то вырваться к вам сюда на денек, отдохнуть.

— Тихо здесь у вас, — сказал Глотов.

— Не всегда тихо. В бурю — ух, как шумит лес! Земля стонет. Вот эта ель так качается — того и гляди, угол избы свернет. И рубить — жалко. Красавица!..

Дорохов налил всем чаю, подвинул на середину стола тарелку с сотовым медом:

— Кушайте. Тоже — своего производства.

Мартынов с аппетитом выпил два стакана чая, устало откинулся на спинку деревянного крашеного дивана:

— А говорили мне, товарищ Дорохов, что вас судили за дуэль.

— Какая дуэль! — угрюмо усмехнулся Дорохов. — С чего бы это я стал старые офицерские обычаи возрождать? Да и не тот случай, когда на дуэль вызывают. Просто — убийство, самое настоящее. Я и на суде так говорил: «Разбирайте мое дело как убийство. Если он случайно жив остался — то мне не в оправдание. Если бы эта женщина не подтолкнула меня в руку, я бы ему попал, куда нужно! На таком расстоянии, на пятнадцать метров, я из хорошего пистолета в гривенник не промажу».

— Какая женщина? Жена?

— Нет...

— Так ты уж расскажи нам всё по порядку, Доро-

хов, — сказал Глотов. — Что́ за человек, как вы с ним встретились, из-за чего это у вас получилось?

— Да, видно, придется рассказать...

Дорохов оторвал угол газеты, которой поверх скатерти был застлан стол, свернул толстую цыгарку, прикурил от лампы:

— Встретились мы с ним в поезде, когда ехал я домой после демобилизации. Фамилия его Калмыков, четыре звездочки было на погонах — капитан. Разговорились — оказывается, в одной дивизии служили и даже в одном госпитале лежали, только в разных отделениях. И ехать нам по пути: мне в Марьино, ему в Соломенский район, двадцать километров подальше... Пришли мы со станции пешком в село. Устали, напрямик шли, без дороги, снег глубокий, по колено. Часа два было времени, солнце уже по-зимнему — к закату. Ему уж сегодня домой не дойти... Ну, где бы нам тут заночевать?

— У тебя что — никого родных не было в Марьине? — спросил Глотов.

Дорохов помолчал.

— Были. Жена была... Не эта. Первая жена. Но к ней я не пошел. Почему — это особый разговор. А больше родных не было... Там, в Марьине, как перейдешь мост, жила одна наша колхозница, Полина Егоровна Черноусова, тетя Поля мы ее звали. До войны работала кухаркой в тракторной бригаде. Долго работала, лет семь. А после освобождения, когда восстановили МТС, года три, да пока и война кончилась, работала бригадиром тракторной бригады. Вы должны бы ее знать, товарищ директор.

— Нет, не знаю, не слыхал.

— Да, вы сюда позже приехали... Вот к этой тете Поле мы и завернули с капитаном. Обрадовалась, захлопотала! Я же у них председателем был до войны. Затопила печку, курицу стала ловить в сенях. «Да что мы, говорим, фрицы, чтоб твою последнюю курицу сожрать?» Не дали ее зарезать. В хате бедность, сорок четвертый год. Топчаны немецкими травяными мешками застланы, стол из снарядных ящиков, консервные банки вместо тарелок. Так меня эта бедность резнула по сердцу! Они хорошо жили, Черноусовы, два сына ее работали в бригадах, трудодней до тысячи имели семьею, одного хлеба получали тонн по пять... Сварила она щей,

картошек, самогону принесла. И у нас был спирт, консервы. Сели мы обедать. Она нам рассказывает, что они переживали тут при немцах, кто был в партизанах, кого повесили, кого расстреляли, как староста издевался над бывшими стахановцами, как разорили колхоз и с чего они начали после освобождения — с двух трофейных кляч; как тракторы из выбракованных деталей собирали, как она подучилась на месячных курсах и сама села на машину — некому было больше восстанавливать колхоз, старики да детишки остались... Спросил я ее про жену. Подтвердилось, о чем мне на фронт писали. «Ну что ж, говорю, тетя Поля, мы у тебя здесь и заночуем. А завтра подумаю — где жить, как жить»...

И вдруг этот мой попутчик, капитан Калмыков, — его развезло, прилег на лавке, но, видно, не спал, слушал, — поднимается, перебивает наш разговор. Я ж его совсем не знал — кто он, что он. Случайно встретились в дороге. Красная звездочка на шапке, серая шинель, а что́ под той шинелью?.. Хлопнул он еще полстакана спирту и такое понес! «Слушаю я, говорит, вашу беседу и вижу, что вы тут после такой разрухи на двух клячах двадцать лет будете сельское хозяйство восстанавливать. А можно быстренько его восстановить!» — «Как быстренько?» — спрашиваем его. «А так. Раздать ту землю, что у вас гуляет под бурьянами, хозяевам, кто сколько поднимет, — каждый бы для себя постарался!» Тетя Поля смотрит на меня: что за человека ты ко мне привел? Наш офицер, а что говорит!.. «А чем же стараться? — спрашивает. — Голыми руками?» — «То-то и оно, что остались вы с голыми руками. И тракторы не ваши, чужие. А лошади где? Хозяин бы своих лошадок сберег! В лесу, в буераках прятал бы, пока фронт пройдет! Свое, кровное!.. Эх, дали бы мне волю! Сто гектаров сам посеял бы! Для начала!» — «У тебя, говорю, капитан, в Соломенском районе поместье, что ли?» — «Вот оно — поместье!» Взял на колени вещевой мешок, стал копаться в нем. Выкладывает на стол золотые часы, портсигар золотой, какие-то брошки. «Вот, говорит, для начала!.. За эти часы взял бы пару волов, может, еще и с телегой. За эту штуку — сеялку, веялку, полный прицепной инвентарь! А вот — дамские, обратите внимание на отделку: эти камешки не простые! За эту вещичку мешок денег дадут!» Хохочет: «Что, майор?

Есть — для начала». — «Вполне, говорю. Тут такое кадило можно раздуть!» — «То-то же!.. На хозяйство бы это всё перевести! А деньги — что́. Деньги — пропить, прогулять!..» — «Не у всех же такое богатство, — говорит тетя Поля. — А мне с чего начинать? И коровы нет!..» — «Ко мне пойдешь. Прокормлю! Не одну такую, как ты, прокормлю! Возле сильных хозяев и вы не пропадете!» Смотрю я на тетю Полю — стоит она возле печки, прислонилась к стене, лицо белее мела. А он всё копается в мешке. «Вот, говорит, «вальтер» трофейный... Пойдем, майор, постреляем во дворе в цель?» — «Я, говорю, свой «ТТ» в госпитале сдал». — «Из этого постреляем». Вынул обойму, пересчитал патроны. «Четыре штуки. Хватит». — «Идем, говорю, постреляем». Сгреб он со стола в карманы часы, брошки, накинул шинель, пошел, шатается. «Во что будем стрелять?» — спрашиваю. «Возьми консервную банку». И тетя Поля накинула шаль — за нами. Укрепил я банку на дереве в ветках, против заката, отсчитал двадцать пять шагов. Стал он на черте. И ведь как пьян был, а взял оружие в руки — весь как-то подобрался, напружинился, перестал даже шататься. Первым выстрелом — прямо в центр донышка, вторым — туда же, чуть расширил пробоину. «Метко, говорю, стреляешь, капитан!» — «Неплохо. Давай ты». Я взял у него пистолет, отошел в сторону. «Ну, говорю, ты в банку, а я тебе в пуговицу попаду. Вон в ту, с левой стороны». Тетя Поля как закричит, бросилась ко мне с порога. «Эти люди, говорю, колхоз, как самое святое, берегут! А ты!.. Ее — в батрачки?.. Застрелю гадину, чтоб от вас, таких, и племени не было!» А тетя Поля на руке у меня висит. Выстрелил — вот сюда попал, под ключицу. Рана была большая, много крови вытекло, так что тете Поле пришлось бежать в больницу за врачом, унесли его туда на носилках... Да, я два раза стрелял, у нас четыре патрона было. Опять же она помешала мне прицелиться, — погон с шинели сорвал ему второй пулей.

Вот и всё. Вот та́к у нас получилось. Утром меня арестовали. Сидел до суда. Отобрали партбилет, ордена. Потом судили. Приговорили на десять лет. Я обжаловал в Верховный Совет. Описал подробно всё, как было. Показания Черноусовой были на суде. Оттуда затребовали мое дело. Через месяц пришло помилование... Пытался

в партии восстановиться. А у нас до Борзова был секретарем райкома товарищ Слепченко. Больше всего на свете не любил дебоша, пьянства. Если человек вообще дело завалил, но по характеру смирный, непьющий — это ничего, это прощал. Не восстановили меня здесь. Писал в Москву. Вызывали два раза, а я лежал больной, очень тяжело болел после фронта, полгода с постели не вставал. Настя вот меня выходила, с ложечки кормила. Не мог выехать. Так дело и заглохло за давностью... Предложили мне эту работу — пошел. Лес сторожу... Колхозники в «Родине», когда там дело не сладилось при новом руководстве, выбрали было меня опять заочно в председатели, до райкома дошло — там не согласились. Для укрепления парторганизации послали туда коммуниста. Вот так я здесь и присох... Еще чайку по стакану? Настя! Самовар остыл.

Жена Дорохова, маленького роста, полная, с некрасивым, изрытым оспинками лицом, унесла самовар на кухню.

— А не знаете, где сейчас этот Калмыков? — спросил Мартынов.

— Знаю. Живет в Соломенском районе, в селе Гришино. Моя первая жена оттуда родом...

Дорохов нагнулся, пошарил рукой под диваном, вытащил оттуда еще пол-литровку, ударом ладони вышиб пробку, разлил водку — гостям в те же небольшие стопки, себе в чайный стакан, залпом выпил. Мартынов с удивлением посмотрел на него.

— Если уж на то пошло,— после недолгого молчания заговорил Дорохов, — расскажу вам всё до конца — откуда пошли такие слухи, будто я из ревности хотел его застрелить... Первая жена моя, Ольга, когда я воевал, была в партизанском отряде в Каменских лесах. И там она сошлась с одним удальцом, Гришкой Соболевым. Красавец парень. Председателем сельсовета в Михайловке работал. Под стать ей. Она тоже красивая женщина. — Дорохов оглядел стены, где вперемежку с репродукциями из «Огонька» были развешаны фотографии. — Хотел вам показать ее карточку. Не осталось ни одной, Настя все пожгла... Вот об этом мне и написали на фронт. Недолго она жила с ним. Вскружил ей голову, но всё же она сама разобралась в нем. Бросила его. Он там и с другими женщинами путался. Да и удальство-то

его было дурацкое, показное. А обо мне прошел слух, что я погиб под Киевом. Пришел один наш солдат домой в первые месяцы войны и рассказал Ольге, что сам видел, как меня хоронили. Было такое, да. Несли уже меня к братской могиле, но в последнюю минуту заметили, что я еще жив, дышу, — вместо могилы в медсанбат отправили. Оттуда в тыл за Волгу вывезли. Потом я опять на фронт попал.

— Так что, если разобраться, товарищ Дорохов, — вставил слово шофёр, — может, она, жена ваша бывшая, и не виновата?

— Может, и не виновата... А Гришку Соболева повесили немцы. Рассказывали мне партизаны: вдвоем с таким же отчаюгой сделали налет в Христофоровке на спиртзавод. И, может, удачно обошлось бы у них, — часть охраны перебили, часть загнали в караульное помещение и предупредили, чтоб не выходили до утра: заминированы, мол, все двери и окна, — если б сами не напились там, как свиньи. Чуть тепленьких взяли их немцы утром у одной гулящей бабы. Вот... В ту ночь, как случилось у нас это с Калмыковым, Ольга приходила ко мне. Тетя Поля забежала за ней, сказала, что я вернулся... Сижу один в пустой хате за столом, — тетя Поля ушла в больницу, — на полу кровь, перевязывали его в хате, «вальтер» на столе, хмель меня как-то сразу разобрал, уронил голову на руки — и заснул после всего. Чую — в ноги холодом от двери тянет. Поднял голову — Ольга на пороге. «Вася, родной, говорит, прости меня!» Ни словом не упрекнула: «Что ты, мол, здесь наделал?» — должно быть, тетя Поля рассказала ей всё в подробностях. Вытерла тряпкой кровь на полу. «Пусть тебя, говорит, теперь хоть в тюрьму — и я с тобой!» — «Не нужна ты мне, говорю, ни здесь, ни в тюрьме»... И еще приходила она ко мне, когда уже меня освободили, звала домой. Просила, чтоб выслушал я ее — что̀ с нею было, ка́к было. Не стал я ее слушать. Закаменело как-то сердце. У нее от Гришки и ребенок был, сын, умер в лесу... Уехала она к родным в Соломенский район. Хату закрыла на замок, мне ключ прислала. Я потом, когда поступил сюда в лесники, пустил в свою хату квартирантов... И вот там уже, в Соломенском районе, сошлась она с Калмыковым. Ка́к они познакомились — не знаю. Он там сначала на лесном складе работал, проворовался,

как-то выкрутился. А сейчас просто существует под видом инвалида, пенсионера. Построил себе дом кирпичный, полный двор свиней, гусей, огород, «москвичом» обзавелся. Как она, партизанка, с этой сволочью сошлась?.. Или, может, с обиды, с тоски, что я ее не простил? Да — хоть к чёрту в омут! Выходит — я ее погубил?.. Или — назло мне: «Вот ты его убивал, да не добил, а он теперь — мой муж!».

Дорохов налил еще всем водки, себе опять — больше. Мартынов покачал головой, отодвинул стопку.

— Вот отсюда, товарищ Мартынов, и пошли слухи, что у меня с Калмыковым дуэль была из-за жены. Слышали люди звон, да не знают, откуда он. Сплетнями обросло. Знают, что я чуть не убил его, знают и то, что он сейчас с моей женой бывшей живет... Давно было. Кто не знает, ка́к оно было, кто — чего-то придумал... А на суде он говорил, будто я на его драгоценности польстился. Хозяйка — моя сообщница. «Это, говорит, честные трофеи, я не советских граждан грабил, а у фашиста взял, которого сам же убил». А от этих слов, насчет батрачек, отказывался... Вот так и живу. Жизнь себе испортил из-за этого гада!

— Про вас, товарищ Дорохов, в «Родине» люди говорят, что вы до войны почти не пили, — сказал наугад Мартынов: он еще не разговаривал с колхозниками «Родины» об их бывшем председателе. — Не слишком ли вы стали здесь увлекаться этим зельем со скуки?

— Слишком, слишком! — сердито заговорила, выйдя из кухни Настя. — Хоть вы его поругайте, товарищ Мартынов! Редкий день обходится, чтоб не напился к вечеру. Ольгу, что ли, не может забыть, красавицу свою? Или в село его тянет, к людям?

— Могу бросить, — твердо сказал Дорохов и тоже отодвинул стакан. — Нужно будет для дела — совсем брошу!

— Да, — кивнул Глотов, — если бороться с этим зельем, скажем, в колхозе, то председателю первому нужно бросить. Ты же и не учуешь, от кого в рабочее время водкой несет, если сам хоть сто грамм выпьешь.

— Председателю?.. — Дорохов взглянул в глаза Глотову, Мартынову. — Вот что... За этим приехали, товарищ Мартынов?

— А как — есть желание?

— В колхоз?.. Что ж, скажу прямо — согласен. Ежели считаете, что я уже довольно наказан... Пойду! В какой угодно колхоз пойду! Самый отстающий колхоз дайте! Соскучился я по живому делу!..

Мартынов помолчал.

— Подумаем, товарищ Дорохов.

— А что это за тетя Поля, что тебя подтолкнула? — спросил Глотов. — Бригадиром у нас, говоришь, работала? Где она сейчас? Как работала? Что́ за женщина? Расскажи-ка подробнее.

— Черноусова, Полина Егоровна. Сейчас в Марьине живет. Хату продала, — она у нее от бомбежки почти развалилась, отремонтировать силы не было, — при сельпо на квартире живет, уборщицей в сельпо работает. В самое трудное время была бригадиром в МТС. А потом ваш предшественник директор товарищ Христич с главным механиком ее крепко обидели. При сборке машины трактористы забыли в картере ключ. Запустили мотор — ключ попал под шатун, побил поршень, коленчатый вал. Что-то много вычли у нее из заработанного за ту машину. Чуть не во вредительстве ее обвинили. Ушла из МТС, поступила в сельпо... Женщина — золото, я вам скажу, товарищ Глотов! Что характер, что руки! Способности в технике я у нее еще до войны замечал, когда она была кухаркой у трактористов. Бывало, чистит картошку, а сама всё видит, слышит — как трактористы машины разбирают, как новую деталь называют, для чего она служит, эта деталь. Подучилась на курсах — сама стала трактористкой.

Дорохов, который от водки не веселел, а делался как будто даже мрачнее, вдруг неожиданно рассмеялся.

— Приезжаю я как-то к ним в бригаду, смотрю — что́ за механизация? Тетя Поля бросает в цилиндр куски теста, ребята берут поршень, вставляют в цилиндр, нажимают, и снизу — вермишель тоненькими колбасками вылезает. Оказывается — это она придумала. Накрошить ножом лапши на такую артель — дело всё же нелегкое. Облюбовала старый блок, показала ребятам, как заделать снизу цилиндр, сколько дырочек в дне провертеть, как его на станок установить, обмыла старый поршень и соорудила пресс. Час работы — на неделю запас вермишели!..

— Что ж, разыщем и тетю Полю. Ну, спасибо за угощение хозяйке и хозяину! — сказал Мартынов, прощаясь. — И вам, — обратился он к Насте, — должно быть, наскучило здесь, в глуши?

— А, не говорите! — махнула рукою Настя. — Не захотела бы и грибов этих и ягод!.. Я в большом хозяйстве привыкла работать, за общественным болеть, а не за своей крохоткой. Опять же тут — ни кино тебе, ни собрания никакого!.. Я в колхозе «Родина» дояркой работала. Меня в сорок первом к ордену представляли, на выставку утвердили, в Москву собиралась поехать, да война всё перекорежила!..

— На мое место легче найти человека, товарищ Мартынов, — сказал Дорохов. — Какого-нибудь любителя природы, охотника. На любителя тут — рай земной!

— В раю волки не воют, — засмеялась Настя. — А тут как устроят концерт в Кривом логу! Ну, до чего ж интересно, скажите, товарищ Мартынов, воют! С переливами как-то, на разные голоса. Чисто песни играют!..

Дорохов, без шапки и стеганки, и жена его, в одном платке, проводили гостей за ворота, и пока видно было их, пока их «зимовье», изба с громадной елью над крышей, не скрылась за поворотом дороги в гуще дубов, стояли у плетня, смотрели вслед машине.

В дороге Мартынов сказал Глотову:

— Расскажи всё Марье Сергеевне. Пусть разыщет эту тетю Полю. Подумайте — может быть, сто́ит вернуть ее в МТС? А я в «Родине» разузнаю о Дорохове, ка́к он работал. Если действительно хороший организатор, честный парень — порекомендуем его опять туда в председатели. Колхоз надо вытягивать. Куценко не справляется. И к тому же, по последней ревизии — с кассой у него не чисто... Подумаем и об его партийном деле. Трудно будет восстановить, много времени прошло. Может быть, заново пусть подает?.. А насчет Ольги — тут мы ему, пожалуй, ничем не поможем...

Марье Сергеевне не пришлось долго искать в селе тетю Полю. Первая женщина, у которой она спросила, встав с саней возле конторы Марьинского сельпо, где живет уборщица сельпо Черноусова, и оказалась сама Полина Егоровна Черноусова.

— Из МТС? Ко мне?.. Собралась было на почту, посылку от дочки получить... Ну, ладно, пойдемте в хату.

Полине Егоровне было лет под пятьдесят. Рослая, в меру полная женщина, быстрая в походке, ловкая в движениях, из тех, видно, про которых говорят, что у них на работе «всё горит в руках». Жила она во дворе сельпо в маленькой рубленой пристройке к зданию магазина — одна комната.

Женщины как-то легко и просто разговорились, когда Полина Егоровна узнала, что ее гостья тоже бывшая трактористка, знаменитая Маша Громова.

— Давно я не была в Семидубовке, — говорила Полина Егоровна, прибирая в комнате, одергивая занавески на окнах. — Года три не была. Нету дела туда... Ну, как оно там при новом директоре?..

— Люди нужны нам, Полина Егоровна, — приступила к делу Борзова. — К весне хотим организовать женскую тракторную бригаду. Я уже выяснила: в колхозах много есть бывших трактористок. И, говорят, хорошо работали. Со стажем трактористки. Да вот и вы бригадиром были, бросили, ушли из МТС. Разве вам здесь интереснее?.. Скоро получим двенадцать новых тракторов. «ДТ», гусеничные. Незнакомы с этой маркой? Хорошие машины. И придется сажать на них новичков. А что поделаешь? Посадить курсанта на старую машину, изношенную, с капризами — с нею он совсем не справится. И из новой машины он и половины не выжмет того, что опытный тракторист выжал бы!..

— Куда мне в моих летах на трактор! — сказала Полина Егоровна. — Для чуда, что ли? Одна такая — на всю область, людям на удивление. Старая баба — на тракторе едет!

— Ого, старая! Мне ваши бывшие трактористки рассказывали: «Если уж тетя Поля одной рукой не сорвет ручку с места, значит, перетянули подшипники».

Женщины засмеялись.

Полина Егоровна присела у стола, помолчала с минуту, перебирая в пальцах бахрому вязаной скатерти.

— Какой уж тут интерес, Марья Сергеевна, на моей теперешней работе! Полы мою в конторе, в нужнике, простите за выражение, чистоту навожу, печки топлю. Живу так — лишь бы где-то при месте быть. Кабы ничего другого не умела!.. Может, нехорошо я сделала, что

ушла из МТС, но, скажу вам, и так, как со мною поступили, — тоже нехорошо! Отплатили мне за мое старание! Чурки с глазами бездушные!.. Как нам было трудно в первую весну после немцев! Двадцать машин собрали кое-как. Горючего не хватало. Из старых бригадиров только двое вернулись. Пришли по ранению на поправку, ну тут уж мы стали просить военкомат, чтоб оставили их совсем, бронь им дали, без них бы нам пропадать. Все — неопытные, девчата, ребятишки. У меня в бригаде был Миша Брагин, — в армии сейчас он. По годам уже и не дитё, шестнадцать лет, но такое малюсенькое — за рулем не видать. Если выпадет ему в ночную смену заступать — и сама не отхожу от машины, душа болит за него. Весна была холодная, ветры, одежонка на нем плохая. Сядешь где-нибудь под скирдой и наблюдаешь. Гудит мотор, движется огонек — пашет, значит, Миша. Потом, смотришь: остановился огонек и мотор заглох, так и знай — заснул. Подойдешь — трактор стоит, фонарь горит, они оба с прицепщиком залезли под теплый мотор погреться и заснули там. Растормошишь, растолкаешь — еще немного поработает. Эх!.. Прогонишь его в вагон, а сама — за руль. Станешь будить его на зорьке — холодно, вагон аж качает от ветру, он кутается с головою в свой драный кожушок, брыкается: «Мама! Мама! Не буди, я еще немножко посплю». Да я ж тебе не мама. Его мать немцы расстреляли. Всех жалеть — что ж оно получится, когда же мы вспашем, посеем?.. А всё ж пожалеешь, поработаешь за него еще час-два. Вот с такими орлами мы тут и поднимали хозяйство. Два лета и еще одну весну поработала я бригадиром. До полной победы, пока и фронтовики стали возвращаться... И тут случись это несчастье у нас. Разбили мотор. Ключ оставили в картере. Каких я только слов не наслушалась! И срывщица сева и враг народа! Не вошли в мое положение. Да я перед тем, как мы ту машину собирали, три ночи не спала. Я там в картере не только ключ — голову свою могла забыть! Удержали с меня за ремонт чуть не всё, что за весну заработала. Потому и поступила я тогда вот сюда, в сельпо. Жить-то чем-то нужно. Дочка при мне была, ученица. И в МТС нечего получать и в колхозе уже не заработаешь — пол-лета прошло. А тут было тогда — хоть буханку хлеба без очереди в магазин возьмешь.

— Ох, тетя Поля, поверьте мне: сейчас бы так с вами не поступили! — протянув руку через стол, тронула Борзова за локоть Полину Егоровну. — И секретарь райкома у нас другой, и директор МТС товарищ Глотов, — он-то, конечно, с недостатками старик, но тракториста не обидит... А эту скатерть вы сами вывязали?

— Сама... Работа-то у меня какая. До света встану, подмету, поскребу порожки, затоплю печи, а еще чего делать?.. Нравится? У нас таких ниток в продаже нет. Это мне дочка из Ленинграда прислала нитки. Студентка, учится там.

— Красивый рисунок.

— А вы сами — не рукодельница?

— Как вам сказать... Некогда было этим заниматься. Вот когда работала директором «Сортсемовощи» — училась вязать. Работа спокойная, посетителей мало. Закроемся с бухгалтершей в моем кабинете и вяжем.

Тетя Поля пристально посмотрела на свою гостью:

— А я где-то вас видела, Марья Сергеевна. В правлении сельпо, кажись. Вы сюда приезжали по каким-то семенам... Вы не товарища Борзова супруга?

Пришлось Марье Сергеевне рассказать тете Поле и о своих личных делах — как получилось, что Борзов уехал в другой район, а она осталась здесь.

...Разговор у женщин, затянувшийся до вечера, закончился тем, что тетя Поля дала согласие поработать еще года два в МТС.

— Это вы правильно придумали — девчат на машины сажать. Надо, надо приспосабливать их к этому делу! В случае чего, ежели эти оглоеды, что войною грозятся, опять, как Гитлер, такую кашу заварят, мужики, что ж — на то они и мужики: «По ко-оням!». А бабам — хозяйство беречь... Но всё же возраст у меня уже неподходящий, Марья Сергеевна. И силенка не та, и одышка. Поработаю временно, пока смену себе в бригаде подготовлю. Подучу девку, приведу к вам, скажу: «Вот вам бригадир, ручаюсь за нее, как за себя!». А мне уж тогда — на пенсию, что ли? Или — опять ребятам щи варить?..

Директор МТС Глотов и секретари райкома одобрили возникшую у Марьи Сергеевны идею: организовать в Семидубовской МТС женскую тракторную бригаду.

В воскресенье Марья Сергеевна и Глотов приехали в колхоз «Родина», где в клубе собралось человек двадцать бывших трактористок — из Марьина и соседних сёл. Были среди них и молодые женщины, и пожилые, и девушки.

По разным причинам бросили они машины. Та вышла замуж, мужу не понравилось, что она редко дома бывает; у той родился ребенок; ту обидел колхоз с расчетом, выдал по трудодням гнилое зерно, ни продать его, ни себе на муку, только скоту скормить; той досталась очень старая изношенная машина, а директор этого не учел, не повысил норму горючего, за перерасход удержали триста рублей; ту отпугнули грубость, ругань бригадира; та, может, и продолжала бы работать, если б одни девушки были в бригаде, а то бригада смешанная, парни-охальники пристают, поработать с ними год, потом и жениха не найдешь...

На этом совещании, неожиданно для Марьи Сергеевны, флегматичный Глотов вдруг произнес вдохновенную речь о поэзии механизированного труда:

— Женихи, конечно, дело для вас, девчат, большое, отпугивать их от себя вам не следует. Поэтому мы идем вам навстречу и создаем исключительно женскую бригаду. Ну, может, какой-нибудь водовоз у вас будет мужчина, только всего. Старый дед вроде меня. Это не опасно. К такому женихи не приревнуют. И в бригадиры подберем женщину. Вот Полину Егоровну назначим бригадиром. Стало быть, насчет матерщины вопрос тоже отпадает. Этих похабных слов от нее вы не услышите. Как, Полина Егоровна? Или умеешь загнуть не хуже мужика?

— Что вы, товарищ директор! — покраснела тетя Поля.

— Вот, значит, соберется у вас своя женская компания. Тишь и гладь — как в женском монастыре. Или — как на базаре... А работать вам теперь будет легче. Машины у нас сейчас хорошие. Почти обновился тракторный парк. Таких гробов, что только горючее жрут, уже нет. За расчетами колхозов с трактористами мы нынче следим строго, и райком нам помогает. Обещаю вам твердо, что с заработком никого не обидим! И еще скажу вам по секрету: дела здесь, в колхозе «Родина», должны бы пойти на лад. В следующее воскресенье у вас будет

отчетно-выборное собрание. Райком рекомендует вам бывшего вашего председателя — товарища Дорохова.

Женщины, марьинские колхозницы, зашумели:

— Давно просим Дорохова!

— Пять лет у нас работал, во́ как колхоз поднял!

— Грамотный, образованный, хозяйство понимает!

— Не грубиян, с народом советовался.

— При нем и вагончик был хороший у трактористов и кормили хорошо!

— Насчет вагончиков я вам скажу, девчата, — продолжал Глотов, — что это еще не предел нашей заботы о трактористах. Вот тут говорили замужние женщины: редко приходится бывать дома, мужья обижаются. Так и мужчине-трактористу опять же плохо быть всё лето в отрыве от семьи. Хороший полевой вагончик — это уже дело пройденное. Нынче, при нашем транспорте, у нас есть возможность возить на машинах смену домой, если тракторы далеко от села работают, и опять же привозить обратно в бригаду. Этот вопрос мы продумаем!

Так какие же препятствия остаются, товарищи женщины? Единственно — было бы ваше желание освоить новую технику и оседлать ее по-стахановски!.. Да как вы могли бросить такую почетную специальность? Неужели вам в горшки заглядывать интереснее, чем заглядывать на тысячи гектаров? Тракторист — самая главная должность в селе. Тракторист — великан, богатырь, вот кто есть такой тракторист нынче в колхозе! Вспахать тысячу-полторы гектаров в переводе на мягкую пахоту — это что такое? Махина! Вот что может сделать один человек, когда у него в руках техника! Тысяча гектаров! Это вам не чулок связать, не портки мужу выстирать!

— Так от портков никуда не денешься, товарищ директор! — возразила одна трактористка. — Всё одно, в дождь либо как подменят тебя на день, прибежишь с поля домой — и за портки!

— Одно дело, — с пафосом продолжал Глотов, — когда портки являются у тебя, так сказать, основным в жизни, а другое дело, когда, кроме портков, есть... — замялся, подыскивая нужное слово.

Ему помогла закончить фразу другая трактористка, немолодая женщина, вдова, и под общий хохот, закрывшись шалью, спряталась за мощные плечи сидевшей впереди Полины Егоровны.

— Да, — не смущаясь, продолжал Глотов, — вижу, что мужчину вам в бригадиры давать нельзя. Не вы от него, а он от вас наслушается разных словечек!..

— Да что вы нас так корите горшками да портками, товарищ директор! — заговорили женщины. — Будто мы все в домоседок превратились! Мы в колхозе работаем!

— Это не работа, а преступление! Всё равно, как бы к дизелю прицепить двухкорпусный плуг с «фордзона» и гонять его порожнем. А он может двенадцать корпусов потянуть! Та в детяслях нянькой, та в звено пошла, на деляночках с сапкой копается, та телефонисткой на почте заделалась. Одна, говорят, здесь в «Родине» даже в крысоловы определилась, грызунов в амбарах травит. Подходящее для трактористки занятие! Да как вам самим не тошно? Неужели не просит душа простора?.. «Развернись плечо, раззудись рука!» как писал поэт Кольцов! Не зудят руки? Вся колхозная степь, а не деляночка, не телефонная трубка — вот ваш масштаб жизни!..

Из двадцати бывших трактористок, собравшихся в клубе, восемь девушек и женщин заявили о своем желании вернуться на машины. Тут же, в их присутствии, директор написал приказ об организации новой тракторной бригады в Семидубовской МТС, под номером семнадцатым, о зачислении в штаты трактористов всех заявивших о желании вернуться в МТС и о назначении бригадиром этой бригады Полины Егоровны Черноусовой.

К весне все должны были освежить свои технические знания, пройти переподготовку на курсах и практику в ремонтных мастерских.

Вечером, после заседания бюро, на котором, в числе других вопросов, было принято к сведению сообщение Глотова и Борзовой об организации женской тракторной бригады в Семидубовской МТС и предложено и другим директорам подумать о возвращении на машины старых трактористок, Мартынов задержал Глотова в своем кабинете.

— Виделся я в обкоме с бывшим секретарем Кружилинского райкома, где ты до войны работал директором МТС, — сказал Мартынов. — Очень тебя хвалил. Одна из лучших в области, говорит, была МТС... Ну, почему у

нас Семидубовская МТС сейчас — средненькая? Почему ты, Иван Трофимыч, в последние годы хуже стал работать? Почему, прямо скажем, уши опустил?

— Уши я не опустил, Петр Илларионыч! — твердо ответил Глотов. — Я сам колхозы создавал, первые тракторные колонны организовывал! Я сотни таких колхозов видел, где жизнь уже — сад цветущий, то, о чем старым революционерам на царской каторге лишь мечталось!.. Я тоже, как Дорохов, пулю пустил бы в того, кто бы задумал колхозный строй подорвать, наших стахановок в батрачек кулацких превратить!.. Но очень уж много развелось у нас возле колхозного строя бюрократов!

— Устал с ними бороться?

— Так — не поборешь их! Не в моих силах.

— Ой ли?..

— Ну, если, скажем, в области спланируют чего-нибудь так, что всё твое к чертям насмарку, — что́ я сделаю?.. Или — приехал какой-нибудь представитель. Ты тут всё тщательно продумывал, расставлял, увязывал — как разные работы сочетать, чтоб ничему не в ущерб, чтоб и на будущий год нам с хлебом быть. А он — слушать ни о чем не хочет! Давай ему только то, за чем его послали. Ему лишь свое выполнить, командировку отметить да поскорее домой, в баню, к жене. Приказывает, угрожает! Так на кой леший я здесь нужен, директор? Садись в мое кресло и командуй за меня!

— Больно податлив! Первому встречному свое кресло уступаешь! Тебя Центральный Комитет посадил в это кресло!.. А ты не пробовал жаловаться на таких гастролеров в обком, в Цека?

— До бога высоко, до царя далеко.

— Вот за эту поговорку тебе выговор следовало бы влепить!

— Валяй, до кучи. Их у меня есть уже штук пять. От Борзова, от Слепченко. От тебя еще не было... Дураков, дураков, Петр Илларионыч, и на пушечный выстрел нельзя допускать к сельскому хозяйству! Нет худшего оскорбления, унижения для трудящегося человека, как труд его в ничто превратить! А мы это частенько делаем. В позапрошлом году весною Борзов с уполномоченным обкома заставили меня свеклу в грязь сеять. Дожди, растворило почву в кисель, выждать бы денек-два, пусть хоть солнце блеснет, ветерком чуть продует, нет: сей, не

то на бюро вытянем, партбилет положишь!». Им, видишь ли, к двадцать пятому надо, во что бы то ни стало, в сводку эту свеклу включить. Да я же старый хлебороб, с десяти лет землю пашу, что ж вы издеваетесь над землею и надо мною? Не будет здесь урожая!.. Ну что ж — посеяли двести гектаров. Заелозили, замазали почву, после дождей сразу — жара, засушило, взялась земля коркой, как цементом поле залито! — ни одно семечко не дало всхода. Через две недели пересеяли. По сорок центнеров взяли там свеклы, вместо двухсот по плану. Порадовали людей урожаем!.. В деревне такому человеку, что ничего не понимает в сельском хозяйстве и понимать не хочет, дать такому человеку власть — всё равно, что сумасшедшему в руки оружие вложить. Он тебе наделает делов!..

— Хуже бывает, Иван Трофимыч, — заметил Мартынов. — Иногда и знает человек сельское хозяйство, прекрасно понимает, что не то он делает, а всё же делает — противное своей совести.

— А чтó его заставляет идти против совести?

— Что заставляет? Это большой вопрос... Как говорится: «Страха ради иудейска», — так, что ли?

— Да страх-то откуда взялся?.. Молчишь?

— Молчу. Сам об этом думаю: откуда страх взялся?.. А всё же, Иван Трофимыч, как бы ни было, ничто не мешает тебе работать в МТС лучше со своими людьми.

— Работал... Было и у меня соревнование, флажки, рекордами гремели. Я бьюсь, стараюсь, убеждаю ребят лучше работать: «Ваш ударный труд оценят по заслугам, не пропадет ваше!». А потом из-за каких-то дуроломов и колхозы без урожая остаются и мои трактористы больше минимума не зарабатывают. Только и награды лучшим трактористам, что в приказе благодарность им объявишь...

— До войны, говоришь, хорошо работал? — продолжал, помолчав, Глотов. — Что — до войны. Другая была обстановка. И мы — другими были. До войны и я двух сыновей растил. В каждой семье — радость, довольство... А вот как пришли мы сюда, на эту окровавленную землю, в сожженные сёла, где вдовы, сироты, — тут бы надо по-особому, душевно как-то к народу подойти! Тут уж каждый бюрократ, шкурник — вдесятеро стал нам страшнее!..

— Это всё верно, — сказал Мартынов. — Умные ты слова говоришь. А всё же нытик ты, Иван Трофимыч! И паникер! «Бюрократы, бюрократы!» А бороться с ними и не пытаешься. Свое кресло уступаешь им!.. Ну, как ты боролся с ними? Вслед им чёрта шёпотом пускал? Кукиш в кармане показывал?..

— Ты меня не обижай, Петр Илларионыч! — встал Глотов, багровый, взволнованный, и на глазах его даже блеснули слёзы. — Я старый член партии. «Нытик!» «Паникер!» Еще, может, оппортунистом назовешь?.. Ты меня спросил: почему хуже работаешь? Устал, что ли? Я тебе по-честному признался: устал. Вот от всего этого, о чем тебе рассказываю, устал. От безалаберщины! И от канцелярщины, от бумажек! Не то, вижу, делается, не так бы нужно! Почему политотдельские времена забыли, когда бумажек почти не писали и не заседали, но зато с народом хорошо работали?.. И от того устал, что в райкоме помощи не было. То не помощь, когда зовут тебя на бюро лишь для разноса за какой-то «срыв». А почему срыв, отчего срыв — никто не хочет разобраться!.. Устал, говорю, да. На первый вопрос ответил тебе. Но ты же меня не спросил: а как ты дальше будешь работать? Спросил бы — я б тебе и на этот вопрос ответ дал... С тобою буду работать, Петр Илларионыч! Свежим ветром подуло у нас в районе, как ты заступил за первого. Без лести говорю тебе это. Только вот боимся все за тебя: не укатали бы сивку крутые горки!..

— От Борзова на прощанье слышал эти слова и от тебя слышу, — нахмурился Мартынов. — Какие горки? Еще спрашиваешь, откуда взялся страх? Вот вы сами такие и выдумываете себе страхи! Собственной тени стали пугаться!

— Ну, положим, когда запишут тебе строгий выговор в личное дело — это уже не тень...

Глотов мягко, как-то необычно для его тяжелого, оплывшего, неподвижного лица, улыбнулся, тронул за плечо Мартынова:

— Ладно, не сердись, Илларионыч! Так, по глупости сказал... А меня не торопись сдавать в архив. Устал — это еще не дуба дал. Устал, отдохнул — и дальше пошел!..

4

В Доме культуры проходило собрание районного партийного актива.

Доклад об итогах недавно состоявшегося пленума обкома сделал председатель райисполкома Руденко: Мартынов, простуженный, осипший — обвязал шерстяным шарфом горло — не мог громко говорить, а второй секретарь райкома Медведев был в отпуску.

Собственно говоря, доклад был не «сделан», а прочитан, и поручить читку можно было любому человеку, даже техническому секретарю, лишь бы голос у чтеца был звучный. Или даже можно было совсем, для экономии времени, не читать — заранее отпечатать доклад в сотне экземпляров и разослать всем приглашаемым на собрание.

Пленум обкома обсуждал два вопроса: о состоянии массово-воспитательной работы в колхозах области и мерах подъема и развития животноводства. О решениях пленума по этим вопросам и докладывал Руденко: полтора часа монотонного чтения, ни на минуту не оторвался от текста, подготовленного для него работниками райкома и райисполкома, ни разу не поднял головы, не глянул в зал перед собой. В зале кто дремал, кто шептался с соседом, кто — в задних рядах — украдкой покуривал в рукав.

Мартынов сидел в президиуме злой, нервно вертел в пальцах карандаш, бросал на Руденко исподлобья свирепые взгляды.

Вопросов к докладчику не было. Записавшихся в прениях — только два.

Первым выступил инструктор райкома Николенко. Все десять минут, положенные ему по регламенту, он перечислял недостатки в работе колхозных партийных организаций его куста: там не проводятся по три месяца собрания, там растеряли агитаторов, там не выпускают стенгазету, там коммунисты пьянствуют на престольные праздники. Как будто в этом и заключались его обязанности: ездить из колхоза в колхоз и старательно фиксировать все «упущения», «сигнализировать» о них членам бюро райкома. Его речь не улучшила настроения Мартынова.

После Николенко он предоставил слово колхознице

Гончаровой, коммунистке с тридцать девятого года, заведующей свинофермой.

В зале погасло электричество, и, хотя собрание проходило днем, за столом президиума на сцене было темновато: обмерзшие, запорошенные снегом окна пропускали мало света. Женщина читала речь по бумажке, мучительно запинаясь на каждом слове:

— Наши достижения... результат упорного... труда и высокосознательного отношения... исключительно большое внимание... мы уделяем выращиванию поросят... опорос производится в чистом... продез... инфицированном станке... Применяя обильное и разнообразное... кормление свиней... и молодняка, создавая для них благоприятные условия, мы добились... получения от свиноматок здорового и жизнеспособного приплода... Сейчас мы ставим перед собой... задачу... и тем самым повысить... доходность от животноводства.

Запиналась она даже в таких местах речи, где предполагался подъем, пафос:

— Развернув живой... живое... соревнование, мы обязуемся...

Под конец выступления она перепутала листки, сбилась, растерялась и, так и не договорив какую-то фразу, сошла вниз.

В президиуме все сидели, потупив головы от стыда, неловкости.

Мартынов встал, чтобы объявить перерыв.

— Есть здесь секретарь парторганизации «Дружбы»? — простуженным, сиплым голосом спросил он.

— Я, — поднялся в задних рядах мужчина в офицерской шинели без погон.

— Это ты, товарищ Мостовой, сочинял речь для нее?

— Я... С председателем колхоза.

— Потрудились!.. Лучший животновод в районе, сделала ферму образцовой, на это у нее хватило способностей, а выступить здесь, рассказать о своей работе без ваших шпаргалок — на это, боитесь, способностей не хватит?.. Не смущайся, товарищ Гончарова, что плохо выступила. Это не тебе стыд, это — нам стыд... Прежде чем объявить перерыв, я вот что хочу сказать, товарищи. — Мартынов покосился на сидевшего в президиуме инструктора обкома, предчувствуя стычку с ним. У него с этим инструктором Голубковым, часто приезжавшим

в их район, были давние нелады. — Давайте та́к договоримся: кому нечего дельного сказать — пусть лучше не выступает здесь, не отнимает время у себя и у других. Нам не нужна активность для отчетности: «На собрании выступило столько-то процентов присутствующих». А о чем говорили, для чего говорили? Николенко вот пересказал здесь свою докладную записку, которую мы читали уже три дня тому назад. Партактив собирается для делового обсуждения вопросов, а не для речей ради речей. Объявляется перерыв на пятнадцать минут.

Расходились покурить как-то не сразу, в недоумении.

Голубков, задержав Мартынова на сцене, сказал:

— Ты что, Петр Илларионыч, нездоров? Температура? Ну, и шел бы себе домой, в постель. Есть тут члены бюро, без тебя проведем. Хочешь сорвать партактив? «Не умеете выступать — не выступайте»!

— Не так же я сказал, товарищ Голубков!

— С профессорами, что ли, имеешь дело? Здесь в зале — половина колхозников. Зачем ты их запугиваешь? Эта Гончарова — она же малограмотна! Ей нужно помочь!

— А я не для малограмотных сказал это, — отмахнулся Мартынов. — Для очень грамотных! Для тех, что мозоли на языках понабивали себе на таких собраниях!

— Непонятно, — пожал плечами Голубков. — Не знаю, что́ из вашего партактива получится. Как бы не пришлось Руденко сразу после перерыва делать заключительное слово.

— Может быть, и придется... Для тебя, Николай Архипович, это, конечно, большая неприятность. Чрезвычайное происшествие в твоем кусту! Собрание партактива сорвалось! Два человека только выступило. Как докладывать обкому? Тем более что сам присутствовал.

— Думаю, что это и для тебя не очень большая приятность.

Подошел Руденко. Мартынов бросил ему:

— Чёрт бы вас побрал, таких читателей лекций о вреде табака!

— Петр Илларионыч! — взял его за плечо Руденко.— Ведь не было же времени подготовиться!

— Пять лет работаешь в районе. Людей знаешь. И умеешь ведь поговорить с людьми! Пересказал решение обкома. Да его уже без тебя все успели прочитать!

А своих мыслей — ни одной!.. Какой доклад, такие и прения!

— Иссякло мое красноречие. Пятый день разные заседания! Я думал, ты будешь делать доклад, а тебя угораздило заболеть.

После перерыва, несмотря на предупреждение Мартынова, первым выступил оратор именно из таких, с мозолями на языке, Коробкин, заведующий отделом райисполкома по сельскому строительству. Без пламенных речей Коробкина в районе не обходилось ни одно собрание.

Долговязый, в длинном черном драповом пальто, с высоким (за счет лысины) лбом, грозно размахивая руками над столиком для тезисов, он выкрикивал каждую фразу, как лозунг на площади перед многотысячной толпой. От его голоса вздрагивали и позвякивали стекляшки на люстре под потолком.

— Товарищи! Корма — это основа животноводства! Но некоторые товарищи упорно не желают этого понять, преступно недооценивают заготовку кормов для животноводства!..

— Вол — это, товарищи, рабочее тягло! Рабочее тягло нужно беречь!..

— Свинья дает нам, товарищи, мясо, сало, кожу, щетину! Свинья — очень полезное животное! А как мы относимся к свиньям? По-свински, товарищи!..

— Животноводство, товарищи, нуждается в теплых, благоустроенных помещениях. Корова, товарищи, в тепле и чистоте дает больше молока, чем на холоде, в грязи! А некоторые председатели колхозов, товарищи, недооценивают строительство коровников!..

— Переходя к массово-политической работе с колхозниками, я должен здесь, товарищи, со всей прямотой сказать, что мы плохо работаем с колхозниками!..

— Стенная газета, товарищи, это — печать. А печать — это острейшее оружие нашей партии! Но во всех ли колхозах у нас выпускаются стенные газеты? Нет, товарищи, не во всех колхозах у нас выпускаются стенные газеты!..

Мартынов морщился, как от сильной головной боли.

— Это же нужно уметь, — просипел он на ухо сидевшему рядом с ним Руденко: — десять минут болтать и ни слова путного не сказать!..

В зале зашумели:

— Зачем выходил на трибуну, товарищ Коробкин?
— Что ты тут сказал нам полезного?
— Что свинья дает сало!
— А корова молоко!
— Просили же по делу выступать, а не отнимать зря время у нас!
Мартынов постучал карандашом по столу.
— Кто следующий?..
Минут пять длилось тягостное молчание. Никто не просил слова. Казалось, действительно на этом и придется закрыть собрание. Голубков, бросив возмущенный взгляд на Мартынова, с треском отодвинул стул, поднялся, ушел за кулисы курить. Видимо, и Мартынов в эти минуты чувствовал себя неважно... Но вдруг в зале поднялась одна рука, другая, третья. Человек пять сразу попросили слова.
...На клубную сцену, к столу президиума, грузно ступая по лесенке, поднялся председатель колхоза «Власть Советов» Демьян Васильевич Опёнкин. Не спеша расстегнул пальто, достал из кармана пиджака очки, тетрадь, протер стёкла очков полой пиджака, развернул тетрадь, откашлялся.
— Это у меня не тезисы, товарищи, — начал Опёнкин. — Это дневник председателя колхоза. То есть лично мой дневник. Я записываю сюда каждый день — где был, что делал. Ежели меня когда-нибудь за развал работы потянут к прокурору — это мое оправдание. Прокурор прочитает, поймет и посочувствует. Скажет: «Удивляюсь, товарищ Опёнкин, как ты всё же успевал еще что-то делать в колхозе!».
При настороженном внимании всего зала Опёнкин продолжал, перелистывая тетрадку:
— Вот давайте подсчитаем — на котором это я уже заседании сижу за полмесяца и сколько их еще будет до конца месяца?.. Второго был пленум обкома. Я — член обкома. Вызвали, поехал. Два дня заседали. Потом депутатам облсовета велено было сразу, не уезжая домой, остаться на сессию. Остался. Еще два дня. Дорога туда-сюда — в общем неделю дома не был. Потом — здесь в районе: пленум райкома, сессия райсовета, сегодня вот партактив. Короче сказать, за эти полмесяца я был в колхозе всего два дня. Так это же еще не всё. Послезавтра сессия нашего сельсовета, мой доклад: об итогах

сессии облсовета. Двадцатого по плану партсобрание в колхозе, тоже итоги пленума обкома будем обсуждать. Теперь еще посчитайте, товарищи, сколько раз в месяц вызывают председателя колхоза на бюро, в исполком. А там еще какие-нибудь комиссии. Да ведь мне времени не остается дома работать! А заседания все по вопросам: как улучшить дело, как то поднять, то укрепить. Но когда же поднимать и укреплять, если на разговоры об этом всё наше время уходит?.. Партсобрание — закрытое, пленум, конечно, закрытый, партактив — закрытый, на сессию тоже только депутаты приглашаются. А речь ведем о том, как с народом работать. Закроемся в четырех стенах и убеждаем друг дружку, что надо лучше с народом работать!.. Так можно, товарищи, до чего-то нехорошего докатиться! Самообманом занимаемся. Двадцать заседаний в месяц — вот работа кипит! А заседания-то все закрытые, сами себя тут агитируем! А общие собрания колхозников в некоторых колхозах раз в году проводятся, от отчета до отчета!..

Опёнкин, вообще редко выступавший на пленумах и активах, на этот раз разошелся:

— Я не возражаю, товарищи, посидеть в этом зале и час и два. Послушать, скажем, хороший доклад, лекцию о международном положении, что ли. Пусть знающий человек расскажет нам, чего мы сами не успели прочитать или, может, в чем не сумели глубоко разобраться. Он нам расскажет — мы потом людям передадим. Но когда вот тут товарищ Коробкин доказывает нам, что свинья животное полезное!.. Этого же невозможно терпеть! А что греха таить, и на областных заседаниях немало приходится слушать таких речей. Выйдет человек на трибуну и тарахтит, тарахтит, как по коробке! После станешь вспоминать: о чем же он говорил? Да ни о чем! Всё вот такое же: «мобилизовать усилия!», «поднять на высоту!», «углубить!». Иного и председатель не остановит. Кричат уже все: «Довольно!» — «Регламент!» — а он тарахтит. Будто ему сдельно за каждое слово платят. А мы сидим в зале и думаем: а кто же наше время оплатит? Пятьсот человек сидят здесь — сколько ты нашего времени загубил! Пересчитать бы его на человеко-часы. Шофёров за холостые пробеги милиция штрафует. Там — тонно-километры. Тут — человеко-часы. Тоже

ценность немалая. И некому штрафовать этих расхитителей времени!..

Опёнкин сошел вниз под одобрительный смех в зале и аплодисменты.

И почти все, кто выступал после Опёнкина, — а выступило еще человек десять, так что по «цифровым показателям» собрание партактива прошло «на уровне», — почти все говорили о том, как вредно отражается на работе обилие заседаний, долгие словопрения, келейность обсуждения таких вопросов, какие нужно бы решать с народом.

Редактор районной газеты Посохов, сидевший в президиуме позади Мартынова, усмехаясь нагнулся к нему через спинку стула:

— До чего же страшна сила инерции, Петр Илларионыч! Смотри-ка, задал ты тему для разговора: о вреде пустословия, и уж который человек об этом ораторствует, повторяют друг друга!.. «Еще одно заседание относительно искоренения всех заседаний!»

Секретарь райкома комсомола Рыжков говорил:

— В древние времена в Спарте считалось доблестью, если человек сумел в двух-трех словах выразить то, что другой и в часовую речь не уложит. Не следовало бы нам возродить эти спартанские традиции?

Ему бросили реплику из зала:

— А сам не уложился в регламент, тринадцатую минуту уже говоришь!

Выступил секретарь парторганизации колхоза «Дружба» Мостовой, тот самый, что сочинял речь для заведующей свинофермой Гончаровой, и резонно, с фактами отчитал работников аппарата райкома за канцелярские методы руководства:

— Приезжает к нам в первичную организацию инструктор райкома. Чтó он проверяет, чем он интересуется? Когда партсобрания проводили, какие вопросы обсуждали. Опять же — сколько человек выступило в прениях, достаточна ли была активность. Ну, решение прочитает — грамотно ли написано. План работы спросит — какие читки, беседы в бригадах наметили, проводим ли их? А что в нашей жизни изменилось после этих собраний — это его не интересует! Вот в такой-то бригаде проводили беседу о решениях пленума. А как оно там после этого пошло дело? Лучше ли стали работать кол-

хозники? Может, новые стахановцы в этой бригаде появились? Соревнование закипело? А ежели никакого сдвига — как же вы, товарищи, проводили беседы? Чего-то, значит, не довели до сознания народа! А ну-ка, пойдемте вместе, еще поговорим с людьми, и я вам помогу! Та́к бы нужно. Но у нас так не делается. Бумажки, бумажки!.. Как говорится: можешь и не уметь работать — умей отчитаться гладко по бумажке — и всё будет в порядке! Сами вы, товарищи райкомовцы, приучаете нас к этому! А вы, товарищ Мартынов, видимо, совсем не занимаетесь своими инструкторами. Прямо через их головы, по крутой траектории, достаете в колхозы. Хотите, чтоб в колхозах был порядок, а до сих пор не навели порядка в своем аппарате! Под носом у вас, в самом райкоме, — и бюрократизм, и канцелярщина, всё то самое, за что и нас ругаете!..

Мартынов почесал затылок. Что верно, то верно. До самого близкого у него как-то «не дошли руки». Не собирал он ни разу инструкторов, не беседовал с ними по душам, не учил их на практике живым методам партийной работы. Отношение секретарей к работникам аппарата райкома оставалось старое, по привычке — как к обычным «уполномоченным», которых всего проще и удобнее посылать в колхозы потому, что они всегда под рукой.

И выступила еще раз, уже без шпаргалки, Гончарова. Женщина, собравшись с мыслями, просто и интересно рассказала о том, благодаря чему их ферма стала образцовой. Рассказала, как они перевезли из села дома́ всех работников фермы и там, в десяти километрах от села, образовался целый новый поселок, люди обосновались на жительство прочно, обзавелись садами, держат много птицы на хуторском приволье и за последние годы из ее свинарок ни одна не ушла с фермы; рассказала, как добилась, — не без скандала в правлении колхоза, — что учеников с их хутора, детей свинарок, теперь ежедневно возят в село в школу на санях. На вопрос Мартынова о кормодобывающих бригадах ответила, что они в своем колхозе давно отказались от них, только никому в этом не признаются. Правление выделило в ее распоряжение лишнее тягло, добавило людей в штат на ферму, и они сами заготавливают для свиней корма. Рассказала, как она, чувствуя ответст-

венность не только за производство, но и за хорошую жизнь колхозников в ее бригаде, организовала людей и прошлым летом в свободное время они своими силами восстановили плотину на речке у старой мельницы и с помощью шефов-железнодорожников электрифицировали ферму и хутор, — теперь у них там и свет и радио, по вечерам работает школа взрослых, все свинарки учатся на зоотехнических курсах; сообщила, что полученные в премию деньги от областного управления сельского хозяйства они решили затратить на экскурсии: все свинарки за зиму по очереди побывают в лучших колхозах области, посмотрят там порядки в животноводстве, может быть переймут оттуда для себя хороший опыт.

— Вот теперь нам понятно, товарищ Гончарова! — сказал Руденко. — Дело, стало быть, не только в дезинфекции и культурном опоросе? Можно было подумать, что тебя только свиньи и интересуют. А ты — со свинарками работаешь! Тут-то и корень успеха!..

Мартынов не выступал на этом собрании. Не потому, пожалуй, что потерял голос, — как-нибудь прохрипел бы. Видимо, не всё еще обдумал, чем отвечать Опёнкину и другим коммунистам, которых сам же вызвал на сегодняшний откровенный, взволнованный разговор? Так нельзя проводить собрания, как проводили до сих пор. А как надо?..

Проект решения, подготовленный в аппарате райкома, читал заведующий отделом пропаганды и агитации Жбанов. Читал без малого час.

— Чёрт побери! — сгорбившись, опустив голову на руки, выругался Мартынов. — Не просмотрел перед собранием их сочинение. Ну и насобачились же пудовые резолюции писать!..

В проекте решения, в так называемой «констатирующей части», в сотый раз констатировалось то, что констатировалось и в решениях прошлых пленумов и партактивов: отставание такого-то участка, запущенность такой-то работы. Эти страницы были просто списаны работниками аппарата райкома из старых резолюций. Но и в «постановляющей части» мало было свежих, новых слов. И эта часть подозрительно смахивала на что-то очень много раз уже читанное с этой трибуны, перед таким же собранием. Всё то же: «обязать», «обратить исключительное внимание», «направить усилия», «под-

нять на должную высоту». В проекте было охвачено буквально всё, чем только ни приходится заниматься райкому партии и первичным парторганизациям: и радиофикация, и колхозная самодеятельность, и наглядная агитация, и борьба с эпизоотиями, и ремонт дорог.

После проголосования проекта «за основу» Мартынов внес — опять к удивлению и возмущению Голубкова — предложение: сократить его раз в десять.

— В самом деле, — сказал он, — следовало бы, как вот говорил здесь Опёнкин, наказывать тех товарищей, которые не щадят наше время!.. Кто его будет читать, такое решение на пятьдесят страниц, в колхозных парторганизациях? Когда его там люди успеют прочитать?

За сокращение проекта в десять раз взметнулся лес рук.

Голубков встал, хотел, видимо, что-то возразить Мартынову, но раздумал, махнул рукой...

Впопыхах никто не внес никаких изменений и добавлений к проекту.

Так, почти со скандалом, и закончилось собрание партактива.

Схватились Голубков с Мартыновым уже вечером, в райкоме.

— Мне неудобно было обрывать и поправлять тебя, первого секретаря, там, на собрании, — говорил Голубков. — Но это же чёрт знает что, товарищ Мартынов! Ты воспитываешь у коммунистов неуважение к партийным документам, к нашим решениям!

— Именно из уважения к партийным документам, — отвечал теряющий самообладание Мартынов, — нельзя писать так резолюции! Топим главное в словесной воде! Двадцать раз: «исключительное внимание»! А что же, на самом деле, требует *исключительного внимания?*.. Это вы, вот такие канцеляристы, превращаете партийные документы в пустую бумажку! Наш грех — у нас инструктора плохо работают. Но и ты же, когда приезжаешь к нам, обращаешь *исключительное внимание* только на бумажки: как решения написаны? Это для тебя наши товарищи такие всеобъемлющие резолюции пишут. Чтоб, боже упаси, не придрался к чему-нибудь! «А где же стенная печать? Где работа среди учителей? Стало быть,

вы этими вопросами не занимались?» — «Нет, шалишь, не придерешься! Занимались! Вот тут всё записано. В десяти решениях эти пункты записаны!» Слепая вера в силу бумажки: записано — сделано. Ого! Далеко еще не сделано!..

— Ты увел собрание партактива от основных вопросов! — стоял на своем Голубков. — Вы по существу и не обсудили итоги пленума обкома. Видите ли, сомнения у них появились: не слишком ли часто проводим пленумы, собрания? Не слишком ли много заседаем? Эти собрания — школа коммунистического воспитания!

— Они *должны быть* школой коммунистического воспитания, — отвечал Мартынов. — Какое собрание, как провести его! Если тебе поручить провести собрание, боюсь, что не та школа получится!

— Вот ты провел сегодня актив так провел!.. Я доложу, что вследствие неподготовленности, твоего мальчишества, несерьезного отношения к делу и еще чёрт знает каких-то заскоков ты сегодня почти сорвал партактив!

— Валяй, докладывай! — У Мартынова лопнуло терпение, и он стал убирать бумаги со стола в сейф. — Докладывай! Только поскорее. Время — к весне, пусть новый секретарь хоть успеет с районом познакомиться... Но только я не думаю, товарищ Голубков, что в обкоме все такие... как ты. Разберутся!..

Утром Руденко заглянул к Мартынову домой. Мартынов, Надежда Кирилловна и сын их, Димка, завтракали в столовой.

— Присаживайтесь, Иван Фомич, — придвинула к столу четвертый стул Надежда Кирилловна.

— Спасибо, — отказался Руденко. — На работу иду. Такого случая не было, чтоб жена выпустила меня из дому голодным.

Присел на диван.

— Не жалеешь, Петр Илларионыч, о вчерашнем?

— Нет, не жалею. Будь что будет!.. — Мартынов допил чай, протянул стакан жене за добавкой. — Вот послушай, Фомич, до чего это доходит. Димка! Расскажи, что ваша пионервожатая на прошлом сборе говорила.

Димка, мальчик лет десяти, очень похожий на отца, такой же синеглазый, черноволосый, встал из-за стола,

потянулся к окну, где на ручке переплета висел его ученический портфель с книжками и тетрадями.

— Она нам сказала: «Не надо, ребята, смущаться, когда выходите на трибуну. Это не речь — два слова и назад. Надо долго говорить. Кто научится долго говорить, тот будет начальником, когда вырастет».

Мартынов и Руденко расхохотались.

— Смеемся, а в общем, не смешно — грустно, — сказал Мартынов.

Надежда Кирилловна, убирая со стола, вопросительно взглянула на мужа:

— О чем у вас речь? «Будь что будет»! Опять что-то начинается?

— Да ничего особенного, Надя, — успокоил Мартынов жену. — Повздорил с инструктором обкома. Он, конечно, напишет докладную записку секретарям, кой-чего переврет, сгустит краски. Но и я же могу дать объяснение.

— Вот сушитель мозгов, этот Голубков! — покрутил головой Руденко. — И зачем держат таких на партийной работе?

— Это он был у вас уполномоченным обкома, когда Глотова заставили свеклу по грязи сеять? — спросил Мартынов.

— Он, он! С Борзовым у них контакт был. В четыре руки кулаками по столу стучали!

На улице, по пути в райком (райисполком помещался в том же дворе, в другом доме), Руденко говорил Мартынову:

— А Демьян правильно поднял вопрос! Двадцать закрытых заседаний в месяц, а колхозные собрания — раз в полгода. Как же мы работаем? Что это за работа? Есть над чем призадуматься! И проводим мы свои заседания зачастую так, будто обряд какой-то справляем. Для формы. «Да выступи, скажи чего-нибудь! Надо же активность проявлять!» И выступают, и болтают «чего-нибудь», лишь бы считалось, что собрание проведено. Иной раз просто стыдно, когда сидишь на таком собрании!

— Основа всему — доклад, — сказал Мартынов. — Если нет жизни в докладе — нет жизни и в прениях, и всё собрание тогда — впустую!

— Я уж тебе сказал, Петр Илларионыч, о вчерашнем своем докладе: выдохся! Пять докладов сделал на

этой неделе. Нет, нет, слишком много мы ораторствуем, агитируем друг друга, как Демьян говорит! Нельзя дальше так!

— Согласен с Демьяном? А в заключительном слове ничего не сказал об этом.

— Так мы итоги пленума обсуждали, а не вопрос о количестве заседаний.

— Осторожничаешь, Фомич!.. Все видят, чувствуют, что нельзя дальше так, а сказать не решаются. Эх вы, друзья, помощники! Пусть Мартынов начинает? На чужом лбу шишку видеть приятнее, чем на собственном?..

Подошли к райкому.

— А почему ты не дал хода письму Храпова насчет мельниц? — спросил Мартынов, занеся уже ногу на ступеньку. — Вот ругают нас, райкомовцев, за то, что мы слишком много хозяйственными вопросами занимаемся, за советские органы работаем. Поневоле приходится, раз вы сами ничего самостоятельно не решаете! Это же интереснейшее дело для вас! Провести подробное обследование, поставить вопрос перед областью: о состоянии мельничного хозяйства. И свои ресурсы выявить — что мы сами в силах сделать. Привыкли за райкомом, как за нянькой ходить!

— Обследовали уже. На следующем исполкоме стоит этот вопрос, — ответил Руденко. — Прежде чем кричать, — спросил бы. Не с той ноги встал? Голубков расстроил тебя, а на первом встречном зло срываешь.

Через неделю Мартынова вызвали в обком партии.

Он сидел у заведующего сельхозотделом со своими перспективными планами, когда туда позвонили из приемной первого секретаря и пригласили Мартынова зайти.

Секретарь обкома в этой должности, в разных областях, пребывал уже лет десять. Пожилой, за пятьдесят, участник гражданской войны, а в Отечественную войну — член Военного Совета одной из армий на юге. Небольшого роста, сухощавый, с непокорным, молодившим его чубом прямых русых волос, то и дело спадавших на лоб. Страстный любитель, как говорили о нем, парусного спорта и охоты: все выходные дни проводил либо на Монастырском озере, на водной станции, либо в Чугуевских лесах.

Это у Мартынова была первая встреча с ним, первый большой разговор, не считая коротких встреч на пленумах и на двух заседаниях бюро обкома: когда снимали Борзова и второй раз — когда его, Мартынова, рекомендовали первым секретарем райкома.

— У вас, Алексей Петрович, это, может быть, не так наболело, как у нас, низовых работников, — говорил Мартынов. — А нам, поверьте мне, это уж невтерпеж, невыносимо! Вам меньше приходится видеть плохих собраний.

— Ты что́ хочешь сказать, — недовольно поморщился секретарь, — что мы, обкомовцы, жизни не знаем, оторваны от жизни?

— Нет, я не это хочу сказать... Если вы приезжаете на собрание и видите, что оно идет вяло, люди выступают без души, лишь бы только чего-то для протокола наговорить — вы же не выдержите, вмешаетесь, разожжете страсти! Повернете, в общем, собрание куда нужно. При вас — собрание хорошо пошло. А вот как оно без вас прошло бы — этого же вы не могли видеть!

— Хитер, вывернулся! — рассмеялся секретарь обкома. — Пей чай. — Придвинул к Мартынову стакан крепкого чая с лимоном: — Больше, прости, у нас в обкоме посетителей ничем не угощают. Возьми печенье.

— Ну, у нас в райкоме и чаю для посетителей нет, — сказал Мартынов, разламывая печенье над стаканом. — Ваш финсектор на это денег нам не дает... Между прочим, Алексей Петрович, раз уж заговорили о финсекторе. Дело небольшое, но всё же три тысячи висят на моей шее...

— За что?

— Мы в декабре проводили у себя День механизатора. Надо было премировать лучших трактористов и комбайнеров. А денег в МТС нет. Что делать? Продали райкомовскую кобылу, по решению бюро. Она нам не нужна была. Две машины в райкоме, в райисполкоме четыре лошади, да и кобыла-то уже старая, и упряжи на нее нет. Продали в лесничество, для объездчика. А ваш инструктор, из финсектора, составил на меня акт: «Не имели права продавать! Лошади, как и всё имущество райкомов, числятся на балансе обкома». Но мы же ее не пропили, ту кобылу! Не на банкет деньги истратили. Купили пять штук часов, отрез на костюм, велосипед.

Хорошо провели праздник! Принародно вручали премии!

— Счета есть?

— А как же! И счета и расписки от тех, кого премировали.

— А в следующий раз — надумаешь свекловичниц премировать, что́ будешь продавать? «Победу»?.. Ладно, напиши заявление, оставь помощнику. Разберем.

Секретарь обкома раскрыл папку с бумагами, перелистал их:

— Так вот, товарищ Мартынов, я прочитал протокол вашего нашумевшего собрания партактива... — Он долго молчал, нахмурившись. Мартынов перестал отхлебывать чай, осторожно, чтоб не звякнуть ложечкой, отодвинул стакан. — Вот выступление Опёнкина... Вот еще выступления председателей колхозов... Неглупо... Но я с ними не согласен. Они, как хозяйственники, сугубо практические люди, всё переводят на человеко-часы, в этом видят зло — в потере времени. А я, как партийный работник, вижу еще зло и в другом... Самое страшное — не в потере времени... Если в организации такие болтуны, как ваш Коробкин, не в единственном числе — во что они могут превратить наши партсобрания, которые мы называем школой коммунистического воспитания? В школы пустословия?..

У Мартынова радостно забилось сердце.

— Алексей Петрович!..

— Погоди... Коробкины всерьез думают, что вот это и есть самая настоящая наша работа — произносить изо дня в день такие речи: «Корма — это основа животноводства!», «Свинья — полезное животное!». Создается *видимость* работы. Одни кричат так, что стены дрожат, другие бубнят эти же слова по бумажке, — цена их речам одна. Пустословие — это душевная отрава, какой-то усыпляющий сознание дурман... Люди думают, что они действительно делают что-то нужное, большое, полезное обществу. Что они таким образом *руководят,* воздействуют на колхозную жизнь. Отсидел на заседании шесть часов, и совесть его чиста — он сегодня славно поработал! Слушал речи о необходимости усиления массово-воспитательной работы в колхозах, сам выступал до хрипоты в горле, уставший идет домой пообедать, отдохнуть. А ведь это не работа — паразитическое приспо-

собление к жизни. Убегание от настоящей работы в разговоры, болтовню о работе... Когда это пустозвонство становится специальностью, профессией некоторых наших товарищей — вот что самое опасное!..

Секретарь говорил ровным голосом, медленно, с большими паузами, как бы проверяя вслух перед самим собою и Мартыновым мысли давно выношенные.

— Партсобрание, актив, пленум — не самоцель. Собрание мы проводим не ради самого собрания, а ради того, чтобы после него коммунисты ринулись в бой! В работу бы ринулись, засучив рукава. Коллективным умом решаем дела большой важности, вскрываем недостатки нашей работы. На партсобраниях молодые коммунисты учатся впервые выступать с речами, убедительно, логично излагать свои мысли. Чтоб потом выступать перед народом. Это тоже дело нужное: каждый коммунист должен быть пропагандистом, агитатором... Но не у Коробкиных же они должны учиться!

— В том-то и дело, Алексей Петрович! — сказал Мартынов. — Показная активность! Собрание проведено, выступления были, протокол написан — форма соблюдена. В чем, в чем, но уж в партийной работе формализм совершенно невыносим! С нас берут пример и комсомольцы и пионеры. Формализм бюрократизму — родной брат. А у Ленина в последнем томе, в тридцать пятом томе, в одном письме сказано: если что нас погубит, то именно бюрократизм. Этого-то мы, конечно, не допустим. Но Ленин предупредил нас, какая это серьезная опасность!..

Два коммуниста, два секретаря посмотрели друг другу в глаза долгим, изучающим взглядом. Им предстояло работать вместе и, может быть, не один год. Секретарю обкома было приятно совпадение их мыслей, Мартынову более чем приятно — радостно.

Секретарь обкома, пройдя по кабинету, остановился у большого окна, из которого, с четвертого этажа, открывался широкий вид на пригородные заводские новостройки, на заснеженные поля с перелесками на горизонте. Мартынов тоже встал, подошел к нему.

— А слово «оратор», вообще-то, слово неплохое, — сказал секретарь обкома. — Ораторское искусство — очень нужное нам искусство! Жаль, что оно в последнее время стало как-то принижаться. Все речи читаем по бу-

мажке... Помнишь тридцатые годы? Хотя ты, пожалуй, тогда мальчишкой был?

— В тридцать втором в комсомол вступил. И то с нарушением устава: года еще не выходили.

— Не пришлось организовывать первые колхозы? Ну, мне те времена очень памятны! Если бы мы тогда перед крестьянами бубнили речи, уткнувшись носом в бумажку, — вовлекли бы мы их в колхозы?.. Жесточайшая проверка была для руководителя в деревне. Не найдешь доходчивого к народу языка, не умеешь с людьми разговаривать, не увлечешь их за собою словом, делом, личным примером — и месяца не удержишься на своем посту, провалишься!.. Суесловие искореняй, товарищ Мартынов, но само слово «оратор» в обиду не давай! Это слово не для насмешек. Все старые революционеры были ораторами. Учить надо коммунистов этому искусству. Настоящих ораторов нужно ценить, как всяких художников своего дела!.. Да, насчет Голубкова. Больше он к вам не приедет. Это уж он не из первого района привозит нам жалобы на местное руководство, которые против него же оборачиваются. Мы его не оставим на партийной работе. Другому инструктору дадим ваш куст... Справился у нас в отделах со всеми делами? Ну что ж, поезжай домой. — Секретарь обкома пожал руку Мартынову. — На днях приеду к вам в район. Побываем с тобою на «плохих собраниях», *которых я не видел,* подумаем, как сделать их хорошими... Да, поменьше бы надо агитировать друг друга, а побольше — живой работы с народом. Но ведь можно и слет передовиков, скажем, — самое живое дело, народ! — провести так, что пользы не будет ни на грош. Зачитать без огонька доклад, заготовить заранее всем речи — вот и казенщина, формализм!.. А ты горяч, товарищ Мартынов! Не укатали бы сивку крутые горки!

Мартынов даже вздрогнул, услышав опять эти слова. Не удержался, сказал секретарю обкома, что уже в третий раз слышит от разных людей это предостережение.

— А что же, пословица и в применении к нам правильная, — ответил секретарь. — Я же не говорю: укатают, а — не укатали бы? Горки-то есть, чего нам на них глаза закрывать. Вот этот самый формализм с родным братцем бюрократизмом, да еще всякие их родственнички — вот и горки... Ты, может быть, думаешь, что мне

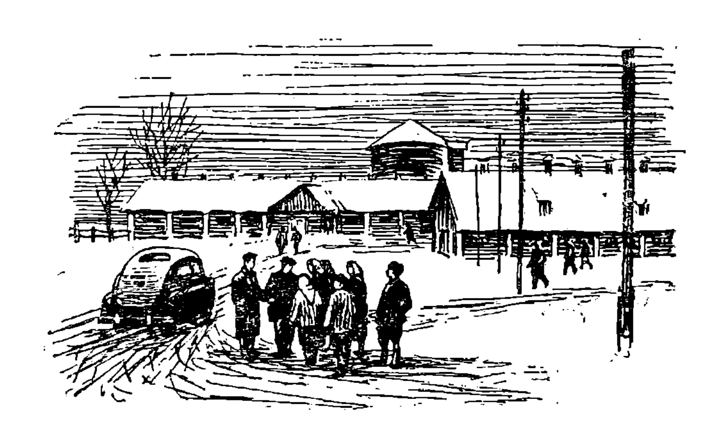
здесь легче? Выше должность, больше власти, больше силы в руках? Оно-то так. Силы больше, но и горки круче. В другом всё масштабе. И у нас есть свои коробкины. Да какие! Ваши нашим и в подметки не годятся. Им еще учиться да учиться у наших! Прямо — гроссмейстеры суесловия! Классики!.. Предложишь ему на бюро высказать точку зрения по какому-то вопросу, — по персональному делу, что ли, — он встает и начинает метать громы и молнии. Интонация, глаза, жесты! Если слушать его издали, куда слова не долетают, можно подумать, что он произносит смертный приговор человеку. А он всего-навсего предлагает «указать». По интонации — Савонарола, обличитель пороков, а по смыслу речи — либерал, потатчик перерожденцам. Либо обсуждаем вопрос: согласиться или не согласиться с министерством по поводу такого-то строительства, не слишком ли растянуты сроки, может быть изыщем резервы? Опять же он, при стенографистке, произнесет такую речь, которую потом, в случае чего, можно будет истолковать и так и этак. Не выдержим сокращенные сроки, и намылят нам за это шею, скажет: «Я предупреждал, как бы не обвинили нас в мальчишестве! Вот — стенограмма!». Похвалят за хорошие темпы — он и к этому примажется. Он был, в основном, «за»! И даже попытается всунуть свою фамилию в список на ордена. Артисты! И скажу тебе, Мартынов, трудновато таких артистов развенчивать. У них и стаж, и безукоризненная анкета, и диплом, и солидная осанка, и многолетнее пребывание в номенклатуре. И — связи. К сожалению, и в наше время не обходится без покровительства. У иного в Москве в каком-то могучем аппарате — приятель, свояк. Тронь его — телеграммы, звонки: «Представьте объяснения!», «На каком основании?». Докажешь, что это ничтожество, беспринципная, прости за выражение, сопля, избавишься от него, глядишь — через некоторое время он выплывает в другой области, в той же должности!..

Секретарь обкома проводил Мартынова до двери.

— Пустословие — это еще не всё, товарищ Мартынов. Это, так сказать, частность, признак обывательского отношения к партийной работе... Вот, скажем, в области готовятся к партийной конференции. Для настоящих коммунистов это подготовка к серьезному, большому событию в партийной жизни области. А сколько обывателей

по-своему переживают эту подготовку! Будут или нет *большие перемены*, то есть останется ли первый секретарь на своем посту? А какие наметки по отделам? Слоняются по кабинетам, шушукаются, разнюхивают. Останется ли *наш* завотделом? Говорят, ему уже предлагали какую-то хозяйственную работу? Ну-у? Значит, другой будет... А меня как бы на периферию куда-нибудь не заслали. Эх, дурак, не дал согласия, когда предлагали банно-прачечный комбинат! Баня — это всё же в городе. Как загонят в Грязновский район, к чёрту на кулички, вторым секретарем! Да вторым-то еще ничего, а вдруг на отдел?.. Их не волнует, какое влияние окажет партийная конференция на жизнь области, какие будут после нее сдвиги, поправятся ли дела в отстающих колхозах. Их волнует лишь одно: как эти большие или малые перемены отразятся на их бренном существовании? Не сорвут ли их с насиженных мест? Не понизят ли в ранге, зарплате? Столоначальники!.. А в общем, не подумай, товарищ Мартынов, что я плачусь тебе в жилетку. Я не жалуюсь на трудности. Я только говорю тебе, что обывательщина в разных формах проявляется и трудновато с нею бороться. Трудно, но — не невозможно. А раз можно с нею бороться — давай бороться!..

1954 г.

IV. СВОИМИ РУКАМИ

1

В районе, где работал Мартынов, было тридцать колхозов.

В сентябре 1953 года состоялся пленум Центрального Комитета КПСС, приковавший внимание всей страны к деревне. Но, естественно, решения этого пленума не могли сразу же, немедленно, сказаться на урожае, экономике колхозов, так как сельскохозяйственный год к тому времени был почти закончен.

В районе всё еще была большая пестрота: доходы и стоимость трудодня в колхозах сильно разнились.

Было в районе пять по-настоящему передовых, богатых колхозов: «Власть Советов», где председательствовал Демьян Васильевич Опёнкин, «Красный Октябрь», «Заря», «Большевик», «Спартак», — там председателями работали такие же старые опытные хозяева, болельщики колхозного дела. Круто пошел в гору колхоз «Родина», куда райком послал бывшего лесника Дорохова, — вернул его, собственно, по просьбе колхозников на старое место. Выдвигался в передовые колхоз имени Молотова, — туда еще два года тому назад поехал, истосковавшись по земле, инструктор райкома партии Рязанцев, агроном по образованию.

Колхозов пятнадцать было средних. Председателями в них работали люди честные, трезвые, им нужно было

только больше помогать, учить их всяким полезным новшествам в колхозном производстве.

В район прибывали из городов специалисты сельского хозяйства. И — не специалисты, по зову партии.

Приехал из Москвы, из Министерства черной металлургии инженер Долгушин, член партии с 1925 года, с назначением на должность директора Семидубовской МТС, на место старика Глотова. Кто-то там, в отделе кадров министерства, заглянув в анкету Глотова, в графу «образование», решил, что его необходимо немедленно заменить инженером, — не справившись предварительно, как он работает. Мартынову удалось отстоять Глотова (разговаривал по телефону с секретарем обкома и даже с заместителем министра сельского хозяйства). Если в решениях сентябрьского Пленума ЦК сказано, что директоров-практиков, не имеющих высшего образования, можно оставлять на месте лишь в порядке исключения, то Глотов, по мнению Мартынова, и был именно таким исключением. За прошедшее лето Мартынов убедился уже, что Глотов может и хочет лучше работать: старик будто стряхнул с себя десяток лет, его МТС быстрее и лучше всех справилась с уборкой, дала высший по району урожай, перевыполнила план вспашки под зябь. Кроме того, в Семидубовскую МТС уже прислали двух новичков на должности главного инженера и заведующего ремонтной мастерской, совершенно незнакомых с сельским хозяйством: одного с железнодорожного транспорта, другого с резинокомбината. Надо тем, кто заведует номенклатурой командного состава МТС, как-то вдумчивее комплектовать «штаб» управления этим большим сложным государственным хозяйством, не сменять огулом сразу всех, а комбинировать. Где директор новый, там оставить в должности главного инженера или заведующего мастерской пока, может быть, и механика, но опытного хлебороба, знакомого с тракторами и комбайнами; где директор старый практик, туда можно дать инженеров из города — чтобы практики помогали присланным из городов специалистам своим опытом колхозного строительства, а специалисты помогали практикам своими знаниями.

Долгушина послали в Надеждинскую МТС, где директор действительно не справлялся с работой.

Приехали пять специалистов из аппарата управления

сельского хозяйства и разных областных контор. Одного из них направили главным агрономом в Олешенскую МТС, одного порекомендовали в колхоз председателем, остальных послали колхозными агрономами. Перетрясли районные учреждения, высвободили из них несколько человек агрономов и зоотехников — всех послали на постоянную работу в колхозы.

И всё же в районе оставалось колхозов семь, где надо было, не откладывая дела в долгий ящик, укрепить руководство, сменить председателей. Семь колхозов — немалая часть района по земельной площади и по населению — всё еще прозябали на четырех-пяти центнерах урожайности, в безденежье, по уши в долгах. Надо было принимать какие-то крутые меры, чтобы вытянуть их.

По первым морозам Мартынов поехал в один из таких колхозов, в «Борьбу», самый отдаленный колхоз района, куда в иную погоду, в бездорожье, через топкие болота и залитые водою ольшаники и не доберешься ни на чем. Мартынов за время своей работы в районе бывал во всех колхозах по многу раз, бывал он и в «Борьбе», но всё как-то проездом. На этот раз он, оставив все дела в райкоме на Медведева, прожил здесь три дня, ночевал не у председателя, а у колхозников в бригадах, осмотрел всё хозяйство, переговорил с десятками людей; вызвав из МТС ревизора, провел как бы следствие о причинах тяжелого положения в колхозе, не гнушаясь и сбором письменных заявлений и очными ставками — для облегчения работы прокурору.

Уехал он из «Борьбы» потрясенный, взбешенный, до глубины души взволнованный тем, что увидел и услышал.

...Сколько раз приходилось Мартынову слышать от рядовых колхозников такие слова:

— Эх, товарищи руководители, не всё вы знаете, что делается у нас в колхозах!..

— По одним сводкам нашей жизни не узнаешь!

— Всё узнать — пуд соли с нами надо съесть!..

Кучка негодяев в «Борьбе» превратила колхоз в свою вотчину. Разложившимся пьяницам и жуликам было не до хозяйства.

Что бы ни выросло на полях, восемь ли центнеров урожая, четыре ли центнера — для членов правления, бухгалтера и председателя ревизионной комиссии хва-

тало тех «фондов», что оставались в амбарах и кладовых. Прошлой зимою, когда на фермах падал скот от бескормицы и колхозникам для их коров не выдали ни клочка соломы, у председателя и правленцев во дворах стояли целые стога наилучшего клеверного сена. За кур, гусей и баранов, съеденных на попойках, отвечали лисы и волки. Мартынов обнаружил в конторе даже акт на... тигра, сбежавшего якобы из зверинца и растерзавшего двух колхозных баранов, хотя, как выяснилось, никакие зверинцы никогда в Троицкий район не заезжали и беглых тигров никто в окрестностях колхоза не видел. У членов правления числилось «под отчетом» по пять — семь тысяч, — это уже сверх взятого из кассы и кладовых без учета и отчета, такие хищения, что и бухгалтер-сообщник не смог утаить.

Мартынова поразило то, что колхозники никуда не писали, не жаловались на безобразия в колхозе. Потом он понял, почему не жаловались.

В «Борьбу» часто приезжал уполномоченным по разным кампаниям заместитель председателя райисполкома Федулов, большой любитель охоты и рыбной ловли. Всякий раз при отбытии его домой председатель колхоза Маркин организовывал на колхозном пруду рыбалку с ухой и выпивкой и на прощанье запихивал в кабину райисполкомовского «газика» большую, плетеную из лозы кошёлку, доверху наполненную живыми карпами и карасями. Видя, что районное начальство в дружбе с их председателем, колхозники и не решались жаловаться в район. Несколько писем, посланных в областную газету, попали на расследование к тому же Федулову. Но как же он мог дать ход этим жалобам, если ему самому, для строительства нового дома в городе, двери, оконные рамы и резьбу на крыльцо делали плотники в «Борьбе», бесплатно, по нарядам Маркина, из колхозного леса?.. Долго пришлось Мартынову вытягивать у колхозников слово за словом, пока, наконец, они убедились, что секретарь райкома всерьез хочет докопаться до причин разорения колхоза и не выдаст их на расправу Маркину и его собутыльникам.

Мартынов даже не представлял себе всего многообразия способов зажима критики и запугивания колхозников в таких забытых богом и районными руководителями глухих углах. Пока суд да дело, пока разберут твою жа-

лобу на расхитителей общественного добра (да еще по совести ли разберут), а тут председатель или бригадир со счетоводом так прижмут тебя, что света белого не взвидишь. И наряды будут давать тебе на самые невыгодные по оплате работы, и табеля запутают так, что в конце года недосчитаешься половины трудодней и ничем не докажешь, что они у тебя были, и какие-нибудь старые грехи припомнят, оштрафуют в пятикратном размере за то колесо, что в прошлом году поломал, когда лошадь, испугавшись машины, перевернула воз.

Рассказывали колхозники: соберутся иной раз председатель, завхоз, бригадиры, одуревшие от многих дней беспробудного пьянства, сядут под чьей-нибудь хатой на завалинке и соображают: как бы опохмелиться? Смотрят — корова подошла к колхозному стогу, ковыряет рогами сено. Есть зацепка! Загоняют корову на бригадный двор, отряжают гонца за хозяйкой: «Ну-ка, тетка Настя, плати пятьдесят рублей за потраву социалистической собственности» — и тут же пропивают коллективно эти деньги. И опять сидят, высматривают: не подойдут ли еще чьи-нибудь телок или корова к стогу?

А если хочешь попросить соломы перекрыть хату или лошадь съездить на базар — без пол-литра к бригадиру не ходи, это уж тут стало как бы законом. Какие взятки? Просто — магарыч, по старому крестьянскому обычаю. Магарычами сопровождались и продажа сена на корню служащим и рабочим, и нарезка огородов колхозникам, и прием в колхоз, и перевыборы председателя. Только в последнем случае раскошеливались не колхозники, а правление. Дважды избирался Маркин в «Борьбе» председателем, и всякий раз после закрытия собрания слово предоставлялось бухгалтеру. Тот выходил наперед с туго набитым портфелем и раздавал всем проголосовавшим полноправным членам колхоза по десятке — на двести граммов.

Мартынов не верил своим ушам. Его мучили жгучий стыд, сознание глубокой вины перед колхозниками. Не было «сигналов» из колхоза?.. Сами виноваты, что отбили у колхозников даже охоту жаловаться куда-либо. И инструктора райкома приезжали сюда много раз, но, видимо, кроме оформления протоколов партсобраний, ничем другим не интересовались.

В «Борьбе» было двенадцать коммунистов — не ма-

ленькая партийная организация. Секретарь Могутный, он же начальник сельской пожарной команды, не мог активно бороться с пьянством, так как сам был грешен по этой части. Однажды в воскресный день прокатил по селу на дрожках-бегунках без колес: пока выпивал в хате у одной знакомой вдовы, мальчишки пооткручивали гайки на осях.

Председатель Маркин, завхоз Шарапов были членами партии, оба с 1947 года. Могутный жаловался Мартынову на районного прокурора:

— Пробовал я, товарищ Мартынов, прибрать тут кой-кого к рукам. Даю прокурору дело. Вот у Шарапова — на шесть тысяч растраты и всяких переборов. А прокурор говорит: «Не могу привлекать его, пока он не исключен. Такой порядок. Исключайте его из партии, тогда будем судить». Да как же исключать? Ты дай нам основание, подведи статью, такую, чтоб и самые закадычные друзья-приятели не осмелились его защищать! Так и торгуемся. Я говорю: сначала заведите дело, потом исключим. А прокурор: «Сначала исключите, а я потом с ним расправлюсь». Как-то оно нескладно получается у нас, товарищ Мартынов. Если б беспартийный такое преступление совершил — судили бы его. С коммунистом же — тянем волокиту, и так и этак дело пересматриваем. А оправданий ему нет никаких.

Из двенадцати коммунистов в «Борьбе» настоящих колхозников было меньше половины. Остальные все состояли «при должности»: кто весовщиком на мельнице, кто заготовителем в сельпо, кто финагентом. Жёны их имели меньше всех трудодней, ни одна не выработала минимума.

Были и неплохие коммунисты в колхозе: два рядовых колхозника братья Максимовы, бригадир строительной бригады Кульков, звеньевая Федотова, ветеринарный фельдшер Шумилов, член партии с 1924 года, — Ленинского призыва. На последних выборах правления они голосовали против рекомендованных уполномоченным Федуловым кандидатур, доказывали, что если доверить этим прощелыгам колхоз еще на год, они вконец его развалят. Федулов расценил их выступления на собрании как направленные к срыву выборов, а старика Шумилова предупредил, что он может поплатиться партбилетом за организацию в колхозе «антипартийного блока»...

2

Поздним вечером в райкоме сидели Мартынов, Медведев и Руденко.

Мартынова после поездки в колхоз «Борьба» несколько ночей мучила бессонница, он даже заметно похудел, под глазами легли синие круги. Но в этот вечер он был оживлен, почти весел: долго обдумывал, что делать с такими колхозами, как «Борьба», но, видимо, уже что-то решил.

— В других наших неблагополучных колхозах тоже, в какой-то стадии, те же болезни, что в «Борьбе», — говорил Мартынов. — Тут-то и причина всех неурядиц! Где в руководстве колхоза пьяницы, шляпы, там и ворам привольно орудовать. А чаще всего бывает: эти самые разгульные пьяницы — они же и воры... Нашего прокурора Нечипуренко бы председателем в «Борьбу»!

— Он не в нашей номенклатуре, — возразил Медведев. — Юриспруденция. Мы не вправе послать его председателем.

— Коммунист, член нашего райкома — как же не вправе? Того не вправе послать в колхоз, другого не вправе — кто же в первую очередь кадрами коммунистов распоряжается?..

Мартынов долго молча сидел за столом, повернувшись к окну, пуская дым от папиросы в открытую форточку, и когда начал говорить, не глядя на Руденко и Медведева, говорил как бы сам с собою — мысли вслух.

— Этой осенью дела у нас пошли лучше. Сентябрьский Пленум. Такие хорошие решения. Народ поднялся. Озимые посеяли во́-время. Всюду вспахали под зябь полностью, чего у нас давно не было. Весною с севом будет легче... Старые трактористы вернутся на машины. За зиму сделаем многое. Весенний сев проведем хорошо. Будут сдвиги... Но если кто-нибудь попытается сразу же, после первых успехов, ударить в литавры по поводу блестящего выполнения решений сентябрьского Пленума — ох, как это вредно для дела! Эти решения еще выполнять да выполнять! До самой сути мы еще и не добрались... Кому выгодно поднять преждевременно шум о наших успехах? Тому, кто хочет, чтобы поскорее закончилась эта «кампания» укрепления кадров в деревне. Уже,

мол, всё сделано. Всюду прекрасные секретари райкомов, умницы директора МТС, а председатели колхозов — прямо академики! Скорее бы угомонились, кончали эти пертурбации с кадрами — чтоб его самого, не дай бог, не послали в деревню. Вот кому выгодно... И тем выгодно, кто, может быть, сознательно не желает, чтобы у нас по-настоящему улучшились дела в деревне...

— Главного мы еще не сделали. Кадры, кадры. В этом — всё!.. Я считаю, Иван Фомич и Василий Михалыч, — круто повернулся в кресле Мартынов, — то, что мы сделали пока в районе — это полумеры. Ну, что мы сделали? Вытащили часть агрономов из контор, направили их в колхозы. Из области прислали нам несколько человек на работу в село. И — всё. Хотим отыграться на специалистах и на этих товарищах, приехавших из городов? И будем их спустя месяц вызывать на бюро и требовать коренного перелома?.. А из партийного актива кого мы послали в колхозы? Ведь в первую голову ответственны за тяжелое положение в отстающих колхозах мы, местный партийный актив, члены райкома. Да и не только потому ехать нам в колхозы, что мы допускали ошибки. Не в наказание. Ведь в райком на конференции избирали лучших коммунистов. Из райкома и надо брать кадры... Для таких колхозов, как «Борьба», нужны крупные фигуры. Там железной рукой надо наводить порядок. И не только председатели нам нужны. Состав секретарей колхозных парторганизаций тоже надо пересмотреть. В Олешенскую МТС нужен секретарь... Распустим, Фомич, райком, райисполком, закроем кабинеты на замки, лучших своих работников отдадим в колхозы. А?..

Развалившийся на диване в усталой позе Руденко пошевелился:

— Тогда уж и нам с тобою идти в председатели. Закрывать так закрывать! Как в гражданскую войну закрывались комсомольские комитеты. Надпись на дверях: «Все ушли на фронт!»...

— Нет, без шуток... Не подумайте, что я действительно собираюсь ликвидировать районные организации. У меня есть план: как и колхозы укрепить и район пополнить новыми кадрами. Держу кое-что на прицеле.

— Что?

— А вот что. Когда мы с тобою останемся без заве-

дующих отделами, а райком, может быть, даже без второго секретаря, — Мартынов бросил быстрый взгляд на Медведева, — тогда у нас будут основания просить область, чтоб подбросили нам хороших работников. Да, нету никого, оголили все учреждения. Может, наглупили мы, перегнули палку, но что поделаешь, послали уже товарищей в деревню. Бейте нас, если наглупили, но теперь уж их не вернешь назад. Колхозная демократия. Избраны уже на законных собраниях. Перегнули, каемся, но что же теперь делать? Выручайте нас, давайте нам людей в районный аппарат. Вот. Понятно?.. А когда область укрепит кадрами районы за счет своих учреждений, и у обкома будет законная причина просить ЦК о том же. Пусть дают в область больше людей из центральных аппаратов, из разных министерств. Та́к оно и пойдет, волнами, перекатами сверху вниз: из районов в колхозы, из области в районы, из Москвы в область — всё ж ближе к деревне...

— Значит, и меня хотите выдвинуть в председатели? — криво усмехнувшись, сказал Медведев.

Мартынов нахмурился:

— Почему же, Василий Михалыч, иронизируешь: «выдвинуть»? Вот до тех пор, пока мы не сломим такого пренебрежительного отношения к должности председателя колхоза, — вспылил он, — ничего у нас не выйдет! В самих себе, оказывается, надо ломать это аристократическое пренебрежение!.. Ну, оставайся ты в райкоме за первого, а я пойду в колхоз. Надо же кому-то начинать.

— А есть в этом необходимость, чтобы нам именно начинать?

— Есть! Именно потому, что ты вот усмехаешься, когда говорим: самое почетное дело сегодня быть председателем колхоза. Ты — усмехаешься. А чего же от других требовать? Чёрт побери! Директор завода — должность уважаемая, авторитетная. И ты, Василий Михалыч, небось не обиделся бы, если б тебе предложили пост директора Магнитки. А колхоз с пятью тысячами гектаров земли, это что — не масштабная работа?.. Да, именно нам надо начинать. Не тебе, так мне... Что молчишь, Фомич? Спишь?

— Нет, не сплю. Думаю, — отозвался Руденко.

— Согласен со мною?

Руденко промолчал.

— Иван Фомич боится, как бы ты и до него не добрался, — с той же нехорошей кислой усмешкой сказал Медведев. — Он меня жалеет. Если он проголосует за то, чтобы мне в колхоз ехать, я же скажу: и Руденко посылайте председателем, что́ ж он меньше меня, городского учителя, знает сельское хозяйство?..

— Ну, братцы, — встал Мартынов, — если мы, члены бюро, будем вот так в молчанку играть, друг друга «жалеть»!.. Тогда иначе сделаем. На партактиве будем решать.

— Партактив не правомочен решать за райком,—возразил Медведев.

— Ничего. Дело не в форме — в существе. Надо же как-то ломать лед. — Мартынов сделал пометку в настольном календаре. — Созовем партактив восемнадцатого, в пятницу. Я сделаю доклад о ходе выполнения решений сентябрьского Пленума. Минут двадцать дадите мне для доклада, больше не нужно. И приступим сразу к практическим делам.

Часа в два ночи Руденко позвонил Мартынову на квартиру:

— Спал, Илларионыч? Прости, что разбудил. А мне не спится... Оделся бы, вышел, а? Походим, поговорим. Дело есть... До утра? Боюсь, до утра передумаю, а сейчас если скажу тебе, значит — всё, отрезал!..

Не совсем проснувшийся Мартынов что-то невнятно ответил на вопрос жены, куда он уходит, оделся и вышел на улицу. Руденко ждал его уже у ворот. Пошли по скверу.

— Знаешь, почему я промолчал, Илларионыч? — заговорил Руденко. — Медведев не та фигура, с которой нужно начинать. Странный он какой-то человек. Вот уж год работает у нас — ничего о нем не скажешь ни хорошего, ни плохого. Был учителем, кому-то вздумалось выдвинуть его на партийную работу. Какие у него к этому обнаружились таланты? Спрашивал я про него товарищей из Н-ска. И там, в городском райкоме, ничем особенным он себя не проявил. Аккуратист, резолюцию грамотно напишет, лекцию прочитает, — это он умеет. Не знаю, как ты считаешь, но, по-моему, колхоза он не

потянет. Не организатор. Да и сельского хозяйства не знает.

— Год работает в сельском районе.

— Ну, видишь ли, кой-чему поверхностно он за это время научился, но такого знания, как у хлебороба, изнутри, — у него нет.

— Как же мы Долгушину, не хлеборобу, доверили МТС? Тринадцать колхозов?

— У Долгушина, я уж заметил, мертвая хватка на всё новое. Он ночь просидит над брошюрами о возделывании сахарной свеклы, а утром уже со старым агрономом поспорит, по каким предшественникам ее лучше сеять и какие посевы можно, а какие нельзя букетировать. Долгушин хочет работать в деревне. А у Медведева душа к ней не лежит. За год не было случая, чтоб он остался где-то в колхозе заночевать. Блох боится. Зачем же его — в колхоз?..

— К чему ты речь ведешь? За этим только и вызвал меня среди ночи, как девушку на свиданье? О Медведеве рассказывать? Я его не меньше тебя знаю.

— Не о Медведеве хочу рассказать — о себе... Если нужно, как ты говоришь, лед ломать — давай я выступлю на партактиве и попрошу послать меня в колхоз. Дайте мне один из самых отстающих, но чтоб были там возможности, земли много, чтоб было, в общем, где развернуться. «Вехи коммунизма» дайте или «Память декабристов». За год не ручаюсь, не сделаю, время нужно. А через два года весь район будешь возить к нам на экскурсии.

Мартынов остановился, взял Руденко за плечо, повернул его лицом к себе:

— Серьезно, Фомич?

— Серьезно, Илларионыч.

— Ну, спасибо, друг!.. Ох, как это важно сейчас: лучших из лучших коммунистов послать председателями колхозов! Ведь нам теперь всё дано, о чем мечтали мы. Дело теперь — в методах руководства...

— Ладно, еще меня будешь агитировать? Это у меня, брат, уже не первую ночь подушка под головой вертится. Тоже не раз думал: не так мы решаем вопрос о кадрах, как сентябрьский Пленум требует!.. И еще скажу тебе по совести: не удовлетворяет меня работа в райисполкоме. Может, не хватает мне кругозора, не по плечу

эта должность, но с тобою мне очень трудно. Не выскочишь поперед тебя. Только надумаешь провернуть что-нибудь новое, а ты уж это дело обмозговал, у тебя уже конкретные предложения. За чужой головой хоть и легче жить, но скучно... Не вышел из меня хороший глава советской власти, сам чувствую. Так — придаток к райкому. Член бюро для голосования. В общем, не по Сеньке шапка. А сейчас, как я понимаю, Советы нужно укреплять. Секретари по зонам МТС, инструкторские группы. Все разъедутся по местам, в райкоме и заседания не с кем будет проводить. Да и не нужно там часто заседать. Девяносто процентов тех хозяйственных вопросов, что решали на бюро, надо решать в исполкоме — смело, ответственно! Ну, я этого не охвачу, честно признаюсь... А колхоз — это мое кровное. И бригадиром был, и полеводом, и председателем сельсовета. Блох, тараканов не боюсь. И урожаи собирал по двадцать центнеров, когда полеводом работал... Решено, Илларионыч: поеду в колхоз!

— Решено-то решено... А я с кем останусь?

— Действуй по намеченному плану. Звони в область, кричи: «Караул! Остались без председателя райисполкома, видите, что делаем — никого не жалеем для колхозов. Давайте нам теперь кого-нибудь из областных работников»... Вот только у меня, Илларионыч, одно затруднение. Тут уж ты мне помоги...

— В чем затруднение?

— Жена... Не говорил еще с нею. Не знаю, как она к этому отнесется. Варвара Федоровна-то сама крестьянка, колхозница... Тут видишь, в чем дело: нет у нее никакой специальности. Будь она учительница или врач — сразу нашли бы ей место и работала бы она там в селе, без нареканий. А без специальности, что ж — придется ей в поле ходить. А как же иначе? Чтó колхозницы скажут: «Жёны начальников не работают, а нас заставляете!». Она-то у меня не старуха, не инвалид. В тридцать девятом году рекорды ставила на вязке снопов. И сейчас, как вытянет меня на наш огород картошку окучивать, я рядок пройду, она — три. Но не знаю всё же, чтó она отпоет мне насчет колхоза. Характер у нее, ты знаешь, не ангельский... Давай вместе поговорим с нею? Вот на ком испробуй свои агитаторские таланты!.. В крайнем случае не говори, что я сам напро-

сился. Скажи, что это по решению бюро, если откажусь — худо мне будет. Тут-то она, конечно, призадумается. Будет, конечно, кричать: «Если моего Ивана в колхоз, тогда и этого пузана Куркова посылайте! И этого лоботряса Коробкина!». Всех переберет. Может, и до тебя доберется. В общем, приходи вечером к нам. Поужинаем вместе. Она любит, когда к нам гости приходят, при гостях добрее становится.

Вечером, на квартире у Руденко, за ужином, Мартынов издалека завел речь о необходимости укрепления руководящих колхозных кадров:

— Помнишь, Иван Фомич, какие были орлы председатели колхозов в первые годы коллективизации? Или, может, потому, что я сам тогда был мальчишкой, все люди вокруг казались мне богатырями? Нет, на самом деле, в то время выбирали председателями колхозов лучших сельских активистов. Энтузиасты! Вожаки! Организаторы! Потом многие из них пошли на выдвижение. Торопились их выдвигать. Смотрят: э, нет, этот человек слишком хорош для колхоза, надо дать ему работу помасштабнее. В район его, в область!.. «Слишком хорош»!.. Вот из нынешних стариков председателей, знаменитых на всю страну, многие удержались на месте только потому, что всячески сопротивлялись «выдвижению» — до скандала! «Пригрелся в теплом уголку! Не хочешь расти? Боишься ответственности?» Да где же еще больше ответственности, как не в колхозе, где от твоей работы зависит благополучие тысяч людей? И разве рост только в том и заключается, чтобы по служебной лестнице с каждым годом выше подниматься? Можно бригадиром быть всю жизнь и беспрерывно расти — всё лучше и лучше работать, больше брать богатств от земли, науку, культуру внедрять в производство!..

— Правильно говоришь, Петр Илларионыч, — согласился Руденко. — В старой армии, говорят, бывало десять — пятнадцать лет командовал офицер батареей и не спешили делать его командиром полка. Кто же ведет огонь в бою по врагу, как не батарея? Вот там-то и нужны мастера! И он, этот офицер, та́к знает свое дело! Будет спать пьяный в стельку, крикни ночью: «Против-

ник там-то, отметка такая-то!» — не раскрывая глаз, правильно подаст команду!

— Почему же, Фомич, измельчали у нас местами кадры председателей колхозов? — продолжал Мартынов, подавая чашку Варваре Федоровне, разливавшей чай из старинного, семейного, ведра на два, самовара.

— Ну, почему! Сам же говоришь — «повыдвинули» многих. А сколько хороших председателей погибло в Отечественную войну, на фронте и в партизанах? Лучшие люди ведь и на фронте не прятались от опасностей, в первых рядах шли. Опять же — мало внимания обращали на учёбу колхозных кадров.

— Я думаю, Фомич, всё же через некоторое время мы добьемся, что должность председателя колхоза станет самой почетной на селе! — сказал Мартынов. — Позором будет считаться, если человек не сгодится в председатели. Как же так — был ответработником крупного масштаба, а народ не доверяет тебе колхоза? Те, которых мы будем рекомендовать в председатели, уже не самого колхоза будут бояться, а как бы их там колхозники не прокатили на вороных!

— Да, да! И еще вот что может случиться, мать, слышишь? — тронул Руденко за плечо жену. — Кто сейчас артачится, не хочет идти в председатели — ошибется! Это не кампания, этому делу конца не видно. Укрепим кадры председателей колхозов — возьмемся за бригадиров. Сегодня отказываешься от колхоза — завтра тебе бригаду предложат.

— Так и будет, — подтвердил Мартынов. — Раз уж решено брать с больших постов лучших работников и посылать их в деревню — на полпути не остановимся. И бригады будем укреплять хорошими коммунистами.

Варвара Федоровна, женщина лет сорока, сухощавая, но широкая в кости, смуглая, с суровыми резкими чертами лица, густыми черными бровями, крутым волевым подбородком, резала хлеб, подкладывала варенья в розетки, спокойно перехватывая убеждающие, «агитирующие» взгляды Руденко и Мартынова.

— А что, мать, — откашлявшись, голосом, сиповатым от неуверенности в благополучном исходе их мирной застольной беседы, сказал Руденко, — может, и мне взять колхоз?.. Что нам, привыкать к сельской жизни?

Пусть ее другие боятся, а мы в деревне родились и выросли. А?.. Пока не поздно.

— Почему — пока не поздно? — спросила Варвара Федоровна.

— Да вот, говорим, пока не дошло дело до бригады.

Вопреки ожиданиям Руденко, ничего особенного не случилось.

— Бригады боишься? Не бойся! — махнула рукой Варвара Федоровна. — Как видно, к тому идет, что скоро вам, таким руководителям, колхозники и звена не доверят. Куриной фермы не доверят!..

Мартынов и Руденко переглянулись.

— Чего вы тут старались, целый час мне разъясняли: «Председатель колхоза — самая почетная должность!», «Лучших коммунистов надо послать председателями!». Коробкину, Жбанову разъясняйте да их женам, белоручкам, модницам, что маникюр каждую субботу наводят!.. Думаешь, Иван, я не знаю что ты дал согласие на колхоз?

— Ты — знаешь? Откуда? Кто тебе рассказал?..

— Да ты же сам и рассказал.

Руденко молча, в недоумении, развел руками.

— Вот за что хорош муж у меня, — обратилась Варвара Федоровна к Мартынову. — Если приглянется ему какая женщина, еще не успеет согрешить, только подумает, а я уж знаю, — ночью во сне всё расскажет. Или болезнь это у него, или, может, тяжело ему работать в райисполкоме, перегрузка на мозги, — всю ночь бредит. Да ты мне, Иван, — круто повернулась к мужу, — целую неделю уже спать не даешь! Только и слышу: «Если мы не возьмем это дело в свои руки — кто ж его возьмет?»... «Мы виноваты — нам исправлять»... Истинно так! Вам исправлять. Ты тут шесть лет в райисполкоме сидишь, всех пересидел. А много ли пользы дал колхозам? У вас в руках и власть и законы, да что-то вас не очень слушают. Заседаете, постановления пишете, телефонограммы передаете — как об стенку горохом! Кто ж будет выполнять ваши постановления в таких колхозах, как «Красный пахарь», куда нас, городских домохозяек, посылали осенью свеклу копать? Этот обормот Анучкин? Ни шалашей у них в поле, ни воды не подвозят, не заботятся о людях, негодяи! Из ваших постановлений цыгарки крутят. Расписываете их, тру-

дитесь — для кого? Тумба бездушная сидит в председательском кресле, сивухой насквозь провоняла. Гнать их поганой метлой, таких паразитов, разорителей колхозной жизни! А вам самим — на их место садиться... Езжай в колхоз, бери, какой потруднее, может совесть у тебя успокоится, не будешь по ночам за голову хвататься.

— А ты? — спросил Руденко, не совсем еще доверяя такому быстрому согласию жены.

— Езжай, говорю. Попутный ветер! И мне не стыдно будет от баб. Пойдешь на базар курицу купить, слышишь, колхозницы говорят: «Вот Руденчиха, председательша, ходит, ищет курочку пожирнее, щупает. Откуда же им быть жирными, когда кормить их нечем».

— Но ты-то поедешь со мною в колхоз? — повторил свой вопрос Руденко.

— А что ж, думаешь, развод возьму?.. Чтоб ты там на какой-нибудь молоденькой звеньевой женился?

— Поедешь? Ну, смотри... Учти, Варя, что мне, как председателю колхоза, неудобно требовать от других дисциплины, если моя жена не будет ходить в поле. У тебя ж больше нет никакой специальности. Там тебе придется физической работой заниматься.

— А здесь я какой работой занимаюсь, умственной, что ли? Подштанники тебе стираю — головой?.. Чёрт рыжий! — вскипела, наконец, Варвара Федоровна (у Руденко действительно волосы были цвета золота девяносто шестой пробы). От кого слышу про физическую работу! Пугает меня! Да кто же у нас дома этой самой физической работой занимается? Ты, что ли, заседатель? Вот они, руки! — кинула перед собою на стол вверх ладонями руки, большие, сильные, натруженные, в царапинах и мозолях. — Вот! А тебе свои мозоли и показать неудобно — не на том месте... Кто за зиму десять кубометров дров переколол? Выйдет утром, расколет одно полешко, кряхтит, пыхтит: «Ох, поясница болит, почки, седалищные нервы, радикулит». Избаловались, изнежились в теплых кабинетах! Кто сарай перекрыл толем? Ты, что ли? Кто погреб вырыл? Кто картошку копал, возил?.. Там на поле хоть отметят мой труд. Я там еще не один рекорд поставлю! Орден, может, заслужу. А тут — целый день мотаешься, как угорелая, и никто твою работу и в грош не оценит. Хоть бы когда-

нибудь щи мои похвалил: «Ну, Вареха, молодец, щи хорошие ты сегодня сварила!».

Мартынов в веселом изумлении пожал плечами:

— Фомич, как же это получается? Боялся — что скажет Варвара Федоровна?.. Настроения собственной жены не знаешь!

— Откуда ж ему знать мое настроение, Петр Илларионыч! — с горячим укором сказала Варвара Федоровна. — Я уж и не помню, когда мы с ним по душам о чем-нибудь таком жизненном поговорили. Уходит рано, приходит поздно, либо книжку читает молча, про себя, либо — спать. Выйдет какое-нибудь постановление правительства — едете в колхозы, собрания проводите, а с нами об этих делах не беседуете. Ну, мы и сами грамотные, читаем газеты, разбираемся, что к чему... Может, вы думаете, нам, женам, неинтересно, что у вас в районе делается? Не знаем — кого за что покритиковали? Не переживаем за вас? Не хотим вам помочь? Эх вы, умники-разумники!.. Пойдем в колхоз. Только одним моим Иваном, Петр Илларионыч, не отбудете! Тут многие товарищи геморрои да ишиасы поназживали на заседаниях. Туда их, в село! Пораньше вставать, пешечком по полям — на свежем воздухе все болячки заживут!..

На прощанье Мартынов спросил у жены Руденко:

— Всё же скажи, Варвара Федоровна, почему ты считаешь, что мы плохо руководим районом?

— А то — хорошо? — с вызовом ответила Варвара Федоровна. — Сколько у вас таких колхозов, где и в этом году дадут на трудодень граммы? Я смотрела сводку. Да когда ж это кончится? Разве ж можно с этим мириться, пусть даже в одном только колхозе останется такое безобразие? И там ведь — живые люди! В среднем, подсчитываете, по району выдали столько-то. Это всё равно как бы, к примеру, вот я живу очень хорошо, а моя соседка, вдова, больная, очень плохо, — значит, можно считать, что в среднем мы с соседкой живем хорошо? Нет, чужой юбкой своей наготы не прикроешь!.. Дожидались сентябрьского Пленума! Сейчас только спохватились, начинаете посылать в колхозы стоящих людей, а не шантрапу всякую, самогонщиков! А о чем раньше думали? Не могли дойти до этого своим умом?..

— Да видишь ли, Варвара Федоровна, — возразил Мартынов, — если бы мы раньше затеяли то, что хотим вот сейчас сделать, нас, возможно, назвали бы загибщиками. Да и сейчас не знаю еще, как пойдет...

Руденко вышел проводить Мартынова за ворота.

— Ну, уговорили Варвару Федоровну, — сказал Мартынов.

— Уговорили!..

И оба расхохотались на всю улицу так громко, что в доме напротив открылась форточка и чья-то любопытная голова высунулась поглядеть — что там за веселье такое, возле квартиры председателя райисполкома, среди ночи?..

3

На собрании районного партийного актива Мартынов даже не использовал отведенных ему по регламенту двадцати минут — докладывал ровно семнадцать минут.

— Решения сентябрьского Пленума вы все читали. Нет надобности их пересказывать. Плохо мы выполняем решения Пленума. Не выполнили до сих пор главного: не укрепили все колхозы отборными кадрами. Давайте подумаем, как это сделать. И сделать, не теряя больше ни одного дня. Вот колхозы, — Мартынов зачитал список, — где, по нашему мнению, нужно сменить председателей.

Он рассказал собранию, какое положение вскрыл в колхозе «Борьба».

— Кто может навести там порядок? Человек с твердой рукой, решительный, преданный делу колхозного строительства, честный, настоящий коммунист. С его помощью мы оздоровим там и партийную организацию.

— Там этих разложившихся повыгонять надо! — раздались голоса из зала.

— Для чего они примазались к партии?..

— На рядовых работах их проверить — достойны ли они называться коммунистами?

— Давайте приступим сразу к делу, — заключил Мартынов. — Выберем комиссию для подработки проекта решения, и пусть эта комиссия, невзирая ни на какие высокие посты, продумает: кого из нашего партийного актива следует послать в колхозы на постоянную работу. Предлагаю в состав комиссии: Опёнкина, Ру-

денко, Глотова, Медведева... — Мартынов назвал еще трех председателей колхозов, редактора районной газеты Посохова, секретаря райкома по зоне Олешенской МТС Кольцова, нового директора Надеждинской МТС Долгушина.

Проголосовали.

— Созыв за товарищем Опёнкиным. Пока сделаем перерыв минут на сорок. Далеко не расходитесь. А потом откроем прения, уже по проекту. Необычно? Ну что ж, товарищ Мао Цзэ-дун в своей речи «Против шаблонных схем в партии» не советует китайским коммунистам все собрания проводить однообразно: сначала доклад, потом прения, потом заключительное слово, потом резолюция. Можно и нам так сделать. Ничего страшного не случится, если сначала проект зачитаем, а после откроем прения. Попробуем. Не сократим ли время?..

— Эх, — крякнул, улыбаясь, усевшись в кресло, толстяк Опёнкин, когда комиссия удалилась из зала в отдельную комнату. — Сколько раз участвовал я в таких комиссиях, но на этот раз, кажется, буду писать резолюцию с удовольствием! Наконец-то делом занялись!

— Одобряете, Христофор Данилыч? — обратился Мартынов к директору Надеждинской МТС Долгушину.

Долгушин, черноволосый, с проседью, с жгучими цыганскими глазами (кто-то в роду у него был из цыган), с глубоким рваным шрамом на щеке, искривившим на сторону рот, сняв пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула, подтянув рукава шелковой свежевыглаженной рубахи, присел к столу:

— Вполне одобряю, Петр Илларионыч! Я, директор МТС, отвечаю не только за свой тракторный парк — отвечаю за все колхозы нашей зоны. Отвечаю даже больше, чем вы, первый секретарь райкома, — и в уголовном порядке. Так дайте же мне хороших председателей колхозов, на которых я бы мог положиться!

— «*Мне* дайте», — прошептал на ухо Глотову Медведев. — Ишь ты! Министерская привычка. Он думает, вероятно, руководить колхозами путем приказов. А председателей — поставить на положение своих помощников.

— Пиши, Демьян Васильич, — начал диктовать Руденко: — «Собрание партактива считает необходимым для успешного выполнения решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС послать ряд руководящих товарищей

в отстающие колхозы... Собрание принимает к сведению заявление товарища Руденко о его желании поехать в любой колхоз на постоянную работу в качестве председателя»...

— Вот это здо́рово! — воскликнул с восхищением Глотов. — Ход королем!

— Так, так, Фомич! — склонив голову набок, скреб пером по бумаге Опёнкин. — Был колхозником, и опять в колхоз. Хорошее дело! Валяй, валяй! Бери «Вехи коммунизма», по соседству, посоревнуемся!..

— О причинах, побуждающих меня идти на работу в колхоз, я доложу товарищам на собрании, — сказал Руденко. — Пиши дальше.

— Пиши, — стал диктовать Мартынов: —«Собрание считает также, что для пользы дела следовало бы поехать на постоянную работу в колхозы коммунистам»... Посохов! — обернулся он к редактору районной газеты. — Фотоаппарат при тебе? Будем фотографировать добровольцев и ночью же — в номер. Весь завтрашний номер — о добровольцах!.. «Следовало бы поехать товарищам»...

После небольшого раздумья Мартынов и члены комиссии стали называть фамилии. В список попали: заведующие отделами райкома Жбанов и Быстров, райпрокурор Нечипуренко, заведующий райфо Курков, начальник милиции Сазонов, управляющий Госбанком Щукин, директор ликеро-водочного завода Юрьев, зампредрайисполкома Федулов, судья Грибов, секретарь райкома комсомола Рыжков, заведующий отделом сельского строительства Коробкин, инспектор по определению урожайности Бывалых, директор мясокомбината Корягин, заведующий районо Плотников и инструктор райкома партии Николенко.

— Так это у нас добровольцев набралось даже больше, чем нужно, — сказал Опёнкин, подводя черту.

— Добровольцев? А ты не шути. Вот поговорим с ними по душам — и будут добровольцами.

— Больше, чем нужно, это не беда — в запасе будут.

Просмотрели еще раз список. Опёнкин, зачитывая фамилии, давал каждому короткую, но меткую характеристику:

— Жбанов... Неврастеник. Не умеет спокойно с людьми разговаривать. Колхозницы кричат, а он еще пуще.

Какой-то он тонкокостный, вроде этих остфризских бруцеллезных коров. Выдержит ли в деревне — без теплой уборной? Сядет на ветру — и воспаление легких схватит... Щукин — тож, пойдет! Из колхозных бухгалтеров выдвинулся в управляющие Госбанка. Уж он-то колхозные финансы знает! Будет беречь колхозную копейку. А меня бы — на его место, в Госбанк. Вот бы я его прижал безналичными расчетами!.. Сазонов. Давно бы надо послать его председателем! Бывший тракторист, и председателем колхоза работал, майор, три ордена Славы, — чего его занесло после войны в милицию? Да я же наблюдал за ним. Как увидит новый трактор, дизель, дрожит весь — так хочется ему землю пахать!.. Юрьев. Редкий человек. Директор ликеро-водочного завода и не пьет. Говорят, только в воскресенье перед обедом — сто грамм перцовки. Побольше бы с такими твердыми характерами в колхозы!.. Коробкин. Ну, зачем этого пустозвона? В колхозе же надо дело делать Как его жизнь протекает? В райисполкоме за него люди работают, а он — вечный уполномоченный. Безответственное занятие. Ходит за председателем колхоза и зудит: «Надо нажать! Мобилизовать! Усилить!». А запрети ему болтать, брось его в гущу массы, заставь самого мобилизовывать — он же пропадет, как голый на морозе!

— Оставим его пока в списке, для проверки — как он сам к этому отнесется, — сказал Мартынов. — Надо же нам, наконец, и маски снять с некоторых «активистов». Двух зайцев убьем.

— Судья Грибов. Толковый дядька. Спокойный. Смотрит на человека — насквозь его видит. Двадцать лет в партии. Поймет, что сейчас нужно всем на передовую идти. Коммунисты — вперед!.. Рыжков. Конечно — в колхоз его! Такому молодому парню с этих лет засесть в канцелярии? Надо же и практически поработать, свежим воздухом подышать. Есть в комсомоле второй секретарь? Вот второй останется пока за него... Бывалых? Да-а... «Солдат» партии... Мне про него рассказывали наши соседи, черемшанцы. Его уже возили раз в колхоз, когда он в их районе работал. Так он что заявил там на собрании! «Что ж, говорит колхозникам, я солдат партии, подчиняюсь решению райкома. Выбирайте меня председателем. Зарплату будете платить вы, из

колхозной кассы, а сельского хозяйства я не знаю; не специалист, колхоз ваш угроблю, так что, может, денег только на зарплату мне и хватит». Не выбрали. Ухарь! Не специалист. А к нам приехал на должность инспектора по урожайности. Как же так? Определить правильно урожайность на корню сможет только опытный хлебороб!..

— Тоже оставим, для проверки, — сделал отметку в списке Мартынов.

— Федулов...

— Этого отведем, — сказал Мартынов, и вся комиссия согласилась с ним. — Тут уж нечего проверять. Покровительствовал ворам в «Борьбе». Из партии будем гнать! И опубликуем решение в газете. Покажем всем, что надо оберегать колхозы от таких, не чистых на руку, как от чумы!..

Когда огласили проект решения партактива и список намеченных к посылке на постоянную работу в колхозы, в переполненном зале Дома культуры минуты три стояла гробовая тишина. Первым нарушил тишину районный прокурор Нечипуренко.

— Та-ак, — протянул он неестественным сдавленным голосом, будто у него что-то застряло в горле. — Значит, ликвидируем райцентр? В том числе и органы юстиции? К коммунизму подошли? Отмирание государства?..

— Вот теперь давайте откроем прения, — оставив его реплику без ответа, сказал Мартынов. — Есть пища для разговора. Не вообще будем рассуждать о новом подъеме сельского хозяйства, а решим здесь — что мы должны сделать для этого подъема. Сделать собственным трудом, руками, а не языком.

Слово попросил Руденко.

Он заметно волновался, — не от робости перед большим собранием, сто раз выступал он с речами перед такими собраниями, а от сознания важности минуты, важности принятого им решения и того, что он хотел сказать здесь партийному активу района.

— Я, товарищи, действительно сам, без всякого нажима со стороны бюро райкома заявил о своем желании пойти работать в колхоз председателем, — начал он. — Что меня заставило?.. Если бы я стал здесь гово-

рить вам, что мне в городе жить надоело, очень хочется переселиться из города в село, что иду я в колхоз с восторгом — это было бы с моей стороны вранье... Кхм, кхм... — Прокашлялся, отпил воды из стакана. — Не знаю, как через несколько лет, может тогда меня и клещами не вытянете из колхоза, когда сделаю уже там что-то видное, но сейчас, сказать честно, сам себя тяну за шиворот туда.

Редактор районной газеты Посохов, неплохой рисовальщик, тут же набросал дружеский шарж для «Колючки»: Руденко тянет одной рукой за шиворот, другой подталкивает себя в спину вперед по дороге, по направлению стрелки-указателя на столбе: «В колхоз!». Через пять минут рисунок уже висел в фойе, приколотый к фанерной доске для всеобщего обозрения во время перерыва.

Руденко продолжал:

— В общем, не с таким удовольствием еду в колхоз, как к теще в гости на блины. Я ведь поеду не во «Власть Советов», не в «Красный Октябрь», на готовое, а в какой-то колхоз из тех, о которых тут товарищ Мартынов говорил. Придется поработать очень напряженно. На первых порах и за хозяйственника и за прокурора. Это я всё ясно себе представляю — как будет трудно. И вижу, что надо сделать, чтобы стало легче. Поднять материальную заинтересованность колхозников — и пойдет дело, завертится машина. Но для того чтобы осталось в колхозе много хлеба после поставок, надо вырастить высокий урожай. А высокого урожая можно добиться лишь в том случае, если люди очень хорошо поработают год, веря, что их труд не пропадет. Но в тех колхозах, где мы слишком долго держали в руководстве бездельников, люди потеряли веру в трудодень, потому и работают плохо. Видите, как оно запуталось, дело. Ее надо укрепить, эту веру в трудодень! Иначе мы не вытянем такие колхозы!.. Так вот, почему же я, товарищи, невзирая на трудности, решил идти работать в отстающий колхоз? Да потому, что, если мы только будем изучать решения сентябрьского Пленума на наших партсобраниях, — этого мало. Разъяснять их колхозникам — дело очень нужное, но и этого мало. Так можно в культурников превратиться, если только чи-

тать постановления да разъяснять. Эти решения ЦК партии надо выполнять!

Руденко справился с волнением, голос его окреп, звучал сильно, слова падали в зал весомо, убедительно:

— Решения Пленума ЦК — прекрасные, все колхозники это почувствовали. Но думают про себя: решения Пленума хороши, да вот наши районные руководители не подведут ли? Не сыграют ли с нами в испорченный телефон? Знаете такую игру? Пока от первого человека до последнего дойдет слово — уже не то слово, что было вначале сказано. Нас-то, думают колхозники, взяло за сердце, а вот их, деятелей наших, взяло ли? Способны ли они выполнить то, что ЦК партии от них требует? Короче говоря, к решениям сентябрьского Пленума нужно еще, чтобы люди поверили нам, местным руководителям, что мы беремся за дело всерьез. Что нам тоже, как и тем, кто живет, кормится от земли, очень хочется, чтобы ни в одном колхозе не было тощих колосков на полях, пустых амбаров, пустых трудодней! Вера в своего ближайшего руководителя, в его партийную душу — великое дело! Отсюда — и трудовой подъем и урожай, всё! Надо самым видным в районе людям идти в колхозы!.. А насчет того, как это, не унизительно ли нам, ответработникам районного масштаба, спуститься из района в село, я та́к думаю: сегодня тот масштаб самый большой и почетный, где труднее всего!

Собрание, среди участников которого было много низовых колхозных работников, проводило Руденко одобрительным гулом и громкими аплодисментами.

— Та́к держать! — выкрикнул с места секретарь парторганизации колхоза «Власть Советов» Демченко, моряк в отставке, главный старшина, участник обороны Севастополя.— Правильные слова, Фомич! Берите, товарищи, пример с него, не стесняйтесь!

В передних рядах поднялся коммунист с 1918 года Поликарпов, пенсионер, очень дряхлый старик,— его-то уж лично вопрос о посылке в деревню не касался.

— Товарищ Мартынов! А вы всё же не ответили вот товарищу прокурору насчет отмирания государства. Как же мы обойдемся без председателя исполкома, без начальника милиции? Совсем, что ли, их не будет?..

В небольшой паузе, наступившей после вопроса Поликарпова, внятно прозвучал голос инспектора по опре-

делению урожайности Бывалых, сидевшего где-то в середине:

— Помесь анархизма с народничеством...

— Так, начинается,— шепнул Мартынов усевшемуся на свое место за столом президиума Руденко и встал.

— Что говоришь, Бывалых? Это ты насчет проекта решения?.. Нет, народничество тут ни при чем. Укрепление связей с народом — это не народничество, в том смысле, как мы знаем его из истории партии. И анархизма тут никакого нет. Я же не сказал еще, как мы думаем переставить кадры. Районные учреждения мы ликвидировать не собираемся, мы их будем укреплять. Анархизма тут нет... А вот меньшевизм, товарищ Бывалых,— карандаш, который Мартынов вертел в пальцах, хрустнул и сломался,— меньшевизм не мешает вспомнить. Большевики отличались от меньшевиков тем, что меньшевики лишь болтали о революции, а большевики ее делали...

— Так это же было сказано о революции,— возразил звучным красивым баритоном несмутившийся Бывалых.

— О революции, да... А сейчас, спустя тридцать шесть лет после революции, ты считаешь, можно уже не проводить различия между болтовней и делом?..

Секретарь райкома комсомола Рыжков, сильно волновавшийся с той минуты, как услышал в проекте решения свою фамилию, порывисто вскочил, поднял руку:

— Можно мне, товарищ Мартынов?.. Революция была давно, товарищи, я ее не помню. Вернее, меня тогда на свете не было, когда была революция. Но я думаю, что и на долю моего поколения работы осталось еще немало... Мне двадцать пять лет. У меня отец был коммунист с подпольным стажем. Два старших брата погибли в Отечественную войну. Но разве они всё сделали за меня?.. Раз партия требует, чтобы нам быть сейчас на передовой линии, где трудно,— надо идти! Если колхозники не доверят мне по молодости колхоз — возьму бригаду. Прошу считать меня добровольцем!..

И когда утихли аплодисменты в зале, Рыжков весело, во весь рот улыбнувшись, повернулся к президиуму:

— Ну, что — на этот раз не перерасходовал регламент? По-спартански выступил?

— Коротко и ясно! — одобрительные голоса из зала.

— А насчет того, кто займет мое место в райкоме, я не беспокоюсь. Есть заместители. Да если бы я сегодня помер — нашли бы парня на мое место?..

— Не помирай!

— Живи, Вася, сто лет!

— К нам его, Петр Илларионыч, в «Восход», секретарем парторганизации! Он уже вырос из комсомола.

— Погодите, товарищи! — поднял руку Мартынов.— Кого куда — это мы уже потом решим, на бюро. Я отвечу для ясности — что мы думаем насчет районных учреждений.

Он доложил собранию свой «засекреченный» пока план — то, о чем рассказывал уже Медведеву и Руденко: как он будет просить в обкоме кадры, после того уже, как всех посланных в колхозы товарищей изберут там председателями.

— Я думаю, что нас поддержат, подкрепят кадрами. Но если даже на какое-то место нам не дадут из области человека, право же, обойдемся своими людьми, теми, что есть у нас. Куда труднее, — доказывал Мартынов, — подобрать хороших председателей колхозов, нежели заполнить те бреши, что образуются в районном аппарате. Свято место не будет пусто!.. Ну, вот взять хотя бы тебя, Андрей Семеныч, — обратился он к прокурору Нечипуренко. — Сколько лет ты работаешь в районе?

— Пять лет,— хмуро ответил прокурор, согнувшись на стуле, упершись локтями в колени, опустив голову,— видимо, тяжело и напряженно обдумывая проект решения партактива.

— Так, пять лет. А сколько ты из этих пяти лет прожил в колхозах уполномоченным по разным кампаниям? Да не меньше трех лет!

— Не меньше, — буркнул Нечипуренко.

— Но ты же не вешал замок на прокуратуру, когда уезжал в колхозы? Кто за тебя работал? Аппарат, заместитель. Так, может, кто-то из твоих помощников тебя и заменит совсем? Да и институты у нас ежегодно выпускают молодых специалистов, в том числе и юридические вузы. Может быть, какой-то молодой прокурор приедет на твое место. Но кому же, как не тебе, старому районщику, идти в колхоз? Изучил хорошо район, сам из крестьян, сельское хозяйство знаешь не хуже агро-

нома, коммунист с пятнадцатилетним стажем. А какой эффект будет, пойми! Тут уж колхозники скажут: да, крепко берутся наши руководители за подъем сельского хозяйства — даже прокурора послали председателем колхоза!.. А кроме всего прочего, Андрей Семеныч, тебе действительно нужно освежиться. Притупились у тебя и глаз и чутье. Нужно тебе, как Антею, прикоснуться к земле, чтоб набраться сил. Я настаиваю, чтобы ты пошел председателем именно в «Борьбу». Там ты увидишь и плоды собственной деятельности на посту блюстителя закона. Такие вещи увидишь, что сразу у тебя и злости, и энергии, и бдительности прибавится на двести процентов!..

Нечипуренко переменил позу, разогнулся, откинулся на спинку стула, обвел глазами стены, потолок, вытер ладонью мокрый лоб, вздохнул, но ничего не ответил Мартынову.

Прения продолжались.

Заведующий орготделом райкома Быстров так же коротко, как и Рыжков, сказал: «Надо, так надо — пойду», порекомендовал на свое место заместителя из инструкторов и попросил лишь учесть, что у него трое детей учатся в старших классах, послать его в такое село, где есть десятилетка.

Судья Грибов заявил:

— Я, товарищи, выбрал профессию судьи случайно, не могу сказать, что пошел на это дело по призванию. Просто захотелось после демобилизации доучиться. Уже не молод был, но всё же решил получить законченное образование. Учиться я мог только заочно: два года после фронта лежал, залечивал раны. Думал, может быть на всю жизнь останусь калекой. Поэтому и выбрал такую сидячую специальность. Да и в юридический легче было поступить. А сейчас я здоров, ездить, ходить по полям могу. Дела нашего участка можно временно передать судье второго участка. Много, правда, работы у нас, трудновато будет одному. Но я думаю, что если сильнее бороться с преступностью там, на месте, всюду повыгнать из колхозов воров — работы здесь у следователей и судей значительно убавится. А колхозное дело я знаю. Был до войны инструктором сельского райкома. Да и фронт многому научил,— батальоном командовал. Думаю — справлюсь.

— Ну, тут уж, мне кажется, мы немножко перегибаем,— сказал Глотов.— Как же так, судья — это же выборная должность, его народ выбирал, тайным голосованием!..

— А должность председателя райисполкома разве не выборная?

— Руденко не тайным голосованием выбирали?

— Ничего, можно, давай и судью!

— С желанием идет человек — хороший будет председатель!

Попросил слова бывший районный агроном Филатов, посланный еще месяц тому назад на работу в отдаленный колхоз имени Ворошилова (куда поехал он с большой неохотой).

— Вот вы, товарищ Мартынов, правильно решаете о других, а свою супругу устроили на работу в пригородный колхоз, без отрыва, так сказать, от домашнего уюта: полчаса ходьбы из районного центра в колхоз, легкая прогулка. А почему бы ей не поехать агрономом-садоводом в «Память Ленина» или в «Рассвет»? Туда, туда, подальше — за сорок километров! Там тоже большие сады. Как-то оно нехорошо получается. Народ поговаривает.

Ему ответила Марья Сергеевна Борзова, секретарь парторганизации Семидубовской МТС:

— Ничего народ не поговаривает, товарищ Филатов, это ваши выдумки! Как же быть иначе? Товарищ Мартынов работает секретарем райкома, живет здесь, а жену услать в «Память Ленина»? Разбить семью? Как раз ей здесь и место, в пригородном колхозе. Все понимают, что иначе им устроиться нельзя. И работает Мартынова хорошо, колхозники довольны ею.

Другой агроном-коммунист из колхоза «Передовик» Сычев добавил с места:

— Демагогия! Не следовало бы вам, товарищ Филатов, на таком серьезном собрании выступать с глупостями!

Мартынов ответил:

— Если нужно будет для дела, я готов, товарищи, тоже поехать председателем колхоза в любое село. И жена, конечно, поедет со мною. Дня не промешкаем. Если потребуется — поедем.

— Не требуется пока!

— Дельный секретарь райкома — вот кто нам требуется! Оставайтесь на своем месте.

— Не слушай его, Петр Илларионыч! Пустое!

— Ничего плохого народ о тебе не говорит. Никакой хитрости не видим в том, что определил жену в Слободку. А что ж вам, на самом деле, разводиться?

— Веди собрание, не обращай внимания!

Хорошо, душевно выступили председатель горсовета Скуратов, управляющий Госбанком Щукин, инструктор райкома Николенко, начальник милиции Сазонов, заведующий районо Плотников. Можно было надеяться по их искреннему тону, что у них слова не разойдутся с делом, что они действительно, как и говорили перед собранием, поняли сердцем, где сейчас место настоящего коммуниста, и приложат все силы, чтобы сделать те колхозы, куда их пошлют, передовыми.

Щукин сказал:

— Все мы знаем, что другого пути для нашей деревни, кроме колхозов и совхозов, нет. Это теперь ясно всем, как дважды два, это политграмота. Но был он, другой путь. Вот я хочу о нем напомнить тем, кто его не знает, слишком молод был тогда или стал забывать... Мой отец был красный партизан, воевал в Первой Конной, вернулся с гражданской войны с орденом Красного Знамени. Тогда они были в редкость, ордена. Вернулся — ни кола, ни двора, четверо детей, я старший, двенадцать лет. Дали отцу ссуду из комбеда, купили коня, а он заболел, издох. Помогли еще, купили другого — тот на пахоте испугался зайца, понес с плугом, подрезало ему лемехом жилы, пришлось пристрелить. Что делать отцу? Неграмотный, мастерству никакому не обучен. Только лишь умеет — землю пахать. А чем? Весна, не посеял — не хозяин. Пошел опять наниматься к тем же богачам, у которых и до революции батрачил. Каково было ему это переносить? Насмешки: герой, орденоносец, за что воевал? Помыкался он года два и занялся нехорошим делом: спутался с конокрадами, стал лошадей у кулаков воровать. Убили его на Макаренковских хуторах. И мне тоже с младшими братишками до самой коллективизации пришлось батрачить. Так что я его знаю, этот другой путь... Хоть и советская власть, хоть и землю дали бедноте,— не избежишь эксплуатации человека человеком. Дай всем кредиты на обзаведение, на тягло, инвен-

тарь, всё равно кто-то изловчится, быстрее встанет на ноги, а кому-то не повезет, либо маломощная семья, болезни, дети, через три года — новые кулаки и новые батраки. Никогда бы мы не изжили классовой борьбы в деревне, если бы не колхозы. А вот такие вдовы, сироты, что после каждой войны остаются в деревне,— это же первые кандидаты в батраки к сильным хозяевам... Закрыли мы этот путь. Это — возврат к капитализму, гибель всему, что было завоевано, гибель революции! И повели крестьянство по новому пути, единственно верному пути. Мы повели, коммунисты. Это мы сказали крестьянам: поведем мы вас по новому пути, и вы убедитесь, какой чудесной станет ваша жизнь. Мы вывели народ на этот путь, указали цели — нам и дальше вести, до победы, до конца, не имеем мы права уклоняться от этого дела где-то на полпути!.. Раз сегодня в деревне трудно, как член партии считаю, что я должен поехать в колхоз. Я не порвал связи с деревней, у меня мать и три сестры живут в колхозе. Прошу послать меня в тот колхоз, откуда я вышел.

После них попросил слова и прокурор Нечипуренко.

— Ты знаешь, товарищ Мартынов,— начал он, обтирая скомканным мокрым носовым платком могучую шею и грудь через расстегнутый ворот рубахи,— я немножко тугодум. До меня не сразу доходит. Мне нужно время — обмозговать... Но вот посидел я тут, послушал — пожалуй, можно сделать так, что и колхозы укрепим кадрами и райцентр не ликвидируем. Возможно, и не будет тут нарушения...

— Нарушения — чего? — перебил его мягко Мартынов.— Ей-богу же, слушай, Андрей Семеныч, то, что мы сейчас делаем, записано в решениях сентябрьского Пленума ЦК! Надо только вдумчивее их прочитать. На сентябрьском Пленуме дали нам первый звонок. Неужели же нужно ждать еще второго звонка, потом третьего? «Оце нам!»

— Нет, не нужно ждать, пока в шею толкнут: «Оце ж вам, сукины сыны, ваш поезд отправляется, чего же вы сидите?». В крайнем случае на мое место пришлют работника из областной прокуратуры. Там штаты большие... А насчет того, что я с расхитителями социалистической собственности не боролся, что у меня чутье притупилось, тут ты не совсем прав, товарищ Мартынов. Не

было разве таких случаев, когда преступление совершил коммунист и его надо судить, а вы, райком, не исключаете его из партии — строгий выговор ему с последним предупреждением. Борзов тут три года покрывал одного крупного вора на мелькомбинате. Сколько я с ним спорил! Конечно, нужно тщательно проверять поступившие на коммуниста материалы. Да, кстати сказать, как и на каждого гражданина. Но было время, когда мы особенно осторожно подходили к таким. Классовая борьба, кулачество, белогвардейщина — мало ли чего эти враги могут наклеветать на нашего парня? И сейчас нужно очень тщательно разбираться, где правда, где наговор. Но если уж точно установлено, что залез в государственный или колхозный карман — зачем же такого миловать?.. Один мерзавец, растратчик, до чего обнаглел! Я завожу на него дело, а он мне заявляет: «Значит, хотите меня в тюрьму упрятать? Неужели вам какие-то несчастные десять тысяч дороже хорошего коммуниста?». Ну, ладно, в «Борьбе»-то я порядок наведу! Прошу считать и меня добровольцем.

Инспектор по определению урожайности Бывалых сказал:

— Пойду в колхоз, если Москва разрешит такие вещи.

Директор мясокомбината Корягин заявил, что у него обострился аппендицит и он не может ехать сейчас в колхоз, должен лечь на операцию, чему очень удивились присутствовавшие на собрании коммунисты-врачи из районной поликлиники,— на здоровяка Корягина у них даже не было заведено «истории болезни», никогда никому не жаловался он ни на какие боли.

Отмолчались на собрании только Жбанов и Коробкин. Однако, когда поставили на голосование проект решения, в котором были и их фамилии,— подняли руки «за».

И в конце собрания,— опять не в обычном порядке, уже после принятия решения,— с заключительным словом выступил Мартынов:

— Все вы, товарищи, бывали в колхозах уполномоченными по многу раз, село знаете, колхозное строительство для вас дело не новое. Но одно дело, когда вы приезжали туда временно, когда ваши семьи, квартиры были где-то далеко в городе, когда кто-то больше вашего

отвечал за неполадки, а вам в конце концов можно было от этих неполадок и уехать домой, отдохнуть там. С глаз долой — из сердца вон. И совсем другое дело будет, когда вы разъедетесь по колхозам на постоянную работу. Навсегда. Ну, может быть, и не навсегда, не до самой смерти, неизвестно, как у кого сложится дальше жизнь, но, во всяком случае, не на день и не на два. Нужно ли вас утешать тут, что, мол, ничего, привыкнете, со временем даже понравится?.. Попадаются у нас в газетах статьи, написанные в таком утешительном тоне: «В Н-ском районе специалисты сельского хозяйства и товарищи из партактива не хотят ехать на работу в колхозы. Какое заблуждение! Сколь благородна их миссия! Сколь хороша жизнь на лоне природы! Сколь полезен для здоровья деревенский воздух!». В одной статье, помнится, утверждалось даже, что щи, сваренные в деревне в русской печи, вкуснее, чем те же щи, сваренные в городе на газовой плите.

В зале смеялись. Мартынов продолжал, без улыбки, серьезно:

— Авторы таких статей смахивают на попов из армии спасения: «Какое заблуждение! Сколь прекрасна жизнь среди полей и лесов!». Евангелистские проповеди! Не так надо разговаривать с людьми, едущими в отстающие колхозы. Надо разговаривать по-мужски, прямо, откровенно, не боясь напугать трудностями. А деревня пугливых и не любит, не нуждается она в пугливых... Так вот, говорю, совсем другое дело, когда вы теперь разъедетесь по колхозам на постоянную работу. Первая мысль у вас будет, когда вы приедете в колхоз и окинете взглядом всё вокруг: «Навсегда»... Другими глазами посмотрите на то же самое село, глазами человека, которому здесь жить. И куда лучше станете работать, чем работали, будучи уполномоченными! Некому давать теперь указания, установки — самому себе! И товарищ Николенко не будет уже теперь привозить в райком из своего куста «мешок недостатков» и считать, что на этом его роль закончена. Никуда не денешься от этих недостатков, сам и должен их устранять... Вам самим жить в колхозе, и семьям вашим, женам, детишкам, — и для них нужно постараться.

Мартынов поглядел на сидевшего в первых рядах

Долгушина, на главного инженера Семидубовской МТС Чумакова, на агрономов, присланных из области:

— Вот тут у нас есть товарищи, приехавшие к нам на работу из Москвы, из Воронежа, из областного центра. Вероятно, и их резнула по сердцу разница между той жизнью, что оставили они где-то в Москве или Воронеже, и тем, что увидели в наших селах. Что ж, эту разницу мы сгладим. Но сгладить ее можно только собственными руками!.. Район наш пока не передовой, и область не из самых богатых, не Кубань, средняя область. И посылаем мы не в такие колхозы, где уже миллионные доходы, дома под железом, «Победы» в правлении. Там уже дело налажено. Если бы всюду было так, мы бы уже и не нуждались в кадрах. Посылаем в отстающие колхозы, где ничего этого пока нет. Но — будет. Будут и коттеджи с ванной и душем, и асфальтированные тротуары, и мичуринские сады, и собственные колхозные санатории, и Шекспир в сельском Доме культуры. Будет, если сделаем. Но делать это всё нужно своими руками! Вот когда это дойдет глубоко до сознания каждому — работа у нас закипит! Своими руками... Завтра в десять утра — заседание бюро. Приглашаются все, кто в этом списке. Утвердим решение партактива и договоримся, кого куда, на какую работу будем рекомендовать.

...Собрание разошлось не сразу. Разбившись на кучки в зале и коридорах, долго еще обсуждали отдельные выступления, спрашивали Коробкина и Жбанова, почему они отмолчались, посмеивались над аппендицитом директора мясокомбината Корягина и дружескими шаржами в «Колючке».

Посохов с фотоаппаратом выскочил за Мартыновым на улицу:

— Петр Илларионыч! Там товарищи просят, чтоб я отпустил их в парикмахерскую побриться. Обещают прийти через час. Можно?

— Кто просит?

— Жбанов, Нечипуренко, Сазонов...

— Не отпускай! Снимай так, небритых, а то еще кто-нибудь раздумает. И — в номер! И в областную газету передай материал... Хотя нет, туда погоди передавать.

Сообщим, когда уже будет сделано, выберут всех в колхозах. Не отпускай никого! Снимай так. Прокурора рассмеши, чтоб улыбнулся. Очень уж у него мрачный вид.

4

Хорошо, как и ожидал Мартынов, воспринял народ в колхозах посылку на село видных районных ответработников. Всюду на выборных собраниях колхозники, уже читавшие в местной газете отчет о районном партактиве, чуть ли не овации устраивали добровольцам. Лишь кое-где были заминки.

В колхозе «Красный пахарь», куда сам Мартынов возил рекомендовать в председатели заведующего районо Плотникова и где он встретил старого знакомого Тихона Андроныча Ступакова, горючевоза тракторной бригады, колхозники не то чтоб возражали против смены руководства (возражать было нечего, старого председателя привлекали к уголовной ответственности за бесхозяйственность и растраты), а просто выступления пошли по другой линии.

Начал опять же дед Ступаков:

— Помните, товарищ Мартынов, как вы приезжали к нам в общежитие трактористов зимою и зашла у нас речь о совхозе, а вы сказали, что это я, как говорится, загнул? Вроде бы это только у одного меня стремление в совхоз, а больше вы ни от кого таких речей не слыхали. Так вот послушайте, что вам целое собрание скажет — не один я.

Колхозники зашумели:

— Согласны все, хоть сегодня!

— Против товарища Плотникова мы ничего не имеем, может он хорошим председателем будет, да лучше бы нас перевели на совхоз!

— К Андрею Макарычу будем проситься! Пускай принимает нас, со всем имуществом! Отделение пусть сделает у нас.

— Всё равно наши отходники из каждого двора у него в совхозе работают.

— В совхозе — твердая зарплата.

— Там и порядки другие. Дисциплина! Потому и урожаи у них и коровы по пять тысяч литров молока дают!

— Не так, как у нас. Уж там бригадир не выйдет на работу пьяным.

— Оно-то и колхоз наш можно поднять при хорошем руководстве, но и насчет совхоза — не возражаем.

— Слыхали, Петр Илларионыч? — поднялся опять Ступаков.— Это уж не я один — народ говорит. Да вы у нас тут ни одного возражающего не найдете! Чего же возражать? Если, скажем, сделать у нас отделение совхоза — живи на том же месте, огород при тебе, корова, поросенок, всё, как и было, а работай в совхозе, на зарплате. За эти деньги купишь хлеба, и больше они ни на что не нужны, приварок свой, остальное — на одёжу, на обувку. Чем не жизнь? Были колхозниками, станем рабочими — так это ж лучше, всё ближе к коммунизму! А насчет этой самой... моби-ли-зации или как?.. нацилизации...

— Экспроприации,— подсказал кто-то.

— Во-во! Об этом вы не сомневайтесь. Не будем в обиде, если наше колхозное имущество в совхоз перейдет. Верно говорю, давно уж забыли люди, что они обобществляли, когда сходились в колхоз. Никто не бережет тех актов. И опять же, что уже гуртом нажили в колхозе, постройки там какие, инвентарь — пусть и это переходит в совхоз. Рано или поздно всё равно ж придем к тому, что всё будет одного хозяина — народное!

— Если это, может, не по закону — просто забрать у нас наше колхозное имущество,— пусть государство его выкупит.

— Да оно ведь и мы должны немало государству по всяким долгосрочным кредитам. Может, никому ничего и не придется приплачивать.

Колхоз «Красный пахарь» находился в полуокружении землями крупного животноводческого совхоза «Челюскин». Хозяйство там велось образцово, директора совхоза Андрея Макаровича Кулебякина знали по всей округе как хорошего организатора, образованного, талантливого агронома, неутомимого строителя. Рабочие совхоза, на глазах у колхозников, ежегодно, при любой погоде, даже в засуху, убирали прекрасные урожаи хлебов и кормовых трав. В совхозном клубе, куда собиралась по вечерам молодежь из окрестных колхозов, все стены были увешаны дипломами и почетными грамотами, присужденными совхозу за высокую продуктивность

скота и прочие хозяйственные достижения. Поголовье скота на фермах росло, возводились новые постройки, совхозу требовалось всё больше рабочих, и много колхозников из «Красного пахаря» работали уже там, в порядке отходничества, не порывая пока совсем с колхозом.

Человек пятнадцать выступили на собрании после Ступакова, и все говорили о том, что можно бы присоединить их колхоз к совхозу «Челюскин», преобразовав его в отделение совхоза.

— Насчет других колхозов ничего вам не скажем, товарищ Мартынов,— заключил один колхозник,— не знаем, как там народ настроен, а про себя вот говорим — согласны. Ежели только по этой части сомнения, как, мол, понравится ли нам, если станем мы рабочими? — а чего ж, понравится! Где рабочий класс, там порядку больше.

Мартынов договорился с колхозниками так: ни в коем случае не ослаблять работу по укреплению колхоза, обновить руководство (Плотникова избрали председателем единогласно), продолжать работать на уставе сельхозартели, как и раньше, а тем временем, если уж здесь назрело, вынести постановление общего собрания о том, что все колхозники единодушно просят присоединить их хозяйство и земли к совхозу «Челюскин» и сами желают стать рабочими совхоза, и послать это постановление в Москву, в Совет Министров.

В другом колхозе, в «Памяти декабристов», с Мартынова семь потов сошло, пока он добился решения собрания о снятии старого председателя, горького пьяницы. И против нового председателя колхозники не возражали — Мартынов рекомендовал собранию члена райкома управляющего Госбанком Щукина, — и старого, Грищенко, не хотели снимать. Грищенко, бывший летчик-истребитель, капитан запаса, с орденскими колодками в три ряда, сидел за столом президиума и всем своим жалким видом подтверждал, что дальше его никак нельзя оставлять на ответственной работе в колхозе: опухший с тяжелого похмелья и, кажется, успевший уже «заложить» с утра, сонный, небритый, безучастный ко всему, что происходило в зале колхозного клуба.

— Нельзя его снимать, товарищ Мартынов! — доказывали колхозники.— Ведь хороший человек был! Простой, обходительный. А колхоз наш как поднял! Первые два года он так работал, что мы за него богу молились,

чтоб ненароком не забрали его от нас на другую должность. Ночей не спал, мотался по полям, по фермам. Уговорит, докажет, расскажет человек, закоренелого лодыря в сознание введет!

— С таким председателем нам — жить и помирать не надо!

— Поднял колхоз, и сам же его и посадил?..

— Что верно, то верно. Посадил... Теперь вот опять попали в самые отстающие.

— Значит, надо снять его с поста председателя, как не оправдавшего доверия народа. Кто за это предложение?..

В зале не поднималась ни одна рука. Женщины всхлипывали, утирали кончиками головных платков глаза.

— Жалко человека, товарищ Мартынов! Как же так — снять? Позор ему какой!

— Сколько сил положил на наше хозяйство!

— А водки выпил еще больше!.. Нет, товарищи! Пьяницы причинили столько вреда колхозному строительству, что мы должны разжечь всенародный гнев против них! И уж оставлять их в руководстве мы не намерены нигде! Ведь, говорят, дня не бывает, чтоб ваш председатель не напился? Да он и сейчас, полюбуйтесь, пришел на собрание в нетрезвом виде.

— То старый хмель, товарищ Мартынов.

— Проспиртовался. Если б он теперь и бросил, так еще с месяц бы дух из него выходил.

— Кто за то, чтобы Грищенко снять?..

И опять — никакого движения в зале, две-три руки за снятие, вздохи, всхлипывания...

— Товарищ Мартынов! Да ведь мы сами человека испортили,— заговорила одна колхозница.— Сами испортили, мы виноваты, а теперь заставляете нас голосовать против него!.. Колхоз большой, нас много — он один. Там крестины, там поминки, там свадьба, там новоселье. А у нас совести нет, зовем его: «Да зайди, Николай Андреич, уважь, не погребуй нашим хлебом-солью!». Того не понимаем, что если он у каждого выпьет по стакану, сколько же это получится? Вот та цистерна, что керосин по железной дороге возят! Мы — бессовестные, вот кто, а не он! Вот он и привык к этому зелью так, что теперь дня не может без него прожить!

— Там свадьба, там крестины, а там — подводу дай съездить на базар,— опять же пол-литра ему на стол?..

Весь зал возмущенно загудел:

— Нет, чего не было, того не было!

— Напраслину на него не возводите, товарищ Мартынов!

— Такими делами он не занимается!

— Не взяточник!

Мартынов немного смущенно, виновато покосился в сторону клевавшего носом за столом Грищенко.

— Прошу прощения. Значит, просто — честно спился?

— Честно, честно!

— Только пьет, больше никаких грехов за ним не водится!

— Но, вероятно, кто-то этим у вас в колхозе пользуется,— продолжал Мартынов.— Раз председатель вечно пьян, хоть и сам не безобразничает,— другим раздолье.

— Что раздолье, то правда ваша. Как говорится: гуляй, черти, пока бог спит!

— Петушиную ферму организовали.

— Какую петушиную ферму?

— Да это у нас тут у одного бригадира компания собирается, в карты играют, под деньги, в «петушка». Мы их прозвали — петушиная ферма.

— Вот к этим-то, на петушиную ферму, без пол-литра не ходи, если в чем нужду имеешь!

— Для нас поросят продажных нет, а себе по свинке и кабанчику, в счет трудодней, выписали!

— Колхозное сено пропили!

— Которое пропили, которое погноили. Некому было присмотреть за кормачами. Сметали стога так, что в дожди до самого исподу протекло.

— Вот, всё это происходит потому, что колхоз ваш — без головы,— настаивал Мартынов.— Такое положение дальше терпеть нельзя.

— Эх, товарищ Грищенко, Николай Андреич! — хлопнув шапкой по скамейке, с горечью и болью в голосе сказал один колхозник.— Ежели б ты с самого начала не пошел в тот первый дом, куда тебя позвали,— всё было бы в порядке! Сказал бы, мол: извиняюсь, не могу, медицина запретила, и не приставайте ко мне, капли в рот не возьму, — так бы и привыкли люди к тому, что ты, стало быть, непьющий, и не обращали бы на тебя

внимания. А раз пошел к одному, то надо уж и к другому пойти, и к третьему, а не то обидятся. Как же так, мол, товарищ председатель, у таких-то на свадьбе гулял, к таким-то на именины ходил, а наше новоселье не хочешь отметить? Вот тут-то тебя и закружило. Слабость твоя! Не выдержал характера!

— А не выдержал, значит, не годен я в председатели,— встал проснувшийся Грищенко.— И нечего вам тут время терять. Голосуйте. Сам буду голосовать за то, чтоб сняли меня... Потерял скорость... Верно говорю, товарищи. Факт. Я уже стал для вас вроде обледенения на крыльях, тяну колхоз вниз... Выбирайте вот товарища Щукина. Я его знаю по Госбанку. Ругался с ним. Хозяин! Во!.. Всё...

И, тяжело качнувшись, сел опять, почти плюхнулся на стул.

Мартынов, подумав, уточнил свое предложение:

— Наказывать мы его не будем. Человек болен, его надо лечить. Есть специальные больницы для таких больных алкоголизмом. И — попробуем вылечить, вернуть его к нормальной жизни!.. Давайте запишем так: «Освободить товарища Грищенко от занимаемой должности председателя колхоза и направить его на лечение». Вот так. Не снять, а — освободить... А новому председателю, товарищу Щукину, если выберете его, это — серьезное предупреждение! Выдержать характер — с самого начала! И вы, товарищи колхозники, тоже сделайте для себя выводы. Не докучайте ему своим гостеприимством. «Не введи во искушение». Тоже — с самого начала! Не зовите его в посажёные отцы, в кумовья. Справляйте свои свадьбы и октябрины без председателя. Действительно, таким колхозом, как ваш, — восемьсот дворов, — можно не только человека, слона можно споить!..

Так, со смехом и со слезами, колхозники всё же проголосовали за освобождение Грищенко и выбрали председателем колхоза Щукина.

•

Жбанов поехал секретарем парторганизации в Олешенскую МТС, Бывалых — председателем колхоза. Оба не торопились перевозить свои семьи из райцентра, один — видимо, надеясь на то, что высшие инстанции не санкционируют перемещения его в колхоз с поста

инспектора по определению урожайности, другой — неизвестно на что, может быть, на постепенное выдвижение со временем с низовой работы опять на какую-нибудь районную должность.

Директора мясокомбината Корягина, видимо, кто-то из знакомых с медициной «проконсультировал», как симулировать острый приступ аппендицита, скорая помощь увезла его в больницу, там ему сделали операцию, аппендицита не обнаружили, вырезали червеобразный отросток слепой кишки, зашили живот и сказали: «Ну, теперь, как отлежитесь после операции, можете смело ехать в самый неблагоустроенный колхоз, где даже фельдшерского пункта нет: полная гарантия, что аппендицита у вас никогда не будет».

Коробкин на другой день после собрания партактива пришел в райком к Мартынову бледный, осунувшийся, похудевший за одну ночь.

— Не могу, Петр Илларионыч, не могу!.. — простонал он, присев к столу, опустив голову, нервно потирая ладонью восково-желтую лысину. Казалось, и лысина его, обычно блестевшая, точно лакированная, сегодня как-то потускнела, сморщилась. — Не могу... Я сойду с ума там. «Навсегда!»... Поймите по-человечески! Кто к чему приспособлен... Может быть, это у меня болезнь. Что-то, может быть, еще в детстве потрясло меня на всю жизнь... Эта осенняя грязь, эти долгие зимние ночи при керосиновой лампе, вой собак. Такая тоска!.. Я не могу без ужаса подумать об этом. Я там потеряю и сон и аппетит. Просто тяжело заболею и выйду из строя. Не принесу никакой пользы...

Мартынов удивленно моргал глазами, слушая Коробкина. До чего же жалки были слова и вид этого рослого, представительного детины, всегда такой уверенной, солидной походкой входившего в кабинеты, с таким апломбом выступавшего на пленумах райкома: «Некоторые председатели колхозов преступно недооценивают значения строительства силосных башен. Я предлагаю указать товарищам на недопустимость срыва строительства силосных башен!»... Как его оглушило! Действительно, пошли такого слабонервного в отстающий колхоз — припадки начнут его бить там.

— От керосиновых ламп есть спасение, — сказал Мартынов. — Электростанцию построишь. Тебе не при-

выкать строить. Ты же заведовал отделом строительства райисполкома.

— Не шутите, Петр Илларионыч!.. Не только в керосиновых лампах дело. У меня вообще отвращение ко всему укладу деревенской жизни. Это у меня — в крови. Меня всегда тянуло в город, к рабочему классу!..

— Постой, постой, товарищ Коробкин! Почему — в крови? Насколько мне помнится, — я смотрел твою учетную карточку, — ты же сам из крестьян, вырос в деревне?

— Из крестьян, да... Но я не думал навсегда оставаться в деревне. Я даже не ходил за плугом. Я не умею лошадь в телегу запрячь. Когда я вступил в комсомол, мне сразу дали должность делопроизводителя в сельсовете. Потом заведовал паспортным столом. Ушел от отца, жил на квартире, в культурной семье, у ветфельдшера. Чисто, уютно. И когда меня приняли в партию, я тоже в колхозе не работал. Пошел по госстраху, потом был председателем сельпо, директором инкубатора, заведовал мельницей. Потом, после пожара, когда мельница сгорела, меня взяли в район... Петр Илларионыч! — взмолился Коробкин. — Пошлите меня на учёбу в областную партшколу!

— Боюсь, что теперь тебе придется всё же поработать в колхозе. С учёбой погодим.

Коробкин засунул руку за борт пиджака, дрожащими пальцами вытащил что-то из внутреннего кармана, положил себе на колени, накрыл ладонью.

— Что это? — спросил Мартынов.

— Если так... В таком случае... Я вынужден. Если вы не входите в мое положение...

— Что ты вынул из кармана?

Коробкин показал Мартынову партийный билет.

— А-а...

— Поймите, Петр Илларионыч, мне нелегко решиться на этот шаг. Но я вынужден... Не могу!.. И жена моя ни за что не поедет в колхоз. Что же нам — разводиться? Я пятнадцать лет с нею живу, дети есть...

— Ну что ж, раз сам отдаешь... — Мартынов вынул из крепко сжавшихся, точно сведенных судорогою пальцев Коробкина партийный билет, открыл сейф, положил его туда, замкнул на ключ. — Пока, на сохранение. На бюро всё же мы тебя вызовем.

И желая до конца изведать этого человека, сделал усилие над собой, изобразив на лице нечто вроде сожаления о случившемся, стал расспрашивать Коробкина участливым тоном:

— Ну, а что же ты думаешь делать дальше? Чем будешь жить? Понимаешь, товарищ Коробкин, ведь теперь нам неудобно оставлять тебя на руководящей работе в райисполкоме.

— Сам знаю, что неудобно... Что ж, найду работу. Всё же человек я грамотный, имею опыт... Не та, правда, зарплата будет... Жена у меня бухгалтер, при месте. Дом свой. Сад у нас хороший... Проживем.

Мартынов встал, прошел по кабинету.

— К рабочему классу, говоришь, тебя тянуло? Почему же не поехал, еще в молодости, комсомольцем, в Магнитогорск? А здесь у нас в Троицке — какие же заводы?.. К чернильнице тебя тянуло, а не к рабочему классу! Волостной писарь!.. Легко с партбилетом расстался.

И — не выдержал. Подошел к двери, резким толчком локтя распахнул ее, осиплым, сорвавшимся вдруг голосом негромко сказал:

— Уходи, шкура!..

Коробкин, сгорбившись, сразу укоротившись на целых полметра, вздрагивая спиной, выскользнул в дверь.

Его исключили из партии на первом заседании бюро. На том же бюро исключили и Федулова. В этой фигуре, при ближайшем рассмотрении, тоже ничего сложного не оказалось. Тоже — «волостной писарь», к тому же еще и жулик. Как выяснилось, кроме леса для постройки дома в городе, много еще всякого добра потянул он из амбаров и кладовых колхоза «Борьба» — «по себестоимости». И — глушил все сигналы о неблагополучии в этом колхозе, поступавшие в райисполком. Федулова исключили из партии и отдали под суд. Разбор дела Корягина о симуляции аппендицита пришлось отложить до выхода его из больницы.

Через неделю во всех колхозах, где намечено было сменить руководство, выбрали уже новых председателей. Руденко, Грибов, Николенко сразу перевезли и семьи на новое место жительства. В районных учреждениях за выбывших товарищей действовали пока временные заместители.

Много получил Мартынов в эти дни телеграмм, много было звонков из областного центра и даже из Москвы.

— Товарищ Н. состоит в нашей номенклатуре. Как же вы без согласования с нами перевели его на другую работу?

— На какую другую работу, давайте уточним. На очень важную работу. Мы же его не газированную воду послали продавать. На передний край послали — председателем колхоза.

— Самоуправство!..

Когда голос в телефонной трубке переходил на крик, Мартынов говорил:

— Жалуйтесь на нас в ЦК. Мы так поняли решения сентябрьского Пленума: лучших людей — в колхозы. Если неправильно поняли — поправят нас. Жалуйтесь, жалуйтесь, не теряйте времени.

После чего обычно разговор обрывался и трубки на обоих концах провода клались на вилку аппарата.

...Поздно ночью — Мартынов был дома, собирался уже ложиться спать — раздался звонок, которого он давно ждал. Телефонистка предупредила: «Будете говорить с секретарем обкома».

— Алло!.. Ты, Мартынов?

— Я вас слушаю, Алексей Петрович!

— Как живешь?

— Ничего, спасибо.

— Здоровье как? Семейство?

— Всё в порядке.

— Дуги гнешь, говорят?

— Нет, Алексей Петрович, такого производства у нас в районе нет. Колёса делаем, хомуты шьем, кирпич выжигаем, а дуги не делаем.

— Я говорю: гнешь дуги, как медведь... Ты чего там с кадрами натворил?

— А-а...

Слышимость в телефоне была такая резкая, что жена Мартынова, Надежда Кирилловна, и не желая, всё равно подслушала бы разговор. Взглянув на серьезное лицо мужа, приложив руку к сильно забившемуся сердцу, она опустилась на диван рядом с ним.

— Тут на тебя, брат, у нас в обкоме жалоб — целая куча.

— Почему целая куча, Алексей Петрович? Большинство товарищей поехали в колхозы добровольно. На что же им жаловаться?

— Ну, не куча, есть в общем письма... Так как ты думаешь дальше жить — без председателя исполкома, без прокурора?..

Мартынов начал было подробно излагать свой план — секретарь обкома перебил его:

— Ладно, понятно... И у нас будете просить кадры? Ну, конечно, я так и подумал, сразу догадался, когда мне рассказали. Раскусил. Знаю уже тебя немного... Председателя райисполкома мы вам дадим. Знаешь, кого? Начальника управления водного хозяйства, Митина. А? Главного водолея области. Это по должности его так прозвали, а на самом деле — толковый парень, энергичный. На его место попросим министерство прислать человека. Прокурора тоже дадим, кого-нибудь из областного аппарата. Мы тут тоже, пожалуй, разошлем народ в районы, может быть до второго секретаря включительно. В некоторых районах надо нам укрепить руководство... Это всё хорошо, правильно, товарищ Мартынов. Но вот тут есть жалоба на тебя: не коллегиально ты это как-то сделал, без решения бюро.

— Как — без решения бюро? Мы потом утвердили это всё на бюро. В бюро у нас девять человек, Алексей Петрович, а на партактиве было двести человек. Мы предварительно посоветовались с партийным активом района. Чем плохо?

— Так, так... Значит, потом рассмотрели этот вопрос на бюро?

— А как же?..

— Но почему же, товарищ Мартынов, я узнаю обо всем этом не от тебя лично, а от своего аппарата? Из писем ваших обиженных? Почему, когда ты задумал эту операцию, не сказал мне сразу? Не позвонил? Боялся? Чего?

— Да нет, Алексей Петрович, я не боялся...

— Но всё же сомневался — разрешим ли? Давай-ка, мол, для верности поставлю обком перед фактом. Да?.. Напрасно молчал столько времени. Ведь и в других районах нам нужно укреплять колхозные кадры. Вы нашли

форму, как лучше двинуть это дело. Надо поделиться с другими. Ты — старый газетчик, а ну-ка распиши это все как следует для нашей газеты — как проходил у вас партактив... Когда пришлешь? Завтра? Хорошо.

Надежда Кирилловна заглянула смеющимися глазами в лицо мужу, запустила пальцы в его густые волосы, взлохматила их. Тот нетерпеливым жестом слегка отодвинул ее.

— Слушай, товарищ Мартынов...

— Я слушаю.

— Вот мы тут будем тоже делать передвижку кадров. Кого в районы, кого из районов... Если мы заберем тебя в обком, а?

— Как — в обком?

— Ну, как — на работу в обком. Подберем тебе что-нибудь по плечу. Не инструктором — покрупнее дадим работу. А? В обкоме ведь тоже люди нужны.

— Ну, вот!.. — вырвалось у Мартынова.

— Что — «ну, вот»?

— Да зачем же меня срывать с района? Я еще тут ничего не успел сделать. Нет, нет! Ни за что!..

— Подумай.

— И думать об этом не хочу! Не буду думать!

— Зачем же так капризно отвечаешь? Ты не девушка, тебя не замуж сватают.

— Простите, Алексей Петрович. Не пойду я в обком. Никуда из района! Если только, может, снимете меня... Мы тут говорили как-то с товарищами: когда офицер много лет батареей командует — батарея стреляет хорошо. Зачем же меня так быстро выдвигать в область? Я еще района не освоил... Нет, Алексей Петрович, прошу вас — оставьте меня здесь. Только стало дело налаживаться! Вот эти товарищи, которых мы послали в колхозы, поехали с охотой, по-честному, на них уж можно надеяться, что поднимут народ. Тут бы теперь только и поработать! Мне ведь тоже хочется сделать что-то в районе своими руками, чтоб потом порадоваться, полюбоваться результатами!.. Нет, нет! Не надо. Очень прошу!..

— Не хочешь?.. Эх, брат, если бы ты знал, как мне трудно в обкоме!.. Ну, ладно, спи спокойно. Не будем тебя пока трогать. Привет супруге!

— А вот она тут рядом со мной сидит. И вам привет передает.

— Спасибо. Может быть, я найду в ней союзницу? Вместе уговорим тебя?..

— Нет, не хочет, крутит головой. Она тоже успела этот район полюбить. Посадила здесь в одном колхозе пятьдесят гектаров молодого сада, хочет дождаться яблок.

— Значит, оставить тебя навечно командовать батареей?.. Тоже не совсем правильно. А кто же будет дивизиями, армиями командовать? Генералы ведь не родились генералами, их тоже выдвигали... Тридцатого — пленум обкома. Получил телеграмму? Приезжай пораньше, зайдешь ко мне перед пленумом, потолкуем обстоятельно о кадрах — какое тебе требуется подкрепление, на какие должности... С огоньком работаешь, товарищ Мартынов. Молодец. А хитрить не надо. В таких делах ты всегда найдешь у нас поддержку. Ну, спокойной ночи. Всего доброго!

— До свиданья, Алексей Петрович!

Надежда Кирилловна, вся сияя от радости, крепко обняла мужа и поцеловала.

— За что? — спросил Мартынов, вытирая тыльной стороной ладони губы.

— Ни за что... За то, что всё хорошо кончилось!

— А, за это!.. Значит, если б кончилось плохо, выговор мне влепили за разбазаривание кадров — не поцеловала бы.

— Дурень! — рассмеялась Надежда Кирилловна и еще раз чмокнула Мартынова в щеку.

— Вот, вот! Чего еще хорошего скажешь?.. Секретарь обкома не поругал, народ как будто тоже не ругает, а от нее слышу: «дурень».

— Критика снизу, товарищ секретарь! Похвалили его, предложили в газету написать о собрании!.. Зазнаетесь, кажется? Любите критику, как собственную жену!..

И долго еще Мартынов и Надежда Кирилловна разговаривали о событиях последних дней, подшучивали друг над дружкой, болтали о всяких пустяках, возбужденные и радостные от того, что всё закончилось благополучно, можно ждать завтрашнего дня без треволнений, с полной уверенностью в правоте своего дела.

И утром, лишь только проснулся Мартынов, встал и подошел к окну, откуда открывался вид на крутой спуск к реке, луг и молодые березовые рощицы за рекой и сёла на далеком взгорье, — первые его мысли были о ночном разговоре с секретарем обкома:

— Нет, нет, никуда мы отсюда не поедем. Лет пять хотя бы пожить. А, Надя? Полюбился мне этот городишко, район. Народ-то ведь хороший... Надо поработать здесь. Та́к поработать, чтобы люди потом добрым словом вспоминали нас!..

1954 г.

V. ТРУДНАЯ ВЕСНА

1

В конце февраля Мартынов, директор Надеждинской МТС Долгушин, председатель колхоза «Власть Советов» Опёнкин и новый председатель райисполкома Митин ехали из К-ска в Троицк домой; возвращались с пленума обкома.

Мартынов уступил место впереди толстяку Опёнкину, иначе Долгушин, Опёнкин и Митин, тоже крупный, полный мужчина, не уместились бы втроем на заднем сиденье «Победы». Ехали с приключениями: застревали в балках, оборачивались на полном ходу задом наперед, на горки толкали машину. Всю дорогу в ветровые стёкла хлестал крупный, густой дождь.

Стояла странная, необычная для средней полосы зима. В ноябре и декабре давили сильные морозы, выпало много снегу. А с января пошли дожди чуть не каждый день, ливни, по-летнему бурные, тучевые. В ночь под Новый год была даже гроза. Хлеборобы тревожились за озимые. Дожди вперемешку с морозами превратили снег на полях в толстый слой льда, под которым озимые задыхались.

Выехали из города в два часа и к вечеру не проехали и половины пути. Шофёр Василий Иванович рано зажег фары. От напряжения лицо его покрылось мелкими капельками пота, он скинул шапку и то и дело

вытирал рукавом стеганки лоб. Дорогу плохо было видно за дождем и туманом, поднимавшимся в низинах от нерастаявшего снега. Местами ехали по лужам воды, перед буфером вздымались фонтаны, задок заносило в не видные под водой покатости грейдера. На ночь оставалось ехать еще километров шестьдесят, по льду и по воде, при фарах. И было впереди опасное место, которое особенно беспокоило шофёра, — Долгий Яр под Анастасьевкой, большой подъем с крутым обрывом у самой дороги.

— Можно бы на Кудинцево объехать, кабы знатьё, что там мост целый, — бормотал Василий Иванович, вытирая шапкой запотевшее изнутри стекло. — Может, закончили уже ремонт. А тут как мы на гору выберемся?..

— Подтолкнем, — угрюмо отозвался Мартынов.

— Далеко толкать! Целый километр!..

Опёнкин — по привычке старого председателя колхоза использовать для сна каждую свободную минуту на заседаниях и в дороге — дремал, откинувшись головой на спинку сиденья. Долгушин рассказывал Митину что-то из своей московской жизни, вспоминал министерство, главк, где он работал, черную металлургию. Мартынов молчал, отвернувшись, глядя в окно, за которым, вырванные из темноты боковым отсветом фар, изредка показывались то скирда соломы на старом полевом току, то одинокий столб на развилке дорог, со стрелкой — указателем расстояния до ближайшей деревни... Может быть, днем тут прогоняли скот, какая-нибудь корова почесалась о столб и стрелка теперь показывает направление совсем в другую сторону? И если, доверившись ей, поехать, куда она зовет, не скоро доберешься до жилья, где можно отдохнуть в теплой хате после скучной ночной дороги, попить чаю, полежать на лавке, вытянув уставшие ноги, разогнув поясницу...

Мартынов вспоминал вчерашний разговор с секретарем обкома, — не очень приятный разговор, с оттенком выговора ему.

Еще в декабре Крылов, будучи у них, поездив с Мартыновым по району, посоветовал ему ввести в колхозах с нового года ежемесячное денежное авансирование колхозников. Мартынов согласился, что это дело хорошее, пообещал секретарю обкома обсудить его предложение с председателями колхозов, но сам как-то не

очень загорелся, и кончилось тем, что авансирование ввели только в трех колхозах. Мартынову даже подумалось тогда, что секретарь обкома забегает вперед, увлекается нереальными на сегодня вещами. Ежемесячное авансирование, полагал Мартынов, можно вводить лишь в самых богатых колхозах с устойчивыми доходами, без риска, что окажешься в конце года вралем перед колхозниками, не покроешь всем годовым фондом распределения выданных месячных авансов.

Крылов после пленума обкома зазвал Мартынова к себе в кабинет и сердито отчитал за потерю времени:

— Три месяца прошло после нашего разговора, и ты по существу ничего не сделал! Я пощадил тебя и не распушил на пленуме только потому, что ежемесячное авансирование еще никем не декретировано. Это — наше местное начинание, нельзя ругать человека за невыполнение того, чего по закону с нас еще не требуют. Но я понадеялся на тебя, как на руководителя, не лишенного чувства нового. Подвел, подвел, товарищ Мартынов! Ведь дал слово, что сделаешь. Я бы с другими секретарями райкомов договорился.

Мартынов, оправдываясь, стал высказывать свои опасения, что в колхозах с неустойчивым доходом рановато еще вводить такой порядок оплаты трудодней. Секретарь обкома перебил его:

— Если бы авансирование касалось только самых богатых колхозов, это было бы не так важно для нас. Я вижу здесь именно один из рычагов, который поможет нам поднять отстающие колхозы.

Только теперь, при вторичном разговоре с Крыловым, после довольно резкого упрека в неповоротливости и консерватизме, Мартынов понял до конца мысли секретаря обкома, «диалектику» его предложений.

— В отстающих колхозах упала материальная заинтересованность колхозников в общественном труде — вот тут-то и надо применить ежемесячное авансирование! — говорил Крылов. — Именно там, где есть опасение, что годовой доход будет низок, надо пойти на «риск» ежемесячного авансирования, чтобы поднять трудовую дисциплину и на этой основе добиться высокого дохода. И председателей колхозов мы заставим ежемесячным авансированием в двенадцать раз лучше работать!

— Почему в двенадцать раз? — спросил Мартынов.

— По количеству месяцев в году.

«Да, — думал теперь Мартынов, очень сожалея, что сразу «не дошло» до него, — это, конечно, намного повысит ответственность каждого председателя. Грубо арифметически — в двенадцать раз. То он один раз, после первого января, с бухгалтером костяшки подбивал, а то каждый месяц неотрывно будет следить за движением хозяйства. Раз в году распределить доход — это очень уж спокойная жизнь, фаталистом можно стать. Что уродит, мол, то и пожнем. Легче всего свалить на бога неудачи. А уж если пообещал людям по три рубля на трудодень за такой-то месяц — тут само дело заставит председателя вертеться вьюном!.. Поеду в один такой колхоз, засядем вместе с правлением и с карандашом в руках подсчитаем все возможности. Всё до копейки, что можно выкроить в хозяйстве для авансирования. Составим месячные приходо-расходные сметы. Молока за месяц каждая доярка должна надоить столько-то, а все вместе столько-то. Свиней на ферме должно быть откормлено столько-то, до такого-то веса. Пилорама стоит, не работает, а стройтрест в городе нуждается в досках — взять подряд на распиловку, пустить агрегат круглосуточно, пусть только подвозят кругляк. Старики слоняются по селу без дела, а все мастера — кто корзины плести, кто веники вязать, — засадить всех за работу. Речка рыбная, и рыбаки есть свои — почему не завести невода, сети? Лишнее тягло, что простаивает и зимой и летом, пустить на извоз, на лесозаготовки. Да мало ли откуда можно выбить живую копейку! В любом колхозе есть возможности. И уж если колхозники твердо усвоят, что для получения такого-то аванса за такой-то месяц нужно обязательно выполнить приходную смету, тут все станут контролерами да ревизорами. Доярка Марья Агафонова не надоила за месяц положенного количества молока — к ответу Марью перед народом, на собрание! «Срываешь нам план, отщипываешь от нашей мартовской трешки гривенники!» Не только ревизионная комиссия, весь народ будет контролировать!.. И на работе это так скажется, что в конце года потом к той трешке еще, может, рублей по пяти добавят. Да и председатели колхозов у нас уже теперь такие, что можно с ними решать любые задачи. Не те пьяницы, бездельники, которым наплевать было на всё. Руденко, Сазонову, Грибову —

им только подай хорошую мысль!.. Да, неладно получилось. Консерватором обозвали, и поделом! Не текучка ли стала заедать тебя, Петр Илларионыч, что теряешь вкус к таким новшествам?..»

Были вчера еще неприятности у него.

Мартынов перебрал в памяти разговор в редакции областной газеты, куда он заходил после пленума, и содержание писем из двух районов, которые показал ему редактор.

— Заставь дураков богу молиться... — вслух сказал Мартынов. — Придется еще одну статью писать.

— О чем ты? — проснулся Опёнкин.

— Оказывается, товарищи, — обратился ко всем Мартынов, — у нас в области завелась уже «мартыновщина». Есть такое ненормальное явление. Пишут в редакцию областной газеты.

— Как это понимать?

— «Мартыновщина» — сиречь головотяпство в подборе колхозных кадров.

— Что, что?..

— В Верхне-Никольском и Подгорном накуролесили с кадрами. Сделали по нашему примеру, и ничего у них не вышло. И колхозы не укрепили и учреждения оголили.

— Как же это получилось? — повернулся к Мартынову Долгушин. — Интересно!

— Интересно, да. Клянут меня там люди. Сам читал. Возмущенные письма от колхозников, сельских учителей, коммунистов... В Верхне-Никольском прочитали ту мою статью, что я писал после собрания партактива, и сделали точь-в-точь по-нашему: послали председателями колхозов и предрика, и прокурора, и начальника милиции, и управляющего Госбанком, и судью. Только управляющий Госбанком у них горький пьяница и исключался из партии за многоженство, начальник милиции страстный охотник, тридцать пять зайцев убил за зиму и пятьсот центнеров семенной пшеницы погноил, прокурор юноша двадцати трех лет, из горожан, в сельском хозяйстве, как вот Демьян Васильевич в индийском балете, разбирается, а судья — на двух протезах, полуслепой, через дорогу не перейдет без поводыря, и к тому же болен туберкулезом. А в Подгорненском районе поехали под шумок председателями те, которым

уже в райцентре не улыбалось получить какую-нибудь должность. И совсем прекратили в этих районах выдвижение кадров в самих колхозах, из местного актива.

— Но ты разве писал в своей статье, что надо брать кадры только из районных учреждений? — спросил Митин.

— Нет, не писал. Может быть, как раз в этом и ошибка моя, что не написал, сколько у нас выдвиженцев работает председателями: Дорохова в «Родине» из лесников взяли, Самойлова в «Красном Октябре» из бригадиров выдвинули, Григорьев в «Искре» — бывший тракторист. Мы же сочетаем одно с другим.

— Так как же можно называть «мартыновщиной» этакое обыкновенное тупоумие? — пожал плечами Долгушин. — Вы-то при чем, если кто-то где-то натворит глупостей?

— По-моему, ни при чем. Я писал всё же для тех, у кого есть голова на плечах. О заводных манекенах, которым на каждый случай жизни точный рецепт требуется, не подумал, каюсь. Выпустил таких из виду. Полагал, что это само собою разумеется, — что надо продолжать и местные кадры выдвигать, и специалистов направлять в колхозы.

— Дело же в принципе, — заметил Митин, — а не в том, чтобы скопировать в точности, как другие сделали.

— Прокурор прокурору рознь, — сказал Опёнкин. — Мы своего послали в колхоз не по чину, а по его хлеборобской душе. А у них в Никольском, может, свои председательские таланты скрывает уполномоченный Министерства заготовок или начальник политотдела железной дороги. Район крупный, при железнодорожном узле; там поискать — найдешь кадров даже больше, чем нужно, необязательно посылать в колхоз больного судью, которому три дня до смерти осталось.

— Вот и надо это всё разъяснить, — сказал Мартынов. — Придется мне еще раз писать в газету.

— А как? В какой форме? — спросил Митин. — Ты же не секретарь обкома, чтоб поправлять ошибки в других районах.

— Ту первую статью я написал по предложению Алексея Петровича. Не подумайте, что хотел просла-

виться, как инициатор некоего «мартыновского движения». Он мне два раза звонил. Нужно было, чтобы я рассказал для всей области, как мы провели партийный актив. Ну, а теперь опять надо писать. Раз моя фамилия становится нарицательной: «По методу Мартынова наломали дров». Какой же это мой метод?.. Жаль, когда был у товарища Крылова, не знал еще про эти письма, я бы поговорил с ним. Приедем, позвоню ему по телефону.

За косыми потоками дождя перед машиной в неярком свете фар забелели хаты.

— Ровно половину проехали. Ногаевка, — сказал шофёр. — «Шесть сестер», — кивнул он на огромное дерево, липу, распростершую могучую ветвистую крону над окраинными строениями придорожного села Ногаевки. Казалось, что это — одно дерево с густым сплетением веток, — летом под его листвою в тени укрылся бы целый батальон солдат с обозом, — но это были шесть лип, выросших ствол к стволу, в родственных объятиях. Так и прозвали их проезжавшие через село путники, всякий раз любовавшиеся этим чудом природы: «Шесть сестер».

— Может, заночуем здесь?..

— А к утру, думаешь, улучшится дорога? — отозвался Опёнкин. — Дождь, видно, на всю ночь зарядил. Нет, уж лучше ехать.

Мартынов зажег свет в машине, вынул из кармана пальто исписанный листок бумаги, развернул:

— Вот взял в редакции одно письмо, анонимное. Подписано: «Группа коммунистов». Вероятно, кто-то из тех писал, кого наметили послать в колхоз. Пишет: «И если товарищ не может ехать на постоянную работу в колхоз по какой-либо причине, по слабости здоровья или потому, что не чувствует особого призвания работать в сельском хозяйстве, то его сразу причисляют к лику «коробкиных» и отбирают у него партбилет. Так можно без партии остаться, если всех переисключаем... И опять же получается, что мы навязываем колхозникам в председатели людей со стороны, нарушаем колхозную демократию. Я думаю («я» — это группа-то пишет!), что наши руководители поторопились с подражанием Троицкому райкому. Этого Мартынова и редактора, который напечатал его статейку, по головке не погладят».

— Не чувствует призвания в колхозе работать. Ишь ты! — усмехнулся Опёнкин. — А в партию вступал по призванию? Небось, когда подавал в партию, писал в заявлении: «Буду выполнять любые задания, готов отдать жизнь за идеи коммунизма!». Портфельщик какой-то пишет, не обращай внимания, Илларионыч!

— Вообще-то, Петр Илларионыч, в вашей статье — я уж после, когда читал ее в газете, подумывал об этом — есть скользкие места, к которым можно придраться, — заговорил Долгушин с сердитым выражением на лице. — Вот вы там бросили, помнится, такую фразу: «Те бреши, что образуются в районном аппарате, куда легче заполнить, чем подобрать хороших председателей колхозов». Но ведь из аппаратов взяли не технических секретарей и не завхозов, а ответственных работников. Значит, вы их ставите ниже председателей колхозов? В колхоз — самого крепкого человека, а на пост председателя райисполкома можно кого-нибудь и послабее? Недооценка руководящей роли районных организаций! Нигилизмом попахивает! Или вы считаете, что колхозы с хорошими председателями могут существовать и развиваться и без районного руководства?..

Сердито-грубоватое выражение смуглому лицу Долгушина, будто он не разговаривал спокойно, а всегда огрызался, придавал глубокий шрам на щеке, искрививший его рот. Странно контрастировали с этой застывшей на губах презрительно-злой гримасой глаза его, черные, цыганские, внимательно всматривающиеся в собеседника, чуть подернутые грустинкой, умные, добрые глаза.

— Та-ак... Еще где там, по вашему, в статье нигилизм? — нахмурившись, покосился Мартынов на Долгушина.

— Потушите свет, Петр Илларионыч, — попросил шофёр. — Совсем не вижу дорогу, когда в машине свет горит.

Мартынов щелкнул выключателем.

— Я не сказал, что это, по-моему, нигилизм, — спокойно продолжал Долгушин. — Еще что?.. Ну, вот хотя бы то, что речь в статье шла только о председателях колхозов. Не об укреплении колхозных парторганизаций, не о бригадирах, заведующих фермами, специалистах,

а только о председателях. Значит, председатель — единственно важная фигура в колхозе? Культ личности!

— Ого!

— Да, да. И к тому же вы как-то перевернули с ног на голову обычную, нормальную ступенчатость выдвижения кадров. Вы писали: «Мы послали на работу в колхозы районных работников и ждем, что на их места нам дадут товарищей из области, а обком пусть просит работников из центральных аппаратов». Стало быть, вы предлагаете передвижку кадров сверху вниз. Но всегда было так, что кадры росли снизу вверх. Да иначе какой же рост, если не снизу? Я не работал в деревне, но, вероятно, обычно лучших организаторов из села выдвигали в район, из района — в область. Так ведь? А в армии? Пополнение кадрами идет от командиров взводов, рот к командирам батальонов, полков, дивизий, отнюдь не в обратном порядке. Да вот и из своей практики работы в промышленности я знаю: если на должность директора какого-нибудь небольшого заводишка в захолустье присылают проштрафившегося работника из министерства, он смотрит на свое назначение как на ссылку, работает спустя рукава, с пренебрежением к такому ничтожному участку, и всё мечтает, как бы удрать снова в столицу. А выдвинь директором этого заводика хорошего мастера из местных кадров — это для него рост, движение вперед, новые масштабы, он будет работать в полную силу, с увлечением. Видите, Пётр Илларионыч, сколько спорных положений в вашей статье.

Мартынов с настороженным интересом выслушал директора Надеждинской МТС, человека безусловно умного, образованного, начитанного, но во многом для него еще непонятного. Долгушин попал к ним на должность директора МТС с большой работы в Министерстве чёрной металлургии, и в районе многие были убеждены, что неспроста попал. Сам Мартынов с трудом перебарывал в себе подозрение, что у Долгушина не всё ладно с его переводом сюда на работу, что он там, в Москве, где-то в чем-то провинился. Велика сила привычки. Не так уж много приходилось Мартынову видеть людей, по доброй воле менявших должности с высокими окладами и удобства жизни в больших городах на деревню.

— Вы, Христофор Данилыч, на самом деле считаете

мою статью путаной? Я в статье описал только то, что мы сделали. Значит, по-вашему, мы наломали дров? Но ведь вы же тогда на партактиве, если мне не изменяет память, были полностью согласны с нами.

— И сейчас полностью согласен, — ответил Долгушин, улыбаясь одними глазами и с той же неизменной отталкивающе-презрительной гримасой на губах. — Согласен полностью. Не вижу никакого нигилизма в вашей передвижке кадров. Я говорю: это может показаться кой-кому нигилизмом или головотяпством. Догматикам, формалистам. Могу и объяснить, почему я с вами согласен.

Долгушин, помолчав минуту, продолжал развивать мысли, не сегодня, видимо, пришедшие ему в голову:

— Да, сейчас мы всё внимание направили на укрепление кадров председателей колхозов. Действительно, это главная фигура в колхозе, как и руководитель всякого предприятия, и «культ» тут ни при чем. Но сама жизнь выдвинет перед нами и другие задачи. Одно потянет за собою другое. Представьте себе, что все председатели колхозов у нас будут прекрасные хозяйственники, с хорошим образованием, талантливые организаторы. На две головы выше тех председателей, которым мы сейчас даем отставку. Вот такие. — Долгушин показал рукой, коснувшись пальцами потолка кузова машины. — А райком, значит, должен быть еще выше? Еще на голову, на две выше? Конечно. Таких председателей нужно уже учить не азбуке колхозного строительства, а вершинам этой науки. Согласитесь, Петр Илларионыч, что вот таких председателей колхозов, — Долгушин опять достал рукой до потолка кузова, — может не удовлетворить нынешний стиль работы некоторых районных организаций. Уполномоченных к ним не следует посылать, чтоб ходили за ними по пятам, подсказывали, когда начинать пахать, сеять. Неграмотного лектора такой председатель может, пожалуй, и в шею прогнать из колхоза. Да и агронома иного поучит творческому отношению к делу. И легче с такими председателями, но и труднее кое в чем. Руководить ими труднее будет. А? Как вы думаете, товарищи?

Мартынов, переглянувшись с Митиным, кивнул головой:

— Мы и сейчас уже это испытываем.

— Вот, вот! Руководить такими председателями, что много знают, много умеют, — надо самому знать еще больше, видеть дальше, чем они видят! Значит, придется укреплять и районное звено. В общем, Петр Илларионыч, чего вы не договорили в своей статье, сама жизнь договорит за вас. Не останутся районные работники в обиде, что о них забыли. Начнут и вашего брата подтягивать к «уровню»!.. А возражения насчет обратной передвижки кадров тоже нетрудно опровергнуть. Мне в Московском Комитете, когда вызвали меня для направления в МТС, прочитали одно место из статьи Ленина «О продовольственном налоге». Помните, где говорится о перемещении некоторых работников с центральной работы на местную? Там Ленин вспоминает польскую войну, когда не боялись отступать, как он говорит, от бюрократической иерархии, перемещать членов Реввоенсовета на низшие места. И теперь, говорит Ленин, почему бы не переместить некоторых членов ВЦИК и членов коллегий на уездную и волостную работу? Не настолько же мы «обюрократились», чтобы смущаться этим. Найдется много центральных работников, которые охотно пойдут на это. И дело хозяйственного строительства очень выиграет от этого. Не помню дословно, но смысл таков. Значит, естественное выдвижение кадров снизу может благополучно сочетаться в некоторых случаях с такими нарушениями «бюрократической иерархии». К тому же, — добавил Долгушин, — вы не проштрафившихся районных работников послали в колхозы, а хороших коммунистов. Таких, что сами поняли, где их настоящее место.

— А вообще-то за всё время Советской власти слишком много мы навыдвигали работников снизу вверх, — сказал Опёнкин. — На кой-какие кресла, что освобождаются сейчас в учреждениях, можно бы совсем никого больше и не сажать. Или хотя бы повременить, присмотреться хорошенько: а как оно, не будет большой беды, если эту должность совсем сократить? Вот же инспекцию по определению урожайности ликвидировали как класс, райсельхозотдел ликвидировали — и ничего, живем не хуже, как и жили.

— Аппараты у нас разбухли непомерно, — согласился Долгушин. — То, что намечено сейчас по сокращению аппаратов и передвижению оттуда людей на производ-

ство, я думаю, это только начало большого государственного дела. Очень трудного дела! Сопротивление ему будет сильное. До сих пор, сколько мы ни сокращали, заметных результатов не видно. В одном учреждении сократят штаты, в другом раздуют, из одной графы штатного расписания вычеркнут работника, в другую впишут — и опять всё по-старому.

Дорога за селом пошла лучше — старый, запущенный грейдер с почти заровнявшимися кюветами. Разбитый лед перемешался с талым снегом и песком. Машина не скользила. Шофёр Василий Иванович попросил у Мартынова папиросу, закурил, откинулся на спинку сиденья, отдыхая.

— Штаты нужно сокращать так, как при товарище Дзержинском беспризорников ловили, — сказал он. — Я тогда работал шофёром в нашем уездном наробразе, знаю, отвозил их в детские колонии.

— А как их ловили? — поинтересовался Опёнкин.

— В одну ночь сразу во всех городах. Кинутся из Белгорода в Харьков — и там их ловят. В Курск — и тут на них облава. Некуда податься!

Все засмеялись.

— Значит, рекомендуешь — в один день по всему Советскому Союзу, во всех учреждениях, на столько-то процентов?

— Ну да. Чтоб без перебежек...

— Всякий раз, когда мы заводим речь о сокращении аппаратов, мне кажется, что мы не добираемся до главного, — вступил в разговор Митин. — Ведь не только в каком-нибудь маслопроме сидят лишние писаря. В самих партийных и советских органах много ненужных должностей. Ей-богу, у меня в райсовете столько работников, что иной раз приходится придумывать, чем их всех занять, чтоб не зря жалованье получали. А в области? Насмотрелся я там чудес, когда работал по орошению. Сколько параллелизма, лишней суеты! И в обкоме партии и в облсовете одни и те же отделы, одними вопросами люди занимаются, одинаковые решения готовят, только там подписи и печать обкома, а там — облсовета. Или вот учреждение — облплан. Во всех отделах облсовета есть плановики, в областном управлении сельского хозяйства есть своя плановая группа, и еще, кроме того, облплан. Что ему делать? Сводки соби-

рать у тех плановиков и перепечатывать на своей машинке? Тридцать человек изнывают от тоски, некуда день убить. Вот и планируют: сколько должны сдавать колхозы кож крупного рогатого скота поквартально при таком-то проценте падежа.

— Можно мне еще слово сказать? — оглянулся на Мартынова Василий Иванович, пожилой человек, далеко уже за пятьдесят, седой, шофёр с тридцатилетним стажем. — Еще хочу сказать о штатах... Я в нашем райкоме партии работаю с тридцать первого года. «Студебеккер» был у нас тогда легковой; напополам с райисполкомом. Откуда он взялся у нас, не знаю, должно быть еще в революцию у какого-то помещика отобрали. Секретаря райкома возил и предрика. И жалованье мне платили сообща: половину райком, половину рик. Так вот ежели припомнить то время — легче или труднее было работать районным руководителям? Район был большой, потом его разукрупнили, два района из него сделали. Коллективизация только начиналась, всё еще не настроено, не налажено. Раскулачивание проходило, банды были в Михайловском лесу. Каждую ночь то в одном селе, то в другом какое-нибудь происшествие. Труднее, по-моему, было тогда работать. И сколько ж было народу в райкоме? Ну, секретарь, конечно. Тогда не называли еще первый или второй, просто секретарь. Заместителем у него был зав... забыл, каким отделом.

— Заворготделом, — подсказал Опёнкин.

— Так, заворг его звали. Ну, культпроп ещё, тот больше по массовой работе, с докладами выступал. Потом ещё была у нас по женской работе, женорг, товарищ Змиевская, рябая, некрасивая, трубку курила, как калмычка. Еще — пара инструкторов, управдел, он же и на машинке печатал, конюх при выездных лошадях, ну, и я, стало быть, шофёр, пол-единицы, так меня и звали шутейно: в райкоме звали Василием, а в райисполкоме Иванычем. Вот и весь аппарат. Работали, не гуляли. Управлялись. Для перекурки, правда, времени мало оставалось. Так же и в райисполкоме, лишних не было. Раз, два — и обчелся. Райисполком помещался в том доме, что сейчас пионерам отдали. Кабинет председателя и три комнатки небольших — все там умещались. Работы было больше, а работников меньше.

— Правильно, — подтвердил Митин. — У меня отец

работал в те годы председателем Ясновского райисполкома; я всех помню, кто к нам в гости приходил. На Первое мая все сотрудники за одним небольшим столом усаживались. А сейчас, если мне пригласить на праздник в гости мой аппарат, надо иметь в квартире такой зал, как в Министерстве иностранных дел для приемов.

Мартынов только кивал головой и изредка вставлял в разговор слово-два, соглашаясь с тем, что говорили Василий Иванович, Долгушин и Митин. Он уже не хмурился, посматривая на Долгушина, — директор Надеждинской МТС достаточно ясно изложил свои взгляды на вопросы, одинаково, оказывается, волновавшие их.

— И главное зло тут, по-моему, даже не в том, — сказал Мартынов, — что мы расходуем лишние миллионы рублей на зарплату управленческим работникам. Это материальные убытки.. Но мы расплачиваемся за раздутые штаты еще и другим, что дороже всяких денег. Мы портим людей, неправильно воспитываем наши кадры. Десять человек должны подписать какую-то важную бумажку, и никто не решается первым сказать «да» или «нет». Прячутся один за другого. Есть кому и за кого спрятаться. Перестраховка и безответственность — вот к чему привыкают люди там, где громадные штаты. Сокращение аппарата нужно в первую очередь для него же, для аппарата! Для улучшения его работы!

— А коллегиальность? — легонько толкнул Мартынова локтем в бок Долгушин.

— Вот у нас и коллегиальность некоторые поняли так, как в Верхне-Никольском мою статью, — сердито возразил Мартынов. — Шиворот-навыворот поняли! Согласовывать и увязывать до бесчувствия — так поняли коллегиальность. Пять человек на такую работу, где и один может справиться. Это уже не коллегиальность, а коллективная бестолковщина!

— Я не совсем еще вошел в курс дела, — сказал Долгушин, — но кажется мне, что даже у нас, на самом низу, в МТС, много лишних людей в администрации.

— Да, если посчитать, на сколько прибавилось штату во всех наших трех МТС, пожалуй, больше окажется, чем было раньше в райсельхозотделе, — кивнул Опёнкин.

— Но тогда они жили в райцентре, все специалисты, а теперь всё же ближе к колхозам спустились, — заметил Митин.

— Еще ближе надо бы кой-кого спустить! Прямо в колхоз, на трудодни!

— Ну, тебе дай волю, Демьян Васильич, ты бы и самого секретаря райкома перевел на трудодни.

— А что? Чем плохо? И секретаря райкома и председателя райисполкома. Не на трудодни, но всё же надо бы как-то увязать вашу зарплату с колхозной доходностью. Чтоб был вам интерес лучше руководить колхозами!

— Демьян Васильич давно мне об этом толкует, — сказал Мартынов. — Вообще-то резонно. В одном районе колхозники получают по десяти рублей на трудодень, в другом — по рублю, а зарплата для районных работников одинаковая. Выходит: производственники все на сдельщине, а руководители — на поденной оплате. И МТС наши до сих пор не заинтересованы как следует в урожае. У одного директора МТС урожай по зоне десять центнеров зерновых, у другого, рядом, на таких же землях — двадцать пять. Есть небольшие надбавки за урожай, но это всё не то. Я уж говорил об этом и в обкоме, и в министерство писал много раз. Резче надо дифференцировать! Если при десяти центнерах директор получает, скажем, полторы тысячи рублей в месяц, то за двадцать пять, право же, не жалко вдвое больше заплатить. И такую шкалу для всех — и для главного агронома, и для главного инженера, и для заведующего мастерской. Вплоть до горючевозов!

— Не возражаю, — согласился Долгушин. — Не знаю еще, какими путями добиться этих двадцати пяти центнеров, но в принципе не возражаю.

Минут пять ехали молча. Шофёр вдруг рассмеялся.

— Чего ты? — спросил Опёнкин.

— Да вспомнил один случай. Как мы на том «Студебеккере» ездили... Запчастей к нему не достать, резина латаная-перелатанная. Двадцать километров проедешь по району — десять раз баллоны накачиваешь. Света не было, а по ночам ездить приходилось частенько. Фонарь «летучая мышь» вешал впереди на радиатор. А однажды такой был случай. Едем мы с секретарем райкома товарищем Беловым ночью из Семидубовки. На заднем сиденье у нас заврайфо товарищ Некрашевич. Верх на кузове у этого «Студебеккера» был кожа-

ный, толстая кожа, в палец толщиной, с носорога, должно быть, или с того зверя, что в воде живет, как его...

— С бегемота, — подсказал Митин.

— Вот, с бегемота. Толстая, но трухлявая, потрескалась вся от давности, в дождь даже кое-где протекало. Вот едем мы, пассажиры мои дремлют, а знаете, когда люди рядом с шофёром спят, и ему трудно со сном бороться. Да и работа в те годы была — по три-четыре ночи подряд приходилось не спать, как на фронте. Едем, дорожка неважная, поперек паханого поля, яма на яме. Секретарь райкома похрапывает, заврайфо носом в спину мне клюет — и у меня глаза стали слипаться. Ка-ак подбросит нас на колдобине — думал, вот тут наша катафалка и рассыплется на кусочки! Нет, едем дальше, даже мотор не заглох. Едем и слышим с секретарем — хрипит кто-то, голос откуда-то загробный, не то из-под машины, не то сверху: «Сто-о-ойте-е!». Что такое? Оглянулись, смотрим, не поймем, что случилось. Товарищ Некрашевич вытянулся во весь рост, стоит, плечами уперся в потолок, и головы не видать. Оказывается, его так подкинуло на той яме, что он головою тент пробил, а кожа хоть гнилая, но твердая, толстая, взяло его под салазки и не пускает голову назад, руки в машине, а голова снаружи, повис и хрипит оттуда, со двора: «Сто-о-ойте-е!»... Вот какое было дело. После этого случая в райкоме без смеху смотреть не могли на товарища Некрашевича. Пришлось ему просить перевод в другой район.

Посмеялись. Разговор с делового перекинулся на разные воспоминания.

Опёнкин стал рассказывать, как он работал в товариществе по совместной обработке земли, еще до сплошной коллективизации, трактористом на «Фордзоне»; как они выжимали из этой американской техники всё, что только можно было выжать: и пахали «Фордзоном», и косили, и молотили, и мельницу крутили, и свадьбы гуляли, украшая трактор разноцветными ленточками и цепляя к нему целый поезд телег с гармонистами на облучке; как владельцы «Фордзонов» устраивали на районной выставке в День урожая тракторные гонки и как он однажды взял первый приз на таких гонках: детекторный приемник и четвертную бутыль водки.

Митин, оказалось, в прошлом был летчиком Гражданского воздушного флота и мелиоративный институт закончил уже после того, как его отчислили из авиации по состоянию здоровья: сердце стало шалить. Он рассказал несколько случаев из своих полетов: как однажды попал в сильную грозу и молнией чуть не разбило самолет; как сажал машину на деревья в лесу, когда отказал мотор и небольшая высота не позволила дотянуть до поля за лесом.

Проехали еще одно село. Василий Иванович заговорил было опять о ночлеге — его никто не поддержал.

Дождь не утихал. По балкам бежали ручьи, как весной. За селом спустил баллон. Шофёр промок до нитки, пока сменил скат. Мартынов заставил его снять стеганку и верхнюю рубаху, дал ему свое пальто. В машине было жарко от печки. Поехали дальше.

Из Долгого Яра машина выбралась своим ходом лишь до половины горы. Подъем пошел круче, колёса забуксовали на ледяной, омытой дождем дороге; «Победа» дергалась из стороны в сторону и не подвигалась вперед ни на сантиметр, даже как бы сползала понемногу назад, вниз. Слева от дороги показывался в свете фар молодой березовый лесок, справа, за редко расставленными полосатыми столбиками, чернел глубокий обрыв.

Как ни уютно было в теплой машине, под непромокаемой крышей, надо было вылезать на дождь и толкать.

— Эх, погодка! — открыв дверцу, прокричал Опёнкин. — Табачок только сушить. У кого папиросы в кармане, советую выложить. А ты сиди, Илларионыч. Хоть ты не мокни. Сиди для груза, сцепление будет лучше.

Втроем стали подталкивать «Победу», оскальзываясь на льду в темноте, падая в лужи. Натужно ревя мотором, по метру в минуту машина двигалась вперед.

— Идет, идет! — поддавая могучим плечом под задок кузова, покрикивал нараспев Опёнкин. — Раз, два, взяли-и! Еще разок! Иде-ет! Еще раз! Недалечко!..

И тут вдруг навстречу им, с бугра, из-за поворота узкой дороги, блеснув фарами, высунулся грузовик. Громадная пятитонная машина шла на хорошей скорости, и зад ее забрасывало по льду то вправо, то влево. Водитель ее либо принял в последнем селе граммов двести

«от сырости», либо ни рулевое управление, ни тормоза уже не слушались его на скользком спуске: машина неслась с горы прямо на буксовавшую у края дороги «Победу». Опёнкин, Митин и Долгушин еле успели отскочить в сторону. Рев мотора пятитонки, звон бьющегося стекла, скрежет железа... Последнее, что слышал Мартынов, теряя сознание от удара обо что-то головой, был отчаянный крик Василия Ивановича: «Что ж ты делаешь, бандит? У меня же люди!..» — и «Победа» покатилась по крутому откосу, дважды перевернувшись, в глубокий, метров пятьдесят, яр. А грузовик с залепленными снегом и грязью номерами и без фары сзади, пройдя немного «юзом» и чуть не сорвавшись тоже в обрыв, выровнялся, свернул опять на дорогу и скрылся под горой за поворотом, в темноте.

...Пока Опёнкин с Долгушиным выносили из яра живых, дышавших, но не приходивших в сознание Мартынова и Василия Ивановича, Митин добрался до ближайшей деревни на горе, взял там в колхозе лошадей с повозкой и ездовым и примчался к месту аварии. В ту же ночь Мартынова и шофёра доставили в районную больницу.

Василий Иванович, с проломами черепа и разбитой грудной клеткой, умер ночью в больнице на операционном столе. Мартынов к утру очнулся. Сотрясение мозга оказалось не тяжелым, у него были переломы ноги, руки и ключицы. Врачи за жизнь его не опасались, но пролежать в больнице, в бинтах и вате, ему предстояло несколько месяцев.

Не во́-время и надолго вышел Мартынов из строя.

2

Вторым секретарем в Троицком райкоме партии был Василий Михайлович Медведев. К нему и перешли временно обязанности первого секретаря.

Дел Медведев от Мартынова никаких не принимал, напутственных слов не выслушивал — врачи с неделю не допускали к Мартынову никого, кроме жены, — обстановка в районе ему была известна, просто пересел из своего кабинета в кабинет первого секретаря и оттуда стал разговаривать по телефону с директорами МТС и председателями колхозов уже более требовательным и

строгим голосом, нежели позволяло ему раньше разговаривать его скромное положение второго секретаря.

Медведев долгое время не то не находил себе места среди других руководителей района, не то неуверенно чувствовал себя в малознакомой обстановке сельской работы, — был он тем «пятым колесом» у машины, без которого ехать можно и которое возят лишь про запас, на случай аварии. Молчаливый, с неизменной предупредительной улыбкой на лице, когда к нему обращались, вежливый, обходительный, мягкий, как будто даже слабохарактерный, он иной раз с утра до вечера просиживал в райкоме за подготовкой очередной лекции или чтением полученной райкомовской библиотекой новой литературы, и за целый день его никто не беспокоил ни телефонным звонком, ни личным посещением. Коммунисты из колхозов, приезжая в район по разным делам, заходили к нему лишь в том случае, когда, кроме него да дежурного по общему отделу, в райкоме больше не было ни души.

Медведев окончил педагогический институт в 1939 году и успел поработать учителем в своем родном городе, Низовске, до войны всего один год. Первые месяцы Отечественной войны он провел на фронте, был ранен под Смоленском, около года пролежал в госпитале в Саратове, потом, разыскав в городском военкомате родственника, двоюродного дядю, устроился туда на службу делопроизводителем, там и находился до конца войны. В партию он вступил в 1945 году, после победы. Демобилизовавшись, вернулся в Низовск к матери, поработал немного на старом месте учителем, а затем получил назначение на должность директора семилетки.

Учился Медведев в свое время в школе и институте отлично. Не пропало для него и время службы в Саратовском горвоенкомате: много читал, посещал вечерние курсы марксизма-ленинизма. В Низовске вскоре обратили на него внимание, как на образованного коммуниста, точного в формулировках, с хорошей памятью на цитаты, способного прочитать лекцию на любую тему: «О диалектическом и историческом материализме», «О противоречиях между американским и английским империализмом», «О коммунистической морали и этике». Его зачислили в лекторский актив. В школе у него дела шли неплохо, успеваемость была приличная, никаких

жалоб из школы от учителей и учащихся в городские организации не поступало. Молодой, статный, благообразный, с высоким красивым лбом философа, всегда чисто одетый, в толстых очках с золотой оправой, директор школы Медведев становился всё более заметной фигурой в городе. Через год-полтора его взяли на работу в горком партии пропагандистом, а еще через год, после очередной городской партконференции, он уже был утвержден заведующим отделом агитации и пропаганды и избран на пленуме членом бюро горкома.

Прошлой весной его вызвали в обком и спросили: согласен ли он переехать в Троицкий район к Мартынову вторым секретарем райкома? Медведев слышал от работников обкома о Мартынове, что это человек с тяжелым характером, заносчивый, что к нему хорошо относится первый секретарь обкома и он поэтому зазнался, что из-за него «полетел» опытный старый кадровик Борзов, что с ним нелегко сработаться, что он третирует работников своего аппарата, что он вообще держится на своем месте лишь до «больших перемен» в области, и прочее. Подумав, Медведев дал согласие. Всё же такое быстрое продвижение вверх на партийной работе не могло не радовать его. А насчет «больших перемен» в обкоме действительно ходили тогда упорные слухи: Алексея Петровича Крылова хотели забрать будто бы в Москву, в аппарат ЦК.

Но и Крылов остался пока на месте, и Мартынова никто не собирался снимать. И у Медведева, вопреки предположениям, за всё время, что он работал в Троицке, не было крупных стычек с Мартыновым. Сам Медведев старался всегда как-либо обойти спорные вопросы, чаще отделывался молчанием на бюро или осторожно присоединялся к большинству, когда уже было ясно, как поделятся голоса. Да и Мартынов не проявлял никаких агрессивных намерений, не «зажимал» и не третировал его.

Не было стычек, но и не было у них душевной близости. Мартынов не очень загружал его колхозными делами, больше требовал от него помощи по части партийной учёбы, лекционной пропаганды, работы с интеллигенцией. В хозяйственной жизни района ближайшим его советником был Руденко, а после него новый предрайисполкома Митин. Часто Мартынов то с Руденко, то

с Митиным засиживался в своем кабинете за разговорами до поздней ночи. Медведева не звали, да и сам он не заглядывал к ним «на огонек», даже когда шел мимо райкома домой из кино или с учительского собрания. Не очень интересовали его эти ночные беседы, мечты вслух о будущих переменах в районе, строительство в тиши ночной «воздушных замков». Если какие-то вопросы перспективного развития района назрели, можно о них и днем поговорить, в официальном порядке, на заседании бюро или исполкома райсовета.

Руденко однажды обидно пошутил: «На Кавказе часы проверяют по реву ишаков, а у нас их можно проверять по приходу товарища Медведева на службу и уходу домой — каждый день минута в минуту!».

Когда зимой перед памятным собранием партактива Мартынов, раздумывая, как «сломать лед», завел разговор с Руденко и Медведевым, что надо бы кому-то из них начинать, и Медведев отделался кислыми шутками, а потом сказался больным и до окончательного утверждения на бюро списка добровольцев не выходил из дому, — понял Мартынов, что, если нажать и заставить его всё-таки подать заявление о посылке в колхоз председателем, толку из этого не будет. С тех пор он просто как бы не стал замечать Медведева. Встречался и разговаривал с ним только по делу. Не мог забыть того ночного разговора в райкоме и перебороть в себе зародившейся неприязни к Медведеву. По должности, по штатной ведомости были они людьми самыми близкими друг другу — первый и второй секретари, а по душе — чужими.

И вот случилось, что Медведев на неопределенное время стал первым секретарем Троицкого райкома партии...

И как бывает иногда с такими, как будто неуверенными в своих силах, на вид мягкими и деликатными людьми, лишь сел Медведев за стол первого секретаря, как появились у него и крик, и стук кулаком по столу — пожалуй, от этой самой неуверенности, — и такие выражения в телефонную трубку, что у девушек на почте уши краснели, как лепестки пиона, и начальственная осанка, и первые признаки молодого, еще не окрепшего, не развившегося по-настоящему самодурства.

Троицкие коммунисты наблюдали за ним с удивле-

нием, не веря своим глазам: наш ли это тишайший и добрейший Василий Михайлович Медведев, не подменили ли человека?..

Недели за две до начала полевых работ проходил пленум райкома. Обсуждался вопрос о весеннем севе. Это был первый пленум, который самостоятельно проводил Медведев. Доклад сделал Митин. Развернулись, как всегда, прения.

Выступил инструктор райкома по зоне Надеждинской МТС Зеленский и рассказал, что делается в колхозах, где четыре месяца назад были выбраны новые председатели. В его группе было три таких колхоза: «Борьба», где председателем работал бывший райпрокурор Нечипуренко, «Вехи коммунизма», куда поехал Руденко, и «Рассвет», где выбрали председателем бывшего инспектора по определению урожайности Бывалых.

Зеленский рассказал много хорошего о работе первых двух председателей, взявшихся за дело энергично, с душой, и обрушился на Бывалых, который, по его мнению, просто саботировал: тонко придерживался в работе такой грани, чтобы и не потерять партбилета за полный развал дела, но и чтобы не держали его там долго, чтобы всё же удрать из колхоза не позднее лета.

Говорил Зеленский и о предстоящем весеннем севе, о посевах кукурузы, потом опять вернулся к кадрам председателей и бригадиров, еще долго, с возмущением говорил о Бывалых, о коммунистах из партийной организации этого колхоза, не подающих колхозникам примера честного отношения к делу, и закончил свою речь в смысле внутренней логики вообще-то правильно, но по форме выражения так, что кое-кому резнуло ухо:

— Всё же, товарищи, нам нужно продолжать укреплять колхозные кадры, а таких бездельников, где они еще остались, гнать в шею! И тогда мы справимся со всеми нашими задачами! Кадры решают всё! С хорошим председателем, с хорошими бригадирами никакая кукуруза не страшна!

В зале засмеялись, а Медведев, строго нахмурившись, не сводя глаз с усевшегося на место Зеленского, тут же вышел из-за стола к трибуне и «дал отпор» его выступлению:

— Что хотел сказать товарищ Зеленский этими словами: «никакая кукуруза не страшна»? Значит, по его мнению, кукуруза — культура страшная? С нею страшно, опасно иметь дело? Да, такой вывод можно сделать из его слов. Он не сказал об этом прямо, но это мы уловили между строк. Видимо, товарищ Зеленский — против решений Цека и обкома!..

Сразу же после закрытия пленума Медведев позвал членов бюро в свой кабинет, чтобы обсудить «антипартийное» выступление Зеленского.

Растерявшийся Зеленский не знал, что и сказать в свое оправдание:

— Да я же ничего, товарищ Медведев! Я же не против кукурузы. Я воевал на Украине, видел, какие она там дает урожаи. Зачем вы цепляетесь к слову?

За него вступился Нечипуренко — он, Руденко и Жбанов оставались еще членами бюро до очередной районной партийной конференции:

— Что мы тут делаем из мухи слона? К чему такая архибдительность? Ничего антипартийного не вижу я в выступлении Зеленского! Ясно же, что́ он хотел этим сказать. Что хороший председатель справится с этой культурой, сумеет и посеять, и убрать, и засилосовать. А плохой председатель завалит это дело. Факт! И есть еще у нас такие председатели!

Бывшего прокурора поддержал Руденко:

— Зачем нам глаза закрывать на правду? Действительно, кукуруза новая у нас культура, нет еще у нас опыта, как ее выращивать. Выгода от нее хозяйству большая, но, конечно, и трудности будут большие, особенно на уборке. Время подойдет и сахарную свеклу копать, и зябь пахать, и озимые сеять. Траншей надо много выкопать под силос, облицевать их. Куча работы! А товарищ Зеленский сообщает нам вот, что в «Рассвете» попрежнему половина колхозников сидит дома, семена некому чистить. Конечно, в таком колхозе кукуруза не уродит. Ее же обрабатывать некому будет. А если и уродит, так осенью до ума не доведут ее, не уберут, не засилосуют. Я та́к понял Зеленского: чтоб была в колхозе хорошая кукуруза и чтоб вообще был там хороший урожай, нужен хороший председатель. Правильно сказано! О чем спорим? Не все наши добровольцы работают на совесть. И Корягин в «Пятилетке» тоже воет на

луну, поглядывает, как бы махнуть через тын. Аппендицит вырезали, теперь на сердце жалуется, в обморок уже, говорят, два раза падал на заседании правления. Не на то порох тратим, Василий Михайлович! Не Зеленского бы нам тут распинать, а подумать о таких колхозах, что с ними делать? Сто́ит ли держать там дальше в председателях этих нытиков припадочных?..

Митин и другие члены бюро тоже не нашли повода к тому, чтобы «распинать» Зеленского. Медведев остался в меньшинстве. За его предложение объявить выговор Зеленскому голосовали только он и Жбанов.

Закрыв заседание бюро, Медведев встал, рывком отодвинул кресло, вышел из-за стола, повернулся к окну и стоял так, молча, не оборачиваясь и не прощаясь, пока все не разошлись.

Руденко и Нечипуренко, пройдя длинный темный коридор в здании райкома и выйдя на крыльцо, переглянулись с невеселой усмешкой и разом тяжко вздохнули: «Охо-хо-хо...» Руденко пропел сквозь зубы, застегивая крючок под воротником овчинного полушубка: «Начина-аются дни золо-тые-е...»

Нечипуренко сразу поехал домой на попутном «газике» Долгушина, а Руденко постоял немного, подумал, зашел в магазин, купил банку клубничного варенья и пяток лимонов, разыскал во дворе райкома своего конюха с санями и подъехал к больнице, где лежал Мартынов, к большому красивому, в готическом стиле дому, принадлежавшему некогда князю Барятинскому, в сосновом парке на окраине Троицка. Врачи допускали уже к Мартынову посетителей, и редкий день у него обходился без гостей из колхозов.

До поздней ночи стояли сани Руденко в затишке под каменной оградой больницы; конь, привязанный вожжами к телеграфному столбу, подбирал, нагибаясь и позвякивая удилами, брошенное ему под ноги сено, сторожко поводил ушами, прислушиваясь к глухому гудению проводов в вышине на сыром мартовском ветру, а конюх, опорожнив перед дальней дорогой четвертинку и закусив домашним салом, сладко храпел на санях под двумя тулупами.

Ушел Руденко от Мартынова, наговорившись вдосталь обо всех районных и колхозных делах, лишь когда дежурная сестра стала уже гасить свет в палатах. За-

курив папиросу, умащиваясь поудобнее в санях спиной к ветру, оглядываясь на высокое, со шпилями, исчезавшее в темноте за поворотом дороги здание больницы, Руденко бормотал про себя: «Нас — на передовую, а сам — в медсанбат... Непорядок, непорядок! Угораздило же тебя, Илларионыч! Кого оставил за себя? Хлебнем мы, кажется, с этим ортодоксом горячего до слёз!..»

3

Особенно трудно пришлось без Мартынова директору Надеждинской МТС Долгушину. В большой и сложный переплет попал этот человек в свою первую деревенскую, за пятьдесят с лишним лет жизни, весну...

Долгушин не один был в районе «москвич», как стали называть всех присланных на постоянную работу в МТС специалистов, хотя некоторые приехали совсем и не из Москвы — из Курска, Воронежа, Подольска.

Направленный в Семидубовскую МТС к Глотову главным инженером коммунист Чумаков, бывший заместитель директора одного крупного воронежского завода, просто позорил ту организацию, что рекомендовала его на работу в деревню, хныкал, жаловался на болезни, на неустройство семьи, оставшейся в Воронеже и не желающей переезжать в деревню, написал даже в автобиографии, когда заполнял личное дело: «С 1949 года страдаю геморроем в тяжелой форме», совершенно не знал сельскохозяйственных машин и не старался их изучить, работал из рук вон плохо.

В Олешенской МТС не ладилось с главным агрономом Стрельниковым, присланным из области, из управления сельского хозяйства. Большой специалист, кандидат биологических наук, человек трудолюбивый и усидчивый, он отвык за много лет работы в канцелярии от живого общения с колхозниками-хлеборобами. Очень трудно было вытащить его из конторы МТС в поле к озорным и острым на язык колхозницам в бригадах, прозвавшим его за малый рост, смирный характер и округлую полноту «Карасиком». У этого агронома Стрельникова была еще беда — травопольные севообороты. Он выпустил в свое время много брошюр о травополье, горячо пропагандировал расширение посевов многолетних трав в области, был за это крепко бит после февраль-

ско-мартовского Пленума ЦК и сейчас, очень напуганный, боясь, как бы и на новом месте в чем-нибудь не ошибиться, ни одного, самого пустякового вопроса не решал самостоятельно, без согласования в райкоме и областном управлении.

Одного инженера-цементника из Подольска, Кольцова, учтя его опыт партийной работы (он был в армии отсекром партбюро полка), утвердили секретарем райкома по зоне Семидубовской МТС. А в Надеждинскую МТС, к Долгушину, поехал зональным секретарем Холодов, присланный в район с ответственной работы в областном управлении МВД.

Из всех «москвичей» Долгушин был, пожалуй, самым «высокопоставленным» по должности, занимаемой до посылки в деревню, — заместителем начальника главка в Министерстве черной металлургии. В его учетной карточке значились еще такие посты: уполномоченный Наркомтяжпрома на крупном строительстве на Востоке, директор завода в Донбассе, заместитель директора треста. В гражданскую войну он служил в ЧОНе (части особого назначения), был в комсомоле с 1918 года, в партию вступил в 1925 году.

Среди других приехавших в деревню специалистов Долгушин повел себя несколько необычно. Не обращался в райсовет за помощью насчет жилья, снял себе комнату, пока был еще без семьи, в доме одного бригадира на усадьбе МТС, получил сразу же в Госбанке причитающийся ему долгосрочный кредит и стал понемногу закупать лес и прочие материалы для строительства собственного дома в Надеждинке.

Медведев заметил тогда Мартынову:

— Хочет показать, что приехал к нам навсегда, не думает о возвращении в Москву. Пыль в глаза пускает. Как будто нельзя продать дом, в случае если будет отсюда удирать. Еще заработает на этом деле тысяч пять!

На что Мартынов неопределенно пожал плечами.

— Поживем — увидим. Ему уже пятьдесят четыре года. Он мне говорил: много шатался по свету, а теперь уж буду устраиваться так, чтобы здесь и доживать на пенсии, когда выйду по старости в тираж. Посмотрим, как будет работать. Зачем заранее плохо думать о человеке?

А работать оказалось нелегко. Знал Долгушин, когда

ехал в деревню, что ему предстоят большие трудности, но такого всё же не ожидал.

Надеждинка была одной из тех забытых министерством и областью молодых, организованных после войны на голом месте МТС, которым как дали в первом году тракторы, прицепной инвентарь, несколько изношенных станков для ремонтной мастерской и мизерную сумму денег на самое необходимое обзаведение, так с тех пор много лет подряд и не отпускали больше ни копейки на капитальное строительство. Тракторы, комбайны, сеялки, культиваторы — всё зимовало в снегу, да и ремонтировалось почти на снегу, если не считать сарая, покрытого соломой, с жердевыми необмазанными стенами, где пыхтел нефтяной движок и стояли станки, куда можно было загнать на ремонт не больше трех тракторов.

О Надеждинке забыли, да и сам бывший, последний перед Долгушиным, директор МТС Зарубин не очень старался напоминать о ее существовании, чтобы не нажить себе лишних хлопот в виде строительства новой мастерской, общежитий для трактористов и прочего. Зарубин был бесцветной личностью, из тех руководителей, о которых в народе после их снятия или перевода в другое место «ни сказок не рассказывают, ни песен не поют». Единственное, чем вспоминали Зарубина и что стало почти легендой, — это поразительное незнание им дорог в зоне своей МТС. За три года, что пробыл директором, он запомнил дорогу только в колхоз «Верный путь», где его жена работала акушеркой в родильном доме, да еще в один-два самых богатых колхоза, хотя и сам водил «газик». Однажды заехал в тракторную бригаду, стал ругать трактористов за то, что не там пашут, где отвели участки под пар, а те смотрят на него с удивлением: откуда ты взялся у нас, такой начальник? Оказалось, не в свою бригаду попал, по ошибке в соседний район заскочил. Ни дорог в колхозы не знал, ни своих трактористов в лицо.

Кроме того, Зарубин не отличался особой щепетильностью насчет точности в сводках и донесениях областным организациям. После уже, когда Долгушин стал немного разбираться в тракторах, а Зарубина отозвали из района и он уехал по торговой части куда-то на Камчатку, Долгушин обнаружил, что семь дизелей в числе принятых им ходовых машин, деньги на ремонт которых

получены уже и израсходованы, нуждаются не в капитальном даже, а в восстановительном ремонте.

Принял он МТС с арестованным счетом в Госбанке, с двухмесячной задолженностью по зарплате рабочим и служащим, с перерасходованным лимитом горючего, без ремонтной базы, с почти голой усадьбой. Даже лампочку над письменным столом в обшарпанном директорском кабинете Зарубин выкрутил, как собственную, и унес домой.

Чем больше знакомился Долгушин с положением в МТС, тем сильнее негодовал и недоумевал от всего увиденного. Однажды, уже перед весной, он зашел в райком к Медведеву и высказал ему свое возмущение:

— Вот только сейчас, Василий Михайлович, когда растаяли сугробы, я вижу всё хозяйство МТС, вижу наш инвентарь и в каком он состоянии. И я просто поражаюсь: как Петр Илларионович, вы и товарищ Руденко — он тогда был председателем райисполкома, — как вы отпустили с миром из района Зарубина? Ведь за такие вещи расстреливают! Это же государственные миллионы!

Медведев выслушал его с неудовольствием.

— Не с того начинаете, товарищ Долгушин. Этим не поправите положения, что будете валить вину на предшественника. Пора уже самому что-то сделать видное в МТС. Для того вас и послали туда, чтоб вы наладили дело.

— Сам знаю, — отвечал Долгушин, — что это не бог весть какая доблесть для руководителя охаивать всё, что было до тебя, и в этом искать оправдание сегодняшним непорядкам. Но, знаете ли, то, что я увидел, это уж переходит всякие границы терпимого. Не могу просто умолчать об этом. Если я поработаю в Надеждинской МТС три года и в таком виде стану передавать ее новому директору, и меня нужно будет судить, как вредителя... Два года тому назад МТС получила пять новеньких льнокомбайнов, хотя, как вам известно, льна мы не сеем ни гектара. Какой-то растяпа, если не хуже, заслал их в нашу область вместо другой области, Псковской может быть, не знаю, где лен сеют, я вообще-то недавно, здесь уже только, узнал, что́ и как сеют колхозники на полях. И Зарубин ничего не сделал, чтобы эти льнокомбайны перебросили куда следует. Не написал

в министерство, не обращался ни в областное управление, ни в обком, никуда. Поставили их на усадьбе МТС на проходном месте; кому нужны гайка, болтик — идут, откручивают, и сейчас от этих комбайнов остались одни скелеты. Новые машины, каждая сто́ит десятки тысяч рублей. А жнейки! Я принял в числе прочего инвентаря двадцать конных жнеек. Они были переданы под сохранные расписки в колхозы. На прошлой неделе я проверил в четырех колхозах, где эти жнейки, в каком они состоянии. И следа от них не нашел! В «Коммунаре» только видел на поле колёса и раму от одной нашей жнейки. Оказывается, их в колхозах растащили по частям и употребили на ремонт своих жнеек. Боюсь, что все двадцать постигла такая участь. Из пяти новых зерновых комбайнов, полученных в прошлом году, два, как мне доложил главный инженер, требуют уже капитального ремонта. Да что ж это такое? И человек, который отвечает перед государством за эти миллионы, благополучно, с партийным билетом, уехал в другую область на новую работу!

— Он был не в нашей номенклатуре. Не мы ведаем перебросками таких работников.

— «Не мы ведаем»... Он коммунист, Василий Михайлович, и мы коммунисты! — возражал Долгушин. — Ведь он же где-то и там, на Камчатке, так же будет губить народное имущество, разваливать дело! Скажите просто: умыли руки. Не захотели затевать скандала. Надо выносить решение, а потом отстаивать его перед областью, Москвой. Пусть уж убирается от нас с богом. Где угодно пусть вредит государству, лишь бы не в нашем районе... Я не понимаю, как можно было за три года ничего не построить на усадьбе! Трактористы за пятнадцать километров ходят из сёл к нам на ремонт тракторов. Три-четыре часа поработают и идут домой. Нет общежитий. Не давали ему средств на капитальное строительство, но можно же было что-то сделать, хоть немного, своими силами, хозяйственным способом, мобилизовать как-то народ! Собрал бы жен трактористов — осенью, когда еще было тепло, — привез бы их на усадьбу: «Вот, смотрите, в каких условиях ваши мужья ремонтируют тракторы», — и они бы, в порядке воскресника, обмазали глиной этот сарай, что мы называем мастерской. Чтоб хоть снегом станки не засыпало.

Медведев, перелистывая бумаги на столе с видом очень занятого человека, которому не до лишних разговоров, кисло усмехнулся.

— Ну, вот посмотрим, посмотрим, как у вас пойдут дела, как вы там будете мобилизовывать народ.

— Я прошу, товарищ Медведев, — твердо сказал Долгушин, — не только смотреть, как у меня пойдут дела, но и помогать мне.

— Вот как! — поднял голову Медведев. — Значит, вы считаете, что райком вам не помогает?

— По совести сказать, пока что помощи я видел мало, — сказал Долгушин, глядя в толстые стёкла очков Медведева, за которыми нельзя было разобрать ни цвета его глаз, ни их выражения. — Когда вы мне звоните и требуете, чтобы к такому-то числу был закончен ремонт последних тракторов, нельзя сказать, чтобы вы раскрывали передо мною в работе какие-то новые перспективы, которых я сам еще не видел. Я был бы круглым идиотом, если бы не понимал, что перед весенним севом полагается отремонтировать весь тракторный парк. Но как инженер, имевший дело с машинами, я знаю, что тракторы должны быть не только в срок отремонтированы, но и хорошо отремонтированы. Мне уже известно, что в прошлом году Зарубин первым по области рапортовал об окончании зимнего ремонта тракторов, а на весеннем севе у него половина машин стояла... Когда я сижу на заседании бюро райкома и три оратора подряд называют меня человеком, лишенным чувства ответственности, не дорожащим государственными интересами, не понимающим, недооценивающим, не уважающим, не сознающим и так далее, — не могу и это признать помощью. Вряд ли это может коголибо окрылить в работе. Я выхожу из райкома просто в недоумении: зачем же меня, такого ничего не понимающего бездельника, назначили директором МТС?

— Насколько мне помнится, бездельником вас еще никто не называл, — пожал плечами Медведев.

— Хуже! Преступником называли! — рассмеялся Долгушин. — И не кто иной, как вы сами называли, Василий Михайлович! Когда вы говорите на бюро, не указывая на меня пальцем, что Надеждинская МТС преступно срывает ремонт тракторов, то кто же всё-таки

там этот первый и главный преступник? Конечно, я, директор МТС.

Медведев, выпрямившись в кресле, начал нервно постукивать согнутыми пальцами по столу.

— Ну, это вы, дорогой Христофор Данилович, бросьте! Этого мы вам не позволим! Не удастся! Не выйдет!

— Что?

— Вам не удастся лишить нас, райком партии, права руководить! Требовали и будем требовать от всех наших коммунистов ответственности в выполнении государственных заданий! Не вы руководите районом, а мы! А в какой форме требовать, это уж разрешите нам знать. У нас не институт благородных девиц, в выражениях мы не стесняемся. И исключений не делаем никому. Для нас все директора МТС и председатели колхозов равны. Мы не будем смягчать форму наших требований для некоторых товарищей, принимая во внимание их высокое положение в прошлом.

Теперь Долгушин пожал плечами.

— Дело не в прошлом моем положении, а в настоящем... Я помню первый наш разговор, в этом же кабинете, с товарищем Мартыновым и с вами, когда я приехал. Мне была обещана помощь.

— Какой же вы еще хотите помощи?

Долгушин помолчал минуту.

— Я прошу вас, товарищ Медведев, усилить политическую работу в нашей МТС. У нас есть зональный секретарь товарищ Холодов, ему надо помочь нащупать главное. Он, видно, человек не пустой, но как-то не нашел еще себе места. То он пытается встать надо мною в роли начальника политотдела, то превращается в мою тень, ездим вместе, и он повторяет вслед за мною те же слова, что я говорю колхозникам. Было бы бестактно, если бы я стал учить его, как ему следует построить свою работу. А вам это можно и нужно сделать... И еще прошу вас: займитесь колхозными парторганизациями.

Медведев снял очки, протер носовым платком стёкла. Глаза его были опущены, глядели куда-то под ноги или в чуть выдвинутый ящик стола. Лицо, обычно свежерозовое, с приятным матовым оттенком кожи, словно припудренное, покраснело, вспотело. Левая бровь подергивалась.

— Да? Вы советуете нам заняться колхозными парторганизациями? — насколько смог спокойно, сказал Медведев.— К вашему сведению, мы всегда ими занимались и занимаемся. Этого от нас требуют обком и Цека. Мы не ждали ваших указаний и советов по этому поводу... Насчет Холодова я запишу и проверю, что у вас там получается, кто над кем пытается встать. — Медведев сделал пометку в настольном блокноте. — А колхозы вообще-то не ваша печаль, товарищ Долгушин. Знайте свой тракторный парк, комбайны, трактористов, прицепщиков и не лезьте туда, куда вас не просят.

— Нет, простите, товарищ Медведев, — тоже подчеркнуто спокойно возразил Долгушин, — я не собираюсь уподобиться бывшему директору Зарубину, который не знал дорог в колхозы. Я буду знать эти дороги, буду ездить по ним, уже езжу. В решениях Пленумов Цека записано, что машинно-тракторные станции отвечают за всё колхозное производство — за урожай, за надой молока, за настриг шерсти. И не только за производство. Заготовки, строительство, учеба колхозников — за всё отвечает МТС. Как же я могу не лезть в колхозы?.. Я не знаю, Василий Михайлович, как вы занимаетесь колхозными парторганизациями, но я встречаюсь кое-где в колхозах с такими фактами, что у меня с непривычки, после работы в промышленности, просто волосы дыбом встают. На заводе ведь такого не бывает, чтобы половина коммунистов, состоящих в парторганизации, болталась без определенных занятий и не принимала никакого участия в производственной жизни. Можно себе представить, чтобы там собирались на партийное собрание и обсуждали вопросы жизни завода коммунисты, не имеющие никакого отношения к заводу, к производству? Праздношатающиеся коммунисты? Начальники без портфелей? Этого на заводе не бывает и быть не может. А в колхозе «Рассвет» у товарища Бывалых именно такое положение. Там четыре бывших председателя колхоза, снятых за всякие провинности, и бывший заготовитель. На рядовые работы не идут, слоняются по селу без дела, ожидают, пока подвернется еще какая-нибудь должность, хотя бы экспедитора в сельпо или заведующего паромом. Что же это за парторганизация? А на секретаря парторганизации Чайкина у меня в МТС уже десять жалоб от колхозников.

Он заведует там молочносливным пунктом. Обсчитывает колхозников на процентах жирности молока... Вы спрашиваете, товарищ Медведев, чем мне еще нужно помочь. Не мне — колхозам нужно помочь. Если мы хотим добиться большого подъема в массах колхозников, то надо же в первую очередь коммунистов поднять. Так всегда было в нашей партии — коммунисты шли в авангарде.

— Спасибо за сообщение. — Медведев склонил голову в вежливом полупоклоне. — У нас в плане работ на апрель записано: провести через нашего инструктора обследование работы парторганизации колхоза «Рассвет» и заслушать на бюро отчет секретаря товарища Чайкина. Как видите, и без вас информация к нам поступает. Ваши новости не первой свежести.

— Тем хуже! Чего же вы терпите там такое положение?

— А что прикажете сделать? Снять секретаря? Исключить из партии бывших председателей? Избиение учинить? Кто нам утвердит такое решение?..

— Не знаю, кто утвердит. Поговорить надо с этими не работающими коммунистами. Если не проймет до сердца, то, может быть, придется и исключить кое-кого из партии. Надо разобраться, во всяком случае, с этой парторганизацией!..

— Разберемся. А вы, товарищ Долгушин, во всяком случае, учтите, что с вас, как директора МТС, мы в первую очередь всё же будем спрашивать за работу тракторов, за качество сева, за сроки выполнения спущенных вам производственных планов, а не за воспитание коммунистов и не за колхозные избы-читальни. Не отвлекайте свое и наше внимание в другую сторону. — Тут голос Медведева сорвался наконец почти на крик: — И колхозы мы вам на откуп не отдадим! Райком партии руководил и будет руководить колхозами! Мы свои обязанности знаем! А вы, товарищ директор МТС, знайте свое место!..

— Министерские привычки... — бормотал Медведев дрожащими губами, вытирая платком потное лицо, поглядывая на дверь, закрывшуюся за Долгушиным. — Хочет превратить свою МТС в удельное княжество. Райкому указывать... Парторганизации, наши инструктора — это, видите ли, всё для него, ему в помощь!.. Подсобные службы... Ну, погоди, мы собьем с тебя спесь! Шелковым

станешь! Будешь навытяжку вставать вот перед этим столом, в этом кабинете!..

А Долгушин, усаживаясь в доставшийся ему по наследству от Зарубина видавший виды, с разнокалиберными скатами, погнутыми, дребезжащими открылками и дырявой, облезлой фанерной будкой директорский «газик», думал, пожимая плечами:

«Или просто не умен, хотя и считается в районе образованным марксистом, или...»

А что еще «или», и самому Долгушину было пока не ясно.

Вот так с самого начала сложились у него отношения с Медведевым.

Вторая трудность была у Долгушина — полное незнание сельского хозяйства. Не знал и не понимал он первое время в сельском хозяйстве ничего решительно, до смешного. Есть горожане, выходцы из деревни, которые хоть в далеком детстве гоняли лошадей в ночное или воровали на бахчах арбузы. Долгушин ни в детстве, ни в юности, ни в зрелом возрасте никакого дела с деревней не имел. Узнал он немного деревню лишь когда в отрядах ЧОНа гонялся за бандами. А после он видел ее только из окна вагона, когда приходилось ехать куда-либо железной дорогой.

Долгушин вырос в семье мелкого кустаря-лудильщика на Волге, в городе Вольске. Дед его, цыган, был изгнан из табора за то, что сошелся с русской женщиной. Отец, по наружности тоже цыган, был оседлым уже с рождения до смерти. И Христофор вышел лицом в деда. Часто где-либо на базаре цыгане, приняв Долгушина за своего, заговаривали с ним на языке «рома», но он в ответ лишь разводил руками и смеялся, — не знал ни слова по-цыгански.

Жена Долгушина была по происхождению крестьянка, до восемнадцати лет жила в деревне, пахала, боронила, вязала снопы. И вот к ней-то первое время, когда она еще жила в Москве, Долгушин и обращался частенько за консультацией по разным сельскохозяйственным вопросам.

Поздно ночью, оставшись один в конторе МТС, он вызывал почту и заказывал номер своей московской квартиры.

— Люда? Здравствуй! Разбудил?.. Ну, как живешь?..

Коля пишет? А от Нади есть письмо?.. Ну хорошо, хорошо... Дом? Пока только навозил кучу бревен. Не скоро, пожалуй, отстроюсь. Придется тебе переезжать пока на квартиру... Да вот так, как и я живу, у хороших людей... Ничего, ничего, перетерпим. Весна на носу, сама понимаешь — не до строительства мне сейчас... Милочка, вот у меня к тебе вопрос. Перерыл все справочники, нашел разные породы коров: сентимен... симментальскую, костромскую, холмогорскую, ярославскую, швицкую, шортгорнскую, бестужевскую, остфризскую, а яловой не нашел. Часто слышу, и не знаю, что это за порода — яловая?.. А?..

Из далекой Москвы доносился в трубке сначала сонный и недовольный, а затем повеселевший, смеющийся женский голос:

— Дружок мой, это не порода. Это нестельные коровы.

— Как?.. Давай по буквам. Никифор, Елена, Степан, Терентий, Елена, Леонид, мягкий знак... Так, А что значит — нестельные? Которые уже не ходят с телятами? От которых отняли телят?..

В трубке слышался хохот.

— Ох ты, господи, и зачем только таких городских пижонов назначают директорами МТС!..

— Ну ладно, брось смеяться, ты мне объясни по-человечески.

— Это небеременные коровы. Понятно тебе? Такие, что или вообще почему-то не способны давать приплод, или перегуливают.

— Ага, понятно. Не желают рожать, чтоб фигуру не испортить. И молока, конечно, такие красавицы дают меньше?..

— Меньше, меньше. Совсем не дают!

— Так, учтем... Милочка, вот еще вопрос. Какими машинами шаруют сахарную свеклу? Не вижу никаких шарообразных орудий на нашей усадьбе, и спрашивать людей как-то неловко. Тут уже одного главного инженера в соседней МТС прозвали «зябликом» за то, что он сказал: «зябликовая пахота»... А-а, вот что такое шаровка. Понятно... А это правда, что куры могут нести яйца и без петухов? Не разыгрывают меня колхозницы? Я вот на одной птицеферме здесь видел одних кур... Правда?.. Ну, спасибо. Нет, пока всё. Хочу поездить дня два по колхозам, тогда еще будут вопросы...

Какие отношения с начальством? Да так себе... Ничего, наладится... Почему поздно звоню? После двенадцати ночи — по дешевому тарифу. Ну, отдыхай, спи. Прости, что побеспокоил. Целую. До свидания!

Но Долгушин зря опасался, что к нему может пристать какое-нибудь нелепое и смешное прозвище, вроде «зяблика». Люди в МТС видели, что он берется за дело по-честному, всерьез, приехал в деревню не в гости, и охотно шли ему на помощь в изучении незнакомого сельского хозяйства. Никто и не думал потешаться над его городской «необразованностью» в делах хлеборобов. Все знали, что он — инженер-металлург, был, возможно, большим специалистом в промышленности, а что не пришлось ему повидать, как сеют и убирают хлеб, — что ж тут удивительного? Так сложилась жизнь у человека — всё по городам, заводам, по металлу. Колхозники, простой народ, очень деликатны и чутки к новому, приехавшему к ним на работу человеку, будь он растрижды горожанин, если только видят, что он действительно хочет жить и работать в деревне и всерьез интересуется их исконной земледельческой профессией, не ленится встать на зорьке, пройти пешком по полям, не гнушается похлебать с ними полевого супа «кандёра» и не зажимает нос надушенным платком, переступая порог свинарника. Пожилые колхозники помнили и двадцатипятитысячников-рабочих и политотдельцев, которые поначалу тоже не знали сельского хозяйства, но были хорошими организаторами и с задачами, поставленными перед ними партией, справились успешно.

Добровольных учителей у Долгушина нашлось очень много. Даже шофёр Володя, с которым он ездил на «газике», молодой парень, только что отслуживший действительную в армии, часто останавливал, без просьбы директора, машину среди пути, молча выходил на обочину дороги и подзывал к себе Долгушина:

— Вот тут, Христофор Данилыч, вспахано под зябь просто так, без предплужников. Видите — груды, канавы, корневища сверху. А вот это — с предплужниками. Как *слитая пахота, и вся дернина уложена на дно* борозды. Можно чуть тронуть боронкой, в один след, и сеять. Потому товарищ Вильямс и нажимал на предплужники, чтоб меньше распылять почву бороной. А вот это мы называем — огрех. Заснул, должно быть, тракторист и

поехал с плугом не туда. Вон какую балалайку бросил. А вот это — перекрестный сев, озимая пшеница. Видите — и так и так рядки. А делается это вот для чего.

Володя садился на корточки и начинал чертить сухой бурьянинкой по земле, показывая, как размещаются семена в почве при обычном севе и как при перекрестном, как увеличивается площадь питания для каждого зернышка и устраняется угнетение одного ростка другим. И хотя Долгушин знал уже о таком способе сева от своих агрономов и из литературы, он терпеливо выслушивал и эти объяснения молодого своего наставника, чтобы не отбить у него охоту рассказать в другой раз, может быть, и такое, что ему, Долгушину, было еще неизвестно. Володя окончил в армии школу шофёров и там же прослушал курс лекций по агрономии, готовясь по возвращении домой поступить в сельхозтехникум. Но домашние обстоятельства — больная мать и маленькие братишки и сестренки — не позволили ему уехать на учёбу. Пошел работать в МТС шофером.

За зиму Долгушин если не на практике еще, то всё же хоть в теории овладел основами земледелия и животноводства. Дни у него были до отказа заполнены деловой сутолокой в конторе и на усадьбе МТС, вызовами в область, в район, отчетами, сводками, заседаниями, совещаниями. Если Долгушина вызывали в областной центр, он прихватывал с собой и кого-нибудь из своих специалистов, агронома или зоотехника, чтобы всю дорогу в поезде, туда и обратно, десять часов, в разговоре с ним выуживать из его знаний необходимое и полезное для себя. На сессии райсовета Долгушин подсаживался в задних рядах к какому-нибудь старому опытному председателю колхоза и, если выступления ораторов были неинтересны, всё шептался с ним, расспрашивал, как он ведет хозяйство, какие культуры и в какие сроки высевает, каким способом поднимает продуктивность животноводства, как при нехватке леса думает обернуться со строительством, и т. п.

Для сна Долгушин оставлял четыре-пять часов в сутки. Завалил свою квартиру учебниками, сборниками агрономических статей, сочинениями Докучаева, Тимирязева, Вильямса, Лысенко, читал и перечитывал ночами нужные книги по нескольку раз, занося всё непонятное в особый вопросник для консультации со своими спе-

циалистами или с женой при очередном телефонном разговоре с нею. Даже из художественной литературы в «Когизе» внимание Долгушина в первую очередь привлекали книги с сельскохозяйственными названиями: «Жатва», «Урожай», «Комбайнеры», «Глубокая борозда».

Инженер-металлург, старый коммунист, Долгушин отнесся к своему переезду на работу в деревню, как к боевому приказу партии. За тридцать лет пребывания в партии он привык только так принимать ее поручения: как приказ, который надо выполнить беспрекословно, даже не заикаясь о трудностях, не щадя себя, думая лишь о деле, отодвинув всё остальное, личное, на задний план.

Неладно складывались отношения у Долгушина и с управлением сельского хозяйства.

Ему, свежему человеку из промышленности, выработавшийся в этом областном учреждении стиль руководства машинно-тракторными станциями показался просто юмористической пародией на руководство.

За зиму у него в МТС перебывало десятка два всяких ответственных работников из областного управления. Бог знает, зачем они приезжали. Ответственными они числились лишь по штатной ведомости там у себя, в учреждении. Здесь же, «на поле боя», они были обыкновенными сборщиками сводок и не решали самостоятельно и ответственно ни одного вопроса, ни большого, ни малого. «Что делать с этими семью «ДТ-54», на ремонт которых еще Зарубин получил и израсходовал деньги?» — «Не знаем». — «Как быть, если глубокая пахота по системе Мальцева потребует горючего больше против норм? Дадите добавочные лимиты?» — «Не знаем». — «Планировать ли в колхозах на весну новые лесозащитные насаждения? Будет ли финансироваться это дело?» — «Не знаем».—«Можно колхозам отказаться от договоров с Водстроем, который дерет бешеные деньги за строительство колодцев, и бурить скважины собственными силами, если найдем специалистов и оборудование?» — «Не знаем». — «Вернут нам комбайны, которые в прошлом году отправили на уборку на Восток? Планировать их ремонт? Или заменят их новыми?» — «Не знаем». — «Ну, сможете хотя бы помочь нам достать шифера на крышу новой мастерской, если поставим стены своими силами?» — «Не знаем».

Пустая трата времени на разговоры с такими «ответственными» начальниками!..

Бумаг из областного управления в МТС стали слать меньше, чем раньше. При Зарубине дневная почта весила до килограмма, при Долгушине уменьшилась граммов до трехсот-четырехсот. Зато стало больше телефонных звонков из разных отделов. Редкий день обходился без того, чтобы директора не вызвали к телефону раз семь-восемь только из областного управления, не считая районных организаций. Настойчивый и сердитый голос требовал лично директора, его разыскивали по всей усадьбе, он прибегал, запыхавшись, в контору, но оказывалось, что нужны всего лишь сведения о количестве вывезенного на поля навоза за последние два-три дня после десятидневной сводки — для какого-то внеочередного доклада обкому.

Долгушин терпел, терпел — шесть-семь таких звонков, и рабочий день пропал начисто! — а потом установил в общей комнате бухгалтерии второй телефонный аппарат, спарил его со своим и завел такой порядок. При звонке трубку поднимал кто-нибудь из работников бухгалтерии и спрашивал, кто звонит и откуда. Если звонил кто-то из колхоза, то без дальнейших расспросов стучали в стену Долгушину, и он брал трубку и разговаривал. Если же звонок был из областного управления, то первый подошедший к телефону сотрудник обязан был подробно расспросить, по какому вопросу хотят говорить, и, в зависимости от характера вопроса, направить позвонившего либо к главному агроному, либо к зоотехнику, либо к главному инженеру, либо просто к статистику. И выяснилось, что в большинстве случаев нетерпеливых и грозных областных начальников вполне мог удовлетворить цифрами из своей неразлучной потертой и замызганной папки Онуфрий Артемьевич, статистик МТС.

С этим спаренным телефоном получился как бы бюрократизм, но необычный: снизу по отношению к вышестоящему органу. И действительно, в областном управлении сельского хозяйства за директором Надеждинской МТС в первые же месяцы его работы утвердилась репутация заядлого бюрократа.

Однажды ему позвонил заместитель начальника областного управления:

— Это директор Надеждинской МТС?

— Да!

— Говорит Федоров. Можете назвать несколько фамилий лучших трактористов, отличившихся на зимнем ремонте тракторов?

— Нет, не могу.

— Что?!

— Не могу назвать фамилии.

— Почему?

— Не знаю фамилий трактористов.

— Какой же вы директор МТС, если не знаете фамилий своих трактористов? Как вас там держат?

— Вот так и держат. Нет лучшего на мое место. Терпят.

В кабинете Долгушина рядом с ним сидел зональный секретарь Холодов. У того глаза на лоб полезли от такого разговора. На столе перед Долгушиным лежал только что подписанный им приказ, в котором он объявлял благодарность десяти лучшим трактористам-ремонтникам. Холодов потянулся одной рукой к телефонной трубке, другой — к списку трактористов. Долгушин спокойно отстранил его.

— Так что же будем делать, товарищ директор? — гремел раздраженный голос в трубке.— Мне, что ли, приехать к вам и самому на месте узнать фамилии лучших ваших трактористов? И вам их потом сообщить?

— Приезжайте, будем рады. А скажите, товарищ Федоров, вы знаете фамилию директора Надеждинской МТС?

— Как? Не понимаю. А... Что вы этим хотите сказать, товарищ... Долгушин?

— Да, Долгушин. У вас в области директоров МТС меньше, чем у меня трактористов. Здравствуйте, Виктор Николаевич. Мы, кажется, не поздоровались с вами.

— Здравствуйте... Христофор Демьянович.

— Данилович. Ну, неважно. Вспомнили мою фамилию? Ну и я вспомнил фамилии трактористов, могу вам назвать их. Записывайте. Торопов Семен Ильич... По буквам: Терентий, Ольга, Роман, Ольга...

Не от хорошей жизни прибегал Долгушин к таким крутым мерам «воспитания» начальства, и эти крутые меры, в свою очередь, не способствовали улучшению его жизни. Всё же в руках Федорова и других начальников

были и лимиты, и кредиты, и снабжение, какое ни есть, там и шифер, и лес, и цемент. А «ласковое теля двух маток сосет». Не научил никто Долгушина этой мудрости с детства, а под старость уже поздно было учиться. Да и характер его не принимал таких мудростей...

В довершение всего и Холодов стал дуться и коситься на Долгушина. Медведев сдержал свое обещание поговорить с Холодовым и помочь ему составить план работы, но поговорил так, что получилось, будто Долгушин приходил в райком с жалобой на зонального секретаря, на его бездеятельность. Холодов стал чаще выезжать в колхозы самостоятельно, без директора, но с этих же пор завел у себя на квартире особую тетрадку, вроде дневника, куда по вечерам заносил все обнаруженные безобразия в колхозах и МТС. Не всегда рассказывал он об этих безобразиях Долгушину, не для сообщения директору вел учет им. В этой же тетрадке он отвел место и для самого Долгушина, для всех его «трюков», вроде спаренного телефона и разговора с заместителем начальника областного управления. Ничего хорошего, в смысле их делового контакта в работе, эта «особая тетрадка» Холодова не предвещала.

До Мартынова стали доходить в больницу самые разноречивые слухи и толки о директоре Надеждинской МТС. Рассказывала ему о Долгушине, что слышала от людей, и жена, были у него и Руденко, и Грибов, и Щукин, и Рыжков.

Редактор районной газеты Посохов и Саша Трубицын показывали ему письма, полученные в райкоме и редакции из Надеждинской МТС, с подписями и анонимные. Одни корреспонденты называли Долгушина актером, позером и бюрократом, другие горячо вступались за него, считали его настоящим коммунистом, а бюрократами называли тех, кто стал ему с первых дней работы в МТС чинить препятствия. Показал Долгушину как-то Трубицын и донесение Холодова Троицкому райкому (копия обкому КПСС) о «художествах», как тот писал, директора Надеждинской МТС, где с хронометрической точностью были перечислены все ошибки и промахи, совершённые Долгушиным за время его работы в МТС.

Мартынов передал Медведеву записку через Трубицына, попросил Медведева зайти к нему в больницу.

— Знаешь, Василий Михайлович, — сказал Мартынов, — я думаю, нам нужно бы для пользы дела перевести Марью Сергеевну Борзову из Семидубовской МТС в Надеждинку, к Долгушину. На ту же работу — секретарем парторганизации МТС.

— За Марьей Сергеевной дважды уже приезжал ее муж из Борисовки. Уговаривает ее вернуться к нему.

— Да?.. Почему — вернуться? Не она ведь ушла от него, он отсюда уехал без нее и не принял ее, когда она ездила к нему.

— Не знаю, как у них было. Зовет, в общем, ее в Борисовку. Он опять пошел в гору. Заместителем председателя райисполкома работает. А сейчас там председатель болеет тяжело, отправили его на лечение; Борзов третий месяц сидит в райисполкоме за хозяина.

— А, вон что. Налаживается опять карьера. И, вероятно, посоветовали ему исправить свою бытовую ошибку? Разошелся с этой лаборанткой, чтоб не портила ему анкету, и зовет назад Марью Сергеевну с детьми?.. Ну, и как она? Собирается переезжать?

— Ничего пока не заявляла нам.

— А если не заявляла, что ж... Вот, я думаю, надо бы сделать так. В Семидубовке зональный секретарь Кольцов — сильный работник. Добровольно поехал в деревню, массовик. С Глотовым у них ладится. Старик тоже из тех коммунистов, что интересы партии на мелочи не разменивают. В общем, там у нас благополучно. Сработаются. А вот у Долгушина с Холодовым что-то не получается. Дело пахнет не контактом, а конфликтом. И кто там прав, кто виноват — трудно пока разобраться. Оба для нас люди новые, неизученные. Надо бы туда еще нашего проверенного работника. Марью Сергеевну туда — секретарем парторганизации.

— А в Семидубовку кого секретарем?

— Там можно из местных коммунистов выбрать. Спросить ее — кого она порекомендует.

— Нехорошее это дело — перебрасывать часто людей с места на место. Она и в Семидубовке успела без году неделю поработать. Ну, если настаиваешь, поговорю с нею и обсудим на бюро, — согласился не очень охотно Медведев.

Прощаясь с Мартыновым, осторожно коснувшись кончиков пальцев его правой забинтованной руки, лежавшей поверх одеяла, Медведев заметил с некоторым неудовольствием:

— А вообще-то, Петр Илларионыч, ты же сейчас на бюллетене. Чего беспокоишься о наших делах? Лежал бы себе, почитывал романы. Я тебе пришлю двухтомник О. Генри, американские рассказы. Вчера взял в «Когизе». Занятные рассказы.

— Литературы-то у меня хватает. — Мартынов повел левой рукой вокруг себя, указывая на белые больничные табуретки, заваленные газетами и журналами. — Да, ты прав, — усмехнулся он. — Я на бюллетене и формально, так сказать, не у дел. В отставке на неопределенное время. Вы вообще можете к чёрту послать меня с моими советами. Пока я болен — ты первый секретарь. Но давай, Василий Михайлович, всё же без формализма. Заходи ко мне почаще. Ум хорошо, два лучше... Или думаешь, что я уже из больницы не вернусь на старое место? Привыкаешь к самостоятельности? Не знаю, может быть и не вернусь. Месяца два еще проваляюсь. Воды за это время много утечет. А потом — как обком решит...

Марья Сергеевна, узнав, что это рекомендация Мартынова, и будучи тоже наслышана о Долгушине как об интересном человеке, дала согласие на переезд в Надеждинскую МТС. Через неделю она уже была избрана там на партийном собрании секретарем парторганизации.

4

Из райкома позвонили в МТС Холодову и сказали, что Медведев требует представить ему к двенадцати часам дня социалистические обязательства на весенний сев всех бригадиров тракторных бригад и трех-четырех трактористов из каждой бригады.

Бригадиры по случаю последних сборов перед выездом в поле были все на усадьбе МТС. Были здесь и трактористы. Холодов разыскал Марью Сергеевну и вместе с нею быстро «оформил» понадобившиеся Медведеву сведения. Перед тем как передать их по телефону в райком, они зашли к Долгушину, показали ему список трактористов, взявших социалистические обязательства.

Долгушин, внимательно прочитав бумажку, усмехнулся, отложил ее в сторону, придавил пресс-папье:

— В десять часов, говорите, позвонили? И потребовали представить к двенадцати часам? И вы уже это дело провернули? Быстро, быстро!.. Марья Сергеевна! Когда вы были трактористкой, вы тоже вот так необдуманно давали соцобязательства? Называли первую пришедшую вам в голову цифру?

Борзова покраснела.

— Я, Христофор Данилыч, если обещала вспахать за свою смену столько-то гектаров, то всё учитывала, как именно я это смогу сделать. И сколько обещала, столько и вырабатывала.

— Всё учитывали, говорите? А когда ж эти ребята, — Долгушин провел пальцем по списку, — успели всё учесть? Они же это вам на ходу говорили, а вы на ходу записали... Григорий Петрович! — обратился он к Холодову. — Если эти сведения нужны товарищу Медведеву лишь для формы, то можете, конечно, их передать сейчас. Я-то их не подпишу. Не вижу смысла и пользы в этих взятых с потолка цифрах. Если же это нужно для дела, то прошу вас поговорить с Медведевым и убедить его подождать до завтра. Сегодня я занят другим, а завтра мы соберем трактористов и потолкуем с ними обстоятельно. Целый день для этого отведем, если ничто нам не помешает.

Холодов ничего не сказал, взял свой список, сунул его в полевую сумку, которую носил всегда на ремне через плечо, и пошел в соседнюю комнату звонить по телефону в райком. Медведев разрешил отложить представление сведений до завтра.

На другой день у конторы МТС спозаранку кипела работа: трактористы вынесли из конторы табуретки и брились-стриглись прямо под открытым небом, на легком утреннем морозце. Предприимчивый надеждинский парикмахер, узнав о собрании механизаторов в МТС, сообразил, что в это утро ему представится там возможность хорошо подзаработать. Всем известны уже были новые крутые порядки, вводимые директором Надеждинской МТС: Долгушин не раз уже делал замечания — в шутливой форме, но довольно неприятные и надолго

запоминающиеся — трактористам, приходившим на собрание в грязном виде, с небритой неделю бородой, а чуть выпивших просто выпроваживал из своего кабинета; за появление же в нетрезвом виде на работе строго наказывал, штрафовал. Не всем нравились такие «московские» порядки, кое-кто и за это поругивал Долгушина бюрократом.

Трактористы торопили парикмахера:

— Ты по разу брей, Варфоломеич, а то не успеешь всех обработать. Вишь, какая очередь.

— Почище пройди один раз, без огрехов, и хватит — следующего!

— Нету, товарищи, калькуляции на такое бритье — по разу. Как с вас деньги получать? Скажете: бреет наполовину, а берет деньги полностью.

— Вот законник! Это же с нашего согласия.

— Не бойсь, не потребуем жалобную книгу.

— А кто вас знает!

— Нет уж, если один раз брить, пусть и плату берет в половинном размере!

— Вот видите, есть несогласные.

Парикмахер кинул взгляд на свои ручные часы, на ожидающих очереди бородатых трактористов, подышал на коченеющие пальцы.

— Да, всех не успею привести в порядок. Могу для ускорения дела дать вам вот эти две бритвы. Есть умеющие бриться самостоятельно?

— Есть, есть!

— Вот вам еще помазок. Мыло я видел у вас в конторе на умывальнике. А вместо зеркала — вон ледок в кадушке с водой. Которые фронтовики, обойдутся таким зеркалом. За амортизацию инструмента — на пол-литра мне.

— Много — на пол-литра!

— Ну, на сто пятьдесят с прицепом.

— На сто пятьдесят соберем.

— И как ты, Варфоломеич, догадался прийти к нам сегодня?

— Прямо бог тебя к нам поднес!

— Это я ему вчера сказал, что у нас собрание.

— Смышлен, смышлен Варфоломеич!

— И сам подработал, и нас выручил.

— А не то опять бы кой-кому досталось!

— Как тогда директор на Михаила: вы что, говорит, в монахи собираетесь поступать или в артисты записались? Для киносъемок партизанскую бороду отращиваете?

— А к Селихову пристал: «Какое у вас несчастье дома случилось?». Тот не поймет, про какое несчастье спрашивает. «Дети у вас померли или жена тяжело болеет? Почему так себя запустили? Так, говорит, древние народы траур по покойникам справляли: разрывали на себе одежду и голову пеплом посыпали».

— Ваське дал трояк из своего кармана на бритье и на баню.

— А Васька, не будь дурак, пошел домой, побрился сам, а за ту трешницу кружку пива выпил.

— Не взял я у него трешницу! Еще чего не хватало! Будто я по бедности не брился. У меня тогда на щеке, вот тут, чирий сидел.

— Пусть построит нам сначала тут баню, а потом спрашивает культуру!

— Может, еще прикажет галстуки прицепить к нашим стеганкам?

— Это ему, мать его, не в Москве в министерстве по паркету ходить! Посмотрим, каким сам станет, пока сев закончим! Может, еще грязнее нашего коростой обрастет!

Ровно в девять часов Марья Сергеевна позвала всех собравшихся у конторы МТС в кабинет директора. Тот тракторист, что говорил о министерстве и паркете, дольше всех, однако, обтирал сапоги соломой, набросанной для этой надобности ворохом у крыльца. В небольшую комнату, именуемую кабинетом, снесли все лишние лавки, табуретки и стулья из конторы и заполнили ее так густо, что дверь из бухгалтерии в кабинет можно было приоткрыть внутрь лишь с немалым трудом, спрессовав, не жалея сил, уместившихся против нее на длинной лавке трактористов.

Долгушин сидел за столом не только гладко выбритый, но и со следами пудры на лице, в темносером, хорошо выутюженном, отличного покроя костюме, в сорочке с белоснежным воротничком, с аккуратно вправленным под шерстяной узорчатый джемпер галстуком. Выглядел он гораздо моложе своих пятидесяти четырех лет. Даже густая проседь в пышных черных волосах не старила его. Он был, видимо, совершенно не расположен к полноте. По легкой, подтянутой фигуре его можно

было принять за вышедшего в запас старого офицера-строевика, хотя в армии он после гражданской войны не служил. Щеку разорвало ему осколком бомбы не на фронте, а при эвакуации одного донбасского завода на Урал.

У края стола, сбоку, сидел Холодов, в военном кителе без погон, красивый, рослый мужчина лет сорока, чуть начавший лысеть блондин с темными бровями.

Подперев щеку рукой, прикрывая ладонью перекошенный шрамом рот, Долгушин посмотрел на усевшихся трактористов, на список, лежавший на столе перед ним, и открыл совещание:

— Вот вы, товарищи. трактористы, вчера брали социалистические обязательства на весенний сев, и меня удивило несоответствие между этими цифрами и вот этими. — Он ткнул пальцем в список взявших соцобязательства и в сводную ведомость производственных заданий на сев тракторным бригадам. — Семен Васильич! Как это получается, что по производственному заданию ты должен закончить весновспашку и сев ранних яровых культур в восемь рабочих дней, а в соцобязательстве стоит шесть дней? Значит, у тебя есть возможности раньше закончить сев? Может быть, у тебя еще один трактор где-то припрятан? Или открыл какой-нибудь секрет, как повысить выработку машин? Чего ж ты не признался нам, когда мы составляли производственные задания бригадам?..

Бригадир седьмой тракторной бригады Семен Чалый, молодой парень лет двадцати пяти, не сразу сообразил, что это к нему обращается по имени-отчеству директор, и, помедлив минуту, встал:

— Никакого секрета мы не открывали... Это же, товарищ директор, так...

— Как «так»? — вцепился Долгушин.

— Ну, это же необязательно. Это так, для газеты...

— Необязательное обязательство! — рассмеялся Долгушин, и все сидевшие в кабинете заулыбались, кроме Холодова и Марьи Сергеевны. — Вот вы как привыкли тут брать соцобязательства!

— Конечно, это же добровольно, вроде как наше обещание постараться. А законный план тот, что вы нам дали. За тот план спросят с нас... Нам товарищ Холодов

сказал, что надо назвать срок поменьше, чем в производственном задании записано.

— Ну, и ты, значит, бухнул: в шесть дней посеем! А сам не надеешься в шесть дней управиться?

— Нет, не надеюсь. Весновспашки дюже много. Чем пахать? Если бы вы хоть один колесник нам заменили дизелем.

— Замены не будет. Машины все распределены. Общая нагрузка у тебя даже ниже средней по МТС. Так, ясно... И ты, Андрей Ильич, — обратился Долгушин к другому бригадиру, — тоже давал свое соцобязательство «так»?

Поднялся бригадир Андрей Савченко, фронтовик, ради собрания не только побрившийся дома, но и подшивший к гимнастерке белый подворотничок и прицепивший над левым нагрудным карманом три орденские колодки.

— Нет, Христофор Данилыч, мы с ребятами это дело обсудили. И с председателем колхоза договорились. Надеюсь, что при таком председателе, как у нас сейчас товарищ Руденко, не придется нам стоять из-за семян или воды. Я не наобум Лазаря сказал. Сможем в шесть рабочих дней управиться с ранними колосовыми. Конечно, не считая плохой погоды, ежели, скажем, дождь перебьет.

— Понятно. В шесть рабочих дней... А как же ты всё-таки рассчитываешь поднять выработку против запланированной? За счет чего? Расскажи-ка нам подробно.

— За счет чего?.. Да вот подобрали хороших прицепщиков, не пацанов, таких, что на плугах спят и на пашню сваливаются. Заправляться горючим и водою будем только в борозде, есть уже развозки, лошадей нам выделили с ездовыми. И как рассчитали мы с председателем, через неделю в аккурат будет полнолуние. Такими светлыми ночами на наших полях вполне можно сеять. Лишь бы агроном не запретил. Но я за своих трактористов ручаюсь, что посеют не хуже, чем днем. И сеяльщики у нас мужики самостоятельные, можно доверить им ночную работу.

— Хорошо. Мы с главным агрономом приедем, посмотрим ваш ночной сев. Так. Но ты дал обязательство

за всю бригаду. А что трактористы твои скажут? Кто тут есть из твоих трактористов?

Поднялся богатырской комплекции, с пышущими жаром пухлыми щеками и большим животом тракторист Дудко:

— Посеем, Христофор Данилыч, за шесть дней. Отремонтировали трактора так, как никогда еще мы их не ремонтировали перед севом. И товарищ Руденко обещается хорошо кормить нас. Завтра кабана колют. А знаете, в здоровом теле и дух здоровый.

— После свинины?.. Тебе, — Долгушин раскрыл один из блокнотов на столе, искоса заглянул в него, — Иван Поликарпович, должно быть, вредно есть свинину. На сердце не жалуешься?

— Ого! — засмеялись трактористы. — На сердце! У него сердце, как у воронежского битюга!

— В прошлом году еще в футбол играл!

— Он на жену только жалуется!

— За что — на жену?

— А не слушайте их, товарищ директор! — смущенно ухмыльнулся Дудко. — Дурочку валяют. Издеваются надо мной, что жену себе взял не по росту. А чего они знают про мою жену? Что с того, что маленькая? Вовсе я не жалуюсь на нее.

Дудко, не зная, что еще сказать, затянул потуже пояс на штанах, вобрав живот, отчего полные щёки его еще ярче заполыхали румянцем, и опустился на лавку.

— Сколько у тебя детей, Андрей Ильич? — спросил Долгушин у Савченко, переждав смех.

— Четверо, с маленьким.

— Уже четверо? Родила жена?

— На прошлой неделе. А откуда вы знаете, Христофор Данилыч, что у меня жена собиралась родить? — удивился Савченко.

— Директор обязан всё знать, что у него в МТС делается, — усмехнулся Долгушин.

— Уже всех нас по батюшке знают, — подал голос кто-то на задней лавке. — А от товарища Зарубина только и слышали — по матушке.

— Как здоровье жены? Благополучно разрешилась? — продолжал расспрашивать Долгушин бригадира.

— Благополучно. Здорова. Уже работает по домашности.

— Значит, за детей спокоен? Будет в доме хозяйка, мать?.. Слышал я, товарищи, такую хорошую пословицу: домашняя дума в дорогу не годится. Верно сказано? А ваш выезд в поле на всю весну — это же всё равно, что отправиться в дальнюю дорогу.

— Дом меня не тревожит, Христофор Данилыч, — отвечал Савченко. Подумав, добавил: — Этот дом, что здесь. Мой дом. А вообще-то есть беспокойство. О другом доме.

— О каком другом?

— Отец наш живет у моего меньшого брата, в Челябинске. Поехал к нему в прошлом году погостить и заболел там. И пишет мне, что очень ему там плохо. Невестка — женщина безжалостная, такая, что только о себе думает, о нарядах да гулянках. Лежит он там без ухода, иной день и супу горячего не похлебает. А брат всё в разъездах, в экспедициях, — он по геологии работает. Забрать бы надо отца оттуда домой, но кто ж поедет за ним? Мне невозможно отлучиться. Зимою ремонтом был занят, теперь вот посевная начинается. И жену с маленьким не пошлешь. А без провожатого он один не доедет такую даль. Боюсь, помрет отец и не увижу его больше. Может, вы бы помогли? Если бы как-нибудь договориться, чтоб дали ему оттуда сиделку в дорогу? Я бы ей и билет оплатил в оба конца.

Долгушин посмотрел на Марью Сергеевну, та понимающе кивнула головой и вытащила из своей дамской сумочки маленькую записную книжку.

— Попробуем помочь тебе, — сказал Долгушин. — Вот Марья Сергеевна, секретарь парторганизации, сделала себе заметку. Напишем в Челябинский областной здравотдел, попросим, чтоб отправили твоего отца домой с сиделкой. Должны бы уважить нашу просьбу. И в Цека профсоюза напишем. Поможем... А больше ничего такого нет? Колхоз рассчитался с тобою и с трактористами? Хлеб есть?

— Рассчитались, полностью. Вот уже теперь, при товарище Руденко.

— С нами не рассчитались, товарищ директор, — поднялся один тракторист. — Колхоз «Рассвет». Дают нам прелую пшеницу, такую, что и куры клевать не

станут, а мы не берем. Мы хорошую пшеницу из комбайнов выгружали, а что колхозники погноили ее в кучах на токах — при чем мы? Себе пусть гнилую берут по трудодням, а нам пусть дают хорошую.

— Погоди, Селихов, — остановила его Марья Сергеевна. — Не перебивай. Дойдет до вас очередь.

— Значит, точно рассчитал, Андрей Ильич? — продолжал Долгушин. — В шесть дней можешь закончить сев?.. Рассчитал — и молчишь. А производственное задание тебе — на восемь дней. Двойная бухгалтерия получается. Нехорошо. Да садись, чего ты стоишь. За сокрытие резервов в промышленности, знаешь, нашего брата, руководителей, не хвалят... Ну, а ты как, Игнат Сергеич? — глянул Долгушин на бригадира Зайцева, работавшего в колхозе «Рассвет». Тот поднялся с лавки. — Сиди, сиди! Тоже давал обязательство?

— Давал.

— Сколько дней?

— А я не помню. Там товарищ Холодов записали...

Трактористы засмеялись.

— Вот это здорово! Давал обязательство, и сам не помнит, на сколько дней!

Зайцев угрюмо поглядел на трактористов.

— Чего ржете? Потому не помню, что это есть одна голая бумажная писанина. Хоть шесть, хоть семь дней скажи — всё одно не выполним. Куда нам уложиться в срок! Полмесяца нам долбаться с севом колосовых, а если еще дожди будут перепадать, то и целый месяц.

— Почему у бригадира МТС такое паническое настроение? — нахмурился Долгушин. — В наших руках растянуть или сократить сроки сева.

— Кабы только в наших! Вы, товарищ директор, не знаете еще колхозной работы. Вам показывается, будто вы на заводе, где всё в руках этого инженера или рабочего, который к машине поставлен. Нет, у нас маленько не так.

— Да уж разобрался, что не так.

Зайцев всё же встал — так ему удобнее было говорить.

— Вот на нас, трактористов, валят всю ответственность за урожай. В ваших руках, мол, техника, вы механизаторы, всю главную работу на полях делаете своими машинами. Мэтээс — фабрика зерна. Оно-то так, конеч-

но. Похоже маленько на фабрику — дым идет. Только порядку нет такого, как на фабрике. Вот ежели мы, к примеру, пашем, культивируем, стараемся, как лучше разделать землю, а колхоз дал негодные семена. Вот тебе и урожай! Либо навоза нет у них, скота не развели, нечем удобрять поля, либо вот, как Селихов говорит, готовое зерно погноили. Вот тебе и фабрика!

— Это я знаю, товарищ Зайцев, что над колхозным урожаем у нас пока два хозяина. В этом-то и сложности нашей работы. Но ты всё же объясни, почему целый месяц собираешься сеять?..

— Ну, не месяц, меньше. Это я сказал: если дожди будут нам мешать... С прошлого года беру пример. Ка́к было у нас в прошлом году? И сами ездили «Универсалом» за водой, и поля очищали под пахоту, и сами за прицепщиков работали. Какая она работа, ежели день за сеялкой, а ночь за рулем? Не было у нас ни вагончика, ни кухарки. За харчами домой за двадцать километров бегали. Опять же, хлынет ливень, негде ребятам обсушиться, расползлись по домам; назавтра с утра хорошая погода, солнышко, можно бы запускать машины, а они только к обеду в бригаду соберутся. Сколько у нас вот так, дуро́м, пропало золотого времени! И в нынешнем году в этом колхозе «Рассвет», Христофор Данилыч, никаких перемен против прошлого не замечается. Опять те же полеводческие бригадиры, самогонщики, бездельники, что всё лето под скирдами в карты резались. Будем, значит, опять загорать без прицепщиков и без горючего. Новый председатель там — ни рыба ни мясо. Ничуть не лучше старого. Тот был малограмотный и пьяница, так хоть видели его колхозники в поле, хоть глаза мозолил, покрикивал кой-когда на людей. А этот три раза на неделе ездит к жинке в Троицк, покажется в колхозе, как молодой месяц, на час — и закатился. И зачем было посылать этого Бывалых председателем колхоза? Там народ та́к соображает, что Бывалых не справился на районной должности и это ему сделали вроде как последнее испытание: годится ли он вообще в ответственные работники? Как бы опыты над ним делают. Оно-то не вредно, конечно, такой опыт сделать, — может, его нужно проверить так, чтобы и партийным билетом больше не козырял, но это всё же на колхозе отражается! Время-то идет! Вот он уже там четвертый

месяц, весна на носу — и никакого сдвигу! Если верно, что районные организации хотели испытать его, что он за коммунист, то пора бы уже кончать с ним вопрос. Всё ясно. И надо, пока не поздно, искать другого председателя... А есть там один человек, член партии, — поднял бы колхоз, дать ему только права в руки!

— Кто? — спросил с интересом Долгушин. — Я там знаю кой-кого из коммунистов.

— Артюхин, Филипп Касьяныч. Не приметили? Старичок такой, с бородкой, в очках, но еще крепкий. Шестеро детей у него, меньшому полгода. Он там у них сейчас на рядовой работе, по ремеслу — кадушки делает, вёдра починяет. Человек он вообще замордованный. Пробовал бороться с этой шайкой-лейкой, что колхоз пропивают, так они ему подстроили штуку. Загорелся ночью телятник — а Филипп Касьяныч был тогда заведующим на животноводстве, — ни печку там не топили в тот день, ни корма не варили, и загорелся. Много погибло телят, и помещение сгорело. Потом выезжала комиссия, установили, что не было у него там каких-то предохранений против пожара, — припаяли ему, в общем, по суду что-то много тысяч, до сих пор выплачивает в колхоз. И опять же он не унялся, еще написал письмо, в Москву, в Цека. Всё описал, что у них в колхозе творится. А у этих бандитов дружок-приятель был в Ореховке на почте, перехватил, должно быть, письмо, не пошло оно в Москву. Через сколько там дней едут колхозники с поля, стучат Артюхину в ворота: «Касьяныч! Там в Гадючьей балке твоя корова лежит, дошла уже. Голова порубана топором, и горло перерезано». Вот так помыкался, помыкался человек — и согнулся. Что сделаешь один против них? Постукивает себе помаленьку молоточком, обручки набивает, книжки по вечерам почитывает. А дельный старик! Грамотный. У него там дома и Ленина сочинения, и Карла Маркса, и Льва Толстого. И когда он заведовал животноводством, порядок был на фермах! Дисциплина! Всё делалось по науке, скот был упитанный, кормов в достатке, падежа не знали. Вот я и говорю: кабы этого Филиппа Касьяныча Артюхина выбрали там председателем, он бы повел дело не так! Только, может, сам не захочет, откажется. Надоело ему уже своей головой рисковать.

— Не знаю Артюхина, — сказал Долгушин. — Не

видел у них такого старика. Может быть, вы, Григорий Петрович, знаете его?

Холодов отрицательно покачал головой.

Долгушин задумался.

— Ты вот, Игнат Сергеич, негодуешь на пьяниц в «Рассвете», а говорят про тебя, что и ты сам грешен по этой части. Говорят, крепко зашибаешь?

— Не крепко, это неверно...

Зайцев, пожилой человек, с сединой на висках, с худым, усталым, морщинистым лицом, смущенно потупившись, мял в руках шапку:

— От хорошей жизни не запьешь, товарищ директор... Был за мной грешок. Прошлым летом товарищ Зарубин два раза застал меня в поле выпившим. Так по какой причине я выпил? По той причине, что нет порядку. Трактора стоят, людей нам не обеспечили, бригадиры магарычи за ворованное сено пропивают, никто об урожае не беспокоится. Ну, и сам... Упадешь духом и выпьешь с горя... А ежели на то пойдет, чтоб бороться с этим, то обещаю вам в рабочее время не пить. За выходной, конечно, не ручаюсь...

— Хорошо. Запомню твое обещание.

Долгушин внимательно посмотрел на Зайцева:

— А у тебя есть корова, Игнат Сергеич?

— Есть. Корова и телок. Свинья есть.

— Не боишься, что вот этот наш разговор про шайку-лейку станет известным в колхозе и твою корову постигнет та же участь, что корову Артюхина? Или хату спалят?..

— Всё может быть, товарищ директор. Хата моя там, в колхозе, семейство мое всё там живет... Как не бояться. Боюсь. Но и терпеть уже невмоготу! — Зайцев поднял голову. — Один посовался было — замолчал, другой будет молчать — что ж оно получится? Читаем газеты, кругом после Цека постановления жизнь пошла в гору, а у нас — как в стоячем болоте!..

— Ты коммунист?

— Нет, беспартийный... Коммунисты там примирились. А которые и сами замешаны... Есть там один тип, не коммунист, простой колхозник, Кашкин, «Демократом» его зовут по-уличному. Когда-то давно, еще до коллективизации, всё выступал на сходках: «Я за демократию! За братство, за равенство!». А сам у родного брата

в голодный год за пуд муки хату купил; народный суд потом отменил эту куплю-продажу, как кабальную сделку. Вот этот «Демократ» любит там коммунистов опутывать! Пасека у него большая, сад, рыбу вентерями ловит, всегда есть у него выпить-закусить. И уж если кого подобьет на грязное дело и привезет себе коммунист украдкой охапку сена или соломы, так этот тип потом вокруг того коммуниста себе десять возов сена натаскает!

Долгушин, склонившись к Холодову, сказал ему тихо:

— Вот как, Григорий Петрович, переплетается наше эмтээсовское с колхозным! А Медведев говорит мне: не лезьте в колхозы. Как же не лезть в колхозы? И наша тракторная бригада не может работать в полную силу, если такое творится в колхозе!

Холодов молча, как бы соглашаясь, кивнул головой.

— Ну, теперь еще расскажи нам, Игнат Сергеич, про свою бригаду. — Долгушин откинулся на спинку стула. — Насчет колхоза — ясно. Ну, а как ты сам подготовился к севу? В каком состоянии машины? Как качество ремонта? Обкатал машины, испробовал? Как с прицепным инвентарем? В чем имеешь нужду? Какие у тебя претензии к нашей мастерской, к главному инженеру?

Зайцев рассказал, чего недостает ему из инвентаря, какие нужны запасные части. Беседу с ним Долгушин завершил так:

— Значит, главное, что нам нужно сделать поскорее, — навести порядок в колхозе «Рассвет». Так?

— Так, Христофор Данилыч. Дальше терпеть нельзя.

— Порядок наведем.

Холодов вскинул глаза на Долгушина и тотчас опустил их книзу. На губах его скользнуло нечто вроде улыбки. Его поразил самоуверенный тон этих слов директора.

— Наведем порядок. И если не будет тебе никаких помех со стороны колхоза — за сколько дней сможешь управиться с ранними колосовыми?.. Ты же старый механизатор, Игнат Сергеич, двадцать лет стажа, не одну, а три собаки съел на этом деле! И трактористы у тебя как будто неплохие.

— На трактористов не обижаюсь. Есть двое без практики, с курсов, но ничего, подучим...

— Так за сколько рабочих дней?..

Зайцев сел, вытащил из внутреннего кармана пиджака, будто из-за пазухи, замасленную ученическую тетрадку, где у него было выписано количество гектаров весновспашки, боронования, культивации, сева, нормы сменных и дневных выработок, раскрыл ее и долго молча шевелил губами, что-то подсчитывая про себя.

— На таких условиях, — улыбнулся наконец он и решительно хлопнул тетрадкой себя по колену, — могу Христофор Данилыч, подписать обязательство на семь рабочих дней!

— Вот это деловой разговор! Без паники. Твердо?

— Твердо! Лишь бы вы свои обещания выполнили.

— Жми руку. — Долгушин встал и потянулся через стол к Зайцеву. — Марья Сергеевна! Разбивай, за свидетеля.

Борзова, под громкий смех трактористов, сильно рубанула ребром ладони по черным от въевшегося в поры и ссадины кожи масла, заскорузлым толстым пальцам бригадира, крепко сжавшим небольшую белую руку директора.

— Та́к и запишем... Бригада номер девять. Бригадир Зайцев. Сев ранних колосовых за семь рабочих дней.

Целый день продолжался вот такой разговор директора с трактористами. Было выяснено всё — и обнаруженные в последние дни недостатки ремонта машин, требующие немедленного устранения, и обстановка в колхозах, и взаимоотношения тракторных бригад с полеводческими, и характер, слабости отдельных трактористов и бригадиров, и их семейные дела. Для себя Долгушин, кроме того, много узнал нового о сельскохозяйственной технике и особенностях предстоящих посевных работ в каждом колхозе. Лишь обдумав и обговорив всё, бригадиры со своими трактористами брали и подписывали социалистические обязательства на весенний сев.

— А теперь, — подвел Долгушин итоги собрания, — давайте условимся, что будем в своей работе следовать такому правилу: обещал — сделай! Я всю жизнь провел среди рабочего класса на заводах. Там люди дорожат словом, привыкли слово товарища считать реальной вещью. Там не дают обязательства просто «так», для

газетки, как понял было это дело товарищ Чалый. Такие обязательства — это пустая болтовня. Болтовню будем изгонять из нашей жизни беспощадно! Я не для того потратил день на разговоры с вами, чтобы этот список с вашими обязательствами завести в красивую рамку, повесить вот тут на стене и любоваться им. Я буду требовать выполнения этих обязательств. И поскольку мы здесь всем нашим собранием выяснили, что обязательства эти не фантастические, вполне реальные, мы, руководство МТС, пересмотрим производственные задания бригадам. То, что взято в обязательствах, будет записано и в производственные задания. Не к чему нам вести этот двойной счет — один для дела, другой для болтовни. Будем отныне заниматься с вами здесь, в Надеждинской МТС, только делом! Есть возможности сократить сроки сева ранних колосовых — сократим. И еще запланируем дополнительно какие-то работы тракторному парку на эти дни. Вот видите, как это важно — выполнить свое обязательство! На нем будут построены все расчеты. Не выполнит один, не выполнит другой — подведете МТС, сорвете все расчеты. А МТС — это твои товарищи, друзья в работе, это единый рабочий коллектив. Не подводить товарищей, не бросать слов на ветер; дав слово, помнить его, как присягу! Самый опасный в обществе человек, слову которого нельзя верить. Болтовню — долой из нашей МТС! Вот та́к будем жить с вами, друзья.

Хотя всех разморило от жары и духоты в переполненном кабинете, ни один тракторист не задремал на этом необычном собрании, продолжавшемся — с небольшими перерывами для курения — часов шесть. С кем бы ни вел разговор директор, слушать этот разговор было интересно и поучительно всем.

— Много вы им наобещали, Христофор Данилыч, — сказал Холодов, открыв форточку и закуривая под нею, когда трактористы, захватив с собою скамейки и табуретки, на которых сидели, вышли из кабинета.

— Так же, как и они нам, — ответил Долгушин. — И чтобы они свои обещания сдержали, нам надо сдержать свои. Очень прошу вас, Григорий Петрович, поглубже заняться этим колхозом «Рассвет». Думается мне, что вам там найдется работа и по вашей бывшей профессии следователя.

— Возможно, — согласился Холодов.

— Не кажется ли вам, дорогие товарищи, — сказал Долгушин, надевая пальто и шапку, весело поглядев на Марью Сергеевну и Холодова, видимо довольный удачно проведенным собранием трактористов, — что я сегодня отбил у вас кусок хлеба?

— Да, нашу с Григорием Петровичем зарплату за сегодняшний день надо перечислить вам, — ответила в тон ему, шутливо, но всё же смущенно Марья Сергеевна. — Такое собрание трактористов нам нужно было провести вчера! Я сегодня, слушая вас, многое поняла...

Но Холодов не сдавался.

— А соцобязательства в основном остались те, что мы записали. По двум бригадам только изменили, — сказал он, запихивая свои блокноты в туго набитую разными документами полевую сумку. — Цифры были правильные.

— Души не было в этих цифрах, Григорий Петрович, поймите! — горячо возразила ему Борзова, не думая в эту минуту, что самокритика — вещь не всем приятная и что рискованно называть бездушной работу старшего по должности товарища.

Разошлись из конторы МТС в разные стороны. Долгушин пошел пообедать на свою квартиру, к бригадиру Смородину, который жил тут же на усадьбе, за мастерской, в бывшем поповском доме, — в поповском потому, что сама МТС обосновалась на бывшей церковной площади и контора стояла как раз на месте деревянной церкви, разобранной немцами в войну для ремонта моста через Сейм. Холодов поехал на «газике» в Троицк, в райком, докладывать о проведенном собрании трактористов. А Марья Сергеевна пошла в село, где жила тоже пока на частной квартире, у одной старой бывшей учительницы, пенсионерки, которая охотно присматривала за ее детьми, когда она отлучалась из дому. Надо было постирать белье себе и ребятам, наварить, напечь им чего-нибудь побольше — перед выездом с тракторными бригадами в поле на посевную.

5

Холодов не выехал в «Рассвет» ни на другой день, ни на третий. Ему мешали разные, как он говорил, «оперативные» дела: он выполнял какие-то срочные поручения

райкома, собирал сведения, составлял ведомости, передавал их по телефону и лично отвозил в Троицк, задерживаясь там всякий раз до ночи.

Посевная началась недружно. Почва плохо подсыхала из-за ночных заморозков. Местами, где на южном склоне можно было уже кое-как пахать и сеять, тут же, через перевал, на северном склоне плуги по самую раму утопали в грязи и тракторы буксовали в борозде. Приходилось другой машиной и плуг вытаскивать из трясины, назад, за грядиль, и самому трактору помогать выбираться на сухое. Но всё же гектаров по пяти—семи кое-где в колхозах удавалось посеять за день.

Холодов посоветовал Долгушину не давать пока сводок о таком выборочном севе в район.

— Почему? — удивился Долгушин.

— Потому, что с первой же нашей сводки нам зачтут начало сева. И если мы потом даже закончим сев раньше других МТС, всё равно будет считаться, что мы сеяли не семь-восемь рабочих дней, а двенадцать, пятнадцать.

— Чёрт возьми! — сказал Долгушин. — Мы с вами, Григорий Петрович, вместе начали работать в сельском хозяйстве. И моложе вы меня лет на пятнадцать. Но откуда у вас такой житейский практический опыт? Я бы ни за что не догадался!

— Передадим ли мы в район сводку или не передадим, всё равно в область она оттуда не пойдет до начала массового сева.

— Да?.. В область не пойдет?

— Но внутри района всё же будут считать, что мы начали сев такого-то числа.

Долгушин подумал.

— Значит, можем очутиться на последнем месте в районе по севу?.. Но как же так — посеяно уже почти двести гектаров и молчать?.. Ладно, дело товарища Медведева передавать или не передавать сводку в область, а мы в район передадим. Не будем копить гектары про запас. В конце концов, Григорий Петрович, первенство на севе еще ничего не решает. Дело в урожае. Из сельскохозяйственных пословиц мне очень нравится одна: цыплят по осени считают.

В колхоз «Рассвет» поехал на второй день массового сева сам Долгушин.

Он был еще мало знаком с работой колхозных животноводов и поэтому решил в первую очередь побывать там на фермах. Молочная ферма «Рассвета», свинарники и птичник были по пути, на этой стороне реки Сейм, дорога на паро́м и в село пролегала как раз мимо животноводческого поселка. Долгушин выехал из дому, чуть забрезжило на востоке. Он хотел поприсутствовать при утреннем доении коров — нигде никогда не видел он еще, как это делается.

Делалось это в «Рассвете» самым обычным путем — руками. Ни доильных аппаратов, ни автопоилок, ни подвесных дорог на фермах не было. Тем не менее присутствие при этой работе директора МТС, которого доярки видели уже однажды у себя в колхозе на собрании, странным образом сразу же сказалось на количестве надоенного молока.

Первым заметил смятение среди доярок шофёр Володя, ходивший с директором по коровнику в качестве консультанта.

— Да где же он, наш Голубчик? — закричала одна доярка. — Девки, Харитон еще не пришел? Это он у Дашки Караваихи зорюет. Пригрела его подмышкой. Куда молоко сливать? Посуды нет.

Другая доярка, тоже заметно чем-то обеспокоенная, вышла из коровника, вытирая руки полой синего халата, надетого поверх стеганки, взобралась на кучу навоза и закричала в сторону села:

— Эге-ге-ей!.. Харито-он Иваны-ыч! Эге-ей!.. Что-сь маячит возле парома, кажись, он идет, — сообщила она, вернувшись в коровник. — Чёртов пропойца! Когда он уже так нажрется той водки, чтоб она ему в брюхе загорелась!

— Что ты, Пашка, сдурела! Чего желаешь человеку! — укоризненно покачала головой одна доярка, самая старая из всех и, должно быть, самая сдержанная на язык.

— А докуда ж нам мучиться с таким заведующим? Бог не берет его от нас, пусть сатана заберет! Сколько ни говори ему, ни доказуй: того надо, другого надо, — ничего не делает! С утра помнит, к обеду уже забыл. Уже похмелился, чёртики заиграли в голове, уже

какая-сь сорока пригласила его ночевать, чуб накручивает, сапоги наваксивает — до коров ли ему?..

— Чего, девушки, бросили доить? Посуды не хватает? — подмигнув Долгушину, спросил Володя.

— Да надо еще бидона три...

— А вчера куда сливали? Хватало посуды?

— Обходились...

— Чем же вы таким питательным накормили коров, что сегодня молока прибавилось?

— Чем питательным? А вон посмотри, что в яслях. Тем и накормили. Соломой пшеничной.

— И больше ничего не давали?

— Силосу еще давали немного. Каждый день даем. Сена давали. Вон, видишь, какое. С осени еще попрело на лугу, в воде. Его и не едят коровы.

— С чего ж прибыло молока?..

Доярки угрюмо молчали.

— Может, ваши коровы начальства испугались? Так с испугу или от какой другой помехи корова дает меньше молока.

Володя обернулся к директору:

— Соображаете, Христофор Данилыч? Вчера им хватало посуды, а сегодня, при вас, не хватило. Значит, или недодаивали, или прямо на землю...

Доярка, которую звали Пашей, обвела сердитым взглядом подруг:

— Чего ж молчите, девчата? Та́к и говорите, правду говорите: недодаивали. И на землю шло молоко. Верно, так и было. Так разве ж мы виноваты?..

— А куда его девать, раз посуды не хватает? — зашумели доярки. — В подол, что ли?

— В сапоги бы сливали, так нам сюда и сапог не дают. Вот в чем бродим тут, по грязи! — выставила одна доярка ногу в стоптанном дырявом валенке, из носка которого торчали тряпки и солома.

— Привезли в сельпо резиновые сапоги, так их враз расхватали мужики, которые охотники да рыболовы, а нам опять нету!

— Сколько было в колхозе этих бидонов в прошлом году! Чи побили их, чи поворовали?

— Самому председателю уже заявляли насчет посуды — и тот мер не принимает!

— А тут еще возчик у нас такой, с принципом: что

заберет за один раз на телегу, то и везет, а другой раз ехать не хочет.

— Как зовут вашего заведующего? — спросил Долгушин.

— Бесфамильный.

— Как?

— Фамилия у него такая — Бесфамильный. А по-уличному зовем его Голубчиком. Поговорка у него за каждым словом: «Вы, мои голубчики...» Да вот он идет сам.

К коровнику приближался медленной, развалистой походкой, подкручивая пышный рыжий ус, высокий мужчина лет сорока пяти, в галифе, черной сатиновой стеганке и шапке-капелюхе с опущенными неподвязанными наушниками. Хромовые сапоги его были начищены действительно до зеркального блеска, и весь его вид — сытая, плотная фигура, лоснящееся румяное, рябоватое лицо — говорил о том, что человек хорошо выспался, успел уже, вероятно, позавтракать и вообще доволен жизнью.

«Колхозный альфонс Харитон Голубчик», — отметил про себя Долгушин.

Остановившись метрах в десяти от коровника, Бесфамильный окинул хозяйским оком двор и закричал зычным голосом:

— Эй, девки, голубчики, что ж вы делаете? Сколько разов приказывал вам? Манька! Куда ж ты объедья бросаешь, тудыть твою!.. — и осекся, увидев за углом коровника знакомый «газик» директора Надеждинской МТС.

Бросив быстрый взгляд в темный со двора проем двери коровника и заметив там среди столпившихся доярок две мужские фигуры, Бесфамильный подтянулся, вынул руки из карманов и подошел к Долгушину почти строевым шагом.

— Здравствуйте, товарищ директор! — пахну́л он в лицо Долгушину густым винным перегаром. — Приехали нас навестить? Ночевали в колхозе или прямо из дому? Из дому? Раненько, раненько вы встаете!

— Кто рано встает, тому бог дает, — тряхнул Долгушин своим запасом деревенских пословиц.

— Приехали к нам товарищ директор на нашу работу полюбоваться, а у нас опять незадача — посуды не

хватает. Дойку бросили, — сказала старуха доярка. — Куда ж молоко сливать?

Недодоенные коровы беспокойно метались в стойлах, мычали. Доярки зло, исподлобья поглядывали на заведующего.

— Это что за новости — посуды не хватает? — удивился Бесфамильный. — А вчера хватало?

— Вчера хватало, мы уже выяснили. По случаю приезда директора МТС надоили три лишних бидона, — улыбался Володя. — Вот бы вам, Христофор Данилыч, ничего не делать, ездить только вот так по фермам и присутствовать, когда коров доят. Глядите, процентов на тридцать прибавилось бы молока. Без лишних кормов, без концентратов, без ничего!

— Где ж вам посуды взять?.. — Бесфамильный, сдвинув шапку на лоб, почесал затылок.

К коровнику подошел колхозник, по виду ездовый, с кнутом, вероятно тот самый, «с принципом», о котором говорили доярки, инвалид на деревяшке, поздоровался.

— Приехал, Тюлькин? Где твой драндулет? — обратился к нему заведующий.

— А там, — указал колхозник кнутом куда-то за коровник.

— Ну-ка, голубчик, смотайся в село, поищи там еще бидонов несколько. Пройди по нашей улице. У Гашки Кузьменковой, кажись, есть один. У Феньки Сорокиной видел вчера, сушился на плетне. Чёртовы бабы, берут, ездят на базар, а не приносят в кладовую. И к моей там загляни... Живо, голубчик, духом! Одна нога здесь, другая там! — и сам расхохотался над своей шуткой.

Колхозник, что-то недовольно бормоча, заковылял на деревяшке за сарай, к повозке.

— Сколько у вас коров на ферме? — спросил Долгушин Бесфамильного. — Всего, фуражных?

Заведующий подумал с минуту.

— Всего, значит, так... семьдесят восемь коров у нас.

— А сколько доится?

— Сколько доится?..

— Сорок две коровы доим сейчас, — подсказала Паша-доярка.

— Так мало? Остальные что же — еще не отелились? Яловые? — храбро продолжал Долгушин задавать вопросы, в которых сам еще недавно был не силен.

— Есть и не растелились. А есть и вообще не годные к госпроизводству.

— Как? К чему не годные?

— К госпроизводству, — важно повторил Бесфамильный. — Так называется у нас, по зоотехнике.

— В зоотехнике есть термин — воспроизводство стада, — пояснил Володя.

— Догадываюсь, о чем речь, — кивнул Долгушин. — Проще сказать — де́ржите на ферме коров, которые вообще не способны давать приплод?

— Неспособные, да. По два-три года уже не телятся.

— Зачем же вы их держите? У вас же молочная ферма, а не мясная.

— Ставил вопрос на правлении. Сдать бы надо их в мясопоставку, чтоб и корма́ на них не переводить.

— Но действительно ли все они бесплодные? Специалисты осматривали их? Может быть, плохая случка была?

— Нет, случали, как же.

— Учет ведете при случке? Какая корова покрыта, какая не покрыта?

— Да и учет ведем... А вообще я, товарищ директор, на быков надеюсь. У нас хорошие быки-делопроизводители. Три быка. Вон стоят, посмотрите. Сам выбирал в совхозе. Цементальской породы.

Долгушин не выдержал, рассмеялся.

— Нет, у вас тут, товарищ Бесфамильный, какая-то особенная зоотехника! Такого я еще не слышал!..

— Так мы называем, — обиженно надулся заведующий.

— Бык-производитель, — поправил его Володя. — Эх ты, животновод! Делопроизводители в канцеляриях сидят.

Долгушин с Бесфамильным и Володей молча прошли взад-вперед по длинному, грязному, с дырами-просветами в соломенной крыше коровнику, постояли немного возле быков, возле одной коровы крупного мясного экстерьера, которая, как объяснил заведующий, за всю свою уже немолодую жизнь не дала ферме еще ни одного теленка. Скот был нечищенный, тощий. Доярки кучкой ходили следом за мужчинами.

— Ох, Харитон Иваныч, голубчик ты наш! — тяжело вздохнула Паша. — На быков, говоришь, надеешься?..

А скажи, какой доярке у нас лучше, у которой все коровы потелятся или у которой половина яловых?

— Конечно, для общего дела лучше, чтоб у нас не было совсем яловых коров, — ответил Бесфамильный.

— Я тебя не про общее дело спрашиваю, а про доярок!.. Товарищ директор! — вскипела, наконец, Паша и, покраснев от волнения, горячо жестикулируя, стала говорить: — Послушайте, товарищ Долгушин, как у нас делается! Всё вам расскажу! А вы, — кинула взгляд на доярок, — скажете, верно я говорю или брешу. Вот за мной с позапрошлого году закреплено десять коров. Как и за всеми. У каждой у нас тут по десяти коров. Мои коровы прошлой весной все были покрыты, сама проследила, пастуху пол-литра поставила, чтоб следил. Зимой, в феврале, в марте все потелились, как одна. Десять телят. А куда их девать? Телятника приспособленного нету. Тыкаемся с этими телятами по всем куткам. Пять телят взяла к себе в хату, а больше некуда. Тем вот тут, за кладовкой, отгородила место. Возилась с ними, всё же трое телят пали. Одного теленка отдала в колхоз от своей коровы на то место, а двое вот теперь на моей шее.

— Как — на вашей шее?

— А так, что грозятся вывернуть с меня при отчетном годе за телят из тех денег, что по трудодням заплатят. Видите, какие порядки! Теперь слушайте дальше. Все мои десять коров потелились, все десять дою. Работы, значит, мне больше? А вот вам Катька Архипова. У нее тоже десять коров. Как она их там — случала, не случала, не знаю. Четыре коровы у нее всего отелились. Четыре теленка. Выходила их без забот, без хлопот, все живые, передала их телятницам, никакого убытку. И теперь всего четыре коровы доит. А трудодень что мне, что ей — одинаково!

— Верно говорит Зайцева! Кто шесть коров доит, кто восемь — всем трудодень!

— Зайцева? — навострил ухо Долгушин. — Вы Зайцева? Не жена ли нашего бригадира?

— Жена.

— Она самая. Жена Игната Сергеевича, — подтвердили доярки.

— Ну, будем знакомы. Как вас по батюшке?

— Никитишна, — улыбнулась Зайцева. — Прасковья Никитишна. Мне про вас Игнат рассказывал, как вы там,

в мэтэсе, кой с кого дурь выгоняете. Вот так бы еще у нас тут!..

— Так почему же вам одинаково начисляют трудодни? Разве вы не получаете дополнительной оплаты за надой молока?

— Какая ж дополнительная оплата, когда мы плана не выполняем. А чем его выполнять? Какие у нас корма? Сами видите. Разве это сено? Его только на подстилку, гнилье такое! А чтоб там жмыху какого или картошки дать коровам — этого у нас и в помине нету. На смех поднимут тебя на собрании, ежели о концентратах заговоришь. Но всё же мы считаем, товарищ директор, это неправильно!

— Что?

— Да вот, что поровну трудодни пишут. Пусть мы плана не выполняем, а всё же кто десять коров доит, кто четыре — разница? Нам говорят: ухаживает доярка всё равно за всем десятком. Так одно дело кормить, а другое дело еще и доить! Какой же нам интерес не допускать, чтоб коровы яловели? Я за своих поставила пастуху пол-литра, чтоб случал, а Катька, может, за своих поставила ему два пол-литра, чтоб не случал!

— Ничего я ему не ставила, пустое мелешь! — озлилась Катерина Архипова.— Что я, вредительница какая, чтоб нарочно коров портить? Так пришлось, что мои не отгулялись.

— Может, и пришлось так, кто его знает. Но всё одно неправильно, что нам с тобою плата ровная!

— Об этом начальники наши знают, как нам платить! Ты тут своих законов не установишь!

— На быков, значит, надеетесь, товарищ заведующий? — Долгушин взял под руку Бесфамильного и прошел с ним несколько шагов по коровнику к выходу.— Это — дело. Так будете на них надеяться, скоро совсем останетесь на своей ферме без «госпроизводства». Я еще нигде не видел в хозяйстве таких идиотских порядков — прошу не обижаться. Это же просто какое-то самоубийство! Оказывается, колхоз платит дояркам не за надои молока и сохранение телят, а за то, чтобы не было на ферме ни телят, ни молока!..

— Не я эти порядки здесь устанавливал, товарищ директор. До меня тут сто заведующих перебыло. Не мною это началось, не мною и кончится.

— Да как сказать... Началось не вами, а кончится, может быть, вами.

— И вообще обзывать нас идиётами хватает тут кому и без вас! — вдруг обиделся и озлился Бесфамильный и, высвободив свою руку, отошел от директора.— Приезжают товарищи из района, из области. Есть над нами начальники. А вы валяйте в свою мэтэээс и там командуйте!

— Да, товарищ Бесфамильный, я у вас тут никакой не начальник,— не повышая голоса, наружно спокойно, раздумчиво сказал Долгушин.— Таково уж мое положение: отвечаю за всё, что делается в колхозах, а распоряжений, приказов вам здесь давать никаких не могу. Но есть еще начальник и над вами и надо мною — народ. Народ может приказать и вам и мне. Может и совсем оставить нас министрами без портфелей. Вот к этому начальнику и придется, пожалуй, обратиться...

— У вас здесь на животноводстве был когда-то заведующим Артюхин Филипп Касьянович. Кто из вас работал при нем на ферме? — спросил Долгушин у доярок, когда Бесфамильный вышел из коровника и стал что-то делать у колодца, поправлять и укреплять столб журавля, который и без того достаточно прочно стоял на своем месте.

— А вы знаете Касьяныча? — заговорили доярки.

— Как же, многие при нем работали. И я работала, и Настя вот работала, и Марья работала.

— Вот то́ был заведующий! Хозяин!

— На быков не надеялся!

— У меня и сейчас похвальная грамота висит в красном углу, что при нем получила от партейного комитета из области!

— Премии нам давали. По пятьсот литров молока дополнительной оплаты получали!

— Курсы тут были на ферме, обучали нас по зоотехнике.

— Горькими слезьми плачем о Касьяныче, кто помнит, как он здесь руководствовал!

— А вы чего спрашиваете про него, товарищ директор? Может, думка есть — назад его к нам повернуть?

— Не пойдет он. Обидели человека!

— Вот на том месте стоял телятник, что сгорел. Вот

там, где куча самана. Подожгли какие-сь головорезы. А его потом затягали по судам.

— И в колхозе эти наши хулиганы на него злобились, и власть — на него же! Разобрались, защитили человека!

— А кто такие эти ваши хулиганы?..

Доярки замолчали.

— Да есть такие...

— Кто?

Женщины, поглядывая друг на дружку, молчали. Катерина Архипова взяла метлу, стала подметать проход между стойлами, другая доярка отошла к коровам.

— Вот так у нас всегда! — махнула рукой, горько усмехнувшись, Зайцева.— Промеж собою шумим, кричим, лютуем, готовы на мелкие кусочки их растерзать, а как до дела — и языки прикусили!

— «Кто, кто». Чего у нас спрашиваете, товарищ Долгушин? — выступила вперед, отважившись, доярка, которую звали Марьей.— Целый час вы разговаривали с Голубчиком. Либо вам еще не ясно, что он за человек? Наш колхозный объедала, опивала! Трутень в нашем бабьем рою! Может, кому неловко про него так говорить, — Марья бросила вызывающий взгляд на Катерину Архипову, — а я скажу! Он ко мне ночевать не ходит, я его яешней с салом не кормлю, у меня свой мужик есть. Вот вам один такой безобразник! Живут в свое удовольствие, а на хозяйство наше им наплевать!

— И на фронте сумел как-то отвертеться от передовой,— подошла к Долгушину другая доярка, Настя.— Всю войну где-то в тылу огинался.

Женщины заговорили враз:

— Наши там головы положили, а он трофеи собирал!

— В трофейной команде был начальником!

— С такой мордой! Туда бы инвалида какого-нибудь, в тыл, а ему — пулемет на горбу таскать!

— Пять аркадеонов привез из Германии! А еще там всякого добра — на тридцать лет продавать, жить, и работать не надо!

— Должно быть, какой-то начальник за трофеи и в партию его там принял. Задобрил кого-то.

— Его выгоняли уже раз из партии, перед войной. И судить надо было, да как-то замотали. По пьяному делу одного бригадира тут ножом пырнул. И два цент-

нера меду у него в кладовой не хватило. Нет же, опять партейным пришел с фронта! Оправдался!

— Когда вот такие там заседают, так неохота и идти к ним в правление с какой-нибудь жалобой.

— Кому на кого жаловаться?..

К коровнику подъехала, дребезжа пустыми бидонами, телега. Ездовый сердито закричал, не слезая с нее:

— Эй вы, мокрохвостые! Забирайте свои бидоны! Растащут посуду по всему селу, а я ездий собирай! Кто мне полтрудодня запишет за лишнюю работу? А ну, живей поворачивайтесь! Когда я теперь доберусь до завода? И молоко ваше, к чёрту, прокиснет!

— Хотя бы уж ты не орал на нас, Тюлька! — зло замахнулась на него метлой Катерина Архипова.— Одно слово — Тюлька, а орет тоже, как начальник!

— А как же,— зашумели доярки,— начальник над слепой кобылой!

— Вожжи в руках — значит, начальник!

— Ежели ты еще, Тюлька, будешь обзывать нас такими словами, гляди, как бы эти вожжи по тебе не походили!

— А чего, простое дело: штаны спустим и так тебя почешем, что и правнукам закажешь над бабами измываться...

Ездовый Тюлькин, опасливо поглядывая на разъярившихся по неизвестной ему причине доярок, понимая, что, если они вздумают привести свою угрозу в исполнение, ему одному от них не отбиться, — директора МТС и шофёра, стоявших в глубине коровника, он не заметил, — сразу притих и, чего, видно, никогда не бывало, даже слез наземь и сам стал выносить из кладовой и устанавливать на телегу полные бидоны.

Женщины с цыбарками разошлись по коровнику додаивать ревущих в стойлах коров. Долгушин и Володя, попрощавшись с доярками, поехали дальше.

«Вот тебе и яловая порода! — думал Долгушин, пытаясь на тряском ходу «газика» записать в блокнот кое-что из разговора с доярками. — Сколько вокруг этой породы новых новостей открывается!..»

Решение провести в этом колхозе открытое партийное собрание пришло к Долгушину уже перед вечером.

Часа в три дня пошел сильный дождь, густой и обложной, надолго, на весь остаток дня, пожалуй, и на всю ночь. Тракторы остановились, народ повалил с поля домой, в село. Можно было созвать собрание без ущерба для посевных работ.

— Проводились ли здесь в колхозе открытые партийные собрания? — спросил Долгушин у инструктора райкома по зоне Надеждинской МТС Зеленского.

— Никогда, должно быть, не проводились,— ответил Зеленский.— Сколько ни проверял я у них протоколов — всё закрытые и закрытые собрания. А знаете, почему закрытые? Не потому, что секретные вопросы обсуждают. Стыдятся народа! Боятся приглашать на свои собрания колхозников!

С зональным инструктором Зеленским Долгушин встретился еще утром, едучи с фермы в полевые бригады. Зеленский шел из Надеждинки напрямик, полями, по непросохшей еще местами стерне, волоча по пуду земли на сапогах, в сером прорезиненном плаще, со свертком газет в кармане плаща и папкой подмышкой — типичный вид сельского «уполномоченного». Он рассчитывал провести в «Рассвете» дня два — для изучения работы партийной организации на весеннем севе. Долгушин пригласил его в машину.

Зеленский бывал уже в «Рассвете» много раз.

— Нечего мне тут уже изучать,— говорил Зеленский.— Для чего изучать? Делать что-то надо с этим колхозом, а не изучать! Чтó мы, диссертации будем писать на тему о недостатках в наших парторганизациях? Я уже десять докладных вручил Холодову об этом колхозе, а он их к делу подшивает. Что тут изучать? Я знаю, как они расставили коммунистов, сам был у них на собрании. Все прикреплены к бригадам. Но толку-то от таких прикрепленных!.. Вот придет к колхозникам Егор Трапезников — есть тут такой член партии, был и заведующим мельницей, и председателем сельсовета, и председателем колхоза; отовсюду выгоняли его за всякие грязные дела, а теперь живет спекуляцией. Всю осень брал в автоколонне машины, скупал у колхозниц картошку и возил ее в Донбасс. Придет в бригаду и станет разъяснять колхозникам решения Пленума, убеждать их честно и добросовестно трудиться. А им тошно смотреть на него, противно его слушать!

Чья б мычала, а твоя молчала. У самого за прошлый год пятнадцать трудодней, и у жинки всего трудодней десять. Такие агитаторы только на нервы людям действуют. У них и Харитон Голубчик числится агитатором. Закреплен за животноводством. Тоже разъясняет народу, как надо жить, трудиться.

Долгушин с Зеленским побывали в полеводческих бригадах, на парниках, в колхозных мастерских. Нашли они и Филиппа Касьяныча Артюхина. Старик оказался не таким уж отчаявшимся и запуганным, как говорил о нем на собрании трактористов бригадир Зайцев. Он откровенно высказал свои соображения о делах в колхозе, дал обстоятельные характеристики всем членам правления, новому председателю колхоза Бывалых, местным коммунистам.

Зеленский, парень простой, без начальнического гонора, умеющий во́-время и скрепить разговор острым словцом и шутку пустить, располагал как-то к себе душевно людей. Колхозники рассказали ему и Долгушину о своей жизни много такого, чего другим «представителям», возможно, и не стали бы рассказывать, поостереглись бы. Видимо, и о Долгушине прошли уже всюду хорошие слухи, как о директоре, не на шутку взявшемся наводить порядки у себя в МТС и отстающих колхозах, о человеке деловом, не бросающем слов на ветер.

В третьей полеводческой бригаде они не нашли на поле бригадира-коммуниста Милушкина; бригада начала сев без него. Милушкин в воскресенье справлял именины, третий день уже опохмелялся и всё никак не мог вернуться к работоспособному состоянию. Во второй бригаде с утра не было прицепщиков, потом, когда, часов в одиннадцать пришли прицепщики, оказалось, что вывезли непротравленные семена. В первой бригаде некому было убирать с поля прошлогоднюю солому. Сами трактористы приспособили к «натику» волок и стягивали ее на дорогу, вместо того чтобы пахать этим трактором. Зайцев был прав. Такая расхлябанность с первых же дней полевых работ не предвещала ничего хорошего в смысле сроков сева.

В тракторной бригаде повариха, молодая девушка, комсомолка, рассказала Долгушину и Зеленскому, как правление назначало ее зимою старшей птичницей и почему она сбежала с той работы:

— Как-то мы на нашем комсомольском собрании стали говорить: почему это никого из комсомольцев у нас не назначают на животноводство, на другие отрасли? Разве нету нам доверия или мы такие неспособные? Есть у нас грамотные парни, девушки, восемь, девять классов окончили. Можно бы кого и на курсы послать, по пчеловодству или по птицеводству. Записали в протокол, передали секретарю парторганизации товарищу Чайкину. Потом, слышим, было у них заседание правления. Зовет меня товарищ Бывалых. «Назначаем тебя, Кострикина, старшей птичницей. Принимай птичник и с завтрашнего дня приступай к работе». Ладно. Пошла я туда, посчитала кур. Выписала корму на неделю. Помощницей у меня девочка одна, сирота, глухонемая и немножко не все дома, но работать может. А до меня там была старшей птичницей Лукерья Крутькова, жинка одного нашего бригадира. Заболела, положили ее в больницу на операцию. Потому и назначили меня, что место освободилось.

Приезжает ко мне на птичник завхоз Мамченко: «Ну, смотри, Клавдия, чтоб всё в порядке было. Вон берданка висит, вот тебе два патрона, вот так надо заряжать, вот за это дергать. Если будут лисы поблизости ходить — стреляй! Работай, говорит, доверяем тебе это дело. А продукция чтоб была — на уровне». И не поняла я его с первого разу — про какой-такой уровень он говорит? «Постараюсь, говорю, кормов только давайте побольше». Приезжает он еще дня через три. «Сколько вчера вечером сдала яиц в кладовую?» — «Двести тридцать штук». — «А сегодня сколько собрала?» — «И сегодня, говорю, около того — двести двадцать семь. Может, какая где-то в соломе снеслась, не нашла еще». — «Как приедет Тюлькин, отдай ему сто двадцать штук, остачу придержи пока, до особого распоряжения. Сложи в сундучок и замкни на замок». Приезжает опять через несколько дней: «Ты ж чего меня не слушаешь? Зачем все яйца сдаешь? Сказано тебе: держи на том же уровне. Сколько у Лукерьи была сдача?». Посмотрели мы тетрадку, что осталась от Крутьковой, — сто, сто десять яиц принимал от нее Тюлькин. «Вот и ты, говорит, около этого сдавай, на яйцо больше, на яйцо меньше. А то — в особый фонд. Разберемся потом. Что ж нам, ревизию теперь назначать, почему у Крутьковой такая была

сдача, а у тебя такая? Женщина там в больнице, может при смерти лежит, а мы тут дело на нее будем заводить? Разберемся после!»

Потом иду я как-то из дому на птичник селом, тем краем, за оврагом, слышу — у Милушкиных гулянка. Танцы, песни. Орут! И товарищ Чайкин там, на гитаре бренчит. И Мамченко там. Все там. Про товарища Бывалых не скажу, его голоса не слыхала. Вечером, по-темному,— я уже всё позапирала и спать ложилась в сторожке — прибегает Петька Мамченкин с кошёлкой: «Батя сказали, чтоб ты дала сотню яичек из особого фонда». Отсчитала ему сотню. «Батя говорили: и себе можешь взять десятка два, это тебе премия от правления». Потом на масленой у Бесфамильного собирались. Там компания побольше была. Две сотни яиц им дала и пять петушков зарубала... Поработала две недели и вижу: если на таком уровне держать, то и комсомольский билет свой потеряю тут и еще, может, чего похуже будет. Отказалась: «Не могу, говорю, работать там. У меня мама больная, возле нее надо ночью кому-то быть, не могу ночевать на птичнике». Сдала кур Надьке Филиппенковой, невестке нашего бухгалтера. Не знаю, у нее теперь на каком уровне...

— И не заявляла никому об этом? — возмутился Зеленский.— Молчала? Факты на руках — и молчала! Или, может, тебе пригрозили, чтоб молчала?

— А кому заявлять? Чайкину? Так он же с ними лег, с ними встал. Одна чашка-ложка. К товарищу Бывалых не добьешься. Пошла как-то к нему, а он меня выгнал.

— Как — выгнал?

— В правлении, когда ни заглянешь, там люди всегда, неудобно при людях рассказывать. Я пришла к нему вечером на квартиру. Он лежит на диване в полосатой пижаме, слушает патефон. «Я, говорит, на квартире не принимаю по колхозным вопросам. Я здесь отдыхаю от ваших дрязг. Приходи в правление, по вторникам и четвергам, от десяти до двенадцати». И прямо взял меня за руку и вывел из комнаты. Очень был сердитый. Может, по дому взгрустнулось, жена, детишки вспомнились, в Троицк к ним захотелось, а тут я как раз не во-время со своим заявлением.

— Колхоз — дело общественное, тут в одиночку не украдешь, обязательно компания нужна,— объяснял

Долгушину «механику» воровства колхозный кузнец Тихон Кондратьевич Сухоруков.— Это Егор Трапезников здесь целую шайку развел, когда еще был председателем. На рынок полномоченным по колхозной торговле назначал жинкиного родича Ваську Жмакова. По полгода жил в городе, и кто его там учтёт, проверит, что почем продавали, ежели на базаре цены каждый день меняются? Объездчиком в поле держали пьянчугу Мишку Святкина, который за литру водки голый по селу среди бела дня пробежит. А зерно ночевало в кучах на всех токах, и сторожей не было. И шофёром на машине работал Мамченкин брат родной, Степка. Люди, может, не скажут, а кабы ту машину допросить, на которой Степка ездил, она бы рассказала, сколько тонн пшенички перевезла в город на мельницу, сколько муки из той пшенички Васька Жмаков на базаре продал! А бухгалтер у нас тоже гусь хороший. Бывший снятый заведующий сберкассой, в денежную реформу дружкам-приятелям незаконно сто тысяч обменял. Пьют же, сукины сыны, до ума помрачения! От водки болеют, водкой лечатся, водкой все дела вершат. Один пьет с баловства, другой — со страху, что рано ли, поздно придется за такие делишки отвечать, а третий — от подлости, от стыда, ежели еще остался стыд. Сами пьют и кого хошь возле себя споят. Приезжал прошлым летом следователь из Троицка, так они его так накачали на прощание, что тот и портфель протер об колесо, все бумажки растерял по дороге.

Старик Артюхин рассказал о «методах» зажима критики:

— Про телятник ничего не известно, может, и случайно загорелось, из мужиков, может, кто заходил да бросил цыгарку. А корова моя, конечно, не сама себе горло перерезала. А то есть еще у них такой способ — оклеветать человека. Вот тут одного колхозника у нас, Грачева, довели до того, что хоть в петлю лезь! Задал Грачев вопрос на отчетном собрании: для какой цели Егор Трапезников с Бесфамильным целую скирду сена не заприходовали, продать ли собирались то сено, или по домам развезти? А Трапезников оборачивается да на него: «Ты власовец, изменник родины, какое имеешь право тут на собрании голос поднимать?». Так и прилепилось это к нему — «власовец». Создали комиссию, следствие

вели. И я был в комиссии. Никаких материалов нет на Грачева. Ни в эмгэбэ, ни в военкомате, нигде ничего. Сущая клевета! Что Грачев в плену был — это известно. В первые месяцы войны попал раненый под Ельней в плен, пять лет пробыл в лагерях, в немецких и американских. Это все знают. Документы есть у него, от наших органов, прошел проверку. А насчет власовца сам Трапезников выдумал и пустил слух: будто кто-то на фронте говорил ему, что видел Грачева в бою у власовцев, узнал его по обличью. Так они и делают! Сказал человек слово — и сразу же ему кляп в рот! А не клеветой, так чем-нибудь другим доймут. Нарядами могут донять. Есть в колхозе такие работы, что давно уже видно всем: не годятся нормы. Какой бы ни был хороший работник — и двадцати пяти соток не натянет за день, хоть пуп тресни! Пересмотреть надо, дать правильные нормы. И не пересматривают! Нарочно! Чтоб было чем наказывать людей за критику. Выступил на собрании — вот тебе наряд на неделю на такую работу, где ноль без палочки получишь. Умно делают! Голыми руками их тут не возьмешь!

Доярка Зайцева, которую Долгушин встретил еще раз, в селе, когда они с Зеленским шли из мастерских к конторе, говорила:

— Мы уж так и привыкли понимать, что не всё то идет от партии, что наши здешние партийцы делают. Слышим Москву по радио — вот то партия с нами разговаривает, то ее голос. Читаем газеты, постановления Цека — это партии слова. А на своих перестали уж и внимание обращать. Раз ты говоришь одно, а делаешь другое — какой же ты партеец? Хоть вы и считаете Харитона Бесфамильного коммунистом, и на собрания его зовете, и в райкоме он там где-то на учет взятый, а мы его всё одно за члена партии не признаём! Не такая партия, как наш Харитон! Не верим мы, чтоб партия на таких пустобрёхах держалась! Это мы всё понимаем: где партия, а где охвостье, которое к партии примазалось. Нас эти поганцы не собьют с того пути, куда нас Цека зовет, не потеряем мы из-за них веру свою. Но всё же трудно нам, колхозникам, хозяйство поднимать, когда вот такие люди у нас в парторганизации!..

Разговоры с колхозниками так разволновали Долгушина, что он, пожалуй, и не смог бы уже уехать сегодня

домой ни с чем, не начав немедленно, сейчас же, что-то делать для оздоровления колхоза.

И Зеленский был настроен на решительные меры. Зеленский говорил:

— Некоторое время назад у нас в сельском хозяйстве была круговая порука плохого. Станешь критиковать какого-то председателя, а он говорит: «Чего вы ко мне привязались? Вон у соседей, в «Красном пахаре», еще хуже, чем у нас!». А в «Красном пахаре» говорят: «И мы не самые первые от заду, в «Рассвете» еще хуже». Вот так и прятались друг за друга. А теперь нам надо создать круговую поруку хорошего. Все тянут в гору, а кто-то один тормозит. Теперь хорошего больше! И где осталось еще вот такое плохое, как здесь, надо всеми силами наваливаться на него и приканчивать. Облаву надо делать на плохое, как на волка! Брать его под перекрестный огонь!

— Круговая порука хорошего, да! Именно круговую поруку создать! — Долгушину очень понравилось это выражение, он несколько раз повторил его.— Руденко, Щукин, Нечипуренко, Грибов — все взялись за дело честно. Коммунисты. Поняли важность момента. Мне на шестом десятке пришлось начать как бы вторую жизнь. Всё сызнова. Бросили металлурга на сельское хозяйство. Деревня, которую на картинках только видел, новые люди, новое дело. Что ж, сколько есть еще сил у меня, все положу здесь, а приказ партии выполню. Мы могли бы за год нашу МТС со всеми колхозами зоны вытянуть в передовые! А этот Бывалых нож в спину нам всаживает. Предатель! Волчью облаву — на такое плохое! Правильно!

Рассказал Зеленский, между прочим, Долгушину и о себе, как он попал в партийные работники.

В партию он вступил на фронте в сорок третьем году. После демобилизации из армии его, двадцатипятилетнего парня, капитана запаса, райком послал председателем кустпромартели «Геркулес». Но ему не пришлось там ломать голову над новым для него делом, изучать производство пива, халвы, джемов. В артели за него работал технорук, а он сам зиму и лето проводил уполномоченным в колхозах. Потом, при Борзове, его взяли в райком инструктором. Это было продолжением всё той же кампанейщины, вечных разъездов по колхозам в каче-

стве «толкача». Меньше всего приходилось ему в этих командировках заниматься партийной работой. Обижался Зеленский и на Мартынова — за его невнимание к работникам аппарата райкома. У Мартынова все заботы ушли в кадры председателей колхозов,— видимо, кроме хороших председателей, ему больше никого и не нужно было. На аппарат смотрел тоже, как на порученцев и на писарей. Есть кому расследовать жалобы и отвечать на бумажки обкому, и ладно. Не учил он инструкторов, как им построить работу, чтобы интереснее им было жить на свете, чтобы видели они хоть какие-то результаты сделанного ими. Вообще до партийных организаций, до рядовых колхозных коммунистов у Мартынова как-то не дошли руки.

Когда организовывали зональные группы, Зеленский сам напросился в Надеждинскую МТС: всё же ближе к живому делу, к народу. Но и здесь настоящего удовлетворения работой не получил.

— Надоело уже мне, Христофор Данилыч,— говорил он,— ходить вот так, пешим апостолом, из колхоза в колхоз. Четыре колхоза у меня — значит, ни за один как следует не отвечаю. Да и чтó я могу сделать своими советами? Должность у меня очень уж бесправная. Где хорошо в парторганизации, там и без меня обойдутся, а где плохо, как вот здесь, в «Рассвете», опять же моих прав не хватает, чтоб улучшить положение. Что толку давать Чайкину советы? Ему надо дать по шее, нельзя его дальше держать в секретарях ни одного дня! Я бы больше пользы принес своей работой, если бы сел где-то на одном месте, секретарем колхозной парторганизации. Хотя бы здесь, в «Рассвете». Нет у нас освобожденных секретарей — ладно, не надо зарплаты, на трудоднях. Считали бы за мною всю культурно-массовую работу, учебу колхозников, а за это — трудодни. И руководил бы партийной организацией. И комсомольцам помогал бы. Вот тогда можно сделать что-то видное.

Найдя в Долгушине внимательного слушателя, Зеленский охотно поделился с ним своими мыслями по поводу существа партийной работы в колхозах и организационных ее форм:

— Очень много у нас стало работников в партийных аппаратах. Если всех посчитать — по нескольку человек на колхоз придется, должно быть. Но все они какие-то

разъездные, командировочные. А еще советские работники, заготовители всякие, земельные работники. Гастролируем по колхозам. И так как маршруты не согласованы, то иной раз в каком-нибудь звене, что при большой дороге работает, человек десять представителей за день побывает. Десять женщин работают с тяпками, и десять уполномоченных за день. Там и «ЗИМ» из области, и «Победа» из района, и «газик» из МТС, и на линейке кто-то подъедет, и пешим ходом подойдет кто-нибудь, вроде меня. И даже не то раздражает людей, что много ездит к ним начальников. Пусть бы ездили да дело делали. Но дела-то иной раз и не видно. Безобразий в колхозе куча, и все мимо проскакивают. Несерьезно всё как-то, по верхам. «Давай, давай!» Можно представить себе, сколько проехало начальников по полям «Рассвета» за все послевоенные годы, а в колхозе что творится!.. Был бы я здесь один-единственный партийный работник, в должности секретаря парторганизации, и никаких больше уполномоченных, и мне легче было бы работать, чем вот сейчас, когда нас слишком много да по пятам друг за дружкой ходим. По крайней мере не пришлось бы краснеть перед народом за гастролеров и оправдывать как-то наши раздутые штаты. Но думается мне, что всё же к тому идет: кончать будем эти командировки и гастроли. Сажать каждого прочно на какой-то определенный участок и чтоб дело делали! А из наших райкомовских инструкторов, да из обкомовских тоже, много бы вышло хороших секретарей колхозных парторганизаций! А может, и какой-нибудь заведующий отделом согласился бы променять канцелярию на колхоз? До каких же пор мы будем доверять воспитание колхозных коммунистов случайным людям в партии, вроде здешнего Чайкина? Разве секретарь в парторганизации нужен только для того, чтобы протоколы к делу подшивать? Председателей хороших в колхозы подбираем, а об этих кадрах мы еще и не подумали.

Вот после таких разговоров и почти целого дня езды и хождения по бригадам Долгушин с Зеленским и решили на свой страх и риск созвать вечером в колхозе открытое партийное собрание. Зеленский по лютому настроению Долгушина догадывался, какое именно он хотел провести собрание: вывести на чистую воду всех

разложившихся, а коммунистов, не связанных с колхозными «объедалами» и «опивалами», но и не боровшихся с ними, заставить почувствовать свою ответственность перед народом за судьбу колхоза.

Секретарь парторганизации Чайкин стал было возражать против такого собрания — без подготовки, в рабочий день. Его убедили тем, что дождь всё равно сорвал работы в поле и люди все дома, и что от него или от председателя колхоза не требуется обширного доклада,— надо сделать лишь короткое сообщение о ходе полевых работ в первые дни сева. Зеленский добавил еще такой аргумент:

— Непременно надо провести собрание! Иначе план работы парторганизации на этот месяц останется невыполненным. У вас же только одно собрание было. А знаешь, как Василий Михайлович требует сейчас от нас, чтоб все запланированные мероприятия выполнялись по количеству? Поедешь, товарищ Чайкин, отчитываться на бюро двадцать третьего числа — это тебя, может, только и спасет, если на плане работы будут всюду стоять мои галочки: «выполнено».

Бывалых пытался безуспешно дозвониться из своего кабинета в конторе в райком к Медведеву, сообщить ему, что директор МТС занялся в колхозе не своим делом, посягает на функции партийных органов. Один раз ему ответили, что Медведев вышел, потом — что у Медведева представители из области и он просил его пока ни с кем не соединять, наконец девушка на промежуточной, Ореховской почте сказала, что грозою поврежден провод на Троицк и связи не будет до утра. Холодова тоже не оказалось в МТС, уехал куда-то в колхоз. Отменить скоропалительное партийное собрание было некому.

Зеленский, прихватив с собой для порядка секретаря парторганизации, поехал на директорском «газике» по всем бригадам, фермам, хозяйственным точкам.

Если бы колхозников оповестили, что созывается обычное общее колхозное собрание, сходились бы долго и пришло бы, пожалуй, как всегда, человек сто из пятисот с лишним взрослых членов колхоза. Но когда народ узнал, что состоится партийное собрание, открытое, и принять участие и даже выступить на нем приглашаются все желающие, что приехал директор МТС и собрание,

видимо, будет по очень важным вопросам, — к восьми часам вечера — на дворе было еще совсем светло — в клуб пришло человек четыреста. Двенадцать членов и кандидатов партии и четыреста беспартийных колхозников.

Сообщение о ходе сева сделал Бывалых. Похвалиться было нечем, — распущенность бригадиров и неорганизованность. Зеленский рассказал, что́ видели они с Долгушиным днем в бригадах. Никаких перемен, всё то же, что было здесь осенью, прошлым летом.

И начались прения... Выступали все, с кем Долгушин разговаривал днем, и еще много незнакомых ему колхозников. Поднималось сразу по десятку рук — просили слова у председателя собрания Артюхина. Разговор с сева перешел на общее положение в колхозе. Началось собрание в восемь часов вечера, а закончилось в два часа ночи.

Всё высказали колхозники, что накипело у них. За последнее время, видимо, каждый много передумал о том, что же делается у них в колхозе. Всюду вокруг жизнь на их глазах круто пошла в гору, а они в своем «Рассвете» остались, как в поле обсевок. Шайка бессовестных мазуриков захватила в свои руки главенство в колхозе, и все заботы их только о своем брюхе. Создали себе привольную жизнь и на тех, кто мешает им хозяйничать по-своему, бросаются, как звери. Иных порядков в колхозе им и нежелательно, потому что в здоровом колхозе нет места для паразитов. Что из того, что колхоз из года в год не выполняет планов государственных поставок и на последнем месте по урожайности? С двух тысяч гектаров как-нибудь наберется всяких черных доходов для того, чтобы нескольким семьям жить в свое удовольствие. Потому и отпала у людей охота работать, что видят они, куда девается их общественное добро. Говорили колхозники о коммунистах, о каждом, кто чего, по их мнению, сто́ит. Говорили о таких, что стали общипанными воронами, а были орлами. Бригадир Милушкин вступал в партию в партизанском отряде в сорок втором году, когда немец до самой Волги доходил. Про него не подумаешь, что примазался к партии ради должности, как Трапезников или Чайкин. Кое-кто в то время уже и

не надеялся, что советская власть вернется. Человек кровью своей доказал преданность партии. У немцев в гестапо был. Под пытками ни слова не сказал о партизанских базах. Из-под расстрела бежал. Но что же сейчас случилось с ним? Кто его опутал? Кто довел до беспробудного пьянства? Говорили о Бывалых. Чистоплюй, барин. Приехал в колхоз, как на дачу. Семью не перевозит, трижды на неделе ездит в Троицк, к жене. Раньше девяти утра в правление не является, и боже упаси потревожить его на квартире по какому-нибудь срочному делу! Компании с этими «объедалами» он не водит, но что толку из этого. И не трогает их, не мешает им попрежнему бесчинствовать. Никак не хочет человек работать в колхозе. Навозом воняет ему здесь в селе. Посмотришь на него, как он через силу разговаривает с людьми, слова теплого никому никогда не скажет, — да он же просто ненавидит народ! Считает, вероятно, колхозников виновными в той неприятной перемене, что произошла в его жизни: послали с хорошей, непыльной районной должности председателем колхоза, да еще в самое отстающее село.

Долгушин в конце собрания, подводя итоги прениям, сказал:

— Такое могло случиться с вашим колхозом только потому, товарищи колхозники, что вы позабыли свои хозяйские права. Колхоз — это же ваш дом, ваше общественное хозяйство, и хозяин этому дому — вы, общее собрание колхозников. А у вас в последние годы, говорят, с трудом удавалось созвать даже отчетное собрание. Не идете на собрания, не желаете пользоваться своими правами. В жизни всякое может быть. Может случиться, что в райкоме будет худо с руководством, в партийной организации у вас могут завестись непорядки, как сейчас. Но при всем этом, что́ бы ни было — вы хозяева своему колхозу. За вами остается право сойтись вот таким собранием и прогнать в три шеи того, кто ведет ваше общественное хозяйство к развалу, а вас — к копеечным доходам. Всегда, при любых обстоятельствах, это — ваше неотъемлемое право! Никогда ничего плохого не случится с колхозом, если у колхозников будет высоко развито чувство коллективного беспокойства за свое добро, чувство хозяев своей жизни. Это самая верная страховка от всех бед!

Когда подошли к принятию решения, Долгушин предложил первым пунктом исключить из партии Бывалых: за полное бездействие в течение четырех месяцев, за попустительство врагам колхозного строя, за шкурническое стремление удрать из колхоза, ничего не сделав для его подъема.

За исключение Бывалых проголосовали семь членов партии, и за ними в зале поднялся еще целый лес рук. Секретарь собрания, писавший протокол, вопросительно поглядел на Долгушина, Зеленского.

— Ничего, — сказал Долгушин, — можно отметить в протоколе, что и столько-то беспартийных присоединилось к решению партсобрания. Это учтется.

Зеленский подсчитал поднятые руки — четыреста три.

Исключили из партии Трапезникова и Бесфамильного. Отстранили от руководства парторганизацией Чайкина. Выборы нового секретаря решили согласовать с райкомом, отложили до следующего собрания, на ближайшие дни. И записали в решении, что новое руководство должно продолжить и довести до конца очищение партийной организации от примазавшихся шкурников и социально опасных людей. И еще записали особым пунктом: просить следственно-судебные органы принять активное участие в очищении колхоза «Рассвет» от преступных элементов.

А затем тут же, с тем же составом, открыли общее собрание колхозников. Собрание сняло с должности председателя колхоза Бывалых, распустило правление, как не заслужившее доверия народа.

Кандидатуру нового председателя назвали сами колхозники: Артюхин. Видимо, люди знали с хорошей стороны и любили этого старого коммуниста: выбрали его почти единогласно, человек десять только воздержалось от голосования. В новое правление, кроме Артюхина, вошли доярка Зайцева, комсомолка Кострикина, Грачев, кузнец Сухоруков и бригадир Милушкин.

Зеленский сказал Долгушину, что будет просить в райкоме, чтобы его освободили от работы в зональной группе и рекомендовали секретарем парторганизации в колхоз «Рассвет».

На другой день с утра нельзя еще было начинать полевые работы, но к обеду, когда просохло и загудели

тракторы, народу в бригады вышло столько, что у бригадиров даже и нарядов на всех не хватило; пришлось часть людей из полеводческих бригад отослать на строительство в село и на парники.

Ничего страшного не случилось оттого, что сменили председателя и всё правление в разгар весеннего сева. Новый председатель Артюхин знал, как пять пальцев, всё хозяйство колхоза, поля, людей, ему не требовалось много времени, чтобы войти в курс дела. На севе это отразилось лишь самым благоприятным образом. В первую же пятидневку колхоз «Рассвет» показал такие темпы весенних полевых работ, что можно было уже не опасаться затяжки сева здесь на целый месяц.

Тем не менее Долгушину попало за это партийное собранце и самовольные выборы нового правления в «Рассвете». Да еще как попало!..

6

Представители из области, что сидели в райкоме, когда Бывалых пытался созвониться с Медведевым и предотвратить созыв чрезвычайного открытого собрания в колхозе, были один из секретарей обкома партии Масленников и заместитель председателя облисполкома Рыбкин.

Они задержались в районе на несколько дней, ездили с Медведевым в колхозы, приехали и в Надеждинскую МТС. И здесь, в кабинете Долгушина, при закрытых дверях, в присутствии лишь Холодова (Марья Сергеевна была на поле в тракторных бригадах), и завязался, слово по слову, разговор о партийном собрании в колхозе «Рассвет», вылившийся в жестокий нагоняй Долгушину.

— Что-то вы, товарищ директор, очень чистенько выглядите, — заметил Рыбкин после нескольких обычных при таких приездах вопросов: о количестве работающих в борозде тракторов, о ходе сева, о подкормке озимых.

— Чистенько выгляжу? — удивился Долгушин замечанию Рыбкина и даже провел ладонью по гладко выбритой щеке. — Это, вероятно, потому, что каждый день умываюсь.

— По вашему костюмчику не похоже, чтобы вы близко соприкасались с тракторами.

Долгушин был одет в недорогой, расхожий, купленный в местном сельпо костюм из полушерстяной ткани «под коверкот», сшитый не очень ловко, но хорошо выутюженный. Как всегда, был в довольно свежей сорочке, при галстуке, повязанном с каким-то особенным «столичным» шиком. За его спиной на вешалке висела новая еще, не потертая и не замызганная стеганка защитного цвета, в которой он недавно приехал с поля. На ногах — желтые модельные туфли: забегал на квартиру пообедать и успел переобуться. Шапку Долгушин носил лишь зимой, в морозы, остальное время года ходил с непокрытой головой, красуясь пышными, черными с проседью кудрями. Некоторое щегольство чистой, нарядной одеждой было, видимо, у него в крови, на четверть цыганской.

— Разрешите, товарищ Рыбкин, понимать ваши слова буквально, — ответил Долгушин. — Близко соприкасаться с тракторами — это значит разбирать, собирать моторы, залезать под картер. Но зачем же мне это делать? У нас есть главный инженер, заведующий мастерской, разъездные механики, бригадиры. Не обязательно мне обтирать полой этого пиджака магнето и свечи. Стараюсь обходиться без подмены наших специалистов.

— Колючий вы человек, — переглянувшись с Медведевым, сказал, улыбаясь, Масленников, добродушный на вид толстяк в широком сером макинтоше и зеленой плюшевой шляпе.

— Не всегда колючий, — не согласился Долгушин.— Только при виде опасности.

— Какая же опасность вам угрожает сейчас?

— Да вот разговор начинается с замечаний, почти выговора. Настраиваюсь на оборону. Мне ставят на вид то, что у меня нос не в мазуте. Директор-белоручка — это я уже слышал от некоторых товарищей. Однако менять свой стиль работы не собираюсь. Под трактором вы меня никогда не увидите, даю слово! Заставлю это сделать кого нужно, но сам не полезу.

— Всё-таки большой оригинал у нас директор МТС в Надеждинке! — залился тихим смехом Рыбкин, маленького роста человек, с большой лобастой головой и плечистой, сутулой, квадратной фигурой. — Вы первый раз его видите, Дмитрий Николаевич? — обратился он

к Масленикову. — А в управлении сельского хозяйства он уже стал притчей во языцех. Никто, говорят, не хочет брать командировку в Надеждинскую МТС. Ему — слово, а он в ответ — двадцать. Ужас навел на людей!

— Не знаю, кто на кого наводит ужас, — пожал плечами Долгушин. — Прав моих не хватает, чтобы навести ужас на вышестоящий орган. А вот я уже получил пять взысканий по приказам начальника областного управления.

Долгушин положил руки на стол перед собой и стал загибать пальцы:

— За перерасход ремонтного фонда выговор — раз. Хотя виноват не я, а бывший директор очковтиратель Зарубин. За непринятие на должность заведующего ремонтной мастерской рекомендованного из области инженера — два. Хотя этот человек здесь, в кабинете, упал на колени и умолял, чтобы я под каким угодно предлогом не принял его, вернул назад, домой, к семье. У него, говорят, жена красавица, и он боится, что она не переедет сюда с ним. И оставлять ее одну в городе надолго не решается. Зачем нам такие нежные домоседы? Это уже два выговора?.. За вывоз удобрений из Каменского района, где колхозы не брали...

— Не трудитесь считать, товарищ Долгушин, — перебил его Маслеников. — У нас не вечер воспоминаний. Нас интересует не прошедшее, а то, что делается у вас сегодня.

— Это прошедшее, Дмитрий Николаевич, — сказал Долгушин, — не вековой давности. К сожалению, это и прошедшее и наше настоящее. Это и есть та обстановка, в которой приходится работать нам, новым директорам. Директора новые, а методы руководства машинно-тракторными станциями старые... Я начал здесь с укрепления трудовой дисциплины и повышения ответственности каждого работника станции за его участок работы. Мне пришлось уволить из МТС двух закоренелых бездельников — агронома и механика. Беспробудное пьянство, вранье в донесениях, всякие пакости в коллективе. Выгнали их. На место механика выдвинули одного тракториста, должность агронома-энтомолога пока не занята. Двум бригадирам на ремонте я за частые опаздывания на работу объявил выговор. И мне поставлено на вид, что я разгоняю кадры и администрирую. Двух

человек уволил, — по законной причине, и профсоюз согласился с моим приказом, — и дал по выговору двум человекам — это сочли администрированием. А мне одному за пять месяцев пять выговоров из области закатили! Да на бюро райкома дважды записывали: «поставить на вид», «строжайше предупредить». Если я администрирую, то это лишь десятая часть того администрирования, которое я испытываю сам на своей собственной шкуре! За что же меня наказывать!.. По-моему, я заслуживаю даже благодарности — за стойкость характера и выдержку. За то, что не переношу на своих подчиненных полностью тех методов руководства, что обрушиваются на меня самого.

Долгушин усмехнулся пришедшему в голову сравнению и добавил:

— Нахожусь в положении буфера между руководящими организациями и трактористами. Принимаю на себя все удары, но не передаю их дальше с той же силой, стараюсь по возможности смягчить.

Маслеников хмурился, а по лицу Медведева скользила легкая сдержанная улыбка. Он, видимо, был доволен тем, что Долгушин произвел неприятное впечатление своей «колючестью» на секретаря обкома.

— Хотите, Дмитрий Николаевич, скажу вам всё, что думаю о стиле руководства нами, низовыми работниками, со стороны вышестоящих организаций? — разошелся Долгушин. — Я ведь новый человек в вашей области, мне кое-что, может быть, даже виднее на свежий глаз, чем старожилам.

— Ну-ну, говорите, послушаем, — кивнул головой Маслеников.

— Поражает меня, с одной стороны, простите за выражение, гнилой либерализм по отношению к тем, кого нужно гнать из партии, к прохвостам, примазавшимся, — я уже видел таких в нашем районе немало, — а с другой стороны — бурное администрирование над людьми, честно работающими, но в чем-то, может быть, иногда и ошибающимися. Негибкие, дубовые методы руководства. И тому, чье место в тюрьме, — выговор, и тому, кто не по злому умыслу ошибся, — тоже выговор. Какой-то общий стандарт. Партийные и административные взыскания как единственная форма воспитания низовых работников. Очень упрощенная и облегченная

система руководства. По такой системе можно руководить и не напрягая особенно мозги. Но ведь в том и отличие работников умственного труда...

Из бухгалтерии постучали в стену. Долгушин снял телефонную трубку. Звонил Руденко из колхоза «Вехи коммунизма», просил направить к нему главного агронома МТС для обследования полей клевера и определения участков, подлежащих распашке. Долгушин ответил, что завтра утром сам приедет к нему с главным агрономом Кудрявцевым, так как, убедившись в робости Кудрявцева, он не надеется, чтобы тот один решил это дело правильно: без паники, с наибольшей хозяйственной выгодой для колхоза.

Холодов, встретившись взглядом с Маслениковым, повел искоса глазами на Долгушина, чуть заметно кивнул головой в его сторону, как бы говоря: «Какой бюрократ, полюбуйтесь! Не берет трубку, пока из той комнаты не постучат ему».

— Вот так, Дмитрий Николаевич. Я недавно работаю в деревне, для меня здесь многое еще непонятно, — положив трубку, продолжал Долгушин. — Я не знаю, каково положение было здесь до колхозов, в первые годы коллективизации. Может быть, это увлечение администрированием идет еще с тех времен? Когда в деревне была жестокая классовая борьба, когда к руководству колхозами пробирались кулаки, председатели прятали хлеб в «черных амбарах», саботировали решения партии? Когда без большого нажима не проходила ни одна кампания? В то время многие строгости, конечно, оправдывались чрезвычайной обстановкой. Так вот, может быть, с тех пор по инерции и повелись у нас эти излишества в администрировании? Всё еще с некоторым недоверием относимся к местным кадрам? Нужно и не нужно — грозим, стращаем, нажимаем...

Помолчав немного в раздумье, Долгушин добавил:

— Нет, это, конечно, полностью не объясняет вопроса. Всё же, помнится, в те времена не было такой примиренческой середины: и тем и другим по выговору. С чужаками и шкурниками, пробравшимися в партию, не нянчились. Были периодические чистки партии...

— Вы кончили, товарищ Долгушин?

Маслеников снял шляпу, положил ее на стол, потер ладонями пухлые круглые колени.

— Надо отдать вам должное: человек вы последовательный. Всё, что рассказывали о вас товарищи, и то, что я сейчас услышал сам, всё это — продолжение одной линии. Вы против какого бы то ни было вмешательства сверху в дела вашей МТС.

Долгушин, широко раскрыв глаза, попытался было возразить.

— Погодите. Мы вас слушали терпеливо.

Маслеников тяжело повернулся на заскрипевшем под ним стуле, выпрямил спину. Добродушно-сонливое выражение сошло с его красного округлого лица. В уголках большого рта появились жесткие линии. Подбородок стал каменным, чуть выдался вперед. Долгушин же как-то сразу сник, отвернулся, стал глядеть в окно. Этот новый человек из верхушки областного руководства, с которым он до сих пор ни разу еще близко не встречался, потерял для него интерес.

— Да, да, вы восстаете против нашей социалистической системы руководства и управления хозяйством. Вы хотите, чтобы райком и областные организации не давали вам никаких директив, чтобы вам здесь была полная свобода действий. Не выйдет, дорогой товарищ Долгушин!

— Не выйдет! — подтвердил, протирая очки носовым платком, сурово нахмурившись, Медведев. — Руководили и будем руководить! Ослабить организующую и направляющую роль партии никому не удастся!

Маслеников поднялся, откинул ногой стул к стене и тяжелыми шагами, от которых задребезжали стёкла в окне, стал ходить из угла в угол по тесному кабинету.

— Выговоров, видите ли, много ему записали! Областные организации администрируют! Обижают, унижают человека! Лучше надо работать — вот и меньше будет выговоров!.. Да откуда вы, собственно, взялись у нас, такой самостийник? Кто вас выдвигал, рекомендовал на ответственный пост в деревню? Надо всё-таки, — Маслеников остановился перед Медведевым, — проверить, запросить Московский Комитет. Как он там работал в главке?

Кровь бросилась в лицо Долгушину.

— В райкоме партии лежит моя учетная карточка. Там вся моя жизнь записана — где и как я работал, — сказал он, подняв голову.

— Да знаем мы, как у нас иногда учетные карточки заполняют! Хотят избавиться от ненужного человека и отпускают его с чистым личным делом, лишь бы уехал поскорее. Скатертью дорожка! Выдвижение называется! А у этого «выдвиженца» хвостов, как у маршала Жукова орденов!

— Помнит свекруха свою молодость — и невестке не верит, — вырвалось у Долгушина.

— Что?..

— Сами, что ли, выдвигали так коммунистов из своей парторганизации, по разверсткам Цека?..

— Вы с кем разговариваете, товарищ Долгушин? Не забывайтесь! — почти прикрикнул на него Медведев.

— Разговариваю с секретарем обкома, которого высокое положение обязывает тем более вести себя достойно и не оскорблять незаслуженно коммуниста.

Изумленный Масленников не нашелся, что ответить, постоял немного у стола, глядя в упор на Долгушина, громко крякнул, как после хорошей стопки водки, и принялся опять ходить по кабинету. Неловкая пауза тянулась несколько минут.

— Интересно получается, что вон он, — заговорил Масленников, указывая через плечо большим пальцем на Долгушина, — протестует против повседневного оперативного руководства сверху машинно-тракторной станцией, и в то же время он — за очень широкие права директора. Права директивных организаций ему хотелось бы поубавить, а свои — раздуть до бесконечности! Ко мне не лезь никто, не признаю над собой никаких начальников! А я буду лезть всюду, буду командовать колхозами, как мне вздумается!

— Именно этого он и добивается — полной бесконтрольности и диктаторства в зоне своей МТС, — сказал Медведев. — Вы очень правильно подметили, Дмитрий Николаевич!

— Вообще товарищ Долгушин любит заниматься не своим делом, — подал голос Холодов. — Вызывает, например, рабочего, члена партии, и начинает беседовать с ним: «Я говорю с тобой, как с коммунистом». Кто вас обязывает, Христофор Данилыч, говорить с ним, как с коммунистом? Говорите с ним просто как с рабочим, а как с коммунистом мы сами с ним поговорим!

Сказано это было так неудачно, что Долгушин, как

ни грустно было ему в эти минуты, даже улыбнулся. Рыбкин откровенно засмеялся, покачал головой. Маслеников досадливо махнул рукой на зонального секретаря:

— Это пустяки, товарищ Холодов, не об этом речь! Вы нетипичный пример привели. В вашей МТС директор взял на себя вообще все функции зональной группы!

— Что вы имеете в виду, товарищ Маслеников? — спросил Долгушин.

— Да вот хотя бы это знаменитое партийное собрание, что вы провели здесь на днях без ведома райкома в одном колхозе.

— А, вот что. Ну, по этому вопросу я готов держать ответ где угодно. С этого бы и начинали — ближе к делу, — а не с моего чистого костюма.

Долгушин открыл ящик стола, достал оттуда три исписанных тетрадочных листка бумаги:

— Вот посмотрите, передали мне вчера из этого колхоза «Рассвет». Заявления о вступлении в партию. Простите, Григорий Петрович, — он взглянул на Холодова, — не успел вручить их вам — не видел вас еще со вчерашнего дня. Секретаря парторганизации там сейчас пока нет, а товарищ Зеленский, видимо, где-то в другом колхозе своего куста, и заявления передали прямо в МТС. Одно — от Прасковьи Зайцевой, лучшей, как я успел заметить, работницы у них на животноводстве. Другое — от кузнеца Тихона Сухорукова. Третье — от колхозницы Надежды Ивановны Прониной, матери погибшего на фронте Героя Советского Союза Николая Пронина. Три заявления о вступлении в партию от рядовых колхозников. Вот что происходит там сейчас, после этого собрания... А вообще в районе, насколько мне известно, за последние годы очень мало было принято в партию рядовых колхозников. Единицы. Так, товарищ Медведев?

Заявления пошли по рукам. Особенно долго и внимательно, одобрительно покачивая головой, читал их Рыбкин. Маслеников, прочитав, передал заявления Холодову:

— Это всё хорошо, товарищ Долгушин, но вы не отвечаете прямо на вопрос: кто вам, директору МТС, хозяйственнику, дал право подменять партийные органы? Вы там сняли секретаря колхозной парторганизации,

исключили из партии председателя колхоза, учинили новые выборы правления, чёрт знает чего натворили, и всё это самовольно, не испрашивая ни у кого разрешения на эту операцию!

— Во-первых, не я снимал и исключал, — напрягая все душевные силы, чтобы сохранить спокойствие, ответил Долгушин. — Я вносил предложения, а решало собрание. Во-вторых, и товарищу Медведеву и товарищу Холодову давно было известно о положении в этом колхозе. Я несколько раз просил их заняться «Рассветом». Время шло, упустили зиму, приступили наконец уже к севу. А вы лучше меня знаете: что посеешь, то и пожнешь. Если колхоз провалит сев, весь хозяйственный год загублен. Еще, стало быть, на год оставим там людей без урожая, без хлеба, без денег. Пришлось ехать туда самому. И то, что я увидел там на месте, что услышал от колхозников, в чем убедился сам собственными глазами, — это уже было последней каплей. Тут я, простите, забыл о своих правах, хватает или не хватает моих директорских прав для созыва такого собрания, тут я действовал просто как коммунист.

— Просто как коммунист! Ха! — Масленников продолжал сотрясать стены кабинета тяжелыми шагами. — Да вы понимаете, что вы там чуть ли не чистку партии учинили? Где, в каких инструкциях записано, чтобы на открытом партийном собрании ставился вопрос об исключении из рядов партии коммунистов?..

— У них там беспартийные даже голосовали на собрании, — добавил Холодов. — В протоколе записано.

— Даже голосовали? Еще лучше! Старый член партии, не знаете устава партии, в которой состоите!

Долгушин поднялся, подошел к окну, распахнул его — в кабинете было душно и сильно накурено, атмосфера сгущалась во всех смыслах, — присел на подоконник:

— Если я ошибся по форме, то неужели же вас, Дмитрий Николаевич, совершенно не интересует существо дела? Почему вы начинаете с формы, а не с главного, что было в колхозе и что вынудило меня к таким действиям? Разве вы не согласны, что тех мерзавцев действительно нужно было гнать с позором из партии? Воров, спекулянтов, пропойц? Сейчас там, за эти дни после собрания, еще много нового раскрылось. Развяза-

лись языки. Стали люди говорить обо всем, не боясь. Уже известно, и кто телятник спалил. Дело кончится судом над целой шайкой грабителей!.. Но я думаю, что и по форме всё было сделано правильно. То, что мы вынесли на открытое партийное собрание такие вопросы, — именно это и помогло там начать оздоровление обстановки. Вы что, боитесь подрыва авторитета партии? Так в этом же и сила и авторитет партии — в связи ее с народом! Когда мы открыто говорим о своих промахах и болезнях, на глазах у людей очищаемся от всякой дряни — это лишь поднимает доверие народа к партии.

— Может быть, для связи с народом и пленумы и партийные конференции наши предло́жите проводить открыто?

— Да, да! — подхватил Медведев. — Вообще, растворить партию в массах! Отсюда один шаг и до ликвидаторства!

Долгушин чувствовал, что его слова падают, как в вату, но всё же продолжал говорить:

— Буду доказывать где угодно, что и с Бывалых поступили правильно! Нельзя в таких случаях формально подходить к делу. Человек, мол, недавно только послан председателем, как же его снимать, а тем более исключать из партии? Ну, а если с посылкой его в колхоз действительно ошиблись? Что ж теперь, людям там вечно терпеть последствия этой ошибки? Недавно послан, да, но уже успел показать себя во всей красе. Нет надобности еще три года к нему присматриваться. Человек может и в один день вдруг раскрыть свои душевные тайники — в трудной обстановке. Как трус или перебежчик на фронте. Бросил винтовку, поднял руки — вот и всё уже ясно.

— Я думаю, товарищ Долгушин, — перебил его Масленников, — придется всё же вытащить вас с этим делом на бюро обкома.

— Зачем же меня «вытаскивать»? Позво́ните — сам приеду.

— Райкома вы, как видно, совершенно не боитесь. Вероятно, здесь сказываются ваши прошлые московские масштабы работы. Но вам и на обком наплевать! Вы даже забыли, что председатели колхозов — в областной номенклатуре!

— Эх, Дмитрий Николаевич! Если бы вы тогда со

мной в «Рассвете» походили по фермам, бригадам, поговорили с колхозниками, посидели на том собрании, и вы бы забыли, в чьей номенклатуре Бывалых!..

Долгушину вдруг стало невыносимо обидно за себя, за те хорошие, светлые чувства, с которыми он ехал из Москвы на постоянную работу в деревню, за то немногое еще пока, что он успел сделать в МТС и колхозах.

— Выражения у вас, товарищ Масленников!.. — сказал он с горькой усмешкой. — «Вытащим на бюро». В какое-то пугало превращаете бюро обкома!.. А мне бы хотелось приезжать в обком, как в дом родной, за советом, помощью, теплым, одобряющим словом...

Долгушин соскочил с подоконника, заметив, что Масленников, переглянувшись с Медведевым, взялся было за шляпу.

— Нет, погодите! Я еще имею кое-что вам высказать. Вы здесь предъявили мне тяжкое обвинение, что я вообще против какого бы то ни было руководства со стороны директивных органов. Такие вещи нельзя оставлять без ответа. Ведь это же всё равно, что обвинить меня в эсеровщине, скажем, или махаевщине. О ликвидаторстве уже говорилось... Присядьте, Дмитрий Николаевич, еще на минутку. Я не вижу вашей машины во дворе. Вы же отпустили шофёра пообедать?

Долгушин сел за стол, вытащил из ящика несколько толстых тетрадей в клеенчатом переплете, полистал их:

— Не часто мы видим у себя в МТС секретарей обкома. Много рассказал бы я вам. Это мои дневники. С первого дня начал записывать всё, что видел, узнавал, думал. Но это надолго разговор. Я вижу, вы торопитесь...

Долгушин, вздохнув, спрятал тетрадки обратно в стол, задумался.

Хотя он среди собравшихся в его кабинете людей находился в положении лица подначального, тем более провинившегося, которому делают выговор, обязанного больше слушать, чем говорить, невольно всё же как-то получалось, что разговор вел он. И даже когда он умолкал на минуту, ждали, что он еще скажет. Самая тема разговора и упорство Долгушина заставляли его слушать. И неприятно было то, что он говорил, и всё же слушали.

— Сколько встает перед нами каждый день таких вопросов, с которыми нам самим трудно справиться

или где нам нужен дельный совет! Не знаю, есть ли еще человек на свете, который бы так горячо желал, чтобы им руководили, как желаю в эту весну я! Но руководили по-настоящему!.. Вот трактористов мы зачислили в штат МТС. Но разве этим и кончается превращение колхозника-механизатора в настоящего советского рабочего?.. А хозрасчет? Вероятно, машинно-тракторные станции будут скоро переводить на хозрасчет, — надо же наконец взять на карандаш себестоимость продукции. Но хозрасчет в условиях нынешнего сельского хозяйства, такой вот двойной ответственности за урожай и работников МТС и колхозников, это совершенно не похоже на промышленность... А севообороты? А вопрос о переднем крае в колхозах?..

— Это еще что за передний край? — спросил Масленников.

— Как на фронте передовая проходит извилисто, а не всюду ровно по линеечке, так и в колхозах сейчас передний край нового не на одной черте. В нашей зоне двенадцать колхозов — и все разные по своему уровню организованности, дисциплины, культуры. Этот колхоз вряд ли еще справится с такой-то задачей, а другому она как раз по плечу. Для одного колхоза это увлекательная мечта, рывок вперед, для другого — скучный пройденный этап. Давать сейчас одинаковые задачи всем колхозам — всё равно что собрать в лекторий людей с разным образованием: и за три класса, и за десятилетку, и за два курса университета — и начать читать им всем лекции о методе меченых атомов в химии. Опёнкин во «Власти Советов» дошел уже до расщепления атомного ядра, этому можно уже и за антипротоны браться. А кой-кому следует таблицу умножения хорошенько повторить. «Власть Советов» может сегодня приступать уже к строительству соцгорода на месте старого села. На текущем счету у них свободных средств три миллиона. Круглосуточные детские ясли, детсады, Дворец культуры, радиоузел, водопровод, колхозный санаторий — на всё хватит у них сил. Этот колхоз может уже в полной красе показать всем новую жизнь нашей деревни. Пора ему уже блистать не только высокими урожаями и образцовыми коровниками, а именно счастливой жизнью людей! На могучие плечи Опёнкина — и ношу богатырскую! А где-то в другом колхозе надо

добиваться пока еще хорошего выхода на работу и хозяйского отношения всех колхозников к общественному добру... Даже болезни у отстающих и у передовиков не одинаковые. Сегодня мы распутываем этот клубок преступлений в «Рассвете», а завтра надо что-то делать с колхозом «Спартак».

— А что случилось в «Спартаке»? — осведомился Медведев.

— Ничего особенного, Василий Михайлович, кроме того, что колхоз свернул с социалистического пути куда-то на купеческий путь.

— Что-о?..

— Да, так. Колхоз этот у вас считали много лет благополучным. Поставки выполняют, на трудодень выдают прилично, миллионеры — чего еще надо? И товарищ Мартынов, естественно, редко туда заглядывал, и вы, очевидно, полагаете, что в «Спартаке» районным руководителям не над чем ломать голову. Побольше бы, мол, таких хозяйственных председателей, как Золотухин. Мне тоже, когда я приехал сюда, расхвалили этот колхоз. По десяти рублей на трудодень дали, семь автомашин имеют, у председателя — «Победа». А недавно я там был, посмотрел хозяйство, посидел вечер в бухгалтерии и разобрался в источниках колхозных доходов. Животноводство у них средненькое, урожаями не блещут. Выезжают на некоторых прибыльных вещах — на чесноке, конопле, клубнике. И — умеют продать свой товар. Куда что повезти, чтобы выгоднее продать, — этому их учить не надо. Как в бюро погоды сходятся из разных областей Советского Союза метеосводки, так у Золотухина на столе в кабинете каждый день свежие телеграммы — где что почем на колхозных рынках. Но этого мало, что свои продукты продают. Оказывается, колхоз содержит в разных городах целый штат агентов по купле-продаже всего, что под руку попадется. Накупили лошадей в Ставропольщине, перегнали в Татарию, продали втридорога, заработали на этой операции двести тысяч рублей. В Казахстане покупали баранов, в Харькове торговали молдавским вином, в Ленинграде — кубанским рисом. Это уже похуже, чем просто коммерческие загибы в колхозной торговле. Самое настоящее барышничество... Вы, товарищ Медведев, ломитесь в открытую дверь: «Руководили и будем руководить, не

отдадим колхозы никому на откуп!». Никто не посягает на ваши права. Руководите, пожалуйста. Очень просим! Не упускайте из поля зрения и такие колхозы, как «Спартак». Ведь в конце концов все наши хозяйственные планы — для социализма, для воспитания социалистического человека. Нам не всё равно, каким способом наживают председатели эти миллионы. Что там за парторганизация в «Спартаке»? Как позволяют коммунисты Золотухину заниматься такими вещами? Декларируете свое право на руководство, а сами не руководите по-настоящему. Избегаете трудных, щекотливых вопросов, выбираете, что полегче. Если интересоваться только сводками по текущим кампаниям, не много узнаешь о жизни колхозов. Очень отстает у нас работа партийных организаций от уровня хозяйственных дел!..

— Значит, вас не удовлетворяет работа наших партийных органов? — с самокритичным смиренным выражением на лице сказал, покачивая головой, Масленников. — Линия райкома, обкома?..

— Насчет линии, Дмитрий Николаевич, ничего не могу вам сказать, — ответил Долгушин. — Я ее пока не видел. Первый раз разговариваю с членом бюро обкома. Но думаю, что ваш лично стиль руководства директорами МТС — это еще не линия обкома.

Во дворе просигналила машина.

— Ну, довольно, поговорили! — Масленников резким взмахом руки оборвал разговор, встал, застегнул макинтош, надел шляпу. — В общем, так, товарищ Долгушин. С севом у вас неважно. Многие МТС, позже вас приступившие к массовому севу, догоняют уже вас по выработке на трактор. Есть факты недоброкачественной пахоты, перерасхода горючего, нарушения трудовой дисциплины. Сделаем так, Василий Михайлович. Подождем до конца сева, подытожим всё и поставим его отчет. Или на бюро райкома, или, может быть, у нас в обкоме. Вот так. Там поговорим обо всем. До свидания! Советую всё же вам, товарищ Долгушин, меньше философствовать, а больше заниматься практическим делом. И именно вашим кровным делом — тракторным парком, ремонтом комбайнов, механизацией ферм. С колхозом «Рассвет», товарищ Медведев, я думаю, надо всё же довести дело до конца. Бывалых и секретаря парторганизации, которого сняли, вряд ли нужно восстанавливать

там, поскольку за ними действительно имеются грехи. Присмотритесь, как будет там работать новый председатель, помогите ему. Если этот зональный инструктор очень настаивает на переводе в колхоз, рассмотрите его заявление. И займитесь колхозом «Спартак». Как же это получается, что вам не известны такие факты? Колхоз покупает и перепродает скот! Укажите председателю на недопустимость! До свидания, товарищи! Желаю успехов!

Долгушин, как гостеприимный хозяин, вышел проводить гостей на крыльцо. Стоял, пока машина отъехала, глядел ей вслед. «ЗИМ» быстро скрылся за поворотом дороги, спускавшейся под гору к реке, но долго еще курилась в той стороне над улицей пыль и истошно визжала чья-то собака — видимо, попала под колесо.

«Подытожим всё» — прозвучало откровенной угрозой. Мало ли можно подытожить промахов и ошибок в огромном хозяйстве МТС, в ее восемнадцати тракторных бригадах за всё время весеннего сева? Особенно когда этих промахов ждут и не очень стараются предостеречь от них человека.

7

Теплым майским днем Марья Сергеевна шла полевой дорогой из Арсеньевки в Березняки. Она так рассчитала свое время, чтобы успеть сегодня побывать еще в тракторной бригаде Семена Чалого, а к вечеру добраться домой, в Надеждинку. Завтра рано утром пойдет машина в райцентр — Борзова хотела съездить на полдня в Троицк, свезти дочку на рентген в районную поликлинику.

На полях цвела весна. Молодая озимь на уцелевших от вымерзания участках, еще не тронутая сушью и жарой, жила, играла под солнцем изумрудными переливами чистой, яркой зелени и, когда налетал ветер, уже «пробовала голос», чуть начинала шуметь своей стрельчатой густой гривкой; но солидно покачиваться невысоким ершистым стебелькам еще не удавалось, ветер гнал по ним пока не волны, а мелкую зыбь. Чернели квадраты свежей дымящейся пахоты. Над полевыми болотцами кувыркались, сшибались в воздухе, падали чуть не наземь и вновь взмывали вверх с стенящим криком чибисы. И в небе и на земле беспрерывно, не умол-

кая ни на минуту, пели жаворонки. Солнце сияло нестерпимо ярко, весь купол неба над головой как бы излучал потоки света, пушинки, поднятые ветром вверх с какой-то отцветшей еще прошлым летом старой травы, вспыхивали в небе искорками. Глазам было больно от этого сплошного сияния вокруг.

У поворота дороги к стану тракторной бригады Чалого Марья Сергеевна увидела эмтээсовский «газик». Задок был приподнят на домкрате, снятое колесо валялось на земле. Вокруг машины похаживал Холодов. Володя, подстелив стеганку, лежал на боку под дифером, силился привернуть какую-то гайку.

— Две беды, Григорий Петрович, — сказал Володя, кивком головы здороваясь с подошедшей Марьей Сергеевной. — Баллон-то мы починим, а вот это видите? — Он постучал ключом по железу. — Так нельзя ехать. Не привертывается гайка до конца, резьба на болту забита.

— Нельзя ехать? А что же ты дома думал?

— Я и дома думал, Григорий Петрович, что этому «газику» давно пора в доменную печь на переплавку. Одно отрегулируешь — другое не годится.

Холодов с сердцем плюнул. Володя вылез из-под машины, задумчиво повертел в руке болт с гайкой, оглянулся вокруг. Вдали, километрах в четырех, у небольшого леска, виднелся полевой вагон тракторной бригады Чалого. Возле вагона маячило что-то вроде автомашины с высокой будкой.

— Придется сходить к трактористам, — сказал Володя. — Ничего другого не придумаешь. А вы здесь отдохните. Может, у них есть такой болт. Или нарежем резьбу на этот. Вон к ним и походка, кажется, приехала.

— Ну, иди, чего ж раздумываешь! Да скорее справляйся, некогда нам тут загорать!

Володя зашагал прямо через пахоту к вагону. Холодов отошел с дороги к старой прошлогодней развороченной скирде, откинул с кучи носком сапога заплесневевшие гнилые комья, докопался до чистой соломы, бросил на нее плащ, сел, позвал Марью Сергеевну:

— Садись, отдыхай... Вот так и работаем! Транспорт называется! Гроб с музыкой, а не транспорт! Да и тот делим пополам с директором. Как милости, просишь

машину в колхоз выехать. И ты тоже — секретарь парторганизации МТС, а ездишь по бригадам одиннадцатым номером. Хождение в народ!

— Ох, Григорий Петрович,—сказала Марья Сергеевна, садясь рядом с Холодовым на плащ, — столько нас здесь начальников, да если еще каждому машину, что ж это получится? Целой автоколонной будем ездить. Зачем мне машина? Я ушла из дому на несколько дней, вчера ночевала в пятой бригаде, позавчера в восьмой, наговорилась там с ребятами вволю. Делаю свое дело не торопясь, шофёр меня не ждет, горючее не трачу. Гораздо лучше так, спокойнее. А пройти пешком из колхоза в колхоз — вместо прогулки. Я вот за это время, что работаю секретарем в Семидубовке и здесь, похудела на восемь килограммов, — это мне только на пользу. Не нужно и на курорты ездить. Будто молодые годы вернулись. Опять хожу по полям, степным воздухом дышу, трактористы вокруг меня, свои люди. Жить стало интереснее!..

Марья Сергеевна, загорелая, с выбившимися из-под косынки растрепанными ветром каштановыми кудряшками, по-здоровому похудевшая, вся какая-то окрепшая, выглядела действительно намного моложе своих тридцати семи лет. Одета она была в легкий летний ситцевый сарафан, пальто держала на руке. Холодов покосился на округлое голое плечо Марьи Сергеевны, почти касавшееся его, скользнул взглядом по ее ногам в парусиновых тапочках, полным сильным икрам, снял фуражку, вытащил из нагрудного кармана кителя расческу и зачесал назад, на небольшую лысину, светлорусые, длинные, шелковистые волосы.

— Что делала в пятой бригаде? — спросил он.

— Решения Пленума читала ребятам, кто в подсмене был. Хорошего агитатора подобрала я там, Григорий Петрович! Василий Лукашев, тракторист, комсомолец. На каждый пункт решения у него факт из жизни: «А у нас в колхозе вот так-то делается», «А я вот говорил с нашим агрономом — и у нас можно это сделать». Вообще, я думаю, надо нам поломать этот порядок — назначение агитаторами людей по должности. Всюду у нас в бригадах агитаторами учетчики. Они, мол, самые грамотные и не работают на тракторе, им удобнее всего проводить читки и выпускать боевые лист-

ки. А может, у этого учетчика совсем нет пропагандистских способностей? Надо назначать тех, кто сможет поднять людей на живое дело!

— Это правильно, — согласился Холодов.

— Оформила у них партийно-комсомольскую группу, — продолжала рассказывать Марья Сергеевна. — Для начала обсудили вопрос о себестоимости центнера натуроплаты. Приезжал наш плановик, по моей просьбе, и рассказал ребятам подробно, из чего складывается эта самая себестоимость. С большим интересом слушали его! Все как-то по-хорошему призадумались: вот что мы теряем на горючем, на лишних перепашках, на пустых переездах. Много было вопросов. Я думаю еще раз поговорить с ними, и можно будет с этой бригады начать соревнование в МТС за снижение себестоимости урожая.

Холодов раскинулся на соломе в вольной позе, расстегнув китель. Закинув руки за голову, запел, фальшивя: «Дывлюсь я на небо...» Оборвав песню, повернулся на бок, опершись на локоть пристально посмотрел в лицо Борзовой, на ее миловидный профиль с небольшим, чуть вздернутым носом, полными губами и мягким, округлым подбородком.

— В четырех бригадах у нас есть девчата и женщины, — говорила Марья Сергеевна, нагнув голову и натянув на лоб косынку от бьющего прямо в глаза солнца, вертя в пальцах длинные соломинки, сплетая из них кнутик. — И в колхозах есть бывшие трактористки на других работах. В Семидубовке мы организовали женскую тракторную бригаду. Хорошо работают! У них и бригадир женщина, Полина Егоровна Черноусова. Старая трактористка. Как мать родная этим девчатам. И поругает их, и пожалеет, и поучит. Надо бы и здесь нам сколотить женскую бригаду. Сейчас-то не время, сев идет, нельзя ломать планы, а вот туда дальше, как закончим весенние работы, в междупарье. Получим как раз новые машины, что запланировали нам... Трактористки есть, согласны, я уже говорила с ними. Бригадира только надо подобрать хорошего, лучше бы из них, из женщин. Вот присмотрюсь еще к одной трактористке, Кате Быковой. Машину знает отлично, пятый год работает. Немножко какая-то застенчивая, тихая. Сумеет ли руководить бригадой?..

Солнце припекало по-летнему. Жаворонки заливались. В затишке за скирдой жужжали пчелы. Пахло какими-то ранними полевыми цветами.

— Как живешь, Марья Сергеевна? — спросил вдруг Холодов.

— Что? — не поняла Борзова. — Я же вам рассказываю, чем занималась эти дни.

— Я тебя про личную жизнь спрашиваю. Не собираешься в Борисовку переезжать?

— Если б собиралась переезжать, не пошла бы сюда на работу... Не люблю я, Григорий Петрович, когда меня об этом спрашивают. Я уж начинаю забывать о своей прошлой жизни.

— Всё же трудно тебе жить одной, без мужа. Женщина ты, как говорится, в самом соку.

Холодов приподнялся, сел, оглянулся по сторонам — километров на пять вокруг в степи ни души, Володя скрылся в лощинке за перевалом, — придвинулся плотнее к Марье Сергеевне, положил ей руку на тугое, налитое плечо.

— Чего вы, Григорий Петрович? — удивленно спросила Борзова, отстранившись от Холодова и сбросив его руку. Посмотрела на него внимательно, в глазах ее заиграли веселые, лукавые искорки: — А-а. Я думала, вы какого-то жучка сняли у меня с плеча. Это вы хотели меня обнять?..

— Да. Чего отодвигаешься? Нас никто не видит. Дай руку. Сними косынку, тебе так лучше. А знаешь, ты женщина в основном довольно красивая. И видно, с огоньком. Таких мужчины любят.

Даже в эти лирические минуты в голосе внезапно почувствовавшего расположение к Борзовой зонального секретаря звучали привычные начальнические интонации.

Косынку Марья Сергеевна сняла, положила ее на колени (какая женщина устоит и не сделает чего-то, когда ей говорят, что *ей так лучше*?), но руку Холодову не дала.

— Чего это вы так сразу, Григорий Петрович? Никогда таких слов от вас не слыхала. Давно в Троицке не были? Посевная? Некогда съездить? Надо перевозить семью в Надеждинку.

— А, брось ты о семье! Не к месту разговор заве-

ла! — отмахнулся Холодов. — У меня, может, с семьей положение не лучше твоего. Не холост, не женат. Еле уговорил жену приехать в Троицк на время, а о селе и слушать не хочет. Такая мещанка!.. Так ты мне не ответила на вопрос: трудно жить одной, без мужчины?

— А вы можете мне помочь?..

— Могу, конечно!..

Красивое, каменно-строгое лицо Холодова как-то обмякло, тонкие губы повело в улыбке. Оказалось, и он умеет при соответствующих обстоятельствах улыбаться.

— Слышишь, как птички поют! Всё живое жизни радуется. Весна! А ты у нас как солдатка-бобылка.

Положив руку на колено Борзовой, добавил:

— Как говорил Пушкин: «И тайный цвет, которому судьбою назначена была иная честь...» Забыл дальше.

С колхозниками и рабочими МТС Холодов разговаривал заученными фразами из газетных передовиц. Насчет объяснения же в любви руководящих инструкций ему читать не приходилось. Сказать больше было нечего. Полагая, что на этом можно и закончить поэтическое вступление, Холодов крепко обнял Борзову и притянул к себе. Но поцеловать ее ему не удалось. Губы его встретили не лицо Марьи Сергеевны, а кулак, небольшой, но достаточно твердый, чтобы умерить его пыл.

Вырвавшись из объятий Холодова, Марья Сергеевна, рассерженная, покрасневшая, вскочила, отошла от него на два шага, повязала косынку, стряхнула с сарафана приставшие соломинки:

— Получили?.. Вон у вас на губе кровь, вытрите. Если подойдете ко мне, еще съезжу. Лучше сидите там, успокойтесь.

Холодов благоразумно остался сидеть на соломе.

— Чего это вам взбрело в голову? Вот уж никак не подумала бы!.. «Одна ты у нас, как солдатка-бобылка». Где это у нас? В МТС? Заботу проявляете о своих сотрудниках? Похвально!.. Не утирайтесь рукавом, запачкаете китель. Платок потеряли? — Вынула из карманчика сарафана и кинула ему платок: — Нáте мой.

— Чтоб это осталось между нами. Слышишь? — хмуро сказал Холодов.

— Да уж в стенгазету не напишу.

— Чтó бы ни произошло между мужчиной и женщи-

ной, это не должно отражаться на их служебных отношениях. Всякие бывают случайности. Понятно?

— Да не отразится, говорю, не бойтесь! — Марья Сергеевна уже отсердилась, и в голосе ее слышался смех. — Не буду же я всякую минуту, глянув на вас, вспоминать об этом происшествии. Надоест вспоминать. Только и вы не обижайтесь, Григорий Петрович. Не в моем вы вкусе. Многого вам, на мой взгляд, не хватает. И вообще... Рассказала бы я вам, как наша сестра смотрит на вашего брата, да надо в бригаду идти. — Подхватила брошенное на соломе пальто. — Думаете, если видный мужчина, то женщины, особенно одинокие, прямо так и тают перед ним?.. Не всякий тот мужчина, что штаны носит. До свидания!

И, что досаднее всего было Холодову, отойдя шагов на двадцать от скирды, Марья Сергеевна вдруг стала хохотать. Хохотала до слёз, утирая глаза уголком косынки, споткнулась о кочку, оглянулась, поглядела на него, расхохоталась еще громче... Холодов поднялся, ушел за скирду, но и там долго еще слышал ее звонкий удалявшийся смех.

В палате, где лежал Мартынов, было тихо, прохладно, довольно уютно от развешанных по стенам вышитых ковриков и картинок в красивых рамочках и не слышно было даже запаха лекарств: открытое окно выходило в сад, старый, тенистый, деревья густо цвели, и аромат яблоневого цвета перешибал запахи всяких больничных дезинфекций. Палата была на две койки. Больной со второй койки ушел погулять в сад, задернув постель одеялом.

Ключица и рука у Мартынова уже заживали, но перелом ноги оказался тяжелым, и ему еще не разрешали никаких движений, раза два в день только осторожно переворачивали его на бок, чтобы не належал на спине пролежней. Он сильно похудел в больнице, смуглое, обычно со здоровым загаром лицо его как-то посерело, под глазами легли тени, кадык на тонкой мальчишеской шее выпирал остряком. Но парикмахер при больнице, видимо, был, и брили, стригли его здесь регулярнее, чем делал он это сам дома.

Марья Сергеевна сидела в плетеном кресле у койки

и осматривала палату. Шестилетняя дочка ее, Верочка, взобравшись на подоконник, перелистывала журналы, сосала леденцы, которыми угостил ее Мартынов.

— Нигде в больницах не видела такой обстановки, — сказала Марья Сергеевна, указывая на кружевную скатерть на тумбочке и вышитые коврики на стене над койкой.

— Это жена натаскала из дому, — ответил Мартынов. — Разрешили ей обставить палату по-своему. «Если не позволяете, говорит, забрать его домой, так я сделаю, чтоб здесь ему хоть немного было похоже на дом».

— Часто бывает у тебя Надежда Кирилловна?

— Каждый день заглядывает, когда идет на работу в «Прогресс» или домой. Как раз по пути ей.

— Не шали, Верочка, сиди тихо. Ты ножками стену оббиваешь... Привозила дочку на рентген. Зимою в Семидубовке переболела воспалением легких, а тут начала чего-то кашлять. Наш участковый врач посоветовал проверить на рентгене. Нет, ничего, всё благополучно. Вообще она слабенькая здоровьем. Если дадут мне отпуск, хотя бы в конце лета, съезжу с ребятами на Черное море, там она поправится. Сестра у меня там, в Севастополе, замужем за моряком...

С домашнего разговор перекинулся к делам в МТС, к Долгушину.

— Попал в район большой человек, надо бы радоваться, что хорошего директора прислали нам, а у нас такое с ним получается, что, боюсь, выживут его из МТС, — говорила с грустью Марья Сергеевна. — За каждым шагом следят, так и ловят, чтоб на чем-нибудь его подсидеть. Говорит мне как-то Холодов: «Ты проверь, у него, кажется, третий месяц уже членские взносы не плачены». Я проверила по ведомости — да, третий месяц пошел. Сказала Долгушину, тот за голову схватился. «Первый раз, говорит, за тридцать лет, что состою в партии, такой случай со мною! Вот что значит замотался!» Тут же уплатил. А Холодов стал мне пенять: «Зачем сказала ему? Секретарь не для того существует, чтоб напоминать членам партии об уплате членских взносов, сами должны знать. Пусть бы истек третий месяц, мы бы тогда проучили его на партсобрании! Напомнили бы ему о партийной дисциплине!». Вот в какой

обстановке работает человек. Боюсь я за него. И в области уже нажил себе недругов. Говорит всем в глаза прямо, что думает, не оглядываясь, нравятся его слова или не нравятся...

— Да, характер у него, видно, такой, что жить ему с ним нелегко, — сказал Мартынов.

— А у тебя лучше характер? — усмехнулась Борзова. — Не знаю, как бы у вас с ним было, если б ты работал сейчас в райкоме. Он бы и тебе наговорил всяких неприятностей.

— За что?

— Мало ли за что. За твои упущения... Да нет, я шучу. Ты бы не стал обижаться на него за критику. И не дрожал бы так за свой авторитет, как Медведев у нас сейчас дрожит. Если Медведев станет председателю колхоза говорить, что вот надо бы сделать то-то или то-то, а председатель ему в ответ: «Да вот посоветуюсь с товарищем Долгушиным, что он скажет», — это Василию Михайловичу прямо нож в сердце! К директору МТС охотнее идут люди за советом, чем к нему, секретарю райкома! Как это пережить?.. Не понимаю я, Петр Илларионыч, взрослые люди, коммунисты, на ответственный пост поставлены, — как можно из-за какого-то мелочного самолюбия забывать о деле? Ну вот взять меня. Молодой партийный работник, да и по возрасту Долгушин почти на двадцать лет старше меня. Он в партию вступал, когда я еще вот такой была, — кивнула на дочку. — Был на крупной работе, заводы строил, людьми руководил. Почему бы мне не поучиться у него? Именно у таких людей нам и учиться! Он из тех коммунистов, что живут для народа, все силы отдают работе. И как его полюбили у нас, Петр Илларионыч, трактористы! А поначалу встретили с недоверием. Шрам этот у него, перекошенный рот, вечно гримаса такая презрительная, как у бюрократа, будто ему с людьми разговаривать противно. И цыган к тому же. Не верили, что цыган всерьез возьмется за сельское хозяйство. Ему бы чем-нибудь торговать или руководить ансамблем песни и пляски. Но теперь уже все убедились, что если б таких директоров побольше, то, может, и не хромало бы у нас сельское хозяйство. И любят его, и уважают, и боятся. Председателей колхозов так прибрал к рукам, что некоторые было взбунтовались. Потребовал, чтоб из всех кол-

хозов представляли ему ежемесячные сведения: какие суммы числятся у председателя и членов правления под отчетом. Даже Опёнкин обиделся: «Это же вам, товарищ Долгушин, не совхоз, и я вам не управляющий отделением, чтоб отчитываться в деньгах перед директором! Наши деньги, не ваши!». И я было подумала, что тут Христофор Данилыч немножко перегнул, но он показал приказ министра сельского хозяйства, — оказывается, право такого финансового контроля над колхозами директору МТС дано, только никто из бывших директоров им не пользовался. Спокойно переждал, пока председатели перебушевали, и всё-таки настоял, чтоб колхозная касса была у него на виду. И выявил уже таким способом двух растратчиков, экспедитора в «Заре» и завхоза в «Активисте», один за восемь тысяч не мог отчитаться, другой — за двенадцать. Судили их и деньги взыскали в пользу колхоза. А то бы тянулось до конца отчетного года... Не все, конечно, люди у нас подряд полюбили Долгушина. Вот этим растратчикам, ясно, любить его не за что. И в самой МТС он тоже не всем угодил, есть очень недовольные им.

Марья Сергеевна стала рассказывать о партийном собрании в колхозе «Рассвет», что знала от других, — сама она на том собрании не была.

Мартынов выслушал ее и сказал:

— Об этом собрании я уже знаю. Один колхозник рассказывал мне.

— Кто?

Мартынов повел глазами в сторону пустой койки:

— Больной из «Рассвета» лежит здесь со мной. Сухоруков Тихон Кондратьич. На прошлой неделе привезли его, с переломом руки.

— Сухоруков?.. Погоди-ка, это, кажется, их кузнец? Так он в партию подал заявление. Говорил он тебе?

— Да, подал. Говорил. Всё рассказал, что там было. Как Долгушин налетел коршуном на их коммунистов.

— Ну как думаешь, Петр Илларионыч, — забеспокоилась Марья Сергеевна, — верно ли, что он там чего-то неладно сделал? Ведь это ему сейчас ставят в вину. Из обкома приезжали товарищи. Но как ему там было удержаться? До чего довели колхоз!..

Мартынов долго молчал.

— Дело вообще-то рискованное. Созвать весь колхоз

на открытое партийное собрание! Коммунисты потонули в этом море беспартийных. Получилось действительно что-то вроде чистки партии... Но, может быть, эту парторганизацию и стоило почистить таким способом? Положение чрезвычайное — и меры чрезвычайные?.. Я осенью в «Борьбе» почти с подобным положением столкнулся, но всё же не решился на такой шаг. А подумывал!..

— Вот я и говорю, Петр Илларионыч, у него больше опыта работы в партии, он лучше нас с тобой понимает, что́ и как нужно сделать, — сказала простодушно Борзова, не задумываясь, радует ли Мартынова, что в районе появился человек с более смелой, чем у него, хваткой в работе и глубже его вникающий в колхозную жизнь.

— Очень уж ты восторженно рассказываешь о нем, — заметил Мартынов. — Какой-то идеал коммуниста. Ты секретарь парторганизации, тебе нельзя такими влюбленными глазами смотреть на директора, а то еще проглядишь какие-нибудь ошибки.

— Ему шестой десяток, в него-то я не влюблюсь, слишком велика разница в годах, — не смущаясь, ответила Марья Сергеевна. — Думаю, что он не идеальный человек, Петр Илларионыч, но и я не виновата, что ничего плохого за ним пока не замечаю.

Борзова рассказала о предвесеннем собрании трактористов.

— Конечно, мы с Холодовым, как бюрократы, отнеслись к этому делу, к соцобязательствам. А Долгушин нам наглядно показал: вот так надо проводить массовую работу! И Холодову, по-хорошему, надо бы только спасибо сказать Долгушину за науку, а не злиться за то, что тот умеет душевнее и проще к людям подойти. То же самое и с Медведевым происходит... Нехорошо говорить это тебе, больному, волновать тебя, но что ж, ты, вероятно, и сам уже знаешь, слыхал от других. Оставил ты нам за себя работничка, Петр Илларионыч! Осчастливил район!

— Не я его вытребовал сюда. Не знаешь, что ли? Его обком рекомендовал.

— Ты с ним полтора года работал бок о́ бок, должен был изучить человека.

— Работал, ну что ж. Никаких грехов за ним не замечал. Так себе, ни рыба ни мясо.

— Вот и стал этот «ни рыба ни мясо» первым секре-

тарем! Конечно, ему трудно, ответственность, первый год в такой большой роли, хозяйственных знаний маловато, руководящего опыта нет. Так надо же советоваться с коммунистами, привлекать к себе на помощь актив. А он орет на тех, у кого должен учиться! Так орет, будто всех мудрее, один он понимает всё, а вокруг него — несмышленые мальчики... Хоть и разные они люди с моим супругом бывшим, но методы их что-то очень схожие.

— Значит, меня ругаете за Медведева?..

— Видишь ли, Петр Илларионыч, можно много лет поработать в районе, много хорошего сделать, но надо же, чтоб это хорошее и закрепилось. Тебе самому разве не жалко будет, если кто-то после тебя загубит твои начинания?.. Всех председателей колхозов уже против себя восстановил. Не очень и мне приятно, когда хожу по колхозам и слышу от председателей, что у нас в районе опять борзовщиной запахло. Фамилию мою треплют. Надо, к чёрту, хоть паспорт переменить! На девичью фамилию, на Громову. А Долгушина он прямо поедом ест. Но и тот не дает спуску Медведеву. Требует, и правильно, конечно, требует: «Отвыкайте от старых методов, руководите колхозами через МТС. Ведь в промышленности такого не бывает, чтобы кто-то пришел на завод и без ведома директора и главного инженера стал переставлять по-своему станки в цехах. В промышленности этого нельзя делать, почему же можно это делать в сельском хозяйстве? Вы едете в колхоз и даете там какие-то распоряжения по хозяйству, о которых я, директор МТС, ничего не знаю. Да и с кем вы там, в райцентре, консультируетесь? У вас же там и специалистов не осталось, все специалисты теперь у нас, в МТС».

— Это очень плохо,— сказал Мартынов, — что Медведев осаживает наши МТС назад, к роли равнодушных подрядчиков. «Мы вам трактора, вы нам натуроплату». Как я с этим боролся!..

— Вот. И Долгушин это доказывает. «Читайте, говорит, внимательно решения Пленумов ЦК. МТС — опорные пункты партии в деревне. Но не прокатные пункты сельхозинвентаря. Если б они были только прокатными пунктами, то зачем содержать у нас такой штат специалистов? Зачем нужен я, директор? Зональная группа? Лишний расход! Хватило бы одного диспетчера да ремонтников». В общем, Долгушин настаивает, чтоб все

хозяйственные указания, всякие там разнарядки, всякие требования, чтоб всё это шло в колхозы через МТС. А Василия Михайловича заедает самолюбие: «Как? Я, секретарь райкома, должен еще увязывать свои распоряжения с каким-то директором МТС? Не могу самостоятельно давать указания председателям колхозов? Партия превыше всего!». Вот и идет дурацкая борьба за власть. Как будто первый человек в районе тот, кто громче всех кричит.

Мартынов, закинув руку за голову, потянул подушку за угол, неловко повернувшись, поморщился от боли.

— Чего тебе? — нагнулась к койке Борзова.

— Подбей, пожалуйста, подушку чуть повыше. Вот так, спасибо... Ох, как мне надоело здесь лежать!

— Что ж поделаешь, надо лежать. Хорошо, хоть жив остался и на поправку дело идет... А сколько времени тебя еще продержат здесь?

— Месяц, говорят, надо еще вот так вылежать, а потом начну учиться ходить на костылях.

— Христофор Данилыч забрал семью вашего погибшего шофёра в Надеждинку, — сказала Борзова. — Жену устроил на работу в мастерскую, к шлифовальному станку, а старшего сына отправил на курсы комбайнеров.

— Да?.. Сколько у него детей осталось?

— Два сына и четыре дочки. Большая семья... А ты и не знал, сколько детей у вашего шофёра?

— Да как-то не приходилось спросить...

Борзовой показалось, что смуглосерое лицо Мартынова чуть покраснело.

— Сердечный он, Долгушин, широкой души человек, — сказала она, глянув на Мартынова с легкой укоризной. — Хватает его и на большое государственное дело и не пройдет мимо чьей-то нужды... А Виктор Семеныч мой, когда, бывало, стану упрекать его в черствости, та́к мне отвечал: «Я делаю такое дело, что сразу тысячам людей добро принесет. Мне некогда думать о единицах». И мне иногда казалось, что он прав. Масштабы! Я, маленький человек, колхозница, недавняя трактористка, смотрела тогда на секретаря райкома, как на бога.

— Ну, а как наши посланцы работают? — перевел Мартынов разговор на другое. — Как Руденко? Прокурор?

— Прокурор по-прокурорски и начал. Да ему и колхоз достался не лучше «Рассвета». Довел до конца

ревизию, что ты еще назначил, наши ревизоры там целый месяц копались. Был суд, показательный процесс. Человек пять пришлось и там исключить из партии. Ничего, работает Андрей Семеныч, не хнычет! Как перемучился, переволновался на том партактиве, так с тех пор, может, хоть и тоскует по своей прежней канцелярии, но виду не показывает. Со злостью взялся за дело. Но заявил у них на колхозном собрании так: «Работаю у вас три года. Обязуюсь поднять колхоз, довести доход до пяти миллионов и вырастить за этот срок из местных кадров хорошего председателя себе на смену, такого, что будет работать не хуже меня. А сам дослужу несколько лет в органах юстиции и — на пенсию, рыбу удить. Причем могу даже такое условие поставить: если не понравится вам мой заместитель, плохо будет работать, покатится колхоз вниз — отзывайте меня назад, тогда уж, значит, останусь у вас пожизненно». А Руденко срока не устанавливал, тот прямо сказал: «Буду работать у вас председателем до смерти, если сами не прогоните». Варвара Федоровна взяла свекловичное звено. Молодец у него жена, Петр Илларионыч! Если бы у всех начальников были такие жёны! Веселая, простая. Никакого форсу, и не жалеет и не вспоминает, что была районной городничихой. Да и здоровье позволяет ей работать в поле. Не всякий мужчина поднимет такой мешок с зерном, какие она ворочает возле сеялок. Иван Фомич там начал с бытовых вопросов. Продал председательскую «Победу»: это не «Победа» у них была, а позорище, колхозникам на трудодни ничего не давали, а председатель ездил на «Победе», весь годовой доход от животноводства ушел на нее, — продал ее и оборудовал за те деньги детские ясли в бригадах. Очень это понравилось колхозникам! Вагон хороший сделал для трактористов, выделил строительную бригаду для ремонта хат, таких, что совсем уж плохи, а стоимость ремонта с колхозников — в рассрочку на три года. Правильно начал. И у него и у Нечипуренко люди работают уже не хуже, чем и в передовых колхозах. Очень немного надо, Петр Илларионыч, чтоб все колхозники вышли на работу. Надо, чтоб они поверили в свое руководство, увидели, что есть им смысл работать, что не впустую пойдет их труд, не на растащиловку.

— Про других тоже говорят, что хорошо пошли у них

дела, — сказал Мартынов. — Письма были от колхозников в райком, хвалят новых председателей, приносил мне Трубицын. В общем, можно считать, что двоих только послали неудачно — Бывалых и Корягина. Ну что ж, и этих теперь проверили до конца. Правильно, конечно, исключили из партии Бывалых. Ведь о нем не скажешь, что он не сумел вытянуть колхоз. Он же и не попробовал тянуть! Пальцем не пошевелил! Не думаю, чтоб бюро райкома не утвердило решения парторганизации. А?

— Да Медведев, когда хочет какой-то вопрос провести, не полностью созывает бюро, только тех, кто не будет ему возражать.

— Работать не умеет, а ловчить уже научился? К Бывалых-то он благоволит. Одного поля ягоды... А Митин как работает? Как у него с Медведевым?

— Ездит всё по району, в кабинете сидеть не любит, степной человек. Ругается за лесопосадки — почему забросили это дело. Депутатов сельских Советов собирал у нас, про которых много лет уже не вспоминали. Взялся за дело как будто крепко. А как у них с Медведевым — не поймешь. На бюро не ругаются, а что бывает, когда они вдвоем остаются, — это нам неизвестно.

— Чем дольше лежу я здесь, тем реже Медведев заходит ко мне, — сказал Мартынов. — Да и Митин что-то стал забывать. Отвыкают от меня... Вот так уехать из района, где столько сил положил, и года через два никто уже тебя и не вспомнит. Спроси колхозников: «А кто такой у вас был Мартынов?» — скажут: «Да приезжал к нам какой-ся начальник на зеленой «Победе», может то и Мартынов был».

— Нет, — покачала головой Борзова, — тебя, Петр Илларионыч, здесь не скоро забудут. — Засмеялась. — Председатели эти новые, во всяком случае, долго тебя будут помнить!..

Девочка давно уже слезла с подоконника, перелистала и те журналы, что лежали на табуретках, походила по палате, подошла к матери, потерлась о ее колени, заглянула в глаза, захныкала потихоньку.

— Заскучала, Верочка? — Марья Сергеевна взяла дочку на колени. — Час посидела, и уже заскучала, а дядя Петя сколько времени здесь лежит и не скучает.

— Скучаю, положим, — возразил Мартынов, — но не реву. Спусти ее, Марья Сергеевна, через окно в сад, пусть

побегает. Видишь там больного, высокий такой, халат на нем по пояс, рука на перевязи? Вот это мой товарищ, Тихон Кондратьич. Он ей покажет соловьиные яички. Рассказывал мне вчера, что нашел в кустах соловьиное гнездо.

Верочка запросилась в сад. Борзова, перегнувшись через подоконник, спустила ее, взяв подмышки, на землю.

— Больше всего злится Медведев, когда Долгушин станет говорить, что в районе запущена партийная работа, — продолжала рассказывать, вернувшись на место, Марья Сергеевна. — Но ведь это же правда. И ты, Петр Илларионыч, партийными организациями не занимался. Что за состав парторганизации, лицо колхозных коммунистов, как они работают в колхозе, какой у них авторитет в народе — до этого ты не добрался. В секретарях ходили случайные люди. Председателей колхозов ты всех знал, конечно, и по имени-отчеству, и знал, какой у кого характер и кто как работает, а секретарей парторганизаций, признайся, ты даже не всех знал в лицо и по фамилии. Верно?

Мартынов молчал.

— Это же действительно показательная цифра: за три года в нашем районе вступило в партию рядовых колхозников всего четыре человека. Принимали служащих, учителей, агрономов, а от рядовых колхозников не было заявлений.

— А как же ты работала в Семидубовской МТС? — сердито возразил Мартынов. — Около года там работала, и не принимали в партию трактористов.

— Да и я как-то не придавала значения этому делу... Долгушин правильно говорит: коммунисты в колхозах ближе всех к народу, без них мы колхозные массы не поднимем. Колхозники ждут от них примера. А пример может быть всякий — и хороший и плохой. И в том и в другом случае пример коммунистов сильно влияет на колхозников. Плохая парторганизация в колхозе — это не просто пустое место, это большой вред для колхоза. Коммунисты не работают в поле — чего ж с нас спрашиваете хорошей работы? Коммунисты пьянствуют, тащат общественное добро — нам, значит, и подавно можно. А Медведев так и взовьется, как услышит от Долгушина о партийной работе. Долгушин ему: «Займитесь, Василий Михайлович, наведением порядка в колхозных парторга-

низациях, очень вас прошу!». А Медведев: «Не указывайте нам! Сами знаем, чем нам заниматься!». Ему представляется, будто Долгушин в каких-то личных интересах добивается помощи себе как директору МТС. Пустой человек! Да ведь МТС существует и работает для колхозов! Долгушин просто хочет, чтобы мы все с разных сторон били в одну точку, к одной цели шли — к подъему колхозов. Он из тех коммунистов, которых на какую работу ни поставь — будут делать свое дело только по-партийному. Он не может думать о хозяйстве, не думая о партии, о воспитании людей. У него это въелось в кровь и плоть. Он, когда бывает в колхозе, и работой комсомольцев интересуется, и в клуб зайдет, и в детские ясли. На партийном собрании у нас поднял вопрос о создании кружка художественной самодеятельности из сотрудников МТС. Так Медведев потом сострил, назвал его на заседании бюро «директором Надеждинской МТС по культпросветработе»... Удивляет меня, Петр Илларионыч, как у нас вот такие истуканы попадают на партийную работу? За какие доблести выдвинулся Медведев в партийный аппарат? Ведь партийная работа — это самое главное, выше всего! А теперь вот побыл он секретарем райкома — что́ бы дальше ни случилось, эту должность ему уже запишут в послужной список, теперь уж он в номенклатуру попал, так в ней и останется. Не у нас, так в другом районе будет сушить мозги людям.

— Любимое выражение Ивана Фомича Руденко: «сушители мозгов», — заметил Мартынов.

— И старика Глотова. Это я у Глотова научилась, когда в Семидубовке работала.

Марья Сергеевна встала, подошла к окну, посмотрела: белое платьице Верочки мелькало в кустах в глубине сада, невдалеке от нее ходил больной в коротком халате, с рукой на перевязи, — вернулась к койке, села опять в кресло.

— Я вот, Петр Илларионыч, по своей бабьей простоте думаю иногда: почему у нас на выборных собраниях, на конференциях так уж строго придерживаются списка? Нужно выбрать в бюро или в комитет пять человек или там тридцать — столько и в списке стоит; не успеют зачитать его, уже кто-то вскакивает: «Подвести черту!». А что страшного в том, если б еще было записано лишних человек пять? Было бы из кого выбрать

коммунистам самых достойных. Это тот спешит «подвести черту», кто боится другой кандидатуры рядом с собой, кто не уверен, что хорошо работал и заслужил доверие людей. Если б при нашем тайном голосовании да еще как-то свободнее составлялись эти списки, меньше бы таких Медведевых попадало в партийные органы... И вообще, если бы как-то заставить наших руководящих работников больше дорожить доверием масс. А как заставить?.. Секретарь райкома, конечно, не станет отчитываться в своей работе на колхозных собраниях, — на то есть партконференции. Но он же и депутат райсовета, член исполкома. Вот пусть как депутат объедет пяток колхозов и отчитается перед избирателями. И пусть люди свободно говорят, пусть запишут даже в протокол, как они его работу оценивают. А то ведь у нас привыкли только перед верхами отвечать. Таких случаев не было, чтобы народ разжаловал, скажем, председателя облисполкома. Вот они и не очень-то оглядываются на низы, на колхозников. Всё равно, мол, не от вас зависит наше благополучие. Ругайте нас про себя сколько влезет, нам от вашей критики по-за углами ни холодно ни жарко, над нами только Цека имеет власть!..

Мартынов закрыл глаза, но не спал; видно было по нахмуренным, сведенным к переносице бровям и наморщенному лбу, что думал о чем-то.

— Ну, я тебя совсем заговорила, — спохватилась Марья Сергеевна. — Пришла к больному человеку и тараторю, тараторю! Чего ты хмуришься? Может, чем огорчила тебя?..

— Крылов не был за это время у нас? — открыл глаза Мартынов.

— В нашей МТС не был, а в Троицке — не знаю. Масленников приезжал к нам. Метал громы-молнии на Долгушина.

— А, Масленников! — махнул здоровой рукой Мартынов. — С Голубковым два сапога пара. Это такой же грех на душе Алексея Петровича, как на моей — Медведев. Ведь тоже кандидат на высокий пост, в случае если Крылова заберут от нас. Сделают передвижку в бюро — станет вторым секретарем, а там недалеко и до первого. Что всего удивительнее, Крылов даже отличного мнения о Масленникове. Исполнительный и энергичный работник. Хорош для командировок в районы. Большой, как

говорят у нас, пробивной силы. Как будто у нас, районщиков, дубовые головы и нам надо пробивать черепа, чтоб внушить какие-то новые мысли... Ну ладно, довольно об этом. Расскажи о себе. Как живешь? Квартиру тебе в Надеждинке дали?

— А мне там, Петр Илларионыч, и не нужна отдельная квартира. Я нигде лучше не устроюсь, как у этой учительницы устроилась, на частной квартире. Занимаю у нее две комнаты, одинокая старушка, подружилась с моими ребятами, присматривает за ними, когда меня дома нет.

— Что слышно о Викторе Семеныче? В Борисовке не была? По последним сведениям, доходившим до меня, он там уже председатель райисполкома?

— Был. А по самым последним сведениям — послали его председателем колхоза.

— Да?..

— Да, писала мне одна борисовская знакомая. Провели у них перед весенним севом такой же партактив, как у нас, и послали человек десять председателями колхозов. В том числе и его.

— Борзова — в колхоз?..

— А что, думаешь — не справится?

— Не знаю... Может, это и на пользу ему пойдет. Он ведь никогда не был на такой работе, где уже некому посылать телефонограммы, надо самому идти к народу и делать... А вообще, интересное время настало, Марья Сергеевна, а? Посылаем человека с большим стажем ответственной работы в колхоз и сомневаемся: справится ли? Ведь это же колхоз! А раньше доверяли ему руководить целым районом. Или заведовал в области каким-то отделом — тысяча колхозов была под его опекой. Поняли наконец, какая это серьезная штука — *один* колхоз! Может быть, он там, на низу, испытает на самом себе методы руководства, похожие на его собственные методы? Борзов — в борьбе с борзовщиной. Любопытно!..

Помолчали.

— Почему ты не оформишь развод? — спросил Мартынов.

Марья Сергеевна тяжело вздохнула.

— О детях никак не решим. Всё просит, чтоб отдала ему мальчика. Детей он любит. И они скучают по нем. Невозможно им еще объяснить, что́ у нас произошло, по-

чему не живем вместе. Верочка всё канючит: «Ну поедем к папке, поедем!». Душу рвет!..

— Но надо же всё-таки вам как-то кончать это. Не собираешься же ты вековать соломенной вдовой? Вышла бы еще замуж.

— За кого?.. В Долгушина я не влюблюсь, уже говорила. И ты на мне не женишься, у тебя Надежда Кирилловна есть, — смело сказала Борзова, глядя прямо в глаза Мартынову.

Мартынов принял это как шутку, засмеялся, не отводя глаз.

— Встретились бы мы с тобой, когда не знал я еще Нади, — отбил бы тебя у Борзова сразу, без лишних разговоров!

Марья Сергеевна не улыбнулась в ответ, посмотрела на него долгим серьезным взглядом, встала, отошла к окну.

— Не знаешь ты ничего, Петр Илларионыч, не рассказывала я тебе, — заговорила она тихо, изменившимся голосом, стоя боком к нему, глядя куда-то в глубь сада. — Ведь это ты мою жизнь так повернул. Не узнай я тебя, может и до сих пор жила бы с Виктором Семенычем. Я бы многого плохого не замечала в нем, если б не знала тебя. Или терпела бы... И он, может, не ушел бы к той женщине. Он ревновал, но и было-таки за что. Я ему только и говорила — о тебе. Какой ты, как ты работаешь, какая у тебя душа, и почему у него нет этого горения. Он раньше догадался, о чем ты и сейчас не догадываешься...

Под окном послышался детский голос:

— Мама, я уже нагулялась. Возьми меня, мама! Ма-ма-а-а!..

Борзова втащила дочку в комнату.

— Ладно! Хоть бы уж ты не спрашивал меня про мою личную жизнь. Живу! Хорошо живу. Спасибо, что послал меня на интересную работу. Вот и всё! Пойдем, Верочка... Скоро автобус отправится в Надеждинку, поедем домой. А твой Димка тебя проведывает?

— Был утром. И вечером еще забежит, после школы.

— Вон я оставила там на табуретке корзиночку. То тебе.

Марья Сергеевна взяла правую, больную руку Мартынова, несильно пожала ее:

— Поправлялся бы ты скорее!..

Нагнувшись, поцеловала его в щеку:

— Больного можно...

Вымощенная камнем дорожка к выходу со двора больницы огибала корпус как раз под окном палаты. Мартынову вдруг захотелось почему-то, чтоб Марья Сергеевна задержалась у окна, сказала ему еще что-нибудь на прощание. Но он услышал только быстрые ее шаги, шлепанье по каменным плитам маленьких ножек девочки.

— Мама, ты быстро идешь, я не поспею за тобой! — захныкала девочка.

Марья Сергеевна подхватила дочку на руки и почти побежала к калитке.

Кузнец Сухоруков, высоченный, худой, усатый мужчина лет сорока пяти, в коротких, чуть ниже колен, больничных кальсонах и халате, по длине походившем на нем скорее на куртку, пришел из сада к вечернему чаю. Сиделка Люба только что разнесла по палатам кружки с чаем и булочки.

— Нагулял аппетит, а пищи маловато, — сказал Сухоруков, опустившись на койку. — Что тут этой закуски? — Повертел бутылочку. — Что слону дробина.

Мартынов молча раскрыл тумбочку и жестом пригласил товарища по палате подойти и взять из его запасов, что ему желательно.

— Да и у меня тут еще осталась передача, — ответил кузнец. Достал из своей тумбочки кусок сала, стал резать его тупым больничным ножом, помогая здоровой руке локтем другой, забинтованной.

— Неудобно с одной рукой жить. Кабы мою ногу тебе, а твою здоровую руку мне, вот бы мы с тобой были люди, Илларионыч. А чего ж это Любка убежала? Ты ж на спине не поужинаешь. Помочь тебе повернуться?

— Не надо, потом. Она еще придет.

— Сделаем, значит, бутирброт. — Кузнец вложил в разрезанную булочку толстый ломоть сала, толще самой булочки, откусил сразу чуть не половину этого питательного сооружения, отхлебнул из кружки. — Хорошо в саду. Соловьи, слышишь, как поют?

Соловьи гремели во всех кустах и посадках вокруг больницы.

— До чего же, Илларионыч, у этих соловьев, получается похоже на нашего брата. Вот сейчас они поют и еще будут петь какое-то время. Пока, значит, ухаживает за своей любезной, поет, заливается, потом, когда она сидит на яичках, а он рядом с нею, развлекает ее, тоже поет. А как вылупятся птенцы, пятеро, шестеро, да все жрать хотят, пищат, рты разевают, кормить их надо, мотается бедняга соловей, добывает им пропитание, козявок, букашек ловит, весь в мыле и сам не жравши, — тут уж ему не до песен, бросает петь до будущей весны. В акурат, как и нашему брату, отцам.

Сухоруков сходил в кубовую за добавкой чая, взял предложенное Мартыновым печенье:

— Вот и у меня шестеро их, птенцов. Сейчас-то немножко легче стало. Дочку выдал замуж, старший сын поступил на работу. А как были все маленькие — ох, не до песен!.. А парнем я был — любитель! Без меня и улица не улица. Куда там тебе баян! Голос у меня был, — кузнец откашлялся, — не хуже, как у Козловского. Кабы записали тогда мои песни на пластинку, можно бы теперь сравнить. Тенор. Не одна девка от моего голоса горько плакала. И сейчас могу, но уже не то. На фронте горло застудил, хрипеть стал... Чего молчишь, Илларионыч? Задумался? Это к тебе Борзова приходила, та, что у нас в мэтэесе работает?

— Она.

— Должно быть, чего-то нехорошее рассказала? Работа неладно идет? То не твоя вина, если без тебя чего-то там в районе хуже сделают.

— Да нет, выходит, Тихон Кондратьич, моя вина, — возразил Мартынов.

— Это ж почему так?

— Почему?.. Ты рассказывал, что и машинистом на молотилке работал?

— Работал по началу коллективизации на старых кулацких молотилках. Теперь-то их и не осталось в нашем мэтэесе.

— Как у хорошего машиниста должна быть настроена молотилка? Чтоб не лазить ему там всякую минуту с молотком и ключом, чтоб крутилось, вертелось само,

чтоб нигде ничто не заедало, не задирало, не скрипело. А ему сидеть в холодке и цыгарку покуривать. Так?

— Вон ты к чему? Это-то верно... Где ж это Любка? Должно быть, в пятой палате, у того больного, что с операции принесли. Дай-ка, я добуду тебе свежего чайку, да поешь всё же, подкрепись. Пища, она, знаешь, помогает человеку всякую болезнь перебарывать.

Косой лучик солнца упал в окно, медленно пополз по стене, всё выше и выше к потолку. По этому лучу, не глядя на часы, Мартынов узнавал время. Было около семи вечера. Скоро солнце скроется за высокими деревьями сада, начнет постепенно темнеть. Соловьи защелкают еще громче и дружнее, в их хор вступят «ночники», которые молчат днем. Придет с обходом дежурная сестра, посидит немного, расскажет больничные новости. Похолодает, придется закрыть окно. Может быть, забегут на минутку жена, сын. Если будет хороший накал лампочки, удастся дочитать «Землю золотых плодов». Так день за днем, вечер за вечером. А где-то там в это время, в селах и на полях района, идет своим чередом, шумит, бурлит жизнь. Без него... Чёрт бы побрал ту февральскую ночь, Долгий Яр и того лихача на грузовике, что сбил их в обрыв!..

Поужинав и улегшись опять на спину, Мартынов подозвал кузнеца и выкурил с ним по папиросе.

— Почему ты, Тихон Кондратьич, не подавал раньше заявления в партию? — спросил Мартынов.

Кузнец вынул из пальцев Мартынова окурок, отнес его и свой окурок в коридор, выбросил их там куда-то, вернулся, сел на свою койку:

— Что тебе ответить?.. Как в таких случаях говорится: не созрел политически.

— Это ты брось. Политически ты, вероятно, и три года назад был такой, как сейчас. Давай рассказывай откровенно.

— Откровенно?..

У кузнеца было характерное лицо: длинное, горбоносое, с острыми скулами и впалыми щеками. Черные усы он подстригал щеткой. Глаза щурил, словно всё время смотрел на огонь.

— Главная причина, Илларионыч, почему не подавал долго в партию, — малограмотный я. Три зимы походил в школу — вот и вся моя наука. Прочитать книж-

ку могу и пойму всё, что написано, ежели русскими словами, без этих всяких ситоуций, а пишу, как курица лапой. Дюже некрасивый у меня почерк.

— Значит, первая причина — плохой почерк?

— Да. Глянь на руку. — Тихон Кондратьич показал растопыренную огромную пятерню. — Руки у меня возле горна задубели, мне карандаш в пальцах удержать всё одно, что тебе блоху кузнечными клещами поймать. Думаю: вступлю в партию, поставят меня на должность, как же я с таким почерком бумажки буду подписывать? Людям на смех.

— Разве обязательно, как в партию, так и на должность?

— Да так оно выходило, что вроде бы обязательно. Глядишь: кто ни вступит из наших сельчан в партию, всех на должность определяют. Того в сельпо, того в заготовители, того в сельсовет, того в дорожные начальники. А я на должность не стремлюсь, мне мое ремесло нравится, ничего в жизни другого не надо, был бы порядок в колхозе да платили бы хорошо по трудодням. В партию мне желательно, а на должность не хочу. Но думаю, значит, у них так заведено. Вступлю, и могут мне приказать в порядке партийной дисциплины: бросай свое горно, бери-ка пóртфель. А мне он ни к чему, пóртфель. Я не лезу в начальники. И опять же, говорю, с грамотой у меня плохо, не справлюсь я на должности. Потом уже один член партии, Филипп Касьяныч, которого у нас сейчас председателем колхоза выбрали, объяснил мне: нету такой установки, чтоб обязательно всех коммунистов распихивать по канцеляриям; это, мол, тут наши писарчуки сами такое развели. Гнушаются простой крестьянской работой, хоть яйца собирать с кошёлкой по селу, лишь бы не в бригаде работать. Вот, значит, по нежеланию выдвижения в начальство не подавал я долгое время в партию.

— Одна причина. А еще?

— А еще, по-честному сказать тебе, Илларионыч, как завелась у нас в колхозе эта грабиловка, да смотришь, и половина коммунистов замешана там, вот тут-то и отшибло нас, многих, которые, может, давно бы уже были в партии. Думаешь: напишу я заявление, а кому его подавать? Чайкину в руки, этому губошлепу с гитарой, что все полы в хатах каблуками попробивал?

А кто будет принимать? Голубчик, Трапезников? Нет, повременю...

Тихон Кондратьич пересел поближе к Мартынову, в плетеное кресло, взял у него еще папиросу:

— Говорят, Илларионыч, чужая душа — потемки. Еще говорят: человека узнать — пуд соли надо с ним съесть. В больших городах, конечно, где людей много, там бывает и так, что работают двое в одном цеху, на работе каждый день встречаются — и за всю жизнь друг у дружки дома не побывают, не знают даже, где кто живет. А у нас в деревне всё на виду; и как работает человек, и что у него дома делается, и какое к людям отношение — всё нам известно. Вот расскажу тебе про Егора Трапезникова, этого самого, что исключили из партии у нас, а теперь судить будут...

Кузнец прикурил, пустил густую струю дыма в открытое окно, помолчал.

— Разве товарищ Ленин для того затевал революцию, чтобы стать самому правителем в России и длинные рубли за это получать? Он же был не из бедного классу. Отец его директором по училищам был, в дворянство их произвели. Ленину с его головой, с его наукой и в старое время министром быть! А захотел бы — капиталами ворочал бы, заводами управлял, а там, гляди, и себе завод построил, не хуже того Форда, что в Америке, и на это хватило бы у него ума. И жил бы припеваючи, в шампанском бы купался, на золоте ел. Нет, отказался от всего! Пошел по ссылкам, по тюрьмам. За народ! Не для себя лично добивался он улучшения жизни, а для народа! И когда уже при советской власти стал он главой правительства, и тут для себя копейки лишней не брал от государства. Читал мне Филипп Касьяныч, как Ленин кому-то там в Совнаркоме выговор строгий объявил за то, что жалованья ему прибавили на триста рублей, не спросясь его самого. Вот какой был Ленин! Вот для чего он партию создал и сам в нее вступил, — для народа!.. Теперь расскажу про Трапезникова. Егор Фомич старше меня на десять лет, но довелось нам у одного кулака, Луки Мороза, вместе внаймах жить. Я свиней, телят пас, Егор — по взрослой работе. Происхождения он самого что ни есть беднейшего. Земли у них было до революции полдесятины, а семья — человек девять. Все жили в батраках. В граж-

данскую войну он и в Красной Армии был. Я, конечно, не участвовал, мне в революцию было восемь лет. Но рассказывали мне про него наши мужики, которые с ним в одном полку служили. Зайдет у них там на фронте, бывало, разговор об этой самой революции, из-за чего идет война белых с красными и какая жизнь будет после войны, — Егор и говорит: «А вот так и будем жить — поменяемся местами. Мы будем жить, как помещики, а они — как мы жили. Сказано ведь, что революция это есть переворот!». Вот о чем ему, значит, мечталось — местами поменяться! Ему кабы сесть на землю Мороза, а Мороз чтоб со своим семейством пришел к нему в батраки наниматься. Товарищи ему станут доказывать: «Это ты политически неверно говоришь. На заводе капиталист один, а рабочих тыщи. Помещиков в губернии, может, сотня, а бедняков миллионы. Местов ихних для нас не хватит, ежели поменяться». Молчит Егор, а про себя, должно быть, думает: «На всех не хватит, ну а я себе одно местечко как-нибудь захвачу».

Пришли мужики с гражданской домой, поделили землю. Получил Егор свой пай, кредит взял в банке на лошадь — вцепился в ту землю зубами и когтями! Работал как чумовой, день и ночь, ни воскресенья, ни праздников не признавал, аж когда лошадь уже ног не тянет, тогда и себе даст немного отдыху, поспит. Кабы от людей не совестно было, и жену молодую в пару с лошадью запрягал бы. Еще тогда звали его в селе коммунистом, но, может, только и было у него советского, что на пасху пахал. Года два-три подвезло ему с урожаем — купил вторую лошадь. Потом стал приарендовывать землю у тех бедняков, что сами не могли ее обработать без тягла. Пошел наш Егор Фомич в гору! Дом построил новый, скота завел порядком. Третью лошадь купил, еще больше стал сеять, поденщиков брал на косовицу. Но постоянных батраков не держал, остерегался, чтоб сельсовет его не подвел под классовый элемент. Всё же в лишенцах ходить — радости мало.

Вот так и жил он до самой коллективизации. Конечно, в те времена он о партии и не думал. Вступать в партию? Зачем, для чего? От работы только будут отрывать на собрания, да членские взносы еще платить. Вся душа его ушла в хозяйство, больше не было ни к чему никакого интересу. Потом стал у нас в селе

колхоз. Ну, некуда деваться — и Трапезников вступил. Первые годы работал рядовым. Но уже не было у него того рвения, что раньше, когда единолично землю пахал. Смотришь на него, как он в полсилы мешок с семенами берёт, — раньше, бывало, сам поднимал, присядет, крякнет только — и мешок на плече, а теперь обязательно зовет кого-нибудь, чтоб поддали, — не тот стал Егор Фомич! Нету той хватки, того жару! И вот тут он, должно быть, и стал размышлять насчет дальнейшей жизни. Раз уж повернуло, мол, на колхозы, единоличному хозяйству крест, то нет теперь никакого расчету в навозе копаться. Надо как-то приспосабливаться и себе какой ни есть портфель добывать. Слышим, подал наш Егор Фомич в партию. И как вступил в партию, тут уж он больше за плугом не ходил. То весовщиком, то кладовщиком, то объездчиком. По начальству, в общем, пошел. Вот каким путем привело Трапезникова в партию. Кто бы там чего хорошего про него ни говорил, а мы-то знаем его натуру. Хоть и из батраков, но душа у него жадная, кулацкая. Доверять таким людям нельзя. У них бог — собственное брюхо, на него только и молятся.

До войны председателем его не выбирали, — получше, повиднее его были у нас коммунисты. А как погиб на фронте старый наш председатель, погибли хорошие бригадиры, да в партизанах тут кое-кто сложил голову, а он вернулся из эвакуации — его по белому билету в армию не брали, глаз у него один порченый, — тут и он стал на виду. На бесптичье и кулик — соловей. Бригадиром его выбрали, потом был заведующим мельницей, потом год в завхозах походил, потом и председателем стал. Три года был председателем до укрупнения. Ну и что ж он хорошего сделал для людей? Ничего! Для себя только старался. Тут уж он как дорвался до власти, охулки на руку не положил! Поначалу понемногу тянул, а потом расставил родичей и приятелей по амбарам, фермам, и сколько они там наворовали колхозного добра — вот, может, теперь только на суде выяснится!.. И уж так привык к доходному месту и чистой должности, что как не выбрали его при укрупнении председателем — на рядовую работу уже не пошел. Бригадиром его намечали — тоже отказался. Теперь уж, дескать, после председательства бригадиром мне быть унизительно.

Кузнец покрутил головой, засмеялся:

— Гарантированный минимум!.. Придумали же, сукины сыны!

— Что? — спросил Мартынов.

— Да вспомнил ихнее выражение... Ничего не делает Егор в колхозе, с тех пор как не председатель. За прошлый год двадцать трудодней отломил, в уборку на жнейке немного поездил, углы для комбайнов обкосил, только и всего. А живет припеваючи. Картошку возит в Донбасс продавать на паях с одним колхозником, Кашкиным. У того свояк в автоколонне; колхозу жом привезти с завода нету машины, а им никогда не откажет. Всю осень спекулировали картошкой. На том партийном собрании, когда директор мэтэеса к нам приезжал, спрашивают колхозники у Трапезникова: «Можно ли члену партии заниматься спекуляцией?». А он: «Мы не спекулировали, мы с Кашкиным свою картошку возили. Если соседка попросит и ее мешок прихватить, какая ж это спекуляция?». — «Да что, у вас с Кашкиным десять гектаров ее было? Раза два возили свою, а потом чужую. Скупали здесь у колхозниц и возили туда продавать». Приперли его. Одна кричит: «У меня купили пять мешков!». Другая, третья подтверждают: «И мы продали им свою картошку!». Тогда он давай оправдываться: «Мы не покупали ее, у нас был договор с людьми». — «Какой договор?» — «Установили гарантированный минимум. Берем у женщины картошку и выплачиваем ей по рублю пятьдесят копеек. Гарантия. Может, мы там и дешевле продадим, себе в убыток, но чтоб женщину, значит, не обидеть, устанавливаем такую твердую оплату». — «А если по пять рублей продадите, ей всё равно — по рублю пятьдесят?» Вот обормоты! Сообразили: «гарантированный минимум»! Мы хоть и беспартийные, политически малограмотные, но понимаем, что это и есть самая настоящая спекуляция!..

Тихон Кондратьевич, видя, что Мартынов слушает его очень внимательно, продолжал говорить:

— Вот, Илларионыч, почему я тебе так подробно рассказал про Трапезникова, — видишь, как оно бывает, с какой душой люди пролезают в партию. И ведь не граф, не дворянин, из самого бедного сословия. И в гражданскую войну за советскую власть воевал.

А душа — железная. «Поменяться местами». Не за народ воевал. О людях он не печалился. Лишь бы самому сладко жилось.

А есть у нас люди, Илларионыч! Какие люди! В партию бы их — было бы кому направлять колхозную жизнь!.. Есть у нас звеньевая Ксения Панкратова. В самое тяжелое время, когда ничего на трудодни не получали и все бросали работать, она, бывало, уговорит двух-трех женщин из своего звена и идет в поле. Смеются над ними, проходу не дают: «Ударницы! За идею коллективизации — на своих харчах!». Так они, чтоб не слыхать этих насмешек, стали по ночам ходить на свой участок. Ночи были светлые, лунные, хорошо видать рядки на свекле, они и работают себе до вторых петухов. И как ни плохо было с урожаем, всё же в звене Панкратовой свекла лучше всех. Это ли не коммунистки? Политику они не изучали, может и не знают, в каком году какой съезд партии проходил, зато знают, как надо практически партии помогать. Есть парень Гриша Зубенко, ездовый при лошадях. Все его сверстники поразбегались — кто на железную дорогу, кто на сахзавод, кто в совхоз, а он как пришел из армии в сорок шестом году, как взял пару лошадей молодых, трехлеток, так и до сих пор на них работает. И не то чтоб какой-нибудь недотепа или с придурью, которого на производство не возьмут. Парень как парень, грамотный, при здоровье. Жена у него красивая молодица, детей двое. Ему по его ухватке и на заводе цены не было бы. Лошади у него всегда сытые, справные, сбруя починена, повозка в порядке. Позапрошлой зимой возил корма на фермы. Морозы стояли лютые, метели, и не было такого дня, чтоб отказался, не поехал за сеном. Ногу приморозил, и то не признавался, пока аж улеглись метели и навозили запас кормов дней на несколько. Аж тогда пошел к врачу в Ореховку. А с ногой уже худо, чернота пошла. Два пальца отрезали. Говорил мне Гриша: «И я бы в город подался, ничего плохого нету в том, чтоб колхознику стать рабочим: всегда из деревень шли люди на заводы, и на новостройки вербуют рабочую силу по деревням. Но в это время не могу. Буду вроде как дезертиром. Перед батей совестно». Может, приметил, когда едешь в Степановку большаком, стоит там при дороге каменный столб, остряком, звезда на нем высечена? На том месте

кулаки в двадцать девятом году убили отца Гриши Зубенко. Был он председателем первого товарищества у нас. Подстерегли его ночью в поле и не то убитого, не то живьем сожгли. Стояла там молотилка артельная и скирда хлеба. Подпалили скирду, и его бросили в огонь. Кабы не сторож, что спрятался в некошеной пшенице и подсмотрел, как они его казнили, так бы и не знали, куда девался человек... Комсомольцы есть у нас хорошие. Вот эта девушка, Клава Кострикина, что отказалась воровать на птичнике яйца для ихних банкетов. В правление колхоза ее сейчас выбрали. Правильно выбрали! Что с того, что молодая, девятнадцать лет всего? Когда зачиналась коллективизация, из такой молодежи-то и был самый актив! И эта Зайцева, доярка, которая подала заявление в партию,— тоже женщина заботливая, справедливая, за правду в огонь пойдет. И Надежда Ивановна Пронина, мать нашего погибшего героя. Эта — уже старуха и здоровьем слаба, в поле работать не будет, но разве в партию принимают по здоровью? На собрании голос подаст против непорядков, образумит какого-нибудь ветрогона — и то большое дело.

— А почему ты сам, Тихон Кондратьич, не ушел из колхоза в МТС или в город? — спросил Мартынов. — Тебе-то уж и подавно работать бы где-нибудь на производстве — специальность в руках.

— Так я же один кузнец в колхозе, Илларионыч! — ответил просто Сухоруков.— На мне там всё хозяйство держится. Как мой сынишка читал книгу про индейцев: «Последний могикан». Вот и я остался один на весь укрупненный колхоз. В Ореховке кузнец помер, в Степановке бросил ковать по старости. И молодежь не обучили. Ну, уйду и я из колхоза, что ж оно получится? Всё дело встанет, нечем будет людям работать в поле. Кто бороны в порядок приведет, прицепы к тракторам поделает, жнейки отремонтирует? Кто Грише Зубенко колесо ошинует, лошадей перекует? Ручка на веялке у баб отломится — и то некому починить. Уйду я — весь колхоз из-за меня пострадает. Нет уж, видно, мне в колхозной кузне и век свековать.

— А рука?

— Рука заживет. Доктор обещается, что через месяц будет как новая. Это я не в кузне покалечился, плотники угостили меня. Помогал им стропила на крышу поднять,

а они не удержали бревно и — по руке. Да я уж тебе рассказывал... Раньше не ушел из колхоза, а теперь и вовсе не к чему уходить,— продолжал Сухоруков.— Мы было сойдемся — я, Зубенко, Ксения Панкратова, еще такие колхозники, которые работали, не бросали,— и разговариваем промеж собою, утешаемся: нет, всё же в дураках останемся не мы, а те, что над нами надсмехаются! Не может быть, чтоб допустили наш колхоз до развалу!.. Я тебе скажу, Илларионыч, как ни худо было, а колхоз мы не ругали. Такого сомнения не было в народе, что, мол, колхоз — это неправильно, ничего не выйдет, надо к единоличной жизни повернуть. Помним мы ту единоличную жизнь, как один другому кольями головы проламывали на межах! Что сошлись в колхоз, об этом не жалели. Но за непорядки ругались последними словами! И своих правленцев ругали, и вам, районным руководителям, доставалось, и повыше кой-кому.

— Ругали поделом, но почему же молчали столько времени, не обращались в райком? Директору МТС рассказали всё, а ко мне не обращались. Ну вот ты хотя бы. Почему не закрыл на день свою кузницу и не приехал в Троицк? Не рассказал вот это всё, что здесь я от тебя узнал?..

Кузнец смущенно почесал затылок.

— Разве там у вас, в райкоме, как придешь в кабинет на полчаса, перескажешь всё? То заседания у вас, то телефоны, такая суета. Тут мы уж сколько времени вместе лежим, никто нам не мешает, целую неделю рассказываю тебе про наш колхоз, и то еще не всё рассказал... Знаешь, Илларионыч,— махнул он рукой,— мы столько повидали у себя уполномоченных, таких, что дальше правления носа не казали и ни с кем, кроме председателя, не разговаривали, что уже не всем начальникам верили. Про тебя поначалу хороший было слух прошел в народе. А вот за этого нового председателя, за Бывалых, очень мы были недовольны на райком! Тут ты, можно сказать, сам себе этим делом подорвал авторитет. В такой пострадавший колхоз дали такого никчемного человека! Бюрократ бюрократом, и уши холодные! Думаем: не иначе товарищ Мартынов с этим Бывалых приятели. Хорошего, стало быть, в райкоме мнения о нем, раз доверили такой колхоз. Ну, и куда ж жаловаться?..

Мартынов даже задвигал плечами и головой на подушке от нетерпения — так ему захотелось встать. Он начал объяснять кузнецу «стратегию» райкома (сколько раз уже объяснял он ее многим людям!), почему среди других посланцев из партактива оказались и такие типы, как Бывалых:

— Разве только в колхозных организациях есть примазавшиеся к партии? И у нас, в районном активе, найдешь обывателей и пустозвонов. Надо было проверить таких на деле! А за Руденко колхозники нас не ругают. За Грибова не ругают. За Щукина, Нечипуренко, Сазонова, Плотникова не ругают! Какой он мне приятель, этот Бывалых? Если не доведут с ним теперь в райкоме дело до конца, как нужно, то я вот поднимусь...

— А не слишком ли горячо жестикулируете, товарищ секретарь? — послышался женский голос.— Может, попробовали бы еще пошагать по палате?

За окном стояла Надежда Кирилловна, положив подбородок на нижний переплет рамы. Она, вероятно, поднялась на цыпочки — подбородок смешно выдался вперед, нос задрался кверху.

— А, Надя! Заходи.

— Я на минутку. Димка не забегал?

— Утром был.

— Он после школы пошел с ребятами ловить рыбу на Сейм. Был у меня в саду, сказал, что на обратном пути зайдет за мной, и не зашел. Уже темно, а нет его. Беспокоюсь.

— Значит, хорошо клюет. Задержался.

И лишь только Надежда Кирилловна успела отойти от окна, чтоб пройти к мужу в палату через приемную, как на подоконник, подброшенная снизу на веревочке, шлепнулась порядочная низка окуней, по стенке заскреблось, показалась взлохмаченная, без кепки, голова мальчика, а через секунду и сам он уже сидел на подоконнике. Его путь в палату оказался значительно короче, и когда вошла мать в накинутом на плечи халате, Димка с кузнецом, сидя на корточках посреди комнаты, уже пересчитывали окуней на кукане.

— О! Земля треснула — и чёртик выскочил! Он уже здесь! А вот за то, что ты ходишь сюда без халата, тебе, Димка, когда-нибудь крепко влетит от врача.

— ...пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят де-

вять. И вот этого бубырика можно присчитать. Шестьдесят штук! Здóрово клевало! Никогда в жизни еще так не клевало!.. Мама! А для чего надевать халат? Если я принес на себе каких-нибудь микробов, то разве они не вылезут из-под халата? Я же весь не закроюсь, всё равно щелки останутся. Это не от заразы, а так. Им лишь бы что-нибудь белое было на плечах. Ну, накинь на меня папино полотенце.

— Рассуждение вполне реалистическое,— удовлетворенно кивнул Мартынов.— Не будет формалистом, когда вырастет.

— Тоже мне борцы с формализмом! Да еще рыбой напачкал на полу.

— Ничего улов,— сказал Тихон Кондратьевич.— Килограмма полтора будет. Были бы у меня обе руки справные, мы бы сейчас с тобой, парень, выпросили на кухне чугунок, развели в саду костер и такой полевой ушицы сварили бы из свежачка!..

— Вот больные! Начнут еще тут кухарить. Хотите ухи — я вам дома сварю и принесу.

— Не откажемся,— сказал Мартынов.— Нас здесь ухой не кормят. Только лаврового листику побольше.

— Да уж знаю, как уху варят. Ну, Димка пришел, тогда я посижу здесь немного.— Надежда Кирилловна уселась в кресло.— А ты беги домой. Нечего до полуночи шататься. Экзамены на носу, сидел бы больше за учебниками. Ужинайте с тетей и ложитесь спать, я сама открою дверь ключом.

— Боюсь, Димка,— сказал, улыбаясь, Мартынов,— что наша веселая и деятельная мать станет под старость ворчливой.

— Тоже того боюсь,— вздохнул Димка.

Надежда Кирилловна рассмеялась.

— Так и мучаюсь с ними,— обернулась к Тихону Кондратьевичу.— Мужики! Вдвоем против одной женщины.

— Дочку надо еще,— сказал кузнец.— Вот и вам будет подмога.

Димка взял рыбу и тем же путем, через окно, выбрался из палаты. Попрощался уже со двора:

— Спокойной ночи, папа! Скажи маме, каких тебе книжек нужно, я завтра принесу.

Сухоруков пошел в соседнюю палату посидеть там до

отбоя, чтобы дать мужу с женой поговорить наедине о чем-то, может быть, своем.

Надежда Кирилловна одернула простыню под Мартыновым, поправила одеяло, вынула из своих волос гребенку и причесала его. Нахолодавшие руки ее пахли какой-то душистой травой или древесным соком, корой. Одета она была, как колхозница-щеголиха на работе,— в короткой, сшитой аккуратно, по фигуре, перехваченной в поясе стеганке, в небольших, по ноге, запыленных сапогах, в яркой, цветастой косынке, повязанной назад.

— Весна,— вздохнула она,— а ты лежишь. Какие ночи! Воздух такой густой и сладкий, хоть на хлеб его намазывай! Про соловьев уж не говорю, ты их и отсюда слышишь. Как у нас в старом саду хорошо! Никогда еще не видела такого сильного цвета на деревьях. Яблони стоят, как невесты в фате.

— Или как медсёстры в операционном зале в белых халатах,— сказал Мартынов.

— Ну, сравнил! Больничные образы. Запомнилась бедному операционная!.. Боюсь только заморозков. Обидно, если такой цвет погибнет. Сегодня целый день развозили перегной и солому по саду в кучки. Всё наготове. Прогноз опасный. Завтра не приду домой, останусь ночевать в саду в сторожке. Если потянет на мороз, будем окуривать. И саженцы мои уже оживают. Но не все принялись, на некоторых сухие почки.

— Еще рано. Отойдут.

— Скоро клубникой тебя угощу, есть уже завязь.

Надежда Кирилловна рассказала мужу, что знала от людей о весеннем севе в колхозе «Прогресс», о последних колхозных новостях. Рассказала о своих селекционных работах в саду. Взгляд ее упал на плетеную соломенную корзиночку, стоявшую за книгами на табурете:

— У тебя сегодня кто-то был? Кто это принес? Какая хорошенькая корзиночка! И ручки связаны ленточкой. Это женщина принесла. Погоди-ка, у кого я видела такие корзиночки, кто их умеет плести? Сейчас вспомню... Марья Сергеевна?

— Она.

— Чего она там принесла?

— Не знаю. Посмотри.

Надежда Кирилловна развязала шелковую голубую ленточку, стала вынимать из корзиночки свертки:

— Пирожные. Лимоны. Лещ в томате. «Мишки». Масло. Коробка «Казбека». Пастила. Сыр. Копченая колбаса... Зачем это? Как будто ты здесь голоден, некому позаботиться о тебе.

— Не обижайся, Надя. Это уж так принято — приносить что-нибудь в больницу. Найдется здесь кому съесть это всё. И ты, если бы шла к хорошему знакомому, пусть у него и жена, а всё же чего-нибудь захватила бы.

— Конечно. А, ладно! Вот еще букетик фиалок... Знаешь, эта ленточка и фиалки говорят мне больше, чем вся эта передача.

Мартынов удивился нахмуренному, обиженному виду жены. Много раз Надежда Кирилловна со смехом говорила ему, что совершенно лишена эмбриона ревности. «Говорят, если не ревнует, значит не любит. А вот я тебя люблю, но не ревную. Что поделаешь? Может быть, это мой физический или психический недостаток, но вот такая я и есть. Не ревную — и всё». И иногда добавляла: «Какой-нибудь пустышкой за одни хорошенькие глазки ты не увлечешься, таких я не боюсь, пусть хоть передают через меня любовные записки тебе. Мне даже лестно, когда вижу, что мой муж нравится женщинам. Но если встретится женщина, которая сможет стать тебе близким другом, бóльшим другом, чем я, и ты потянешься к ней сердцем,— не знаю, может быть, и я испытаю ревность. Да, конечно, тогда я узнаю, что такое ревность».

Повинуясь внезапному душевному побуждению, полагая, что его умная и тактичная жена при встрече с Борзовой никогда и виду не подаст, что знает всё, Мартынов рассказал ей, чем закончилась сегодня их долгая беседа здесь в палате.

Надежда Кирилловна слушала вначале как-то насторожившись, сурово сдвинув брови, но по мере того, как Мартынов говорил, лицо ее прояснялось, и под конец на нем появилось выражение обыкновенного женского любопытства, будто он рассказывал о других людях, а не о себе самом и Борзовой.

— Так и сказала, что Виктору Семенычу было за что ревновать?

— Так и сказала...

— Я ее понимаю, бедняжку,— вздохнула и горько, через силу, улыбнулась Надежда Кирилловна.— Знать

тебя близко много лет и не полюбить — это, конечно, невозможно... Еще одна жертва!

— Почему «еще одна»?

— Ну, первая это я.

Она уже шутила, как обычно, но ей было очень грустно, оттого, что вот наконец первый раз за всю их совместную жизнь к ней пришло это неизведанное раньше чувство тревоги за мужа, за его любовь к ней. Значит, это та женщина, которой нужно опасаться?..

Мартынову вдруг стало стыдно перед отсутствовавшей Борзовой за то, что он, рассказав только о ее признании и кое о чем умолчав, как бы посмеялся над нею.

— Я ей тоже сказал, Надя, что если бы не любил тебя, если бы так жизнь сложилась, что совсем не знал бы, не встретил тебя, возможно, мы бы с нею были вместе,— договорил он.

— Да?..

Глубоким чутьем любящей умной женщины Надежда Кирилловна поняла, что если дойдет у них до борьбы за этого человека, то победит та, которая окажется выше, благороднее душой.

— Если бы не встретил меня, если бы да кабы,— покачала она головой.— Это для нее слабое утешение.

— Мне, Надя, просто как-то не по себе, чувствую себя виноватым перед нею за то, что невольно причинил ей горе.

— Горе?.. Нет, это не горе... Она не сказала ведь, что ее жизнь повернулась к худшему. Ты ей душу разбудил. Пусть боль, пусть тоска, но это жизнь. Вероятно, и она никогда не пожалеет, что узнала и полюбила тебя. Самое страшное — это пустота. Ни радости, ни горя...

Мартынов благодарно, с восхищением посмотрел на жену, взял ее руку, положил себе на грудь.

В коридоре послышались шаги, стоны. Несли что-то тяжелое, вероятно, больного на носилках. Прошлепала босыми ногами санитарка. Где-то раскрыли дверь другой палаты, и оттуда доносились громкие стоны. За стеной надсадно закашлялся больной, которому обычно становилось хуже к ночи, — теперь будет кашлять всю ночь. Больница есть больница, не только соловьиное пение услышишь, лежа в палате. Да и окно в сад уже закрыла снаружи проходившая по двору дежурная сестра.

— Скорее бы уж разрешили забрать тебя домой, — сказала Надежда Кирилловна.— Там тебе спокойнее будет.

Она взяла прочитанные книжки, салфетки и платки для стирки, пустую баночку из-под варенья, спросила, чего ему принести завтра, вспомнила: «Ах да, ухи сварить вам из Димкиных окуней!», поцеловала мужа и пошла. На пороге оглянулась, грустно улыбнувшись, помахала рукой...

Вошел кузнец, посидел немного на своей койке, скинул халат, лег под одеяло.

— Два дамских поставил мне этот, что с забинтованной головой, обгорелый, — сообщил он. — Ну и сильны ж эти пожарники в шашки играть!

Пришла дежурная сестра Тамара Васильевна, пожилая, лет за пятьдесят, мощного телосложения женщина, которую все больные звали не сестрицей, а мамашей, повернула Мартынова на бок, помассировала ему бедро, рассказала, кого привезли сегодня к ним, кого выписали, какое меню на завтра утвердил главврач.

— Хорошо стало у нас, Петр Илларионович, с тех пор как вас к нам привезли,— зашептала она доверительно, склонившись к Мартынову. — Сегодня главврач собрал весь персонал и говорит нам: «Вы же понимаете, кто у нас лежит в больнице! Не простой больной — секретарь райкома! Вот он скоро начнет ходить на костылях — неизвестно, куда ему захочется заглянуть. Может, и на кухню заглянет, и на склад, и ко мне в кабинет. Я ему не могу запретить — не простой больной. Надо, чтоб везде был порядок, чтоб всё блестело, сияло!» Ремонт у нас сейчас идет полным ходом, белье стали лучше стирать, повар лучше готовит, санитарки тише ругаются. Почаще бы такие большие начальники попадали к нам в больницу!

И сама спохватилась, что сказала неладное, рассмеялась, всплеснула руками:

— Ой, что ж это я говорю, дурёха? Не подумавши, ляпнула! Нет, если б порядки остались такие, как при вас, а вам бы уже поправиться и дома быть!..

Спросив у Мартынова, не нужно ли ему чего на ночь, Тамара Васильевна уложила его опять на спину, укрыла одеялом, погасила свет.

Отбой. Темнота. Колеблющийся на стене луч от да-

лекого уличного фонаря. Кашель и стоны за стеной. Глубокое, с присвистом, дыхание спящего кузнеца. Мысли...

Долго лежал с закрытыми глазами Мартынов, пока из всего услышанного, передуманного за день стало выступать главное, как в густом тумане выступают очертания деревни или леса, когда подходишь ближе к ним.

«Много заделано, да мало сделано — вот как получилось у тебя, Петр Илларионыч, с районом,— пришел Мартынов к горькому выводу.— Разбросанно работал, не подыскал ключа к самому главному. Старое, негодное ломал, а новое, хорошее в систему не привел. Увлекался одним — забывал другое. Тот подъем, что виден в колхозах, — это результаты работы пока небольшой группы людей. Для настоящего же, резкого и крутого подъема надо привести в движение всю массу колхозников. Этого не было сделано. В районе тридцать тысяч колхозников. Армия. Может быть, авангард оказался невелик для такой армии? Да, конечно. Он сам, даже с этими новыми хорошими председателями, не мог поднять всю массу народа... Если бы всё было приведено в движение, не оставалось бы на карте района до последнего дня таких позорных белых пятен, вернее, черных пятен, как «Рассвет». До последнего дня! Без него уже «дошли руки» других людей до этого колхоза...

Какая всё же огромная махина — район! Сколько людей, и хороших, и так себе, и плохих! И просто пока незнакомых, неизвестных, неузнанных. Как вот эта звеньевая, что выходила ночами полоть свеклу, как Гриша Зубенко, о которых рассказал сегодня кузнец... Немало и он сам нашел таких людей в колхозах, но както не закрепил с ними связи, не познакомился ближе, не сошелся проще, роднее. Как живут и работают сейчас те трактористы в Семидубовской МТС, с которыми он однажды зимой всю ночь проговорил в общежитии? Бригадир Бережной, Юрчик Маслов, Василий Шатохин? А тетя Поля, Полина Егоровна Черноусова, бригадир первой женской тракторной бригады в районе? Замечательные люди, государственного ума, беспокойной души. Многим из таких людей быть бы в партии! Из вожаков, из передовиков производства должны состоять партийные организации! Из таких людей, чья вся жизнь, все их дела — пример для масс!.. А где сейчас тот мудрый дед Ступаков, «солдат революции с вещевым мешком

за плечами»? Как живет старуха Суконцева, которая приезжала к нему в райком насчет престольных праздников? Как дела у Дорохова? Колхоз-то пошел в гору, с тех пор как выбрали его председателем, а как сам Дорохов живет? Всё так же тоскует по первой жене? Такой же угрюмый и замкнутый дома со своей некрасивой, доброй и любящей Настей? Не встречался он с Дороховым близко, запросто, чтобы можно было поговорить обо всем, не только о центнерах и гектарах...

Да, самое главное упустил он из виду — колхозные партийные организации. Вот кто может повести за собой всю массу колхозников — рядовые колхозные коммунисты! Если они действительно коммунисты... И в этом, в здоровых партийных организациях, опять же залог прочности дела. Больше будет в партии рядовых колхозников, производственников, по-настоящему болеющих о хозяйстве и своей колхозной жизни,— сотни зорких глаз будут следить за тем, чтобы эта жизнь шла по верному пути! Никакой райком, никакой обком сам за всем в колхозной жизни не уследит без рядовых коммунистов!.. Если бы все партийные организации в районе были связаны по-настоящему с народом, а он и все работники райкома крепко связаны с колхозными коммунистами,— куда лучше бы шли дела! Район бы стал за эти годы уже действительно передовым!..

Второй его грех, конечно,— Медведев. Какая-то дурацкая щепетильность, нежелание, что ли, вступать в споры с обкомовским аппаратом, боязнь, что за ним окончательно закрепится дурная слава «разгонщика кадров», помешали ему своевременно поставить вопрос перед секретарями обкома о Медведеве. Видел же он, что Медведев по своей натуре совершенно неподходящий для партийной работы человек. Равнодушный обыватель, заучившийся цитатчик, бумажный человек, «служащий» в райкоме. Видел, знал всё это — и молчал. Примирился с тем, что в райкоме по существу нет второго секретаря, пустое место. Вот теперь за его, Мартынова, молчание расплачивается своими боками целый район!..»

Порывом ветра донесло с центральной площади городка из уличного динамика арию князя Игоря: «О, дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить!..»

— Тьфу, чёрт! — выругался вслух Мартынов. — И музыка как по заказу!..

«Много заделано — мало сделано. Партия, партия и еще раз партия — вот ключ ко всему!.. И вот появился в районе человек, который взялся доделывать его недоделки. Что ж, спасибо ему. Да, по всему видно, этот Долгушин — большой человек. И председатели колхозов из Надеждинской МТС реже стали ездить к нему в больницу, с тех пор как Долгушин вошел там в курс дела. С ним, директором МТС, решают все трудные вопросы... Так, значит, теперь он, Мартынов, уже не «первая голова» в районе? Что же делать, если он вернется из больницы на старое место в райком? Как будут они работать с Долгушиным? «Два медведя в одной берлоге»? Уживутся ли? Кому у кого занимать ума и умения руководить людьми? Не придется ли одному медведю вылезать из берлоги?..»

8

До кузнеца Сухорукова лежал в палате с Мартыновым учитель из Семидубовской средней школы, а еще раньше — колхозный бухгалтер. И после Сухорукова вторая койка не пустовала: с Мартыновым положили рабочего из райпромкомбината. Новые люди — новые темы для разговоров, новые вопросы для раздумья. Ходячие больные из других палат, зная, что в больнице лежит секретарь райкома, часто заглядывали к нему решить какой-либо политический спор или просто побеседовать о жизни.

Никогда не перечитывал Мартынов так регулярно все газеты и журналы, что получал по подписке. Много прочел он за эти месяцы и книг. И после всего еще оставалось достаточно времени для размышлений. Ни звонков из обкома, ни телеграмм, ни заседаний. Лежи и думай... Тут только, в больнице, понял Мартынов, что и для мозговой работы требуется время и соответствующая, более или менее спокойная обстановка. В сутолоке райкомовских будней, где всё соображаешь и решаешь на бегу, мелькнет иной раз новая мысль — как крысиный хвостик из норы покажется, — и тут же исчезнет. Не удержал ее сразу, не додумал до конца — завтра забудется, что́ же такое приходило тебе в голову. А здесь лежи на спине, смотри в потолок и тащи эти ускользавшие когда-то мысли «за хвостик» сколько тебе нужно!

По старой журналистской привычке Мартынов записывал многое из передуманного в блокноты. Заносил туда и всякие меткие выражения, услышанные от собеседников. Для этого пришлось учиться писать левой рукой, да еще лежа, примостив блокнот к стопке книг на табуретке у койки, — трудное дело! Но опять же свободного времени у него хватало, можно было записывать не торопясь, хоть по одному слову в минуту.

Вот некоторые заметки из его блокнотов.

«Он из тех людей, которые дважды об одну и ту же кочку не спотыкаются». Хорошо сказано! Самая лучшая характеристика, какую только можно дать человеку!»

Приписано другим карандашом, вероятно через несколько дней, после некоторого раздумья над этими словами:

«Хотелось бы и себе заслужить такую характеристику в народе».

«Из разговоров с бухгалтером Корзинкиным:

Мы наложили на систему организации и оплаты труда колхозников столько латок, что под ними уже не видно самой системы, как, бывает, под заплатами на зипуне не видно того основного материала, из которого сшит зипун. По таким-то культурам — особое постановление, особый расчет, за то-то — такие-то привилегии, там — дополнительная оплата, там — премия, а где же основная оплата обыкновенного колхозного трудодня? Иной раз по дополнительной оплате колхозник получает больше, чем по трудодням. Надо отодрать все латки и посмотреть, осталось ли под ними еще что-нибудь от самого зипуна. Или, может быть, надо весь зипун шить заново?»

«Приезжал лектор в Семидубовку с путевкой райкома читать лекцию на тему: «Есть ли жизнь на других планетах?». Народ собирался медленно, и лектор с заведующим избой-читальней успели раз пять сходить в закусочную. Пока началось, избач был уже так хорош, что объявил собравшимся: «Сейчас товарищ из района прочитает вам лекцию о загробной жизни». Кто же это приезжал? Надо выяснить».

«Некрасов:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей».

«Оказывается, еще Герцен называл идиотским закон, одинаково карающий и взяточника и взяткодателя, так как это связывает их круговой порукой молчания».

«В маленькой партийной организации, где всего три человека, — «детская игра» в партсобрания. Один делает доклад, другой пишет протокол, третий выступает в прениях. Если в селе есть два колхоза, где всего по три-четыре коммуниста, то ничего бы не было плохого, если бы эти коммунисты состояли в одной парторганизации — обменивались бы опытом, коммунисты передового колхоза влияли бы на отстающих. В этой же парторганизации и председатель сельсовета и другие члены партии — из сельских учреждений. Всё равно ведь все сельские работники живут интересами и нуждами колхозов, только о колхозах и говорят. Как бы поднять этот вопрос — «об укрупнении карликовых парторганизаций»?».

«Помню выражение этого Масленикова: «Пропустите сегодня за ночь через бюро человек пятнадцать председателей колхозов по хлебопоставкам!» «Пропустите»! Как будто у нас какой-то санпропускник!»

«Жизнь человека — целый роман, а мы иногда пытаемся втиснуть ее в несколько строчек решения об этом человеке, в докладную записку».

«Учитель Сорокин:

Раньше бывало, если у кулака сын учился в городе в гимназии, то от хозяйства всё же не отрывался, на каникулы приезжал домой и отрабатывал отцу вдвое расходы по своему учению: пахал, косил, возил снопы наравне с батраками. А сейчас у нас иногда получается так. Девушка, дочь колхозников, потомственных хлеборобов, заканчивает в селе десятилетку и не умеет сено грести, снопы вязать. Восемнадцать лет парню, вырос в колхозе, на маминых трудоднях, — с грехом пополам лошадь запряжет; заставят его телегу смазать — жмет

ключом гайки в одну сторону, не знает, что на левой стороне левая резьба на осях».

«Хвалим человека: «Напористый товарищ! Энергичный!». Только по этим качествам иногда и судим благоприятно о человеке: «Годится! Силен! Потянет!». А куда потянет? Разве при Николае Втором не было энергичных чиновников?»

«Юлиус Фучик: «Герой — это человек, который в *решительный* момент делает то, что он должен сделать».

«Социализм отличается от капитализма, кроме всего прочего, еще тем, что здесь общество, в противоположность капиталистическому, берёт на себя ответственность за личную судьбу каждого человека».

«Колхозы для нас не только производители хлеба, мяса, молока, овощей и пр. Колхоз — это люди, тысяча, полторы, две тысячи людей, которые должны жить хорошо. Не для упрощения лишь хлебозаготовок создали мы колхозы, а для самих крестьян, для улучшения их жизни! Мы, партия и советская власть, взяли на себя ответственность за судьбы нашего крестьянства, обещали им в колхозах справедливую, материально обеспеченную, культурную жизнь, и мы должны добиться этого всюду!»

«Критика должна стать у нас безвозмездной» (пожарник Костин)».

«А народ наш сейчас уже не удивишь и не напугаешь высоким чином. Разговор двух больных из седьмой палаты: «Что ты говоришь?! Разве так можно его ругать? Он же депутат!» — «Депутат? Ну что ж, значит плохой депутат. Ошиблись, когда голосовали за него».

«Всё же холуй и угодник урожая не сделает. Урожай скорее сделает строптивый и колючий председатель, спорщик, «нарушитель», а не такой, что: «Чего изволите?».

«О Советах. Кричим о параллелизме, о том, что партийные и советские органы занимаются одними и теми

же делами, что райкомы подменяют райсоветы, а где же выход, по какому направлению должна пойти «перестройка»? Давать бо́льшую самостоятельность Советам? Укреплять права и авторитет советских органов? Как укреплять?.. Об этом еще надо думать и думать!»

«Только слабый, неуверенный в себе, в своем авторитете руководитель может бояться политической активности масс, инициативы, демократизма».

«Председатель «Искры» Федосей Григорьев сказал библиотекарше: «Зачем нам книжки читать? Всё, что надо делать, нам райком подскажет». Вот как привыкли! Ах ты ж, Федосей! Погоди, поправлюсь, я тебе подскажу, что делать!»

«Это огромной важности задача, и дьявольски трудная: направить на производство тех людей, что высвободятся из сокращенных управленческих аппаратов и всяких ненужных ликвидированных учреждений. Таких людей будет много, среди них и высокопоставленные в прошлом. Я бы создал что-то вроде резерва, как в армии, и томил бы их там на минимальном содержании, на «тыловом пайке», пока сами не запросились бы в колхозы и на заводы».

«Шутки шутками, но, видимо, придется открывать какие-то особые учебные заведения, без ограничения приема по возрасту, где человек, ничему не научившийся пока, кроме как «руководить», мог бы и в сорок лет приобрести какую-нибудь полезную производственную специальность. И надо это дело ставить с большим государственным размахом. Иначе мы не вылезем из этих «бюрократических проблем».

«Фельетон в стихах Степана Олейника: «Да какие ж то мужчины?».

Я хочу в связи с уборкой
Вспомнить малость про мужчин.
Проберу их речью горькой
Неспроста, не без причин.
У соседей все мужчины —
Кто за жнейкой, кто на ток.
А у нас не та картина:
Видно, сила им не впрок!

На собранья ходят дружно.
(А особенно — в буфет!)
Но когда работать нужно,
Будто их в артели нет.
    В страдный день с утра до ночки,
    Пусть там ливень или зной,
    В поле белые платочки,
    А фуражки — ни одной!..
Возле дуба чешут спины,
А вокруг кипит страда.
То ли это не мужчины?
То ли нет у них стыда?
    Тут работа с жаром, с пылом,
    А они как индюки.
    Вон, глядите, тот верзила
    Чинит сети у реки,
Тот — учетчик (глянуть любо:
С метром шествует раз в день),
Тот — оратор, тот — завклубом,
Тот в саду сидит, как пень...
    Мы в полях, мы у машины.
    Им поспать бы да поесть...
    Да какие ж то мужчины?
    Бабы — вот они и есть!
Бабы, бабы — хоть и носят
Широченные штаны,
А не грузят и не косят,
Юбку просят у жены!.. — и т. д.

Здóрово! Надо перепечатать в районной газете. А размер стиха такой, что это можно петь, как песню. Связаться бы с каким-нибудь композитором, чтоб положил это на музыку. Да чтоб девчата во всех колхозах разучили эту песню! Пусть ходят по селу и поют под окнами у тех, что «возле дуба чешут спины». Вот такая песня действительно «строить и жить помогает», она сработает в колхозах за полсотни уполномоченных! Молодец Степан Олейник, спасибо ему!»

«Инициатива и дисциплина. Самостоятельность и подчинение приказам сверху. Как это совместить? Где тут «дозволенные пределы», где грань, за которую нельзя переступать, чтоб не получилось вообще анархии? Не знаю, пока не совсем ясно. А ясно ли это тем товарищам, которые так часто стали упоминать сейчас слово «инициатива» во всех газетных передовицах?»

«Чёрт возьми, а всё же этого мало от председателя колхоза — чтобы он был честным человеком и не пьяни-

цей! Надо же еще уметь и хозяйничать на тысячах гектаров и руководить людьми! Вот в «Рассвете» выбрали Артюхина. Я его совсем не знаю. Может быть, он честнейший старик, но хватит ли у него этого самого умения?.. Учить надо председателей. Не все ведь такие «от бога» талантливые хозяйственники и организаторы, как Опёнкин. А Грибов, Сазонов, Плотников, Нечипуренко? Тоже ведь не агрономы и не зоотехники. По происхождению-то все мужики, хлеборобы, но этого сейчас мало — старых навыков работы в отцовском маленьком хозяйстве. Было ведь и раньше такое. Рядом два помещичьих имения, одинаковые земли, равноценные угодья. Одно имение дает крупный доход, там хозяйство поставлено на научной основе, у другого же помещика всё валится, земля тощает, скот дохнет, годового дохода от имения не хватает на один хороший кутеж в Москве. Но всех председателей разом на трехгодичные курсы не пошлешь, да и время не ждет. Значит, надо учить их «на ходу», дома, в работе. Кто должен учить? Мы, конечно, районные руководители. Стало быть, мы сами в первую очередь должны всё это отлично знать — и органоминеральные смеси, и всякие системы севооборотов, и колхозную бухгалтерию... Культура руководства. Вот сюда, в эту культуру, и входит всё: работа с душою и работа с толком, со знанием дела».

«Учить новому. Открывать новые перспективы. Но не надо учить людей тому, что они и без нас отлично знают: что вспаханную землю надо засевать, а созревший хлеб надо косить. Нельзя руководить колхозами точно так же, как руководили двадцать лет назад — путем проведения хозяйственно-политических «кампаний». Мы иногда перед народом бываем похожи на ту излишне чувствительную и заботливую мамашу, которая никак не может примириться с фактом, что сын ее давно вырос, что он уже с усами, женить его пора. Всё хочется ей попрежнему кормить его с ложечки и водить по улице за ручку».

«А это как совместить — единоначалие и демократию? Талант, властность, ярко выраженная индивидуальность человека и — коллегиальность?»

«Если писатели — инженеры человеческих душ, то до какого ранга? Распространяются их права на души

больших начальников? Если распространяются, то почему нет у нас в романах среди главных персонажей министров хотя бы? Алексей Александрович Каренин у Толстого крупный был чин!»

«Ленин о коллегиальности: обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. Вот как. А у нас частенько бывает наоборот: сам решит, а ответственность потом, в случае неудачи, сваливает на других».

«Некоторые товарищи полагают, что высокий авторитет того учреждения, где они работают (райком, обком), возместит их собственное невежество, отсталость, нежелание думать».

«Надо кончать с этими рывками в нашей работе по сельскому хозяйству, однобокими увлечениями какими-то далеко не главными и не решающими дела частностями. Нужны планомерность и комплексность мероприятий и настойчивость в доведении начатых дел до конца. Настойчивость, но не упрямство, если в чем-то ошиблись».

«А с очковтирательством надо бороться, как с чумой, сыпняком, проказой! Сколько бед причинила нам трусливая, угодливая, лживая информация!»

«Вот что говорил Ленин о Советах: «...необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства».

«Судя по печати, местами идет опять укрупнение, местами разукрупнение колхозов. Но мы уже у себя больше не будем ни укрупнять, ни разукрупнять. Довольно! Опять ломать границы колхозного землепользования, еще больше запутывать севообороты, которые и так запутаны до безобразия?.. Больной из четвертой палаты говорил: «С этими постоянными ломками живем, будто на разорванной улице при большой дороге. Нет уюта в нашей колхозной жизни. Как на вокзале или на постоялом

дворе — всё меняется, одни уходят, другие приходят, люди на чемоданах спят, гудки, шум, суета». Нет, довольно! Пусть люди хоть привыкнут немного к названиям своих колхозов».

«А старик Глотов, помню, говорил как-то: «Мечтаю дожить до того дня, когда на моих глазах завершится хотя бы одна ротация севооборотов в колхозах».

«Я думаю, в некоторых районах продолжают укрупнять колхозы потому, что секретарю райкома проще иметь дело, скажем, с двадцатью председателями, чем с сорока. Ради личных удобств районного руководства это делается».

«Самым нужным для нас из всех укрупнений (совершенно безболезненным, не связанным ни с какими ломками внутри колхозов) было бы укрупнение районов и МТС. Тут мы уже подошли бы как-то практически и к решению вопроса о сокращении наших управленческих аппаратов. Могучие штаты районных учреждений распространили бы, по крайней мере, свою деятельность на большее количество колхозов. Но и здесь у нас какая-то неразбериха. «Левая рука не ведает, что делает правая». Начали поговаривать об укрупнении районов, а области разукрупняем. Разукрупнили Воронежскую область, Курскую, Ростовскую. Области были по размерам средние, ничего такого гигантского в смысле территории не представляли собой. Не Красноярский край. Территория вполне позволяла хорошо руководить всеми районами. Если где неважно шли дела, то не в территории причина. Зачем понадобилось выделять из них еще новые области? Увеличивать вдвое на то же количество колхозов партийный, советский аппарат?»

«Не могу читать наши сатирические журналы! В фельетоне возмутительнейшие факты, самодурство и произвол, доходящие до уголовщины. Читаешь и зубами скрипишь: да что ж это такое делается, за это же расстрелять мало мерзавцев! А потом появляется: «По следам наших выступлений». «Произведено расследование, факты подтвердились, виновным объявлено по выговору». От такой «сатиры» со счастливыми концовками пользы

ни на грош! От нее даже вред. Она убивает у людей веру в силу советской печати и вообще в успешность борьбы с бюрократизмом и прочими нашими болячками».

«Применяем мягкие, милые, безобидные формулировки, когда речь заходит о зажимщиках критики. Записываем иногда в решении: «Товарищ Н. болезненно реагировал на критику...» А эта «болезненность» заключается в том, что он за деловое критическое выступление на собрании уволил, как самовластный «хозяйчик», наплевав на все советские законы, рабочего с завода, да еще и позвонил на другой завод директору: «Не принимай такого-то, если придет: демагог и склочник!». Какой «болезненный», несчастный человек! Нервы не в порядке, потому и не терпит критики. Подлечить надо на курорте за казенный счет!»

«А. А. Жданов ругал наших философов за то, что они не разработали в своих теоретических исследованиях вопрос о большевистской критике и самокритике как могучей движущей силе социалистического общества. Право же, нам нужны сейчас не столько философские разработки этой темы, сколько практические действия в помощь развертыванию критики и самокритики. Несколько громких дел — за зажим критики, невзирая на чины и заслуги, с преданием, может быть, суду. И уж во всяком случае предусмотреть, чтобы ответственные работники, снимаемые с должности за зажим критики, впредь навсегда лишались права занимать какие бы то ни было руководящие посты. Надо, чтобы уважительное, внимательное отношение к критике снизу стало атмосферой, климатом нашего государства!»

«А вообще-то вопрос о единоначалии и демократии решается просто. Умному человеку власть нужна не ради власти, а ради того, чтобы делать, пользуясь своими широкими правами, хорошие дела».

«Власть ради развития демократии. Парадокс? Нет. Настоящий руководитель именно о том и заботится, чтобы общественная жизнь кипела ключом, чтобы вокруг него росли, поднимались люди, расцветали таланты. Власть свою он направляет на борьбу с плохим, властью

же, данной ему, поддерживает всё здоровое, хорошее в нашей жизни».

«Вот Долгушин, видимо, из тех директоров-единоначальников, которые не употребят свои права во вред народу».

«Хорошо сказал этот комсомолец, агроном Шорин, что заходил ко мне с Нечипуренко: «Своей ответственностью за судьбу Родины, революции, социализма я равен любому, самому высокопоставленному нынешнему авторитету, — разница в возрасте и масштабах работы особого значения здесь не имеет». Надо познакомиться с этим парнем поближе».

«А между прочим, это очень серьезный вопрос — о возрастном составе наших кадров! На моих глазах секретари райкомов стареют. Сейчас средний возраст секретарей райкомов по нашей области, вероятно, так — где-то между сорока и пятьюдесятью, ближе, пожалуй, к пятидесяти. Мне тридцать семь, и как посмотрю на областном совещании на своих коллег — я чуть ли не самый молодой. А через две пятилетки средний возраст секретарей райкомов будет под шестьдесят? А потом — под семьдесят? И в колхозах мало выдвигаем мы молодежи на руководящую работу. Комсомол у нас подчас занимается детским делом — шефством над теленком, сбором металлолома. А как было в гражданскую войну, в начале советской власти, в первые годы коллективизации? Аркадий Гайдар в семнадцать лет был командиром полка! Щорс в двадцать четыре года командовал дивизией! Двадцати — двадцатипятилетние парни заворачивали в ревкомах, организовывали колхозы. Нет, что-то неладное у нас сейчас с воспитанием молодежи и с отношением к ней».

«В США молодежь развращается голливудскими фильмами, а у нас многие ненормальности в среде молодежи от канцелярской скуки в комсомоле».

«Собственно, молодежь у нас попадает на руководящую работу, но тут уже тоже выработался какой-то штамп выдвижения. Иной засидевшийся в комсомольском комитете «переросток», которому перевалило на четвер-

тый десяток, иначе и не представляет себе дальнейшей своей жизни, как — переход на партийную работу. Имеет, так сказать, на это преимущественное право, специализировался уже на произнесении речей, проведении пленумов, конференций. Выдвигаем молодежь, да, но из ограниченного круга «избранных», отмеченных уже печатью более или менее руководящей номенклатуры. Бывшего секретаря горкома комсомола — на заведование отделом в обком партии и т. п. Вряд ли можно назвать таких «выдвиженцев» свежими кадрами. У них есть уже опыт работы с массами? Есть, конечно. Но какой работы? Может, это только опыт писать красивые резолюции и читать речи по бумажкам?»

«Так что молодость — это еще не всё. Блеск в глазах и розовые щёки — это еще не признак живой комсомольской души. Зародыш карьеризма может появиться у человека в очень раннем возрасте. Есть ребята, как говорится, из молодых, да ранние. От такого «раннего» чинуши в государственном или партийном аппарате вреда не меньше, чем от старого бюрократа».

«Еще об инициативе. Всякий приказ, всякое обязательное хозяйственное предложение сверху — это уже есть как бы некоторое подавление инициативы местных работников. Но кто поручится, что *наша* инициатива — самая лучшая и поэтому ее нельзя «подавить»? Может, действительно нам нужно занять ума у соседей? Ведь разумное предложение сверху тоже основывается на чьей-то хорошей инициативе, это аккумулятор многих и многих ценных предложений, идущих снизу, это «циркулярное», широкое распространение какого-то полезного, родившегося в определенном колхозе или районе новшества, до которого люди в других местах не успели еще додуматься. Инициатива более перспективная с помощью государственных мер побеждает инициативу менее перспективную. Естественный процесс!.. Да, но всё это будет так, всё будет хорошо и нормально при одном лишь непременном условии: если предложение действительно правильное, действительно выражает собой назревшую жизненную необходимость и стоит на твердой реальной почве в смысле возможностей его осуществления».

«Нечипуренко рассказывал, как в том районе, где он работал до войны, держали одного коммуниста «штрафника» в районном активе — специально для критики. Штук пять выговоров у него было, раз десять перебрасывали с места на место и всё же держали на ответственной работе — для критики. На партконференциях весь огонь обрушивался на этого деятеля за его безобразия. Не было бы его — кого-нибудь другого стали бы критиковать».

«Датская пословица, Андерсен Нексе: «Шагает шире, чем позволяют штаны».

«А в общем, если об инициативе только кричать, декларировать ее, не подкрепляя декларации практическими делами, то из этого можно сделать очередную вселенскую говорильню».

«Да, но все ли у нас такие начальники, как Долгушин, что смело можно давать им широкие права? Нет, не все. Как же быть в тех случаях, когда человек может во вред народу употребить свою власть? Вот тут-то и нужны сильные, активные низовые парторганизации! Да чтоб побольше было в них рядовых производственников. Рабочему нечего терять, он как «заведовал» станком или кузнечным молотом, так и будет им заведовать, не на этом, так на другом заводе. Конечно, могут и рабочего прижать по-всякому за критику, но всё же у кого меньше привилегий, тот не так дрожит за свое благополучие. Смелая, здоровая критика — и своевременная сигнализация с места, если с начальником творится неладное. Надо добиться путем крепких государственных мер, чтобы критика у нас стала действительно «безвозмездной», как говорит пожарник Костин».

«Здоровые низовые партийные организации, народный контроль — вот самое верное средство от самодурства, беззакония, комчванства».

«И — поиски такой организационной системы, при которой и незадачливый начальник не мог бы так уж много напакостить. Чтобы его глупости, по крайней мере, не били по карману трудящегося человека».

«Думается, что в этих целях надо бы продолжать поиски такой системы хлебопоставок, которая надежно гарантировала бы колхозников, что при любых умственных способностях их председателя колхоза, директора МТС и секретаря райкома трудодень у них будет не пустой. Надо, чтобы колхозники твердо знали наперед, что́ же останется у них из валового сбора зерна на внутрихозяйственные нужды — если не в центнерах, то хотя бы в процентах от фактического урожая. Нужно что-то вроде того железного хлебного закона, что был в тридцатых годах: ни грамма меньше, ни грамма больше! — но теперь уж на других основах, поскольку механизация сильно выросла и фактически судьба урожая сейчас в руках МТС. Почему мы так упорно придерживаемся ныне действующей старой системы, которая тоже уже вся в заплатах, как тот зипун? И которая — что греха таить — смахивает всё же несколько на продразверстку, если учесть всякие дополнительные закупы и пр. В прошлом году четыре раза давали нам план! Нет ничего вреднее для сельского хозяйства, как «дерганье» колхозников с хлебом. Мало радости, когда читаешь в газетах осенью рапорты областных организаций: «Сдача хлеба сверх плана продолжается». Значит, опять деревню лихорадит, опять у нас неустройство в самом главном деревенском вопросе — в вопросе о хлебе. Закупом можно всё смазать, снивелировать, можно, как и раньше было, свести передовой колхоз до положения отстающего — по выдаче хлеба на трудодень. Подрываем материальную заинтересованность. У колхозников попрежнему нет достаточно сильного стимула для борьбы за высокий урожай. Хорошо ли, плохо ли будешь работать, всё равно получишь на трудодень всё те же полтора-два килограмма, что и в отстающих колхозах стали уже получать люди. Конечно, по закупу колхозу платят больше денег, чем за зерно, сдаваемое по госпоставкам, но всё же не настолько больше, чтобы у колхозников сейчас совершенно уже отпал интерес к увеличению натуральной части стоимости трудодня. Пока что в основной массе средних полеводческих колхозов хлеб колхознику дороже денег».

«Понятно, что непредвиденные стихийные бедствия в каких-то районах страны заставляют нас брать дополнительно хлеб из других, более благополучных районов,

отсюда и три-четыре плана. Но думается, что можно найти такую систему, при которой недосбор хлеба против предполагаемого в одном месте автоматически перекрывался бы бо́льшими поставками в другом месте, причем на законном основании, совершенно безболезненно для этих других районов».

«Полевые работы в колхозах сейчас механизированы на 75—80 процентов, производятся силами МТС. От сроков и качества этих работ и зависят по существу размеры урожая. Правда, если колхоз не выполнит свои 20—25 процентов работ — по удобрению полей, уходу за растениями и пр. — тоже высокого урожая не получишь. Но ведь МТС не прокатный пункт. Остаток не механизированных пока полевых работ тоже на совести и ответственности руководства МТС: если МТС и не сама производит эти работы, то, во всяком случае, должна влиять на колхозы, чтобы они своевременно и хорошо выполнялись. Так вот, поскольку судьба колхозного урожая фактически в руках МТС, не следует ли государству пойти «на риск» процентных отчислений от амбарного урожая? Скажем, так. И госпоставки, и натуроплату, и закуп соединить в один вид поставок: оплата государству хлебом всех работ, производимых МТС в полеводстве. И взять такой расчет, к примеру: при 80 процентах механизации колхоз сдает государству половину фактически собранного зерна (при большей механизации — больше, при меньшей — меньше). Собрали в таком-то колхозе по двенадцати центнеров зерновых — получай и государство и колхоз по 50 процентов, по шести центнеров; собрали по двадцати пяти центнеров — получай каждый по двенадцати с половиной центнеров, и т. д. При такой системе поставок интересы государства и колхозников тесно сочетались бы. Колхозникам прямой расчет сдать больше хлеба государству, потому что в тех случаях, когда они сдают больше хлеба за работу МТС (в центнерах), и в самом колхозе его больше остается. Обе стороны кровно заинтересованы в повышении урожая! Колхозникам ничуть не обидно сдать больше хлеба, потому что расчет ведется от фактического урожая.

А сейчас с натуроплатой МТС получается так. Ставки-то твердые, да не связаны с урожаем. Колхозы платят за гектар пахоты столько-то килограммов зерна. Но ведь

можно и хорошо вспахать землю, а все последующие работы провести так скверно или несвоевременно, что урожай в конечном итоге будет загублен. Не надо далеко ходить за примерами: одной лишь плохой уборкой можно загубить всё. И получается: в одной МТС урожай тридцать центнеров, в другой, рядом, — только десять, колхозы же платят за пахоту да и за все другие работы одинаково. Одинаково, потому что все эти отдельные работы расцениваются в отрыве от конечных результатов сельскохозяйственного цикла — урожая».

«Возражение против такой системы госпоставок хлеба — в процентах от урожая — может быть лишь одно: это, мол, игра вслепую, государство не сможет заранее спланировать, сколько будет в этом году заготовлено хлеба, тут надо идти на риск — либо выиграешь, заготовишь хлеба больше, чем обычно, либо проиграешь. Думаю, что неверно называть такую систему «игрой вслепую». Если взять фактический урожай прошлого года и подсчитать известные проценты от него — 50 процентов, что ли, или 40, — вот это и будет ориентировочный план заготовок на текущий год. Меньше хлеба не получим. А больше можем получить. «Риска» здесь нет никакого. Определенно будем в выигрыше. Главный выигрыш здесь — твердая уверенность колхозников в завтрашнем дне. Люди будут точно знать, что такая-то доля урожая останется в их распоряжении, для хозяйственных нужд и раздачи по трудодням. Эта гарантия поднимет дух колхозников, они будут гораздо лучше работать. Хорошая работа обеспечит высокий урожай. А из высокого урожая в свою очередь и государство получит больше хлеба — в процентных отчислениях».

«По 50 процентов — это, конечно, грубо-примерный расчет. Может быть, 40 и 60, может быть, 30 и 70. Важен принцип — в процентах от урожая, причем амбарного, фактически собранного. Детали, разумеется, требуют тщательной разработки. Ищите, товарищи ученые-экономисты, ищите да обрящете!»

«Нужно же наконец нам осуществить в деревне по-настоящему ленинское указание о том, что коммунизм надо строить не на энтузиазме непосредственно, а при помо-

щи революционного энтузиазма, сочетая его с личной материальной заинтересованностью каждого работника в росте продукции, в повышении производительности труда! Ленин смело и честно признал ошибочность продразверстки, когда увидел, какой вред она приносит. Надо и нам сейчас решительно и без промедления изгнать из наших заготовительных законов всё, что еще хоть в какой-то мере смахивает на продразверстку».

«Учитель Сорокин:

Мы пришли в нашей жизни к интересному конфликту — опять же в вопросе о молодежи. И конфликт этот идет не от каких-то недостатков нашего строя, а, наоборот, от его положительных сторон. Некоторые из рабочих и крестьян, когда свершалась революция, мечтали: «Ну, мы отмучились в шахтах, котельных, на пашне за сохой, зато детям нашим теперь уж не достанется этого испытать. Из кожи вылезем, но добьемся детям высшего образования! Будут наши дети инженерами, профессорами, артистами, художниками, директорами, пойдут по чистой работе, им-то уж другая жизнь предстоит». Та́к оно отчасти и вышло. Вот мы иногда ругаемся: много развелось у нас чиновников, служащих в разных нужных и ненужных учреждениях. А кто они? Это же те дети рабочих и колхозников, что получили образование. Очень плохо, что у нас много лет прививался — через семью да и через некоторых горе-педагогов — взгляд на образование как на средство получения чистой должности, и только. «Учись, Васька, негодяй! Ты же с такими плохими отметками ни в какой институт не поступишь! Колхозником хочешь остаться? Быкам хвосты крутить?» Жили мы как-то сегодняшним днем и не заглядывали в будущее. Считалось доблестью, если парень хорошо учился в десятилетке и успешно сдал экзамены в институт. И комсомол таких хвалил, ставил другим в пример. А на того парня, что после десятилетки дома остался, смотрели даже с презрением: «Дурак! Сколько лет учился — и без пользы! Прицепщик — со средним образованием!». Этакий старомужицкий взгляд на школу: ходить в школу, бить обувь, тратить деньги на учебники — так надо же, чтоб потом это окупилось хорошей должностью! Учился парень, значит должен стать писарем, не иначе. А что же здесь постыдного, если прицепщик — со средним образованием? С каждым годом

у нас всё более сложные машины появляются. Посмотришь на свеклокомбайн, на кукурузный комбайн — да это же целый завод на колесах! А дальше как будет? Мы же не ограничиваем для молодежи возможности получения образования. В институты труднее стало поступать не потому, что мало институтов, а потому, что слишком много желающих учиться в них, — больше, чем нам нужно иметь инженеров, бухгалтеров, адвокатов, архитекторов. А как будет при коммунизме? Рядовые работы ведь останутся и при коммунизме. А пути к образованию будут еще шире. Но разве образование нужно человеку только для чистой должности? Да ведь образованному человеку интереснее жить на белом свете! Расширяется круг вещей, доступных его пониманию, его интересуют и литература, и искусство, и философия. Ему есть о чем поговорить с друзьями, с женой, которая, будучи девушкой, может быть, училась с ним в одной школе. Образование нужно просто для себя, для души, для полноты жизни! Для духовной жизни человека! Чтобы не кротом слепым существовать на земле!»

Приписано Мартыновым через несколько дней и подчёркнуто красным карандашом:

«Да, этот молодежный вопрос — очень большой вопрос! Это — будущее нашего государства. Только самый распоследний эгоист, такой, что «после меня хоть потоп», не задумывается о молодежи... А я комсомолом не занимался. Тоже «не дошли руки». Посмеивался только, что у наших комсомольцев бюрократизма развелось побольше, чем у их «старших братьев». Смешочками дела не поправишь. Надо как-то практически помогать им выбираться из нудной канцелярщины, из этого мертвящего всё живое, как суховей, формализма!»

Но оказалось, что в таком колхозе, например, как «Власть Советов», где двенадцатый год председательствовал Демьян Васильевич Опёнкин, никакого, собственно, «молодежного вопроса» и не существовало.

Долгушин, когда начинал свое знакомство с колхозами зоны Надеждинской МТС, интересовался всем: и сколько свадеб сыграли за год, и сколько детей в селе

родилось, и возвращаются ли домой отслужившие действительную солдаты, и куда деваются выпускники десятилеток. Заходил к колхозникам домой — не по выбору, а просто так, на какие хаты глаз глянет, — любил обстоятельно побеседовать с хозяевами обо всем: и кто вот это у них на фотокарточке, и кто вот это, и как жили они до войны, и что́ было здесь при немцах, и о бюджете семьи, и о детях, присутствующих и отсутствующих. Заглядывал как бы невзначай — попить воды или расспросить дорогу к правлению колхоза, — а уходил из этого дома уже своим человеком, хорошим знакомым, к которому при случае в Надеждинке можно было и завернуть в гости. Иной раз дела и жизнь одной семьи открывали перед Долгушиным историю жизни целого колхоза.

Когда он приехал первый раз во «Власть Советов» глубокой осенью, село ему не приглянулось. Старое русское село, обычное для средней полосы: избы густо прилепились одна к другой, улицы кривые, на холмах посреди села глубокий яр, крыши все соломенные, мало деревьев. Но от избы к избе тянулись провода электролиний, и приятно удивило его, что до глубокой ночи, часов до двенадцати, почти всюду светилось. Его, городского человека, больше всего удручал в деревенском пейзаже в иных местах мрак, в который погружалось село часов с семи вечера и до утра. Сразу видно, что главное удовольствие там у людей зимой — сон.

Целый день осматривал Долгушин хозяйство колхоза: племенной скот на фермах, кормокухни, сытых свиней, силосные сооружения, электростанцию, мельницу, гараж, сортовое зерно в амбарах, теплицы. А на другой день сказал Опёнкину: «Всё ясно, Демьян Васильевич. Хозяйство у вас прекрасное, колхоз богатый. Давайте теперь посмотрим, к чему это всё. Как вы этим богатством пользуетесь, как люди живут». И они пошли по селу, к колхозникам.

Прочная привязанность людей к родному селу, к своему колхозу — вот что прежде всего бросалось в глаза. Не все мужчины, уходившие на фронт, остались в живых, но кто остался — все вернулись в колхоз. Среди полеводческих бригадиров было два старших лейтенанта; племенной конефермой заведовал майор в отставке, большой любитель лошадей; строительной бригадой руководил капитан, бывший командир саперной роты; на огоро-

дах закладывал парниковое хозяйство главный старшина морфлота, участник обороны Севастополя; колхозный автопарк был вручен командиру танка, лейтенанту; за бухгалтерским столом в конторе сидел майор интендантской службы, начфин дивизии, инвалид на протезе. Свои знаки различия и старые мундиры все берегли — для парадного случая. В клубе Долгушин видел групповую фотографию, снятую в колхозе в День Победы: Опёнкин с бригадирами, членами правления и завфермами, участниками Отечественной войны. Группа смахивала скорее на командный состав полка, нежели на колхозный актив, от звездочек на погонах, орденов и медалей в глазах рябило, один Опёнкин стоял в штатском пиджаке, со скромной единственной партизанской медалью на груди. Сколько ни припоминали колхозники, перебирая подряд все дворы в селе, так и не смогли назвать ни одного фронтовика, который застрял бы где-то на какой-то легкой работе, вроде заведующего буфетом или парикмахерской, и не вернулся из армии в свой колхоз.

Была ли это просто крестьянская любовь солдат-колхозников к своей извечной земле, селу, где они родились и выросли, к земледельческому труду «на лоне природы» и нежелание менять приволье деревенской жизни на городскую тесноту и сутолоку? Вряд ли только это. Многие фронтовики еще в армии знали из писем от родных, что председателем в их колхозе работает честный, справедливый, хозяйственный человек, что колхоз сразу же после освобождения от немцев пошел в гору, что по трудодням люди там получают столько, что ни в каком буфете такой зарплаты не получишь. Образовался тоже «заколдованный круг», но совсем иного порядка, нежели в некоторых других колхозах: фронтовики все возвращались из армии домой потому, что в колхозе было хорошо, а дела в колхозе еще больше улучшались оттого, что прибывало мужчин и сколачивался крепкий, работоспособный актив.

И в этом колхозе, как и в других, было много вдов, и здесь война оставила свои непоправимые последствия — осиротевшие семьи. Но время шло, дети, которым в начале Отечественной войны было лет по шести, семи, стали уже взрослыми людьми. Среди молодежи убыль мужчин не так была заметна. Количество свадеб в селе приближалось уже к «довоенному уровню». В подворных сельсоветских списках появилось много новых молодых

семей и новых жителей, родившихся в последние годы. Рождаемость намного превышала смертность в селе. «Если поработать над этим вопросом, — серьезно заявил секретарь сельсовета, суровый старик в очках, — то можем догнать по приросту населения, в процентном отношении, Китай».

Во «Власти Советов» Долгушин встретил немало молодежи, окончившей восемь, девять и десять классов и оставшейся работать в колхозе. Были в колхозе и свои специалисты, окончившие техникумы: электрик, лесомелиоратор, ветфельдшер. На медпункте работала врачом местная жительница, молодая женщина, бывшая колхозница. Среди учителей средней школы были тоже «свои» колхозники.

До этого Долгушин знал уже из рассказов людей и собственных наблюдений, что в некоторых случаях молодежь уходит даже из богатых колхозов. Что тому причиной? «Не единым хлебом жив человек»? Культуры мало еще в селе? Нет таких перспектив для личного роста, как в городе?

Колхоз «Власть Советов» тоже не блистал пока особенной культурой быта, не было еще в селе асфальтированных тротуаров и троллейбуса, но то простое и небольшое, что надо было делать, чтобы молодежи, да и всем колхозникам, жилось интереснее, правление колхоза делало: не жалело денег на колхозную библиотеку, на художественную самодеятельность, на клуб, на учёбу колхозников. Два хороших человека, два энтузиаста — молодая девушка-библиотекарь и музыкант-любитель, заведующий сельским отделением связи, старик, бывший полковой капельмейстер — сумели привить людям любовь к тому, чем сами увлекались. Не было в колхозе дóма, где не читали бы книг, и очень много завелось среди колхозников музыкантов и певцов самого разного возраста, от школьников до дедов. В селе было два оркестра: духовой и струнный. Трубы, валторны, флейты, кларнеты для духового оркестра купил колхоз, а балалайки, мандолины, гитары приобретали на свои деньги сами любители. Хор «Власти Советов» ездил на областной смотр. Был и драмкружок, участвовало в нем человек пятьдесят, поднимали большой репертуар: от «Чужого ребенка» до «Оптимистической трагедии».

Опёнкин рассказывал Долгушину:

— Один представитель сделал нам замечание, что мы, дескать, разжигаем в колхозе собственнические тенденции, — за то, что мы особое внимание обратили на помощь молодым семьям. Были у нас одинокие парни, из остатков тех семей, что разорила война, поженились, а жить в зятьях им не нравится. Всё вроде как на квартире, у жинкиной родни из милости. Мы им помогли отделиться. Живите самостоятельно, собственным домом. Дали им хорошие усадьбы, выделили лесу для построек, провели несколько воскресников — в общем, гуртом поставили на ноги таких молодых хозяев. Живите, укореняйтесь, будьте родоначальниками новых дворов в селе. Этому представителю я ответил, что такой вид собственности нам не страшен, когда колхозница свою хату белит, а муж ее по-хозяйски обносит плетнем усадьбу. Те сёла страшнее, где все дворы разгорожены и у людей руки не поднимаются на своем же доме крышу починить.

Опёнкин был по-настоящему талантливым хозяйственником. И он не упускал возможности поторговать с выгодой на колхозном рынке, и он не прочь был использовать какую-то временную доходную «ситуацию», но никогда не строил он своих хозяйских расчетов только на этих случайных вещах.

— В первый год, как меня выбрали здесь председателем, — рассказывал он, — мы даже вениками торговали. Посеяли два гектара веничного проса, старики зимой навязали веников, и мы их продали облпотребсоюзу на пятнадцать тысяч рублей. Всё годится в хозяйстве. Можно и на конопельке отхватить миллиончик, пока эта культура пользуется привилегией, можно и маком поторговать, и стригуновским луком, и махоркой. Всё полезно, что в колхозную кассу полезло. Но увлекаться этим — боже упаси! А вдруг завтра по твоему примеру все колхозы нажмут на мак? И домохозяйки в городе не возрадуются, ежели на рынке, кроме мака, не будет ничего, и ты шиш получишь от своей коммерции. Нет, на это нельзя делать ставку. Если сумел сегодня взять на чем-то таком временном крупные деньги, надо опять же вкладывать их в развитие тех отраслей, на которых никогда не прогоришь. В животноводство надо вкладывать, в коров, в свиней. Хорошее животноводство — вот где самые верные деньги! Молоко, мясо, сало, бекон, масло — это дело вечное, всегда был спрос на эти продукты и будет.

Свои взгляды на капитальное строительство Опёнкин излагал так:

— Очень важно уловить момент, когда именно можно и нужно начинать большое строительство в колхозе. В ином колхозе не навели самого малого порядка на животноводстве, нет постоянных кадров, нет кормов, а затевают сразу строить кирпичные коровники под шифером. Ухлопают сотни тысяч, залезут по уши в долги и — никакой отдачи в хозяйстве от этого строительства. Скот стоит голодный, грязный, только и удовольствия коровам, что вода сама течет в поилки, на асфальтированных дорожках навозу по колено, надои низкие. Как человек одевается по порядку — сначала наденет нижнее, потом брюки, сапоги, пиджак, — так и хозяйство, по-моему, надо поднимать. Если сначала сапоги наденешь, как же потом в них штаны заправлять? Когда средств еще мало, тут-то и нужен очень точный расчет — куда их в первую очередь употребить, чтоб был от тех денег оборот в хозяйстве, а с того оборота уже дальше дела делать. Больно смотреть, как иной председатель, чуть войдет во власть, начинает швырять направо и налево колхозными сотнями тысяч. Без денег худо, никакой мудрец ничего видного не сделает в колхозе без них, но и с деньгами можно по-разному обернуться. Одному председателю дай для начала двести тысяч, а другому дай миллион, и может так случиться, что первый председатель с тех двухсот тысяч через три года три миллиона наживет, а другой загонит сразу все средства в тупик, в строительство, откуда никакого оборота, — так и останется при одних шиферных крышах и автопоилках. На брюхе шелк, а в брюхе щелк. Если животноводство слабое, не дает дохода, но всё же какие-никакие постройки есть, скот не под открытым небом — надо о кормах позаботиться, людей хороших подобрать на фермы, те коровники, свинарники, что есть, подремонтировать, утеплить, пережить еще какое-то время под соломенными крышами, но обязательно добиться от ферм продуктивности, дохода. А с того дохода начинать уже и капитальное строительство. Но опять же, если построили образцовый коровник, надо, чтоб и надои молока поднялись. А иначе для чего же и строили его? Для красоты только? В хорошем помещении лучше условия для ухода за скотом, а от хорошего ухода должно больше продукции быть — ясное дело! Не только силос и

концентраты — и шифер должен прибавку молока давать! Так надо поставить дело, чтоб и самое строительство в несколько лет окупилось повышенным доходом от животноводства. Золотое слово — «оборот»! Уметь надо каждый рубль в хозяйстве истратить так, чтоб он через какое-то время колхозу трешницей, а то и пятью рублями обернулся!.. Вот и были у нас тут чудеса, когда всё строительство в колхозах планировалось сверху. Дают району: построить в этом году столько-то новых коровников, свинарников, птичников, а район механически разверстывает по колхозам: «Октябрь» должен построить два свинарника и коровник, «Маяк» — свинарник и коровник. Да откуда вам известно — там, наверху, — что этим колхозам именно сейчас приспело время начинать капитальное строительство? И какое вы имеете право так грубо распоряжаться колхозными средствами? Деньги-то колхозные, правление и общее собрание колхозников — хозяин этим деньгам. Если у председателя есть голова на плечах, дайте ему самому думать этой головой! Ему на месте виднее, куда лучше вложить сейчас средства, чтоб в оборот их пустить, а не в тупик загнать, не заморозить их мертвым капиталом на много лет.

Но Опёнкин был не только замечательным хозяином. Он очень интересно воспитывал колхозный актив. Вот как во «Власти Советов» избирали правление — не первый год уже.

Обычно повсюду в колхозах в правление выбирают всю начальствующую «головку»: бригадиров, заведующих фермами, председателя, завхоза. Получается не правление, а «генералитет» колхозный. Бригадиры контролируют сами себя. Соберутся на заседание, и некому покритиковать их со стороны, все бригадиры связаны общей принадлежностью к «генералитету» и круговой самозащитой от критики снизу. Опёнкин предложил отступить от этих традиций. Совсем не обязательно, чтобы все бригадиры были членами правления, и ни в каком уставе не записано, что правление колхоза должно состоять исключительно из руководящих лиц. Стали избирать правление из пятнадцати человек; три-четыре человека — из руководства, остальные — рядовые колхозники из разных бригад и отраслей: доярки, свинарки, огородники, плотники, свекловичницы, фуражиры, прицепщики. Такой состав правления колхоза оказался более тесно связанным

с массой колхозников, чем штатные «начальники», лучше знающим настроение и нужды рядовых колхозников. Член правления в бригаде не подменял бригадира, но мог, отведя в сторонку, чтобы не подрывать его авторитета, сделать ему какое-то замечание, дать совет. На заседания правления ворвались жизнь, горячие деловые споры, безбоязненная критика. Колхозники поправляли ошибки своих бригадиров, невзирая на их лейтенантские и майорские чины.

На очередном отчетно-выборном собрании обычно избирался новый состав правления, — не потому, что старые члены правления плохо работали и потеряли доверие народа, а чтобы приучить и других людей к управлению своим общественным хозяйством. Колхоз был большой: семь полеводческих бригад, две садово-огородные, две строительные, четыре фермы, — одних демобилизованных офицеров не хватало на все руководящие должности, да и колхоз всё же не стрелковый полк, иная женщина, не знакомая с тактикой ведения уличных боев, но надоившая от закрепленных за нею колхозных коров уже не одну сотню тысяч литров молока, может быть, справится с заведованием молочной фермой не хуже участника штурма рейхстага? И вот из этих рядовых колхозников, прошедших некоторую школу управления хозяйством, проверенных на деле, выдвигали потом и бригадиров и завфермами, если где-то требовалось укрепить руководство. Управленческий актив колхоза подобрался, таким образом, из разных людей: и фронтовиков, и женщин, и стариков, и молодежи.

Сильно было влияние Опёнкина в колхозной партийной организации. Вступил он в партию в 1927 году, еще когда был трактористом первого в Троицком районе товарищества по совместной обработке земли, и с тех пор, третий десяток лет уже, ни на один день не отрывался (исключая время немецкой оккупации) от колхозного строительства. Работал он и бригадиром тракторного отряда, когда в Семидубовке организовалась МТС, — куда только не посылали его пахать землю; был и полеводом в своем родном колхозе, в Олешенке, и завхозом в другом колхозе, и секретарем парторганизации в третьем. Сколько повидал он по району разных председателей колхозов, с разными «стилями» работы! Сколько колхозов на его глазах от этих разных «стилей» либо

круто шло в гору и расцветало, либо скатывалось в число самых отстающих, бесхлебных и безденежных. Было на чем поучиться ему трудному искусству руководства людьми и управления большим общественным хозяйством — и на чужих ошибках и на собственных.

В 1943 году, сразу после освобождения, райком партии порекомендовал Опёнкина председателем в колхоз «Власть Советов». Первое время ему пришлось быть там и секретарем партийной организации. От некогда большой парторганизации осталось три коммуниста, все были на фронте. Встретил Опёнкин среди этих трех и одного дезертира, который по решению райкома партии должен был уйти с ним в партизанский отряд в Михайловские леса, а пересидел лихое время дома, паутину собирал бородой по чердакам. Этого исключили, осталось в парторганизации, кроме Опёнкина, два человека: пастух, старик лет семидесяти, и доярка, вернувшиеся из Заволжья, куда угоняли колхозный скот. Потом стали возвращаться фронтовики, старые коммунисты и вступившие в партию в армии, сначала раненые, демобилизованные по инвалидности. Секретарем парторганизации избрали главного старшину морфлота Демченко, у которого после тяжелой операции желудок совершенно не принимал спиртного. Избрали его, конечно, не только за это достоинство, а за то, что он хорошо работал как бригадир огородной бригады и от других коммунистов требовал в первую очередь образцовой трудовой книжки. Верно взятая с самого начала линия в партийной работе оберегла парторганизацию от белоручек и болтунов, росла она за счет настоящих передовиков колхозного производства, которые, и вступив в партию, не стремились уйти с поля или фермы в какую-нибудь канцелярию, оставались на своих местах, только старались, получив партбилет, работать еще лучше.

Опёнкину и Демченко нетрудно было воспитывать молодых коммунистов, для этого им не надо было придумывать какие-то особые формы воспитательной работы и произносить длинные назидательные речи-проповеди на собраниях. В их личной работе и жизни не было фальшивой поповской раздвоенности на слова и дела. Колхозники не помнили дня, ни зимой, ни летом, чтобы солнце застало председателя колхоза и секретаря парторганизации в постели. Первые два года Опёнкин жил в землянке, как

и многие колхозники, у которых немцы при отступлении сожгли избы, и построил себе дом, когда уже почти все семьи были водворены в новое жилье. Ни килограмма меда, ни охапки сена не выписал он себе сверх того, что причиталось ему по общей раскладке на его председательские трудодни. Один бригадир, коммунист, взял у колхозницы взятку, пол-литра водки, за подводу в больницу для больной дочери. Его исключили из партии, решением правления сняли с поста бригадира, а на общем собрании, по настоянию Опёнкина, записали еще пункт: не допускать его больше никогда к руководящим постам. Может быть потому, что решение было таким строгим, оно и было почти единственным за ряд лет и крепко запомнилось всем колхозникам.

Партийная организация во «Власти Советов» выросла до двадцати восьми человек. В колхозной комсомольской организации было около ста парней и девушек. Комсомольцы брали в работе пример с коммунистов. И Долгушин убедился здесь, что в богатом и здоровом колхозе нет никакого особого «молодежного вопроса». Смена старикам растет хорошая, трудолюбивая, отношение к «простым» работам в поле и на животноводстве уважительное, молодежь не бежит из сельского хозяйства, располагается жить в родной деревне прочно и надолго. Встречал он здесь и прицепщиков, и ездовых со средним образованием, и студентов-заочников, совмещающих учебу с хорошими заработками в колхозе. И что редко еще можно услышать в других местах, здесь он услышал, и даже не от одного парнишки школьного возраста: «Кем хочешь быть?» — «Колхозником».

И еще — очень продуманно, по-человечески правильно был решен во «Власти Советов» вопрос обеспечения потерявших трудоспособность стариков и инвалидов. Старость — это по закону природы, к сожалению, завтрашний день каждого человека. Молодежи несвойственно преждевременно задумываться о старости, но человеку пожилому, под пятьдесят, особенно одинокому, нет-нет да и придет в голову: «Ну, ладно, сейчас-то мне в колхозе живется неплохо, есть еще сила в руках, трудодней у меня много, и трудодень в колхозе не пустой, а что будет, когда уже не смогу по старости работать или заболею? У рабочих и служащих есть пенсии, а меня здесь кто докормит до смерти?». В иных колхозах старикам

давали продукты из специального фонда, если после госпоставок и первоочередных отчислений оставалось из чего создать такой фонд. Бывало, это снабжение стариков и инвалидов носило характер подачек из милости. Выпросит какая-нибудь престарелая бабка у председателя пол-литра масла и десять килограммов муки — ее счастье, в добрую минуту, значит, подвернулась. Да еще скажет ей председатель, подписывая накладную: «Вечером придешь в кладовую получить, а то понесешь днем через село, все узнают, что выписал я тебе продукты, — припрутся все просить. Как вы мне, черти старые, надоели!».

Опёнкин поломал эти унизительные обычаи, повернул дело по-иному. Назначенная правлением комиссия разработала нечто вроде колхозного положения о пенсиях: с какого возраста считать стариков и старух нетрудоспособными, сколько начислять им трудодней в процентах от средней выработки за те годы, когда они еще участвовали в колхозных работах, как брать в расчет состав семьи, и т. п. Это дополнение к уставу утвердили на общем собрании, и оно стало законом их колхозной жизни. Старикам и инвалидам трудодни записывали в книжку одновременно со всеми колхозниками, и получали они по трудодням продукты и деньги из общего фонда распределения. Жить в колхозе при таком твердом порядке обеспечения нетрудоспособных стало спокойнее и уютнее не только старикам — всем.

Была у Опёнкина особенность — не любил он газетчиков, на областных совещаниях убегал от них, неохотно «давал интервью», и в колхозе принимал корреспондентов не слишком хлебосольно — чтобы не зачастили к нему.

— А ну их, этих писателей! — отмахивался он. — Они меры не знают. Как насядут на один колхоз либо на какого-нибудь одного передовика, как начнут восхвалять его да возносить — не отстанут, пока не испортят человека.

Может быть, вследствие прохладных отношений Опёнкина с областными и приезжавшими из Москвы журналистами колхоз «Власть Советов» реже хвалили на страницах печати, чем он того заслуживал, и его лучшие передовики животноводства и полеводства были несколь-

ко обойдены славой по сравнению с передовиками других видных колхозов. Но Опёнкина это не огорчало.

— Вот только и поработаем спокойно, пока еще не растрезвонили о нас на весь Советский Союз, — говорил он. — А как, не дай бог, прогремим, вроде Дубковецкого или Лыскина, как поедут к нам одна за другой делегации — американцы, индусы, французы, — то уже будет не работа, а сплошная сельскохозяйственная выставка, и я из председателя в экскурсовода превращусь, буду с кием ходить и диаграммы показывать, а на поле — волк траву ешь!..

У Долгушина, после того как он обстоятельно познакомился с колхозом «Власть Советов», был большой разговор с Опёнкиным о будущем.

— Хоть вы, Демьян Васильевич, и боитесь чересчур громкой славы, но всё же двигаться вперед надо, и, может быть, даже побыстрее, чем двигались вы до сих пор, — говорил Долгушин. — Денег у вас в колхозе и у колхозников достаточно, чтобы начать по-настоящему перестраивать деревенскую жизнь. Колхозные ребята у вас в обиде на телят и на поросят.

— Почему — в обиде? — не понял Опёнкин.

— А вот почему. В телятниках и свинарниках у вас площадь, кубатура помещения, свет, вентиляция — всё рассчитано по научным нормам. Строите прогулочные дворики, откормочные площадки, ванные, чтобы молодняк рос здоровым, веселым, чистым, упитанным. А в избах колхозников есть эти нормы света и воздуха? Это по-научному, когда семья в шесть, семь душ живет в одной комнате? Тут и кухня, и спальня, тут и белье стирают, и моются в кадке, и школьники уроки учат. Колхозные коровы у вас пьют воду из автопоилок, значит у коров водопровод. А колхозница, чтобы чаю согреть, должна идти по воду к колодцу, а колодцев с хорошей водой всего два на всё село. За полтора километра носят воду на плечах! Кому же лучше живется у вас — коровам или колхозникам? Телятам или ребятам?

— А телята — это наше колхозное добро, — возразил Опёнкин. — Нельзя бесхозяйственно к нему относиться. Доход от животноводства поступает нам, колхозникам.

Нам же польза от того, что телята и коровы у нас в хороших условиях.

— Конечно. Без хорошего помещения и ухода не получишь высокой продукции от животноводства. А это всё — общественный доход колхоза, который распределяется между всеми колхозниками по трудодням. Всё понятно. Но всё же как-то странно получается, что у животных их условия жизни — применительно, конечно, к их потребностям — обставлены куда культурнее, чем у хозяев этих животных — людей. Разве так и должно быть вечно? Ведь всё же мы на лошадях ездим, а не лошади на нас! Коровы для нас, а не мы для коров! Я думаю, Демьян Васильевич, ваши животные в благодарность за человеческое к ним отношение накопили уже достаточно денег колхозу, чтобы и у их хозяев дома́ были просторные, многокомнатные, с нужной кубатурой воздуха. Можно бы уже начинать вам строить новую деревню. Это не те, конечно, капиталовложения, что немедленно дадут колхозу оборот. «Трешницу на рубль» тут, может быть, не получите, но получите другое — хорошую жизнь людей. Ведь в конце концов все наши гектары и центнеры — для человека! А разве четыре килограмма пшеницы и пятнадцать рублей на трудодень — это предел всех потребностей колхозника? Идеал нашей жизни? Засыпать хлебом чердаки в хатах, и пусть гнилые балки рушатся людям на головы?..

Опёнкина не пришлось особенно уговаривать. Он был не из тех мужиков, что мечтали сало с салом есть, если бы случилось им царствовать. Он и сам уже давно подумывал о переустройстве села, да не знал, с какого края взяться за это огромное дело. Денег из колхозных средств для начала можно было выделить миллион, да в каждой колхозной семье был отложен на сберкнижке для строительства нового дома не один десяток тысяч рублей — дай только материалы, транспорт, мастеров!

Зимой Опёнкин усилил заготовки и вывоз леса из Кировской области, где отводили им делянки для разработок. Обсудили вопрос о строительстве нового села на общем колхозном собрании. Все колхозники были согласны хоть сейчас приступать к делу. Для начала решили построить и пустить в ход к лету кирпичный и черепичный заводы. Облисполком пообещал помочь оборудованием. Начали проектирование жилых домов, нового большого

клуба с залом на семьсот мест, парка культуры и отдыха со стадионом, детсада, круглосуточных и круглогодовых детских яслей, радиоузла, гаража на десять машин, водонапорной установки для села и новой бани. Сверх всего Опёнкин предложил не пожалеть еще сотню тысяч рублей и построить хорошую мастерскую со слесарным, токарным, столярным и кузнечным цехами, оборудовать ее станками и инструментом и передать сельской средней школе, — пусть учат в этой мастерской школьников старших классов, попутно с общеобразовательной программой, разным техническим специальностям, которые в наше время механизации пригодятся парням, на какую бы отрасль сельского хозяйства их ни потянуло.

Предложение Опёнкина о строительстве мастерской навело Долгушина на мысль, что и МТС может крепко помочь школам в политехническом обучении — со своими новейшими сельскохозяйственными машинами и кадрами опытных механизаторов. В зоне Надеждинской МТС было еще две средних школы. Долгушин повел переговоры с директорами школ насчет летней практики учеников в МТС, при тракторных бригадах. Председатели колхозов, на территории которых находились эти школы, Золотухин и Нечипуренко, узнав о затее Опёнкина, пообещали и у себя выяснить возможности строительства школьных мастерских и обсудить это дело на общих собраниях колхозников.

Пока Мартынов размышлял, лежа в больнице, о «молодежном вопросе», в районе начали уже практически кое-что делать для жизненно правильного решения этого в общем-то не очень запутанного вопроса.

9

Почему случилось так, что Медведев, молодой и неопытный еще руководитель партийной организации, сразу перенял всё самое плохое, что только можно было перенять от некоторых других, опытных, но отнюдь не заслуживающих подражания руководителей? Работать он еще не умел. Несколько упрощая вопрос, можно предположить, что он в равной мере не умел еще совершать ни хороших, ни дурных дел, и тому и другому ему нужно было еще учиться. Почему же дурное он постиг скорее и успешнее, чем хорошее?..

Когда человек покупает себе в магазине комиссионных вещей одежду, он выбирает из чужих костюмов тот, который ему по плечу. Несомненно, Медведев встречал в своей жизни разных руководителей, и хороших и плохих. Видел он, вероятно, и таких, у которых достоинства и недостатки переплелись, как пшеница с травой березкой на засоренном поле. Есть такие сложные натуры. Талантливый организатор, умеющий вдохновить и поднять на какое-то важное дело всё живое и мертвое, и в то же время самодур, грубиян, честолюбец. Лично смелый в решениях и поступках человек, но совершенно не терпящий рядом с собой других смелых и самостоятельных людей. Массовик, блестящий оратор, рубаха-парень (пока разговаривает с народом на собраниях), а в стенах своей канцелярии зажимщик критики и глушитель инициативы. Искренний враг и гонитель аракчеевщины во всем, кроме собственной сферы деятельности. Сам не лакей и не подхалим, но не противник угодничества и подхалимажа со стороны своих подначальных. Вот из этой «сложности» некоторых знакомых ему руководителей Медведев и выбирал, вероятно, для подражания то, чему проще всего было подражать, на что хватало его способностей. Недостатки, таким образом, возводились в превосходную степень, а достоинства оригинала, с которого снималась копия, полностью выпадали. Выпадали потому, что тут уж, чтобы перенять их хотя частично, нужен был всё же какой ни есть талант.

Вот так и получилось, что Медведев, став во главе районной партийной организации, воспринял все более или менее распространенные пороки плохих и считающихся даже хорошими секретарей райкомов, и среди них наиболее чреватый последствиями порок — равнодушие к людям. Председатели колхозов и директора МТС были для него не товарищами по работе, а лишь промежуточными рычагами для нажимания на них и выполнения на местах посредством этого нажимания спущенных сверху директив. О рядовых колхозниках уж и говорить нечего, — на них он смотрел только как на живых виновников невыполнения того-то или того-то.

За время весеннего сева Медведев успел так прославиться всюду своей строгостью, что им уже в колхозах матери стали пугать детишек:

— Вот погоди, приедет на зеленой «Победе» тот дядька в золотых очках, что на нас в поле кричал, — я ему расскажу, как ты балуешься!..

Флегматичный Глотов, директор Семидубовской МТС, показался вначале Медведеву человеком безответным. После нескольких осечек с Долгушиным, который за словом в карман не лез и при несправедливых нападках на него тут же давал отпор, Медведев стал наседать больше на Глотова, ездил чаще всего в колхозы Семидубовской зоны. Старик как бы принимал указания Медведева, в открытые споры не вступал, если Медведев приказывал пускать бороны по мокрой зяби, со своей стороны тоже давал распоряжение бригадиру налаживать и заводить машины, но лишь только райкомовская «Победа» скрывалась за бугром, останавливал тракторы и продолжал делать всё по-своему. Трактористы, народ сообразительный, называли такие действия своего многоопытного, умудренного жизнью директора «тактикой мирного неповиновения». Бывало и хуже. Если Медведев очень уж нажимал, чтобы начинали сеять в холодную почву просо или кукурузу, грозя за промедление всяческими карами, Глотов давал указание бригадирам обойти загоны сеялками по разу и на этом пока прекратить, а сам сообщал в район, что посеяно тридцать—сорок гектаров (чтобы открыть сводку и этим несколько успокоить Медведева), и после этого еще несколько дней не сеял, выжидал теплой погоды. Это уже было: борьба с преступлением методом преступления же. Но не столь тяжелого по своим последствиям для урожая, как посев поздних культур в непрогретую почву. Лавируя так и сяк, невозмутимый, спокойный на вид Глотов сумел всё же выдержать и хорошее качество обработки земли и наилучшие сроки сева всех культур.

На севе кукурузы Медведев приехал в колхоз «Родина», где председателем работал беспартийный Дорохов, бывший лесник. У большой проезжей дороги, на хорошо разработанном поле, сеяли специальной сеялкой, с мерной проволокой, точно по квадратам. Присутствовал на севе и директор МТС. У Медведева за время его поездок по колхозам стал уже вырабатываться глазомер в определении земельных площадей. Он окинул взглядом поле:

— Но это же не вся ваша кукуруза. Здесь будет всего гектаров пятьдесят. Где еще сеете?

Дорохов указал рукой:

— Вон там, за той лесополосой.

— Поедемте туда.

— Туда сейчас не проедем на машине, — замялся Глотов.

— Почему?

— Там мостик через речку неисправный, провалимся. Надо ехать через село, назад, кругу давать километров пятнадцать.

— Да вот же накатанная дорога прямо в ту сторону. Куда же ездят по ней? Свежий машинный след.

Дорохов переглянулся с Глотовым:

— А может, уже исправили. Я давеча говорил бригадиру...

Поехали на другое поле. Мост оказался починенным, и, как видно, уже давно, свежая стружка на бревнах настила и перилах успела потемнеть. Кукурузу на этом поле, укрывшемся между оврагами и лесополосой, сеяли обыкновенными сеялками, — междурядья положенной ширины, но рядок сплошной, не гнездами.

Медведев схватился за голову:

— Это что ж такое делается? Где же у вас тут квадраты?..

— Не беспокойтесь, Василий Михайлович, — ответил ему Глотов. — Квадраты здесь будут еще лучше, чем на том поле. Потерпите до первой культивации.

— Как — потерпеть?..

Дорохов стал объяснять:

— Когда появятся всходы, мы пустим тракторные культиваторы и вдоль и поперек рядков. Ножи сами прорежут поперечные междурядья на нужную ширину, а те растения, что останутся, будут как бы гнездом, получатся правильные квадраты.

Медведев уничтожающе мерил Дорохова взглядом с ног до головы:

— Ваша собственная выдумка?.. Вы беспартийный, товарищ Дорохов?

— Беспартийный... Был в партии с тридцать восьмого года, исключен. Да вы мое дело знаете.

— Что ж, будем вас судить за грубое нарушение

агротехники на севе кукурузы. Самой ценной зерновой и фуражной культуры!..

— Погодите, Василий Михайлович, — вмешался Глотов. — Если его судить, то меня надо судить в первую очередь. Это не его выдумка. Это я ему посоветовал так посеять. Вся Кубань так сеяла до войны кукурузу, и получались прекрасные квадраты. Я же ее знаю очень хорошо, эту культуру, имел с нею дело, три года работал на Кубани управляющим отделения совхоза. Квадратно-гнездовых сеялок тогда еще не было, сеяли ее простыми зерновыми сеялками, сплошным рядком, а потом прорезали поперек культиваторами и так потом и обрабатывали вдоль и поперек. Те же квадраты. Только называли их тогда — букетировка.

— Ни в каких агроправилах вы не найдете такого способа!

— Да, нету в агроправилах, не знаю почему, а способ хороший при нехватке нужной техники, — продолжал настаивать Глотов. — Вот мы выждали наилучшее время для посева и за два дня всё это поле засеем. Через неделю уже всходы будут. А руками сеять — на десять дней растянем, до суши. Здесь у них, правда, пойдет лишних семян килограммов по пять на гектар. Но семена у них есть. В «Родине» колхозники давно сеют кукурузу на усадьбах, в каждом дворе она есть, собрали семян даже с излишком. А вот с рабочей силой у них вопрос стоит остро. В этом колхозе очень много земли приходится на трудоспособного. И специальных сеялок для квадратно-гнездового не хватает еще у нас. Им есть смысл потратить и десять килограммов лишних семян на гектар, лишь бы вó-время посеять и не снимать людей со всех работ сюда для ручной посадки. У них же и строительство начато большое, и траншеи надо копать под силос, и в лес посылают людей.

— Значит, квадраты появятся только после первой культивации?

— Будут квадраты, — уверял Дорохов. — Как рассказал мне Иван Трофимыч, я подумал, подумал: конечно, получатся квадраты. А лишних пятнадцать центнеров кукурузы израсходовать на семена — это для нас копейки против того, сколько нужно сюда вложить труда, если руками сажать. Приезжайте, Василий Михайлович, недели через две, посмóтрите, какие будут здесь квадраты.

— Через две недели? А сегодня как мне сообщать об этом посеве? Вы знаете решение обкома? Весь посев кукурузы должен быть произведен только квадратно-гнездовым способом! Сегодня же это еще не квадраты? Как мне в сводке писать?

— Напишите: посеяно столько-то гектаров *будущими* квадратами.

— Вы еще собираетесь, кажется, шутить, товарищ Дорохов? — грозно повысил голос Медведев.

— Какие уж тут шутки! — угрюмо ответил Дорохов, отворачиваясь, глядя себе под ноги, чтобы не встречаться глазами с Медведевым. — Кукурузы мы сеем много, трудности с нею без специальной техники будут большие, да если еще вы не даете нам соображать своей головой, как ее лучше посеять и обработать, — тут уж нам не до шуток!..

— Вот что у вас тут завелось! Оказывается, у вас тут свой Совет министров! Сами себе издаете обязательные постановления! Ну, погодите, дорогие друзья! Созовем пленум райкома, там поговорим обо всем, подведем итоги сева! Извиняюсь, товарищ Дорохов, я всё забываю, что вы беспартийный. Вас-то мы на пленум не пригласим. Но вот директор МТС, старый коммунист! Учит беспартийных председателей заниматься очковтирательством! Обманывать райком партии! Мостик, видите ли, у них неисправный. У дороги сеют кукурузу квадратно-гнездовым способом, а там как попало, туда, мол, секретарь райкома не заглянет! Но и на вас, товарищ Дорохов, мы найдем управу! Не позволим и вам безобразничать! На беспартийных председателей у нас есть соответствующие органы! Воздадим и вам по заслугам! Поставим на ваше место человека, который способен правильно понимать политику партии на данном этапе!..

Вот так приезжал Медведев в колхозы. Малейший проблеск самостоятельной мысли казался ему злостным нарушением партийной и государственной дисциплины. Сам он не осмеливался никогда ни на волос отступить от областных директив, не решался даже подумать про себя, что есть, возможно, при сложившихся условиях какое-то другое, лучшее решение вопроса. Колхозники после его отъезда долго ошалело качали головами:

— Как же с таким секретарем жить?..

До пленума райкома Медведев успел ожесточить против себя всех председателей колхозов. Что-то должно было неминуемо произойти.

И когда наконец пленум собрался — в середине июня, в междупарье, — по началу заседания это было нечто похожее на судебный процесс над доброй половиной председателей колхозов и директорами МТС. Доклад Медведева состоял из протокольного перечисления всех ошибок и упущений, обнаруженных лично им и работниками райкома в колхозах за время весеннего сева и начала прополочных работ. Соответственно тяжести совершённых ошибок виновные обзывались «саботажниками», «срывщиками планов», «дезорганизаторами» и даже «вредителями колхозного строя». Долгушин попал в разряд «государственных нахлебников».

С Надеждинской МТС Медведев начал свой доклад, ею же и закончил. Нужды нет, что колхозы Надеждинской зоны выделились на весеннем севе организованностью работ и что и по животноводству, надоям молока, откорму свиней именно этим колхозам принадлежали лучшие показатели. Медведев припомнил Долгушину все его грехи, начиная с того дня, как тот впервые переступил порог директорского кабинета в конторе МТС: и перерасход ремонтного фонда, и аварию с дизелем в мастерской, и зафиксированное актом пожарного инспектора нарушение правил складирования горючего, и незаконное израсходование денег МТС на покупку минеральных удобрений для колхозов, и выборы нового правления в «Рассвете», проведенные без ведома райкома. А особенно навалился Медведев на Долгушина за то, что в зоне Надеждинской МТС было за время сева, как выявила специальная комиссия, больше всего случаев повторных перепашек и культиваций по причине недоброкачественной обработки почвы.

— Дорого обойдется ваш хлеб государству, товарищ Долгушин, если будете дважды пахать каждый участок! — гремел Медведев с трибуны. — Вы там в Надеждинке к середине лета все годовые лимиты перерасходуете! В трубу вылетите с такой работой!

По этому делу Долгушин давал объяснение Медведеву еще до пленума — почему в МТС так много случаев перепашек:

— Вы думаете, в прошлом году в Надеждинке меньше было брака на пахоте? В других МТС меньше брака, чем у нас? Не меньше. Но здесь сложились уже такие дурные традиции — не выносить сор из избы. Колхозный бригадир принимает плохую пахоту, не составляя актов на бракоделов, потому что, если он рассердит трактористов, те тоже предъявят ему счет: тогда-то простояли полдня без воды, тогда-то семян не подвез, тогда-то прицепщиков не дал. Круговая порука безответственности: ты меня не трожь — я тебя не трону. Конфликты улаживались домашним путем: пол-литра с нарушителя агротехники, и всё. Мы решили предать гласности такие факты. Колхозы не должны страдать от недобросовестности трактористов. Наша вина — нам и отвечать. Мы сами выводим на чистую воду бракоделов и колхозы просим не жалеть их. Акты на перепашку подписывает наш главный агроном. Но нельзя же делать из этого вывод, что МТС стала хуже работать. Брака у нас сейчас не больше, чем было раньше, — меньше. Больше стало случаев выявления этого брака и наказания виновных, чего раньше не делалось. Но это же разные вещи!

Объяснение не удовлетворило Медведева, и на пленуме он целых двадцать минут говорил об этих фактах перепашки:

— Так всякий сумеет получить высокую урожайность, если дважды пахать землю! Но сколько будет стоить нам этот урожай? Или вы привыкли, товарищ Долгушин, по своим московским масштабам бросаться миллионами на ветер? Безобразие! Не работа, а сплошной брак! А на уборку будете просить добавочные лимиты горючего? Государство для вас — дойная корова?..

То, что долго нарывало, прорвало наконец на этом пленуме.

— Стриг чёрт свинью — визгу много, шерсти мало, — таким необычным вступлением начал свою речь в прениях рассвирепевший флегматик Глотов. — Как нам это надоело, товарищ Медведев! Крик, крик и крик. «Срывщики»! «Саботажники»! Получается, что вроде ты один в районе за государственные интересы и вообще за советскую власть, а мы все какие-то враги государства либо недоумки. Новый ты человек в районе, молодой секретарь, а за такую старину принимаешься, что нам, пожилым, она, уже все пе-

ченки и селезенки проела! В тридцать седьмом году ты, видно, мальчишкой еще был, голубей гонял, но если б тогда уже был в силе — ого! — чего бы ты по тому времени натворил! Не один десяток людей в тюрьму засадил бы!.. Чего ты взъелся на товарища Долгушина? Человек работает во всю силу. Го́да еще нет, как он стал директором МТС, а уж мне, старому хлеборобу и механизатору, есть чему у него поучиться! Цека отобрал таких людей нам в помощь. Рабочий класс шел навстречу деревне и в тридцатом году и сейчас идет. Только тогда тот двадцатипятитысячник Давыдов простым слесарем был, а сейчас нам инженеров дают. Понять надо по-человечески: товарищу Долгушину тоже нелегко было на шестом десятке ломать свою жизнь, привыкать к деревне после Москвы, переучиваться с металлурга на хлебороба. А как ты ему помогаешь, как поддерживаешь его настроение? Так поддерживаешь, что был бы он послабее характером или из тех коммунистов, которым партбилет только для блага жизни нужен, давно бы уже под каким-нибудь предлогом удрал обратно в Москву! Вот он сейчас прослушал твой доклад, и вид у него такой, будто мыла наелся. И меня тоже что-то тошнит. Разве ж это руководство? Я просил тебя как-то: помоги нам перейти на круглогодовой ремонт тракторов, мы сами не можем решить этого дела, тут надо ломать порядок финансирования ремонта и снабжения нас запчастями. Что ты сделал? Поставил этот вопрос перед областью, министерством? Звонил куда, писал? Ничего не сделал! Ты даже боишься этот вопрос поднимать самостоятельно! А вдруг это какая-нибудь ересь — «круглогодовой ремонт»? Ты надсмотрщик и погоняла, вот кто ты есть таков, товарищ Медведев, а не руководитель, секретарь райкома!..

Руденко, тоже обозлившийся до предела, говорил:

— Брось эти методы, Василий Михайлович! До тебя тут уже кое-кто пытался такими методами районом управлять, и доуправлялись до того, что вот пришлось нам, членам бюро райкома, идти председателями колхозов, чтоб выправить положение. Ты с Борзовым не знаком, с Виктором Семенычем, что был у нас тут четыре года секретарем райкома? Посмотреть на вас — вроде как ты его меньшой брат. Ежовые рукавицы и страх — это для нас не открытие, верно Глотов сказал. Другое требуется

сейчас, товарищ Медведев: учить людей думать своей головой, воспитывать в них смелость, честность перед партией и своей совестью! А смелость не палкой воспитывается. Отстаешь ты от жизни! Как на охоте случается: по старому следу пошел. Не убьешь на этом следу зайца, след-то еще позавчерашний!..

Грибов говорил о работе на сводку, на рапорт.

— Вы назвали председателей колхозов вредителями, но больше всех вредите урожаю лично вы, товарищ Медведев. Дорого обходятся колхозам ваши фельдфебельские методы! Вот мы — я, Руденко, Плотников, Опёнкин — не испугались ваших угроз, сумели посеять всё в свое время. А поезжайте теперь в те колхозы, где председатели не выдержали, посеяли кукурузу в холодную почву, — что там сейчас? Черное поле, стебелек от стебелька на десять метров, семена погнили, и всходов там уже не прибавится. И это всё ради сводки, ради того, чтобы побыстрее отрапортовать об окончании сева, щегольнуть, выслужиться перед областью! И теперь вы, небось, не показываете в отчетах эти погибшие посевы кукурузы? Площадь кукурузы, что вписана в сводку, ни в коем случае не должна сократиться! И не разрешаете колхозам пересевать погибшую кукурузу другими культурами. Заставляете эти лысины подсевать кукурузой же, вручную. Сколько это займет времени! Месяц будут еще колхозницы там ползать по рядкам! А когда эта кукуруза теперь взойдет? Что из нее получится? Вот где самое настоящее преступление! Вы своими «командами» погубили тысячи тонн урожая!..

— Один красивый рапорт о весеннем севе, — говорил Нечипуренко, — еще ничего не решает. Целое лето впереди! Да и *рано* посеять всё — это еще не значит *хорошо* посеять. Такие секретари райкомов, как ты, Василий Михайлович, заставляли председателей колхозов соревноваться — кто быстрее запряжет. Воспитывали лихачей, кучеров, а не хозяев! Кто наловчился быстро, лихо запрягать, с шиком подавать карету к крыльцу — тот и «передовик». Но ведь гораздо важнее не то, кто как запрягает, а кто сколько грузу везет!..

Председатель райисполкома Митин сказал:

— Боюсь, Василий Михайлович, что мы останемся без помощников, если будем налегать исключительно на административные меры. Отступится народ от нас.

Борзова говорила:

— Вот вы, Василий Михайлович, делаете всё то, что и товарищ Мартынов до вас делал: и совещание передовиков созывали, и собрание механизаторов, и партактив, а пользы от этих собраний никакой! И доклад и выступления — всё как нужно, форма та же, а за душу никого не берёт. Сидят люди и слушают: «вы должны», «вы обязаны», «надо мобилизоваться»... Может, вам самому это не интересно — такие встречи с колхозниками? И что сказать им нового, волнующего, не знаете? Лишь бы отчитаться перед обкомом, что провели такое-то количество совещаний? Если у вас нет вкуса к партийной работе, то лучше бы вам по-честному признаться, что вы это дело не любите. Может, вы больше пользы принесли бы на таком месте, где не с живыми людьми приходится иметь дело, а с какими-нибудь документами, архивами? А так же ведь нельзя: должность первого секретаря райкома партии любить, а партийную работу не любить.

Выступал и Опёнкин:

— Товарища Долгушина полюбил у нас народ. Он умеет работать с людьми, а у тебя, Василий Михайлович, такого умения нет — в этом и вся причина, почему ты злобишься на него. Но нет! Такого директора мы тебе на расправу не дадим! Да и не за что чинить над ним расправу. Осень придет — урожай покажет его работу. Я многих директоров МТС перевидал на своем веку, это, может, первый настоящий директор, какого я знаю, которого председатели колхозов и без приказа слушаются. Слушаются потому, что он, прежде чем нам что-то предложить, и у нас совета и ума спрашивает. Такие люди нам в районе нужны!..

До такой степени коммунистам было уже невмоготу — вспомнились и Борзов и некоторые его предшественники, — так возмутил и разозлил всех «прокурорский», казенный, бездушный (и угрозы даже читал по бумажке!) доклад Медведева, что когда заведующий отделом пропаганды райкома вышел с проектом решения, его сразу же остановили вопросами:

— Сколько страниц?

— То же самое, что и в докладе мы уже слышали?

— Нового ничего?

Поднялся Рыжков, секретарь партийной организации колхоза «Борьба», бывший секретарь райкома комсомола,

и предложил вместо этой заготовленной, видимо, Медведевым же резолюции принять по его докладу другое, короткое решение: «Объявить секретарю Троицкого райкома партии товарищу Медведеву выговор за возрождение в районе борзовских методов руководства колхозами».

И за предложение Рыжкова проголосовали почти все члены райкома.

На третий день после пленума в райком приковылял на костыле выписавшийся из больницы Мартынов.

В жаркий полдень на улицах городка было пусто. У райкома Мартынов встретил Рыжкова с перевязанной щекой, приехавшего в Троицк рвать больной зуб.

— Что ж это вы, умники, натворили? — хмуро спросил его Мартынов. — Какой-то небывалый пленум. Таких решений по докладу секретаря о весеннем севе, вероятно, еще нигде не принимали.

— Да так как-то получилось, Петр Илларионыч, — смущенно оправдывался Рыжков. — Очень уж надоело нам это всё!

— Решение, в общем-то, не очень принципиальное, куцее решение, — пожал плечами Мартынов. — До конца всего не договорили... Как же дальше партийная организация будет строить отношения с ним? Вы думали, что после такого случая ему невозможно здесь работать?

— Ничего мы не думали. Пусть теперь обком думает!.. А может, и думали, — хитровато подмигнул вдруг Мартынову Рыжков. — Вот это самое и думали: что теперь, после такого скандала, он у нас не останется!..

Медведева не было в райкоме: выехал куда-то. Не заходя в кабинет, Мартынов от Трубицына позвонил в обком. Там из секретарей он застал только Масленикова.

Мартынов доложил, что выписался из больницы, что совсем уже здоров, немного только побаливает нога, но ходить на костыле и ездить в машине уже может, врачи разрешили. Спросил: приступать ли ему к работе в райкоме или, может быть, есть уже какое-то другое решение о его судьбе?

Масленников ответил, что никакого другого решения пока нет, что если здоровье ему позволяет, надо начинать работать, оформив свое возвращение на пост первого секретаря через бюро райкома.

— Давай, давай, приступай! — повысил голос Масленников, сразу беря деловой тон в разговоре уже не с больным человеком, а с возвращающимся к своим обязанностям секретарем райкома. — Нажми на молоко! С четвертого места на девятое съехал район за последние пятидневки. Лукашевцы вас обогнали. Позор! С ремонтом комбайнов у вас неважно. Там у вас Долгушин всё мудрит, на качество ссылается, будто мы не требуем хорошего качества ремонта. Само собой разумеется, что надо ремонтировать и быстро и хорошо! Да разберись в ближайшие дни, товарищ Мартынов, кто там у вас партийную организацию баламутит? Что за дикий случай на пленуме райкома? Как можно без согласования с обкомом допускать такие вещи? Кто выносил это предложение? Кто голосовал? Какой-то цирк устроили из пленума! Безобразие! Мальчишество! Мы думали, что у нас в Троицке зрелая партийная организация. Хоть это случилось и в твое отсутствие, но с тебя ответственность не снимается. Твое воспитание?..

— Разберемся, Дмитрий Николаевич, — ответил ему Мартынов. — Много тут, кажется, накопилось такого, что придется теперь как следует разобраться. А насчет воспитания не торопитесь меня ругать. Надо еще посмотреть, за что же ругать. Когда коммунисты выступают так, как на этом пленуме выступали, критикуют секретаря, о котором в обкоме еще не предрешен вопрос, что его будут снимать, не боятся, что им худо будет, если он останется на месте, не дрожат, в общем, за свою шкуру, — я думаю, что это неплохое воспитание. Во всяком случае, я доволен, если тут есть результаты и моей работы. Не зря, значит, прожил в Троицке четыре года.

10

Так соскучился Мартынов в больнице по степному приволью, солнцу, людям, что первые дни, не засиживаясь в райкоме, почти не заглядывая в свой кабинет, всё ездил в колхозы, на поля. А в полях было хорошо! В начале весны обстановка складывалась тяжело, бо́льшая

часть озимых погибла от февральской гололедицы, но их пересеяли, быстро и хорошими культурами, яровой пшеницей, ячменем; шли дожди, дули влажные мягкие западные ветры, и сейчас яровые почти догоняли в росте озимую пшеницу на уцелевших участках. Хороши были всходы сахарной свеклы. Заметно бросалась в глаза всюду лучшая обработка почвы против прошлых лет, особенно на массиве Надеждинской МТС. Можно было ожидать неплохого урожая.

Прихватив в новый вездеход Долгушина, который остался совсем без колес, так как старый его «газик» окончательно рассыпался, а областное управление сельского хозяйства в наказание «за непочитание родителей» не торопилось выделять ему новую машину, Мартынов ехал по полям колхоза «Вехи коммунизма».

— Завернем к нашему главному инженеру? — спросил его Долгушин.

— Это куда же?

— В тракторную бригаду, к Андрею Ильичу Савченко. Помните такого человека?

— Бригадира? Как же, помню. Давайте завернем. А почему вы называете его главным инженером?

— Потом расскажу.

На бригадном стане было тихо и малолюдно. Один трактор стоял разобранный — какие-то части с него увезли в мастерскую для ремонта, — кухарка у костра чистила картошку, два тракториста окапывали землей бак для горючего, в вагончике сидели бригадир Савченко и председатель колхоза «Вехи коммунизма» Руденко, и между ними шел спор не спор — крупный разговор.

Поздоровались. Савченко продолжал горячо доказывать председателю:

— Разве ж это работа? Два трактора пашут пар на Лужках, за три километра отсюда, один свеклу мотыжит в пятой бригаде, чёрт-те где, за пять километров, два кукурузу культивируют, в разных местах, за лесом и вон там, возле Сейма, а к вечеру им придется переезжать на ту кукурузу, что на прифермском участке. И свекла у нас в пяти местах, и пар клочками по всем полям. Где бы я ни стал вагоном, всё равно не соберешь машин в кучу. Кухарка понесет обед трактористам — пятнадцать километров избегает по полям со своими чугунками!

Вот вам тут всё — и экономия горючего и техобслуживание!

— О чем разговор? — спросил Мартынов.

— Всё о том же, Петр Илларионыч, — ответил Руденко. — О севооборотах.

— Если мы не наведем порядка на полях, — сердито говорил Савченко, — тогда покупайте мне колхозом вертолет, чтоб я успевал за сутки побывать возле всех машин!

— А почему же ты, Андрей Ильич, — заметил Долгушин, — ничего не говоришь о засоренности почвы, о разрушении структуры? Разве только в том беда, что тебе и кухарке далеко бегать от трактора к трактору? Учу и учить буду всегда всех вас, работников МТС: не отрывайте наших механизаторских забот и печалей от урожая!

— Так это, я считаю, только ребенку не ясно, что без правильного севооборота мы и урожая хорошего не получим! — сказал Савченко. — Что́ говорить, вот на моих глазах, за то время, что работаю я в Надеждинской МТС, земля стала хуже родить. Раньше тут у стариков была поговорка: «Два дождя в маю́ — и на агротехнику наплюю!». А теперь, я замечаю, эта поговорка уже недействительна. Мало двух дождей в мае месяце. Пусть даже весь май льют дожди, а если в июне засуха — хлеба не будет. Озимые, может, выйдут, а яровые погорят. Земля стала неструктурная, комочков нет, распыленная, как зола, не держит влагу. На такую землю через день нужен дождь и в мае и в июне — тогда только будет хороший урожай.

— Прав Савченко, и вы правы, Христофор Данилыч, — соглашался Руденко. — Без севооборотов мы добьем землю до ручки! Знаешь, Илларионыч, как тут в этом колхозе пахали, сеяли? Уборка срывается, какие-то культуры еще не убраны, а надо уже озимую сеять. Выбирают свободные участки и сеют где попало. Так же и под зябь пахали. Где чистая стерня, свезли солому — там пашут, где не свезли — там бросают. А потом, весной, которые культуры поценнее, те размещают по зяби, что второстепенное — по весновспашке. Никакого и подобия севооборота! Я в ужас пришел, когда наша агрономша еще зимой, по рассказам бригадиров, составила схему полей. Восемьдесят семь участков! И квадратами,

и клиньями, и кругами, и гитарами, и балалайками! Укрупняли колхозы, чтоб увеличить и земельные массивы, чтоб был простор машинам, а тут размельчили участки и совершенно уничтожили севооборот! Что ж это получается?

— Что получается? — усмехнулся Мартынов. — Об этом ты, Фомич, спроси бывшего председателя Троицкого райисполкома товарища Руденко, у которого, кстати, был и районный отдел сельского хозяйства с огромным аппаратом специалистов.

— А этих специалистов, — взвился Руденко, — не спрашиваясь товарища Руденко, товарищ Борзов посылал, как и всех, уполномоченными в колхозы! Что мог сделать районный землеустроитель, если он всё лето сидел уполномоченным в одном колхозе? Да и вообще тогда не очень-то считались с райисполкомом и с его специалистами. Сей хоть по оврагам, хоть по лесополосам, лишь бы план выполнить! А после товарища Борзова не успели мы еще прийти в чувство, как и самого товарища Руденко перенесло с его председательского кресла в колхоз, и отдел сельского хозяйства ликвидировали. Нет, давай уж теперь о прошлом не вспоминать, а то много насчитаем виноватых!..

— Что думаете делать, Христофор Данилыч? — спросил Мартынов. — Такое положение, вероятно, по всей зоне МТС?

— По всей зоне, кроме «Власти Советов» и «Спартака». Но в этом году и у них севообороты нарушили. Кукуруза не вместилась в старые поля. Делаем вот что... У нас, Петр Илларионыч, неладно с главным агрономом, Кудрявцевым. Прислан он к нам с юга, из Астраханской области, работал там в тресте совхозов. Весьма почтенный человек, агроном с большим стажем, дело знает. Но с ним такая же история, как в Олешенке со Стрельниковым. Тоже травопольщик, потерпел на этом аварию, били его там на всех совещаниях. И вот попал к нам в МТС. Сам просил, чтоб отпустили его на низовую работу, в другую область. Не знаю, какой дают урожай многолетние травы в Астраханской области, но здесь ведь клевер издавна сеют. Наши почвы и климат как будто подходящие для трав. Колхозники рассказывали мне, что некоторые культурные хлеборобы сеяли здесь клевер еще до коллективизации. Если в последнее время в каких-то

колхозах стали получать плохие урожаи клеверного сена, так надо же разобраться в причинах, не делая поспешных выводов.

— Вот именно, надо разобраться! — сказал Руденко. — Здесь, в «Вехах коммунизма», и озимая пшеница давала четыре центнера с гектара, и гречка не родила, и коровы давали по пятьсот литров молока, и куры — по десять яиц в год. Так, может, не сеять здесь ни озимой, ни яровой пшеницы и коров, кур уничтожить, потому что они давали низкую продукцию? Не сам клевер виноват в том, что плохо родил здесь, а те бездельники, что руководили колхозом! Не было же никакой агротехники! Не боронили его, не подкармливали. И то сено, что накашивали, наполовину погибало от дождей, не убирали вовремя!

— Но, как я уже окончательно убедился, — продолжал Долгушин, — Кудрявцев не сможет нам навести порядок в севооборотах. Он так пришиблен всякими проработками, что теперь уж ни в чем своего мнения не имеет. Прикажи ему немедленно распахать все клевера — распашет и не содрогнется. Есть люди, которым житейская терка, всякие неудачи и расплата за эти неудачи идут на пользу — характер у них закаляется. Кудрявцеву битье пошло во вред, превратило его в «чего изволите?». Опасный человек в роли главного агронома МТС. Пробую сейчас всякими мерами вселить в него гражданское мужество, но не знаю, что́ из этого выйдет. Не уверен в успехе. Ему уже пятьдесят лет, сложившийся характер, перевоспитанию поддается с трудом, да и от природы, видимо, не храброго десятка человек. Я освободил его сейчас от решения вопросов, связанных с севооборотом, и сделал одно незаконное дело. У нас в МТС гуляет должность агронома-энтомолога — нет специалиста. Мы взяли на эту ставку молодого агронома, комсомольца Шорина. Он по своему уклону почвовед и, как я заметил, одержим как раз идеями сохранения и повышения плодородия почвы. Выпускник Свердловского сельхозинститута, бывал несколько раз на практике у Мальцева. Видимо, от него напитался лютой ненавистью к шаблонам и ко всякому флюгерству в науке.

— Это какой Шорин? — спросил Мартынов. — Тот, что в «Борьбе» был? Что заходил ко мне в больницу с Нечипуренко?

— Да, тот, что работал в «Борьбе». Ругался Нечипуренко, когда забрали его в МТС, но я убедил его, что это на пользу делу. А в «Борьбу» мы послали другого агронома, со средним образованием, но хорошего практика.

Мартынов вспомнил понравившиеся ему слова комсомольца Шорина, которые он даже записал в больнице в свой блокнот: «Своей ответственностью за судьбу Родины, революции, социализма я равен любому, самому высокопоставленному нынешнему авторитету, — разница в возрасте и масштабах работы особого значения не имеет».

— Вот этому Шорину, — продолжал Долгушин, — я и поручил заняться вместе с колхозными агрономами наведением порядка в севооборотах. Агроном смелый, умный, любит землю, — можно надеяться, что он не будет рабски копировать ни Вильямса, ни Мальцева, ни их противников. За лето, не дожидаясь решения этого вопроса в высших научных сферах, найдем что-то свое, ясность в севообороты внесем. Пахать зябь будем уже в границах новых полей. Эту раздробленность полей в колхозах на семьдесят—восемьдесят участков ликвидируем. И когда у нас будут хотя бы вчерне схемы севооборотов, мы окончательно определим и площади всех культур. Ни одна культура не должна вылезать из своих рамок. Найдем наилучшие севообороты — чтоб могли мы и зерна, и сена, и овощей получать достаточно и чтоб было хорошее чередование культур, — и тогда уж — закон! Из возможностей севооборота будем исходить при установлении посевных площадей в колхозах, а не просто — какая цифра в голову взбредет. Конечно, будет большая драка, нам, возможно, опять станут доказывать, что севооборот — дело, так сказать, прикладное, что надо севооборот подгонять к заданным цифрам, а не площади к севообороту, но мы постараемся доказать, что это неверно, не по-хозяйски. Есть уже горький опыт. Земля действительно так запущена, такая неразбериха на полях, столько лет уже местами здесь сеется хлеб по хлебу, что дальше ехать некуда!.. Между нами говоря, у меня большие виды на Шорина. Если он хорошо справится с севооборотами, выдержит этот экзамен, может быть сделаем его главным агрономом?..

Мартынов увидел в вагончике на полке над столом книги, поднялся, поглядел на корешки. Среди брошюр

по сельскому хозяйству и художественной литературы отдельной стопкой были сложены учебники для старших классов средней школы.

— Кто это у вас в школу ходит? — спросил он у Савченко. — У вас же в Надеждинке нет вечерней средней школы. Да и занятия уже всюду закончились.

Савченко замялся:

— Да это так... Для повторения. Когда свободное время есть...

Руденко стал рассказывать Мартынову о делах в колхозе:

— Всё оказалось гораздо труднее, чем представлялось мне, когда я шел в колхоз. Помнишь наши речи на том партактиве? «Сделаем своими руками!» Одних благих намерений мало, чтоб поднять хозяйство, когда приходишь на пустые амбары и пустую кассу. Ведь я же, кроме долгов, ничего не принял от Гусельникова. Колхозники-то мне верили, что я пришел сюда работать, не мух ловить, но всё же присматривались: а как он сумеет в таком положении обернуться?... Обернулся. Теперь уже легче. Скоро урожай начнем убирать, уже видим его. Свинины продали на восемьдесят тысяч, и еще пятьдесят голов на откорме. За свеклу получаем уже по контрактации. Начиная с марта, авансы даем по два рубля. Но чего мне это стоило! — Руденко снял кепку, потеребил свои рыжие, цвета червонного золота волосы, покрывшиеся каким-то странным пепельным налетом, будто ему припудрили голову, — потускнело золото. — Видишь? Седеть начал. Это всё за прошлую зиму...

— Страшно было, Илларионыч, — говорил Руденко. — Боялся стыда. Вдруг сорвусь? Здоровый мужик, сорока пяти лет, с опытом руководящей работы, член партии с тридцать восьмого года, и вдруг — не справлюсь с колхозом?.. А пуще всего жены боялся, Варвары Федоровны. От колхозников, в случае чего, можно удрать, скрыться с глаз, и из района можно, на худой конец, уехать. На Камчатку можно завербоваться, на Сахалин, где тебя еще не знают. Но от жены-то никуда не скроешься! А она у меня такая — уважает меня, пока есть за что уважать. Ведь меня ни разу еще не снимали с работы, и взысканий не имел, кроме как за утерю партбилета. А случись со мной такой позор, что выгонят из колхоза, она же меня и за мужа не признáет! Скажет:

«Никчемный ты человек! Речи только произносил, других учил, а сам работать не умеешь! Болтун! Коробкин ты!..» Стал я осматривать хозяйство, после того как выбрали меня председателем. Пошел на птичник. Штук пятьсот кур было там. Прихожу, смотрю — стоит возле птичника что-то похожее на лошадь, скелет в коже. Стоит, расставив ноги, от ветра качается, но не падает. Должно быть, ноги закостенели на морозе так, что и упасть уже не может. Спрашиваю девчат-птичниц: «Что это у вас такое?». Они замялись: «Да вот дали нам еще при старом председателе на птичню лошадь». — «Для чего дали?» — «Воду возить, корма́». Обошел я этот экспонат со всех сторон, посмотрел — почти уже и не дышит, по глазам только можно заметить, что живая лошадь, чуть мигает веками. «Ой, врете, говорю, девчата! Что на ней можно возить? А где же ваша сбруя, повозка?» Признались они. Дали им эту выбракованную лошадь, чтоб они ее убили — у них и ружье было на птичнике — и сварили мясо для кур, а им страшно ее убивать, ждут, пока сама издохнет, две недели уже не кормят и не поят ее, а она всё живая, стоит. Пристрелил я ее. Спрашиваю: «А еще какие корма́ есть?» — «Да вон там привезли с мельницы два мешка отходов — одна пыль». И в амбарах — я уже знал — зерна нет ни грамма, кроме семенного фонда. Вот, думаю, так мы, районные организации, и планировали развитие подсобных отраслей в колхозах. Обязательно имей птицеферму на столько-то кур! А чем кормить? Без зерна птицу не продержишь. Поставил вопрос на правлении: порезать и продать кур на базаре, всё равно ведь за зиму подохнут. Кто же назовет нас хозяевами, если всё это добро пойдет лисицам на продовольствие? Отложим это дело, птицеводство, до лучших времен. Будет зерно в хозяйстве — за одну весну три тысячи кур разведем, возьмем цыплят в инкубаторе. Та́к и сделали. Пять тысяч выручили за тех кур. Потом осмотрел поголовье свиней. Страшные были свиньи! Зайдешь в свинарник — мечутся голодные, как тигры в клетках. Станут на задние ноги, положат рыла на дверцы и орут. Того и гляди, какая-нибудь за ухо тебя хватит! Сделали мы расчет, каких маток оставить на племя, сколько молодняка сберечь для роста поголовья, а сколько можно сейчас откормить и продать, чтоб и госпоставки покрыть и на базаре, может, поторговать. Отобрали группу. А кормов

у нас уже немножко завелось. Вот Христофор Данилыч помог, навозил нам эмтэзсовскими машинами жома с сахарного завода, выпросили у Опёнкина заимообразно сто центнеров ячменя, Золотухин пообещал нам яму картошки до нового урожая. Стали кормить свиней. И тут вдруг, среди зимы, ураганом сорвало крышу со свинарника. Там и крыша была вся в дырьях, гнилые стропила, того и гляди рухнут, а тут ее совсем снесло, начисто. Вот в ту ночь-то мне и посыпало голову пеплом. Снег валит, морозы тридцать градусов, а свиньи под открытым небом. Единственная наша надежда, только стали было в тело входить... Законно ли, незаконно сделали мы, не знаю, но другого выхода не было: раздали свиней для откорма колхозникам по дворам. Вот тебе три головы, вот корма́ по нашей норме, чего не хватает — добавь, откормишь до такого-то веса — получай себе одну свинью, а две в колхоз. Больше, конечно, мы так делать не будем, содержать по частным дворам общественное животноводство — это не по-колхозному. Но что можно было другого придумать тогда? За трудодни никто не соглашался их кормить, потеряли здесь люди веру в трудодень. Пришлось заплатить свининой. Но всё же сорок голов откормили до хорошей кондиции, отвезли на поставки и на рынок. Тут уж взяли сумму покрупнее. Потом продали «Победу», — те деньги пошли исключительно на бытовые нужды, на детясли. На молочной ферме стали наводить порядок, послали туда заведующим хорошего парня, комсомольца. От молока появились деньжата. Прошлогоднюю коноплю довели до ума, продали, хоть не первым сортом, но всё же деньги. Покопался в бухгалтерии — обнаружил дебиторов: тот должен колхозу за работу наших людей на элеваторе, тот три года не платит за аренду колхозных построек, что заняты мелькомбинатом, тот сено для своей организации косил на наших лугах. Ну-ка, друзья, платите, не доводите дело до суда. Не знаю, за что Гусельников прощал вам эти долги, а я с вами водку не пил. Ну, так и пошло и пошло. И крупные суммы и по мелочи. Теперь уж редкий день обходится, чтоб не было поступлений в нашу кассу. Можно уже как-то дышать. Иной раз даже и не поймешь, откуда берутся деньги. Капают и капают!..

Руденко в этом месте своего рассказа помог словам выразительным жестом.

— Раньше было здесь в хозяйстве вот так, — он развел руками в стороны, — а сейчас у нас пошло вот так, — сделал руками широкое обратное собирательное движение.

— Ясно, — кивнул головой Мартынов. — Бухгалтерия простая и понятная.

— Но знаешь, Илларионыч, — продолжал Руденко, — вот только теперь, когда сам снизу всё просмотрел, вижу я, как много трудностей у председателя колхоза. И не только в безденежном колхозе — и в денежном! Мы же никогда не спрашивали у председателя, как он сумеет построить или приобрести что-либо. Сделай, и всё! Ну, теперь я узнал, как это — «сделай»!.. Мы совсем забыли простое, благородное слово: «купил». Только и слышно: «достал», «добыл», «вырвал», «отхватил». Такой-то колхоз достал, говорят, запчасти для жнеек. Что это значит — «достал»? Откуда достал? Со дна морского, что ли? Неужели мы в нашей богатой стране не можем как следует организовать торговлю хозяйственными товарами для колхозов? За каждой чепухой гони машину в облсельхозснаб! Да и там никогда ничего не захватишь. Надо, чтобы в каждом районном центре был хороший магазин, где бы продавали колхозам всё — от конных жнеек, сепараторов, телег, хомутов до камер и покрышек на машины и кровельных гвоздей. Свободная торговля, без разнарядок и без блата! Никак не могу я согласиться с тем, что у нас из-за нехватки какой-то промышленной продукции нельзя организовать такую широкую продажу колхозам хозяйственных товаров! Привыкли валить всё на «нехватку», и валим вот уже сколько лет! Взять хотя бы автотранспорт. Ведь как-никак, всё же не стоят в колхозах машины без колес, ездят. И в «снабах» наших никогда не купишь по-честному резину. Откуда же она «добывается»? Есть, стало быть, в натуре эта резина? Есть. И подшипники есть, и горючее, и мешковина, и кабель для электропроводки. И всё это в конце концов доходит до потребителя. Но только по каким-то другим каналам!..

— Ты знаешь, Иван Фомич, я уже устал писать письма по таким вопросам, — сказал Мартынов. — Ты сам человек грамотный. Пиши, брат! Пиши в «Сельское хозяйство», в «Правду». Не носи эти мысли за пазухой.

Когда собрались уже ехать дальше и вышли из ва-

гончика, Мартынов взял Руденко под руку и отвел его немного в сторону:

— Ну, а всё же, как настроение, Фомич?..

— Настроение?.. — Руденко посмотрел по сторонам, на поля, на село за Сеймом, на тракторный вагон, поскреб пальцами небритый, колючий подбородок. — Да вот уж я теперь убедился, что за год чего-нибудь особенно видного в хозяйстве не сделаешь. Мал срок. За год можно только фундамент заложить. Если получим нынче хороший урожай и выдадим прилично на трудодни, это еще не всё. Все самые знаменитые колхозы, что гремят по всему Советскому Союзу, это те колхозы, где председатели по пятнадцать—двадцать лет работают. И Демьян во «Власти Советов» двенадцатый год уже трудится... Строиться буду, Илларионыч! — решительно сказал Руденко. — Беру кредит и этим летом начну строить себе дом в колхозе. Вот мое настроение и мои планы. Брехуном перед партией никогда не был и не буду. Не для того я шел в колхоз, чтоб только сдвигов добиться. Мало этого. Неужели моя голова не сработает за другие председательские головы? И у меня она ведь не соломой набита... Сейчас вызывать «Власть Советов» еще рановато, это было бы нахальством с нашей стороны, посмеялись бы только люди. Но с будущего года начну соревноваться с Опёнкиным!..

Беседуя с Руденко, Мартынов краем уха слышал обрывки разговора Долгушина с бригадиром Савченко:

— ...Заело на прогрессиях, Христофор Данилыч! Решаю задачки — не выходят.

— Я и сам-то их уже не твердо помню, эти прогрессии. Прочитай еще раз учебник.

— ...Трудно, Христофор Данилыч! Редкий день выберется час-два свободного времени.

— Отпуск дадим, я уж тебе говорил!..

По пути в следующий колхоз Мартынов спросил Долгушина:

— О каких это прогрессиях вы толковали с Савченко?

— А вот это и есть, Петр Илларионыч, наш будущий главный инженер! — сказал Долгушин. — Никому пока не говорю и ему не говорю ничего, но готовлю его на эту должность. Вы хорошо знаете Савченко?

— Знаю как одного из бригадиров. В прошлые годы он ничем особенным в Надеждинке не выделялся.

— Да, человек он незаметный, в глаза не бросается... Знаете, чем он меня заинтересовал еще зимой, на ремонте? Сумел так наладить уход за машинами и профилактику в своей бригаде, что, когда пригнали в мастерскую его тракторы и осмотрели, оказалось, ни одна машина не нуждается в капитальном ремонте. Рекордами он не гремел, да и в их колхозе было такое положение, что трактористы сами и свеклу убирали и семена чистили. Какие там рекорды! Но по экономии запасных частей, по расходу горючего, по сменной выработке это лучшая бригада в МТС. У Савченко себестоимость гектара пахоты в два раза ниже нашей средней себестоимости. Вот вам и незаметный человек! Прекрасно знает машины всех марок, любит технику. Капитан запаса. В последние месяцы войны командовал батальоном. И образование у него, если посчитать всё — и семилетку, и школу лейтенантов, и военно-технические курсы, — почти среднее. Вот я насел на него, чтобы он сдал экстерном за десятилетку. Изыщу какие-нибудь возможности предоставить ему для подготовки отпуск месяца на два. И потом определим его на заочное отделение института механизации сельского хозяйства. Время сейчас такое, что без диплома его не утвердят в должности главного инженера, как бы мы ни просили. Но если он будет студентом-заочником, то уже есть шансы. Да если еще вы поддержите нас перед областью!..

— Я пока еще не знаю, за что нужно снимать главного инженера Морозова,— сухо заметил Мартынов.— Со мной никто об этом не советовался.

— Зачем снимать? Мы ему дадим другую работу.

— А чем вам не нравится Морозов?

— Нравится. Хороший инженер, честный человек, работяга. Мне он тем более нравится, что он мой собрат. Тоже попал в деревню из промышленности, с большого завода. Из более близкой к сельскому хозяйству промышленности, чем я,— с завода Сельмаш. Машины наши знает. Но он очень больной человек. Не может выезжать в бригады. У него и гастрит, и почки, и еще что-то. Совершенно не выносит тряской дороги и грубой пищи. На него жалко смотреть, когда он возвращается в МТС из поездки,— я немедленно гоню его домой отдыхать. Я предлагал ему с миром и честью, с отличной характеристикой откомандировать его обратно на завод — ведь он умол-

чал там в горкоме о своих болезнях. И слушать не хочет! Но сам уже заговаривал со мной о ремонтной мастерской. На заведование мастерской он перешел бы с охотой. Как видите, дело совсем не в том, что я не люблю Морозова. Я не выживаю его из МТС, хочу только найти ему такое место, чтобы и для него и для дела было лучше. Уверяю вас, Петр Илларионыч, с Савченко мы не ошибемся. У него необычайные способности к механике. Талант! Послушает пять минут чужую, незнакомую ему машину — и можете смело по его заключению составлять дефектную ведомость. Такой-то подшипник постукивает, такая-то шестеренка в заднем мосту подработалась, там люфт, там эллипс — разберите трактор, и всё окажется в точности так. Кроме всего, он просто хороший человек. А мы на эту сторону дела как-то мало обращаем внимания, когда выдвигаем кого-либо на руководящую работу. Я знаю его семью, жену, детей, старика отца, которого мы помогли ему перевезти из Челябинска. Хороший, добрый сын и хороший, любящий, строгий отец. Главный инженер в МТС — большая фигура. Не только с железками имеет он дело — с людьми, с целой армией механизаторов. Если он сам порядочный человек — и на производстве и в домашней жизни,— ему и других легче воспитывать... Может быть, это старое мое заблуждение, но я никак не могу согласиться с тем, что мы, хозяйственники, должны заниматься только центнерами, кубометрами, запчастями, неодушевленными, в общем, предметами, а в воспитании наших подчиненных можем целиком положиться на партийные органы: это, мол, за нас сделают другие товарищи. А если в этом самом партийном органе люди занимаются тоже только центнерами и кубометрами, тогда как?..

— Хочу, Петр Илларионыч,— добавил Долгушин,— сколотить такие кадры в МТС, чтобы, когда Масленников выгонит меня отсюда, не говорили потом про меня, что Долгушин тянул всё сам и не оставил после себя подготовленной к самостоятельной работе смены.

В «Борьбе» секретарь парторганизации Рыжков после разговора о хозяйственных делах шутливо приложил руку к козырьку кепки: «Товарищ секретарь райкома, разрешите обратиться к директору МТС?» — и начал спрашивать у Долгушина совета, как лучше им организовать в колхозе работу учеников старших классов в летнее

время — создать особые бригады школьников или влить их в колхозные производственные бригады? И как быть, если некоторые ученики, с расчетом выбора будущей профессии, захотят работать не в полеводческих бригадах, а на фермах? Ведь там штаты постоянные и лишних работ нет. Нельзя ли учеников сделать на фермах подсменными? В полеводческих бригадах как дождь, так люди отдыхают, общий выходной, и зимой у всех достаточно свободного времени, а на животноводстве работа круглогодовая, ни в дождь, ни в снег перебоя нет,— пора подумать о регулярных выходных днях для всех работников животноводства. Вот в летнее время можно подменять школьниками то ту, то другую доярку или свинарку. И для штатных животноводов облегчение, и для молодежи это будет как бы стажировка.

Нечипуренко, присутствовавшему при этом разговоре, стало неловко за Мартынова, и он сделал замечание Рыжкову:

— Что ж ты, Василий, при живом секретаре райкома обращаешься с таким делом к товарищу Долгушину? Я помню, Петр Илларионыч еще зимой, до больницы, советовал нам обдумать этот вопрос — о выходных днях для животноводов.

Но Мартынов сделал вид, что бестактность Рыжкова его нисколько не обидела:

— Вот еще, субординацию какую-то завели! Мы не в армии.

А в «Рассвете» сам Мартынов с большим интересом слушал, как Долгушин рассказывал председателю колхоза Филиппу Касьянычу Артюхину о постановке экономического учета в промышленности, подводя дело к тому, что и в колхозах не вредно было бы заняться наконец подсчетом прибылей и убытков и выяснением себестоимости продукции.

— Вот Золотухин в «Спартаке»,— говорил Долгушин,— как будто способный хозяйственник. Даже слишком способный,— до сих пор не может согласиться, что ему правильно объявили на партийном собрании строгий выговор за барышничество. Но вот и он, при всей его ловкости и изворотливости, оказалось, ведет хозяйство вслепую, выезжает на многолетнем навыке и некотором чутье, а в цифры вникать не любит, не имеет к ним вкуса. Наш инструктор-бухгалтер поработал у них в колхозе

две недели, и там выяснилось много интереснейших вещей. Племенная конеферма, например, которой так гордился Золотухин, в течение ряда лет, кроме похвальных грамот с выставок да убытков, ничего им не давала. Видимо, коневодство выгодно лишь в больших размерах, а держать маленькую ферму, вроде любительской, как у них, нет никакого смысла. Овцы тоже не дают им дохода. Кончать надо с этой старой крестьянской привычкой — не считать, во что обходится в хозяйстве вырастить овцу или получить ведро молока! Что, мол, считать эту солому, сено — не купленное, свое! Да, свое, и труд колхозников свой, но это же «свое», если его повернуть на какое-то другое дело, может быть даст колхозу куда больше дохода?.. Вы, Филипп Касьяныч, всего лишь два месяца, как выбраны председателем, только начинаете хозяйствовать. Так давайте сразу отказываться от кустарщины и ставить дело на научную ногу. Я пришлю и к вам нашего бухгалтера. Пусть вместе с вашими счетоводами выявит себестоимость каждого вида колхозной продукции. Это для начала, чтоб у вас была полная картина состояния хозяйства. А потом вместе подумаем, на что приналечь, какие стороны хозяйства двинуть вперед. И как те отрасли, которые всё же нужно сохранить, из убыточных сделать доходными. Я, занимаясь колхозными балансами, выяснил для себя еще одну примечательную вещь. Чем крупнее животноводство в колхозе, тем дешевле себестоимость продукции. Это лишний раз доказывает, что нам нужны в колхозах большие фермы. Совсем необязательно иметь в каждом колхозе фермы всех видов животных, какие только существуют у нас, от кроликов до орловских рысаков. Не надо распылять силы. Если разводить в колхозе птицу, то это должна быть действительно птицефабрика, а не какие-то жалкие три сотни кур — только для отчета, что есть птицеферма. Пятьдесят коров в крупном колхозе — это декоративное стадо, а не промышленное. Очень дорого обойдется колхозу молоко, пусть даже по три тысячи литров даст каждая корова. А пятьсот коров — это деньги!

— Ну, конечно,— согласился Артюхин,— пятьсот коров дадут больше дохода, чем пятьдесят.

— Нет, Филипп Касьяныч, вы поймите меня правильно,—доказывал Долгушин.—Здесь доход возрастает не в простой пропорции. Пятьсот коров дадут дохода

больше, чем пятьдесят, не в десять раз, а в двадцать! В крупном животноводстве больше условий для механизации — значит, меньше людей будет занято на уходе за скотом. Гораздо дешевле обойдется строительство колодцев, силосных траншей да и самих коровников — в расчете на одну голову. Если бы речь шла только о том, что две коровы дадут молока больше, чем одна, то о чем же и спорить, это всем ясно. Две коровы дадут больше молока, чем одна, и себестоимость молока будет ниже. Вот в чем дело! Тут-то и начинается прибыльное ведение хозяйства!

— Дошло, Христофор Данилыч,— кивнул головой Артюхин.— Я читал в книжке, что в Америке если уж мясное животноводство, так мясное, если молочное, так молочное. Имеет фермер, скажем, триста голов мясного скота и — ни одной молочной коровы. Ему выгоднее для своего потребления купить пять литров молока в магазине, чем тратить время на дойку этой коровы.

— Да. И учтите, что это молоко привезено в магазин не его соседями. Все фермеры в округе ведут так хозяйство. Ни у кого не найдешь ни стакана собственного молока. Оно попало в магазин откуда-то издалека. Вот это и называется специализацией сельского хозяйства. Мы не можем в такой степени специализировать свое хозяйство, нам не так легко перебрасывать скоропортящиеся продукты из одного конца страны в другой, как это делают американцы при их дорогах и транспорте. Но всё же надо бы и нам придерживаться правила: лучше меньше всяких ферм в колхозе, да покрупнее. Это как поточное производство в промышленности. Только поток дает самую низкую себестоимость.

Старик Артюхин и Мартынов были еще мало знакомы друг другу. А у Долгушина с Артюхиным, как заметил Мартынов, установились уже близкие отношения. Рассказывая о своих хозяйственных начинаниях, о трудностях, с которыми он встретился, о людях колхоза, Артюхин обращался больше к Долгушину, как к человеку, который хорошо знал, что́ было здесь в колхозе раньше, и сам, собственно, был виновником происшедших перемен в руководстве. Минутами, увлекшись разговором, оба забывали даже поворачиваться из вежливости в сторону третьего собеседника.

Подошел Зеленский, новый секретарь колхозной парторганизации, стал рассказывать о последнем партийном собрании, на котором приняли в партию еще двух рядовых колхозников, о том, как ведут себя многочисленные родственники осужденных и посаженных в тюрьму жуликов, какое брожение идет в колхозе,— и тоже больше рассказывал это всё Долгушину, главному как бы для него авторитету в решении сложных вопросов колхозной жизни, работы с людьми.

Мартынову вдруг стало чего-то не по себе, и он под предлогом, что у него сильно разболелась голова и ему надо минут десять подремать в тишине, пошел, ковыляя костылем, к машине, сел на заднее сиденье в угол, привалившись спиной к борту, и так и сидел там целый час, молча, закрыв глаза, не перекинувшись ни словом с шофёром, пока Долгушин не вышел из конторы.

Поехали на поле к свекловичницам. И там Долгушина встречали в каждом звене, как старого знакомого, приезда которого ждут: «Вот погодите, приедет директор — у него спросим, как лучше сделать»; «Христофор Данилыч приедет — не забудь рассказать ему про свое дело». К нему обращались и за советами по агротехнике — правильно ли агроном предложил им такую-то смесь удобрений вместо такой-то для подкормки,— и за разъяснениями по поводу нового закона о поставках, и со всякими бытовыми нуждами. Одна колхозница, отведя его в сторону, долго рассказывала о своих домашних неурядицах и просила его, чтобы он как-нибудь заехал к ним, поговорил с дочкой, образумил ее: влюбилась в пьяницу и развратника, который на пятнадцать лет старше ее, двух жен уже бросил, за трех детей алименты платит! Хочет выходить за него замуж. Что ж это за жизнь будет у нее? Сама дура девка лезет головой в петлю! Долгушин по крайней мере половину встречавшихся им в поле женщин называл без особого напряжения памяти по имени, а то и по имени-отчеству.

— Завидую вам, Христофор Данилыч! — сказал Мартынов, когда они поехали дальше, уже к повороту на надеждинский грейдер. — Как вы натренировали память! Вероятно, знакомы с какой-то особой системой мнемоники?

— Нет, никаких систем мнемоники я не знаю,— ответил Долгушин.— Просто записывал в тетрадку, кого как

зовут — наших трактористов, звеньевых, доярок. Я и сейчас ее с собой вожу, — Долгушин похлопал по внутреннему карману пиджака,— но уже не так часто в нее заглядываю. Припомнишь, при каких обстоятельствах встречался с человеком, в каком колхозе, его наружность, как он работает, какое-то словечко, что он сказал тебе,— и тут само встает в памяти и его имя. Это, знаете, очень хорошо действует на колхозников, когда называешь их по имени-отчеству. К ним уважительно, и они к тебе так же.

— А почему вы, Христофор Данилыч, не перевозите семью из Москвы? — спросил вдруг Мартынов.— Вот это-то нехорошо действует на людей! Плотников и Сазонов, оказывается, тоже до сих пор не перевезли свои семьи из Троицка в колхозы — по вашему примеру. На первом же бюро поставим вопрос о них! Но надо полагать, что разговор зайдет и о вас.

— Почему не перевожу семью из Москвы? — удивился Долгушин.— Видите ли, мне очень трудно сейчас собрать свою семью даже в Москву, не говоря уж о переселении всех в Надеждинку... Один сын у меня полковник, служит на иранской границе. Другой — дипломат, в Индии. Дочь на Дальнем Востоке, замужем за судовым механиком. Был еще сын — погиб на фронте. Осталась только жена. Вчера получил от нее письмо — грузит вещи малой скоростью и на днях выезжает ко мне. У нас уже пять внуков, а детей при нас — ни души. Вот такое у меня семейство... Выпросим себе на воспитание хотя бы двух внуков и будем с женой как бы начинать жизнь сызнова. На новом месте — и мы как будто опять молодые, и у нас маленькие дети...

— Простите, я не знал, что́ за семья у вас,— пробормотал Мартынов.— Если дети живут уже самостоятельно, то, конечно...

И еще, после долгой паузы, Мартынов спросил Долгушина:

— Всё-таки хотите строиться в Надеждинке?

— Не только хочу, а уже сельсовет дал усадьбу, и мне туда привезли лес и кирпич. На днях начнут класть фундамент. Думаю к зиме справить новоселье,— ответил Долгушин.

— Не советую,— сказал Мартынов.

— Почему? — возразил Долгушин. — Мне ведь тоже хочется как-то уютнее обосноваться на месте. Не жить же

всё время на квартире. Жена моя очень любит возиться с цветами, с огородом... Думаете, будут разговоры? Я уж это предвидел и во избежание всяких кляуз даже машины для перевозки стройматериалов брал не в МТС, а в автоколонне. И рабочих беру на стороне. Мне сельсовет нашел трех каменщиков и двух плотников. Уже договорился с ними, заканчивают ремонт школы и переходят ко мне.

— Дело не в кляузах...

— А в чем же?

Мартынов так долго молчал после каждой фразы, как будто ему самому трудно было продолжать начатый разговор.

— Руденко я посоветовал строить себе дом в «Вехах коммунизма». Это — его место. Ему, может быть, действительно придется там поработать лет десять... А вам не рекомендую затевать стройку в Надеждинке. Ваше положение там не так прочно.

— Выгонят-таки?..

— Не выгонят, а выдвинут. Наши коммунисты выдвинут... Вот будет у нас через месяц районная партийная конференция, — меня, как слабого работника, освободят, а вас изберут секретарем райкома.

— Шутите, Петр Илларионыч? — Долгушин с любопытством поглядел на Мартынова.

— Какие шутки!..

Долгушин спокойным, ровным голосом стал говорить, положив руку на спинку переднего сиденья и загибая пальцы:

— Во-первых, это чепуха. Какой вы слабый работник? Дай бог, чтобы все секретари райкомов у нас были такими слабыми, как вы! Кого прокатят на конференции на вороных, так это, конечно, Медведева. Во-вторых, я достаточно знаю порядок выборов наших партийных органов, чтобы не бояться никаких случайностей по отношению к своей персоне. Прокатить кого-либо «случайно» у нас на конференции еще могут, но выбрать секретаря без рекомендации сверху — вряд ли. А мнение обо мне сложилось в области такое, что можно не ждать подобных рекомендаций. В-третьих, я приехал сюда не для того, чтобы меня перебрасывали, как мячик, с места на место. Я и года еще не проработал в МТС. В-четвертых, я хозяйственник и никогда не был...

— А в-пятых, поживем — увидим! — оборвал его почти грубо Мартынов.

Долгушин, поняв, что Мартынов чего-то нервничает, пожал плечами и замолчал.

Совместная поездка в колхозы и этот разговор не сблизили Мартынова и Долгушина. Встречаясь, они всякий раз чувствовали какую-то неловкость, будто были в чем-то виноваты друг перед другом. Долгушину казалось, что Мартынов действительно боится критики на предстоящей партийной конференции и какой-либо неожиданности при выборах. А Мартынов очень жалел, что дал ему повод для таких предположений. Чтобы поправить дело, он сказал однажды Долгушину:

— Сам буду агитировать, Христофор Данилыч, за вашу кандидатуру.

— Ей-богу, не пойму вас, Петр Илларионыч, шутите вы или всерьез это говорите? — Долгушин в недоумении развёл руками.— Если не шутите, то еще хуже! Тогда это просто никчемный и пустой разговор. Взбрело ему в голову, что он плохой секретарь райкома! Ребячество какое-то!

— Отнюдь. Плод размышлений зрелого мужа, не ребенка.— Мартынов выжал на своем похудевшем лице улыбку.— Весьма долгих размышлений.

— Вы плохо выглядите, Петр Илларионыч, у вас нездоровый вид. Вам надо было после больницы поехать на курорт, еще подлечиться, а не приступать сразу к работе.

— Наоборот, я чувствую себя сейчас, как никогда, способным горы свернуть!

— Так в чем же дело?..

— Вы знаете, что такое гамбургский счет?

— Что-то смутно помню. Где-то читал.

— В старое время у борцов был обычай — раз в несколько лет съезжаться в Гамбург и бороться без публики, при закрытых дверях, просто так, для себя, для души, чтобы узнать, кто же из них действительно сильнее.

— Еще что скажете?.. Ну, я старше вас по партийному стажу, по житейскому опыту, но что из этого? Какой я секретарь райкома? Загляните в мою анкету. Я ни-

где никогда не был на партийной работе. Даже секретарем первичной парторганизации не был.

— А разве нам в наших *выборных* партийных органах нужны какие-то особые запатентованные специалисты по партийной работе? И должна ли быть вообще такая специализация? Ведь сами коммунисты выбирают свое партийное руководство. А вдруг на сей раз не выберут этакого «специалиста»? А он ничего больше другого делать не умеет? Вы думали когда-нибудь об этом, Христофор Данилыч? Или вы не имели за последнее время столько свободных дней и ночей для раздумья, как я в больнице?..

Мартынов послал в обком первому секретарю небольшую записку с просьбой назначить ему день для приезда и разговора о положении в районе. Через несколько дней Крылов вызвал его телеграммой в обком.

11

В этот приезд секретарь обкома Алексей Петрович Крылов показался Мартынову не то несколько отяжелевшим, не то каким-то более суровым и официальным, чем был он раньше. И вообще за те месяцев пять, что Мартынов не видел его, Крылов заметно постарел, как-то поблек, обрюзг лицом. Посидев в приемной полчаса до прихода Крылова, Мартынов уже узнал от его помощника, что он болел зимой — плохо было с сердцем — и что врачи запретили ему временно любимый его вид отдыха: охоту и рыбную ловлю. В каком-то месте разговора Крылов поднялся из-за стола, прошел по кабинету, остановился возле календаря, посмотрел на него, пробормотал: «Суббота сегодня»,— и тяжко вздохнул. В глазах его на минуту появилось выражение скуки и усталости. «Тоскует по своим озерам и лесным трущобам»,— подумал Мартынов.

Но, кроме всего, Мартынову показалось, что Крылов стал каким-то успокоившимся или ищущим спокойствия.

— Мы дождались прекрасных решений по сельскому хозяйству — того, о чем мы с тобой, товарищ Мартынов, могли лишь мечтать несколько лет назад,— говорил Крылов.— Одно снижение налогов и поставок с колхозников чего стóит! Мы боялись об этом и заикнуться, а прави-

тельство и без наших ходатайств пошло на этот шаг. А какие решения о кадрах, о материальном и техническом снабжении! Ты можешь думать обо мне, что я заболел казенным оптимизмом, но, право же, у нас сейчас есть все основания смотреть на жизнь куда веселее.

— А я никогда не смотрел на жизнь мрачно, — вставил Мартынов.

— Я недоволен нашей печатью,— продолжал Крылов.— Разворачиваешь номер областной газеты — материал на три четверти критический. Там недостатки, там непорядки, там преступления. Нельзя же так односторонне освещать жизнь! Да, скажем прямо, до сентябрьского Пленума трудно было найти в деревне хорошие образцы и партийной работы и хозяйственного руководства. Но с тех пор прошло уже немало времени. Уже есть большие сдвиги. Сейчас нам надо не столько бичевать недостатки, сколько утверждать то новое, хорошее, что появилось у нас!

— Я знаю по своей газетной практике, Алексей Петрович,— сказал Мартынов,— что очень трудно отделить одно от другого — бичевание недостатков от утверждения хорошего. Это взаимосвязано. Мне, например, никогда не удавалось написать статью о чем-нибудь хорошем, чтобы тут же не разозлиться на плохое, которое мешает этому хорошему еще лучше развиваться.

Мартынов повел глазами по сторонам, осматривая кабинет первого секретаря обкома, в котором ему не так уж часто приходилось бывать,— за время работы в Троицке всего лишь третий раз сидел он здесь. Полуспущенные голубые шелковые шторы задерживали бьющие прямо в окна солнечные лучи, мягко рассеивали свет. Огромный, чуть не на весь кабинет, толстый ковер приятно пружинил под ногами — будто почва на старом высохшем торфянике. В углу медленно, с чуть слышным тиканьем ворочался под стеклом футляра-шкафа бронзовый маятник больших часов. Тихо журчали два вентилятора: один на сейфе, другой на столе, но, кроме них, видимо, еще какие-то электрические приборы охлаждали воздух,— в кабинете было прохладно, как в мраморных подземных залах московского метро... И Мартынову вдруг вспомнилось, как однажды на фронте его, командира стрелковой роты, вызвали с передовой, чуть ли не прямо из боя, в штаб дивизии для нового назначения. Он побрился, по-

чистил сапоги, подшил свежий подворотничок, но стираной гимнастерки в запасе не оказалось, и он пришел в штаб с белой от соленого пота спиной, с бурыми пятнами на рукавах от крови похороненного вчера, скончавшегося на его руках замполита. Штаб дивизии расположился в поросшей молодым дубняком балке, в блиндажах, вырытых на косогоре. И тут была война, жужжали зуммеры телефонных аппаратов, офицеры с озабоченными лицами перебегали из блиндажа в блиндаж с какими-то пакетами и картами, и сюда изредка долетали снаряды тяжелой немецкой артиллерии, и несколько раз за день слышалась предупреждающая команда наблюдателей: «Во-озду-ух!» — но всё же здесь было куда тише и не пахло так солдатским пбтом, гарью стреляных гильз, испражнениями и еще чем-то гниющим там, впереди, за проволочными заграждениями, откуда подувал ветерок, как пахло всем этим в окопах передовой стрелковой линии. Начальник штаба даже пил чай не из алюминиевой кружки или консервной банки, а из настоящего стакана с серебряным подстаканником. В блиндаже начальника связи дивизии Мартынов заметил под койкой прикрытую газетой эмалированную посудину специального ночного назначения. И из наивных расспросов некоторых молодых офицеров о том, что делается *там*, понял он, что кое-кто из этих щеголеватых, с безукоризненной выправкой военных имеет всё же смутное представление о настоящем бое, настоящей войне... Этого нельзя было сказать о командире дивизии. Когда Мартынов предстал перед генералом, с первых же его слов он почувствовал, что разговаривает с человеком, который съел с солдатами не один пуд соли и видел смерть в глаза, вероятно, тысячу раз. И немудрено. Этот генерал начинал свою армейскую службу с должности рядового стрелка на Турецком фронте в первую мировую войну, был ефрейтором, унтер-офицером, командиром эскадрона в гражданскую войну, командиром полка в финскую и, наконец, на тридцатом году службы дотянул до генерала. Но и в этом чине он ежедневно не меньше трех-четырех часов проводил в частях, в окопах на передовой, чтобы не забывать солдатскую жизнь и не отрываться от нее, слышал перед собой близкие пулеметные очереди и обонял весь букет запахов обжитого в долговременной обороне бойцами переднего края — всё то же, что слышал и обо-

нял он, будучи еще ефрейтором. Видимо, генерал был не только храбрым солдатом, но и мудрым человеком и знал, что отрыв на длительное время от трудностей, которые несет на переднем крае народ, иной раз притупляет у начальника способности чутко улавливать настроение людей, обрывает те душевные нити, что незримо связывают его волю, чувства, устремления с чувствами и волей подчиненных ему рядовых бойцов.

Крылов говорил:

— Всё дано нам, что мы просили и чего не просили. Теперь надо работать! Меньше разговоров, больше дела! Ваш район как-то странно лихорадит. То вы в первой пятерке по полевым работам и молоку, то вдруг окажетесь где-то на десятом или двенадцатом месте. А у вас есть все данные к тому, чтобы прочно занять первое или одно из первых мест в области. Секретарь райкома молодой, энергичный, хорошие кадры председателей колхозов — что же вам не под силу такая задача? Прости, я забываю, что ты последние месяцы не работал... Ну, как сейчас твое здоровье? С костылем всё же не расстаешься?

— Здоровье ничего. Скоро и костыль брошу... А не кажется вам, Алексей Петрович, что у нас осталось еще много нерешенных вопросов по сельскому хозяйству? Я написал вот что-то вроде «Писем из деревни». Начал писать еще в больнице, а кончил вчера дома. Посмотрите. — Мартынов положил на стол перед Крыловым довольно толстую папку.

— Хорошо, почитаю на свободе. — Крылов открыл папку, полистал странички. — Много стали нам писать в последнее время. Пишут и доярки, и свинарки, и учителя, и железнодорожники, и водопроводчики. У каждого какие-то государственные предложения, советы.

— Я думаю, это хорошо, что много пишут. Одна дельная мысль в письме и то уже ценность.

— Конечно, неплохо, что пишут. Но надо же и практическим делом заниматься... Вот у тебя сколько это отняло рабочего времени?

— Я в больнице лежал, — напомнил Мартынов.

— Прости, забываю... Сорок восемь страниц. Это всё, по-твоему, нерешенные вопросы?

Крылов захлопнул папку, отложил ее на край стола:

— Егозишь ты что-то всё, товарищ Мартынов. Ну,

чем ты недоволен? Чего тебе еще надо?.. Меньше уже надо заниматься всякими прожектами, а на той реальной основе, что создалась у нас, бороться за крутой подъем сельского хозяйства. Тот будет из нас лучшим мыслителем-философом и радетелем государства, кто сумеет получить больше молока, больше мяса, больше зерна. Вот что нам нужно сейчас для благосостояния народа! Конкретное практическое дело, а не маниловские мечты вслух о красивой жизни!

Мартынов слушал Крылова, угрюмо нагнув голову, и сам чувствовал, как кровь приливает к его щекам и он краснеет — но не от стыда.

— Я не отрываю человеческие вопросы от производства зерна и молока. Это всё для подъема колхозов! Не сам райком ведь пашет землю и доит коров...

— С чем приехал, кроме этой папки? — резко спросил Крылов, так что Мартынов невольно вздернул голову. — Ты писал, что хочешь поговорить о положении в районе. Что за положение там у вас?

«И вот с этим самым Алексеем Петровичем, в этом же кабинете у нас однажды был совсем другой разговор! — подумалось Мартынову. — Как он меня тогда поддержал, когда Голубков донес на меня, будто я сорвал собрание партактива! Как он меня понял с полуслова, с каким гневом говорил о своих областных «классиках» пустозвонства! Помог мне додумать до конца то, о чем я лишь догадывался... Что сделалось с ним? Хотя его, конечно, можно по-человечески понять. Больше десятка лет работает уже секретарем обкома, в других областях и у нас, и всё в трудных условиях. Ему уже хочется поскорее увидеть полный порядок всюду и сплошное довольство. Хочется нового «Кавалера Золотой Звезды» почитать, только получше написанного и уже про наши дни. А тут опять о недоработках, неполадках, неурядицах. Надоело ему уже это всё хуже горькой редьки!.. Устал? Укатали сивку крутые горки?..»

— Я приехал, Алексей Петрович, — начал Мартынов, — во-первых, просить вас поскорее решить вопрос о нашем втором секретаре. Вы слышали, какой у нас был пленум райкома?

— Слышал. Докладывали мне. Странный пленум.

— Да. То же самое и я сказал, когда узнал о решении пленума. У членов райкома не хватило духу осво-

бодить товарища Медведева от обязанностей секретаря. Решение половинчатое.

— А твое мнение — надо освободить?

— Конечно. Вообще не надо было и выдвигать его на партийную работу.

— Еще один не угодивший тебе?..

— Ну, нет! — тряхнул головой Мартынов. — Теперь я этого не буду бояться! Думайте что хотите о моем характере, а мне положено всё-таки заботиться о районе, поскольку я там еще секретарь райкома. Перетерплю личные неприятности ради интересов дела. Был раньше кисейной барышней, стеснялся говорить с вами о Медведеве, чтоб не подумали нелестно обо мне, но больше ею не буду!

Крылов пересел из-за стола на широкий кожаный диван и Мартынова пригласил сесть рядом с ним:

— Иди сюда, садись. Неудобно разговаривать через стол. Ты тихо говоришь, я плохо тебя слышу. Я, брат, тоже тут болел. Пичкали меня врачи всякой дрянью. А сейчас постоянно шум в ушах, будто только что из самолета вышел... Так в чем же дело? Чем, собственно, Медведев там провинился? За что на него обрушился пленум? Что он за человек? Как его можно коротко охарактеризовать?

— Коротко?..

Мартынов рассказал, как работал Медведев при нем, еще в роли второго секретаря, и как работал после — по рассказам коммунистов, — какой сделал доклад на пленуме и какую дали ему отповедь председатели колхозов.

— У этого образованного учителя и лектора, с того дня, как он стал секретарем райкома, вдруг все слова вылетели из памяти, кроме: «Не допущу!», «Не потерплю!», «Разгоню!». Согласитесь сами, что такого лексикона маловато для руководства районом.

— Так... Ты всё же немало времени поработал с ним вместе. Почему не воспитал из него хорошего второго хотя бы секретаря?

— Вот этого и не понимаю! — возразил Мартынов. — Зачем нам нужно обязательно трудиться, потеть над воспитанием секретаря райкома из человека, у которого для этого нет, может быть, никаких данных? Мы совершаем ошибку, человек случайно попадает в номенклатуру ру-

ководящих партийных кадров, и мы же сами потом должны ломать голову над тем, как сделать из этого предмета нашей ошибки хоть более или менее приличного секретаря! Зачем? Что нам, свет клином сошелся? Людей у нас нет?.. Я не предлагаю, Алексей Петрович, каких-то жестоких мер. Я предлагаю только освободить его от руководящей партийной работы, вернее — этот пост освободить от него. И пусть он работает там, где принесет, может, какую-то пользу обществу. Да, кстати, и он сам после пленума в райкоме уже не появлялся. Заболел, сидит дома в ожидании решений обкома. И на его месте ничего лучшего и нельзя придумать. Я не забыл, Алексей Петрович, — добавил Мартынов, — как вы мне здесь рассказывали однажды о некоторых ваших обкомовских обывателях, что смотрят на партийную работу, как на службу, как на хорошую карьеру.

— Значит, во-первых, освободить Медведева от обязанностей второго секретаря? Хорошо. Пятнадцатого у нас будет бюро. Приедете вдвоем с Медведевым, доложите об этом самом вашем пленуме. Обсудим. Чёрт возьми! У вас что ни пленум, ни партактив, то всё какое-нибудь событие!.. А во-вторых?

— Во-вторых, прошу и меня освободить от обязанностей первого секретаря.

— Что-о?!

— В интересах района, Алексей Петрович. Там есть сейчас человек, который лучше меня сможет руководить партийной организацией. А значит, и быстрее добьется крутого подъема хозяйства... У нас скоро будет партийная конференция. Если бы делегатам дано было право избирать секретаря райкома прямо на конференции и никого не рекомендовать им сверху — выбирайте, мол, сами, кого вы считаете достойным стоять во главе организации, — его кандидатуру сразу бы назвали. Уверен. Его очень уважают у нас коммунисты. Возможно, и меня бы назвали, но я бы сам снял свою кандидатуру. С ним я тягаться не стану. Да, ему по праву надо быть у нас первым секретарем.

— О ком ты говоришь?

— О директоре Надеждинской МТС Долгушине.

Крылов внимательно посмотрел на Мартынова:

— Ты что, нашел себе другое местечко, получше? Не к журналистике ли хочешь вернуться? В Москву, в га-

зету? Писал в Цека, что ли? И получил положительный ответ?

— Никакого другого места не искал и не ищу. Буду работать там, куда пошлете. Посылайте хоть в Грязновский район, на любую работу. Или останусь в Троицке. Пусть Долгушин будет первым секретарем, а я — вторым... Хотя, честно говоря, последнее было бы для меня наименее приятным.

— Тогда я не пойму, что́ за всем этим кроется...

— А ничего не кроется, Алексей Петрович.

— Но почему тебе желательно уступить свое место Долгушину?

Мартынов пожал плечами:

— Это место не мое, не откупленное мной навеки. Оно переходящее — кого выберут на него коммунисты. И вот я вижу сейчас, что в районе есть более подходящий человек на это место.

— Что за романтика в партийной работе! Рыцарство какое-то! — Крылов нагнулся к Мартынову, заглянул ему в глаза: — Ты вообще, товарищ Мартынов, не из породы донкихотов?..

Открылась дверь, на пороге показалась тучная фигура Масленикова.

— Заходи, заходи, Дмитрий Николаевич! — позвал его Крылов. — Тут у нас интересный разговор. Садись. Мартынов просит перевести его в другой район.

— Да? — Масленников взял стул от стены, поставил его против дивана, присел. — Какая же причина? Требуется переменить обстановку? Набедокурил чего-то? По женской части? Там у тебя, Петр Илларионович, кажется, с Борзовой что-то закрутилось?..

Мартынов вспыхнул:

— Сводки и сплетни ездите собирать по районам, Дмитрий Николаевич? Прекрасное занятие!

Крылов предостерегающе поднял руку:

— Ну-у! Зачем же так резко? Масленников пошутил.

— Неумная шутка!

Масленников с кислой улыбкой приложил ладонь к груди:

— Прошу извинения, товарищ Мартынов, если оскорбил вас! Дело естественное. Только что, на вчерашнем бюро, по такой причине перевели одного работника из Малеевки в другой район.

Крылов недовольно поморщился:

— Не торопись со своими предположениями. Слушай дальше. Мартынов считает, что в районе есть человек, который лучше его может справиться с обязанностями первого секретаря райкома партии. У них будет скоро партийная конференция. Он заранее ставит перед нами этот вопрос. И знаешь, кого он рекомендует там в секретари? Долгушина, директора Надеждинской МТС, твоего приятеля.

— Что? Долгушина? Секретарем?.. — Маслеников тупо поморгал глазами. — А он сам что? Просится на учёбу?

— Никуда не просится. Согласен работать где угодно, куда пошлем.

— Не понимаю... Сам на свое место рекомендует другого человека?

— Да. И именно Долгушина.

— Так Долгушин работает директором МТС. Как же его — в райком?..

— Очень просто. Изберут коммунисты — станет секретарем райкома, — сказал Мартынов.

Маслеников подумал и махнул рукой:

— Несерьезный разговор! Такого не бывает, чтобы человек сам просился из хорошего района в плохой. В моей практике таких случаев не было. Мудрят они там что-то, Алексей Петрович. Долгушин их там всех опутал... Интересный тип! Давно надо бы его проучить! Нахал, грубиян, не признаёт совершенно никакой власти над собой! В частных разговорах с сотрудниками МТС критикует работу обкома. Да, да! У меня есть целая папка докладных записок зонального секретаря. Я готовил материал, хотел предложить вам, Алексей Петрович, поставить отчет Долгушина на бюро, но, понимаете, не к чему придраться! Отличные показатели. Лучшая зона в районе. Хитро работает москвич!.. — Маслеников рассмеялся, покачиваясь на стуле. — Ха-ха-ха! Долгушина — секретарем райкома партии! Нет, это ты что-то для смеху придумал, товарищ Мартынов! Да ведь он чёртом смотрит на всех партийных работников! Он вообще против партийных органов!

— Он против пустозвонов и пришибеевых, затесавшихся в партийные органы, а не против самих партийных органов! — не выдержал наконец Мартынов.

И у него с Маслениковым начался такой разговор, какого, вероятно, еще никогда не слыхали стены кабинета первого секретаря обкома.

— Рыбак рыбака видит издалека! — говорил Мартынов. — Вы ненавидите Долгушина, но зато поддерживаете Медведева, потому что вы сами Медведев! Вы тоже такой же толкач и погоняла, а не секретарь, как и Медведев! Вас вполне устраивают мыслительные способности Медведева. Умеет орать на людей — и ладно. А больше вы и не знаете, чего требовать от секретаря райкома, потому что это предел и ваших организаторских дарований. Холодов ведь прошел здесь тоже через вашу комиссию? Кадрами зональных секретарей вы занимались? Вы отобрали на партийную работу этого следователя по особо важным делам?.. Вам нужны в районах манекены, а не живые люди с умом и сердцем! Перевалочные пункты для директив, и только — вот как вы, товарищ Маслеников, смотрите на райкомы! Вы любите в районах таких людей, которые ели бы вас глазами и, как попугаи, не рассуждая, повторяли за вами слово в слово всё, что вы скажете. И Долгушина вы ненавидите именно за то, что он не манекен, а живой человек. Он талантливый руководитель, нам надо такие таланты искать всюду, радоваться, когда находим их, как радовался талантам Ленин, давать им простор! Но не вам, конечно, ценить чужие таланты, потому что вы сами как руководитель бездарны!.. Вы злобствуете сейчас оттого, что чувствуете — время наступило для вас тяжелое! Перед руководителями стоят сложные задачи. На одних общих командах и крике далеко не уедешь. А вы не можете руководить иначе. Ничего из вас больше не выжмешь! Это и есть всё, на что вы способны! Кáк вы сейчас будете перестраиваться на другие методы — не знаю. И вы не знаете. И не сумеете вы перестроиться — не в ваших это возможностях! Дело ваше, Дмитрий Николаевич, швах!..

Маслеников, вначале совершенно обалдевший, растерянно поглядывал на Крылова в ожидании, что тот призовет Мартынова к порядку и, может быть, даже предложит ему покинуть кабинет. Но Крылов молчал.

— Что это за разговоры? — вскочил наконец Маслеников. — От кого я это всё слышу? Я не верю своим ушам!..

— А вы верьте. Уши вас не обманывают. Могу повторить всё с самого начала.

— «Манекены»! «Райкомы — перевалочные пункты для директив»! Это злостная клевета на нашу здоровую и боеспособную областную партийную организацию!

— Я говорю: это вы так смотрите на райкомы, как на перевалочные пункты.

— «Пришибеевы»! «Ненавидите талантливых людей»! Это мы всё запишем, товарищ Мартынов! Да кто вам дал право разговаривать в таком тоне с секретарями обкома партии?

— С секретарем. Это всё адресовалось лично вам. Не передергивайте, товарищ Масленников!

Крылов пересел с дивана за стол в кресло и, не вмешиваясь в перепалку, слушал их спокойно, положив руки на подлокотники и глядя в сторону, за окно, с выражением какой-то усталой задумчивости на лице.

Зазвонил телефон. Крылов снял трубку.

— Да раньше за такие разговоры, знаешь, что с тобой сделали бы!..

— Знаю.

— Тише! — крикнул Крылов. — Вы мне мешаете, ничего не слышу. Из Рубцева звонят. Что у них там за телефон? Пищит что-то, как цыплята в инкубаторе!..

И пока он разговаривал по телефону, Мартынов и Масленников сидели молча, тяжело дыша, как боксеры в перерыве между раундами, исподлобья бросая друг на друга горящие взгляды, с трудом удерживаясь, чтобы не схватиться опять. Крылов, одной рукой держа трубку, другой потянулся через стол и налил им по стакану боржома.

— Вот что, Дмитрий Николаевич, — сказал Крылов, закончив разговор с Рубцевским райкомом и взглянув на часы. — Мне через три минуты дадут министра здравоохранения. Я хотел говорить с ним о мединституте. Ты был вчера на бюро, знаешь, в чем дело. Пойди, переключи на себя и поговори с ним сам из своего кабинета. Мне сейчас некогда. А этот ваш, — он покрутил пальцем, подыскивая выражение, — обмен любезностями с Мартыновым вы продолжите и закончите после.

— Хорошо, поговорю. — Масленников встал. — Но этого дела я так не оставлю! Вы слышали всё, Алексей

Петрович, и я прошу вас сделать выводы! Он должен ответить за эти оскорбления! Я напишу записку на бюро!

И, уходя, он так резко, рывком распахнул дверь, словно собирался хлопнуть ею, но во́-время сдержался, вспомнив, что кабинет-то не Мартынова. Оглянувшись виновато на Крылова, прикрыл дверь за собой, как всегда, осторожно, бесшумно.

— Горячка ты, Петр Илларионович, — сказал Крылов после ухода Масленикова. — Жалко мне всё же будет тебя, если ты где-то на чем-то свернешь себе шею.

— Алексей Петрович! Партийные органы — это самое главное у нас! Отсюда идет всё руководство, всё направление нашей жизни. Как же можно терпеть в них таких людей? Пошляк и дубина в партийном органе вдесятеро страшнее, чем в каком-либо другом учреждении. Ему же даны большие права!

— Ну, ты, знаешь, всё-таки осмотрительнее выбирай выражения! О Масленикове говоришь? Он еще, как-никак, секретарь обкома, его еще не прокатили. И один твой голос на конференции не решит его судьбы!..

Он готов был, видимо, рассердиться не на шутку, но у Мартынова хватило выдержки немного помолчать, и Крылов, тоже помолчав и побарабанив пальцами по столу, отошел, стал говорить с ним мягче.

— Вот ты назвал Масленикова толкачом и погонялой. Я сам знаю ему цену, не преувеличиваю его талантов. Но представь себе, что такие люди всё же нужны в обкоме. Ты дальше своего района не знаешь области и думаешь, может быть, что всюду так, как у вас в районе. На свой аршин меришь. По себе судишь о других местных работниках. Но, видишь ли, дорогой товарищ Мартынов, к сожалению, у нас в области есть еще немало таких секретарей райкомов, которые действительно нуждаются в толкачах. Ты думаешь, можно уже не напоминать вашему брату о таких общеизвестных истинах, что свеклу нужно во́-время прорвать, иначе потеряем половину урожая, что упущенный день на уборке сто́ит нам многих тысяч тонн зерна, что пары́ надо поднимать в мае, а не в июле? Ошибаешься! Приходится напоминать и напоминать! Вот сейчас нам нужно за лето нарыть много траншей на то количество силосной массы, что мы получим. Всюду секретарями райкомов сидят люди взрослые, не новички в сельском хозяйстве, знающие, что силос квасят не

в бочках, как капусту, и что если мы не заготовим траншеи к началу уборки силосной массы, то вся наша борьба за кормовую базу для животноводства пойдет насмарку. И что́ же ты думаешь, если пустить это дело на самотек, не нажимать, не приказывать, не угрожать наказаниями, будем мы иметь траншеи? Заверения и обещания — вот что будем иметь, а не траншеи!.. Плохо ты знаешь наши кадры! Есть такие секретари райкомов и председатели райисполкомов, что только лишь тогда и начинают чуть шевелиться, когда получат предупреждение или выговор. А какие у нас есть еще директора МТС! Позавчера я был в Зайцевской МТС, полюбовался, как ведется там хозяйство, и при всем своем неуважении к ругательствам назвал директора этой МТС Сучкова мерзавцем и вредителем. Ходит по двору, руки в карманы, бездельник, с утра пьяный, красная запухшая рожа, и ничего не знает, что у него делается: почему в «Заре» тракторная бригада четвертый день не работает, сколько комбайнов вышло из ремонта, выдана ли рабочим зарплата за прошлый месяц. Меня там чуть инфаркт не хватил, когда я посмотрел инвентарь. На усадьбе всё свалено в кучу — и сеялки, и картофелесажалки, и плуги, — всё в грязи, не очищено, не смазано. В свеклокомбайнах сгнившая прошлогодняя свекла. И никакой охраны, ребятишки из села откручивают с машин гайки на грузила, делают себе самокаты из каких-то колес. Где еще есть инвентарь, кроме центральной усадьбы, какой, сколько, в каком состоянии, кто отвечает за его сохранность — никто не знает: ни директор, ни главный инженер, ни главный бухгалтер. В пятнадцать миллионов по балансовой стоимости оценивается имущество МТС! И эти государственные миллионы доверены вот такому обалдую! Судить будем его, показательным процессом. Прокурор выслал уже туда следователя. Подсчитает всё до копейки, на сколько миллионов загубил он машин. Но ведь этот Сучков работал там директором пять лет. И если МТС всё же пахала, сеяла, убирала хлеб, выполняла хлебопоставки, то это только благодаря тому, что кто-то ходил за Сучковым по пятам с дубиной и разъяснял ему, что тракторы надо ремонтировать, что пахать нужно на такую-то глубину, что заросшие пары́ надо культивировать. Нет, брат, нужны нам еще и толкачи и погонялы! Не будь идеалистом!.. И вот тут-то и необходимы нам такие люди, как Масленников.

Тоже своего рода талант, если уж на то пошло! Если его послать в район с каким-то конкретным заданием, он в лепешку расшибется, поднимет там всё живое и мертвое, но задание выполнит! Он способен трое суток не спать, пока не проверит лично сам в каждом колхозе все сеялки или комбайны. Масленников у нас из шести рабочих дней в неделю, может быть, только два дня сидит здесь, в своем кабинете, а то всё в разъездах. Мы уж подшучиваем над ним, что у него машина, как старая ученая лошадь, сама в селах заворачивает к правлению колхоза. Никто не может так, как он, расшевелить бездельников, создать в районе мобилизационную обстановку вокруг какой-то кампании. Это тоже надо оценить!..

Мартынов давно уже порывался возразить Крылову, но тот всякий раз, как Мартынов раскрывал было рот, останавливал его жестом.

— Я же тебе предлагал работу в обкоме. Не пошел. Так нечего теперь и упрекать меня за Масленникова! Его к нам прислали из Н-ска. Я знал, кого мы берем, разговаривал с Н-ским секретарем, он мне точно охарактеризовал Масленникова: исполнитель, больше ни на что не способен, пороху не выдумает. Если бы ты дал тогда согласие, можно было бы от него отказаться. Что ж, не пошел — мне тоже надо здесь с кем-то работать. Область большая.

— Не пошел, Алексей Петрович, откровенно говоря, потому, что именно этого и боялся — что я буду нужен вам только как чиновник для особых поручений, — ответил Мартынов.

— Глупости говоришь! Я знаю, от кого что можно потребовать. Ты бы мог здесь заниматься делами и посложнее.

Помолчали. У Мартынова не сходило с лица выражение упрямого несогласия с тем, что секретарь обкома довольно терпеливо доказывал ему целых полчаса.

— Нет, — покачал головой Мартынов, — вы меня, Алексей Петрович, всё же не убедили. Если есть у нас еще такие секретари райкомов, на которых нельзя положиться, что они сами, без понуканий, не упустят ни часа на уборке и способны собственной головой дойти до такого открытия, что для закладки силоса нужны траншеи, то надо просто освобождать таких секретарей от занимаемых постов! Странная у вас какая-то логика. Выходит,

что Маслеников нужен в обкоме потому, что есть и в районах еще такие маслениковы — разучившиеся или никогда и не умевшие работать своими мозгами исполнители, которых нужно всякую минуту накачивать и подталкивать в спину!.. Мне кажется, простите за откровенность, что вы немного устали. Вам надоела возня с кадрами, вам хочется уже какой-то стабильности. Что, опять пересматривать состав секретарей райкомов? Еще брать кого-то из областных аппаратов? Опять уговоры, споры, семейные трагедии, справки о болезнях? Да, ничего не поделаешь, это самое трудное — укрепить кадрами низы, но отбой давать еще рано, надо продолжать это дело. И стабильности здесь, вероятно, никогда не будет, коррективы всегда придется вносить то там, то там... Между прочим, я думаю, Алексей Петрович, что не только в областных аппаратах надо искать хороших секретарей райкомов. В каком-то районе, может быть, следует избрать секретарем райкома местного товарища — лучшего председателя колхоза или директора МТС.

— Встречные перевозки? — усмехнулся Крылов. — Районный актив посылали в колхозы председателями, а из председателей теперь брать кого-то на работу в район?..

— И ничего здесь противоречивого нет! Одно с другим прекрасно увязывается! — горячо доказывал Мартынов. — Председателями мы посылали из районного актива десять — пятнадцать человек, а здесь идет речь об одном лишь человеке, об одной крупной фигуре. Совсем не похоже на встречные перевозки! Я вам должен, Алексей Петрович, — продолжал Мартынов, — объяснить всё до конца. Вот я поднял вопрос о Долгушине. Это не из личных симпатий. Мне, прямо скажу, не очень приятно было, когда я убедился, что Долгушин в своей зоне гораздо лучше руководит колхозами, чем получалось это у меня. И я не из какого-то особого душевного расположения к Долгушину говорю сейчас, что ему надо быть секретарем райкома в Троицке. Я не за него стою, а за принцип! Партийные органы — выборные органы. И профессионализация здесь, пожалуй, менее всего нужна. Да, вчера я был секретарем райкома в Троицке. А сегодня коммунисты, решив, что в парторганизации есть более подходящая кандидатура, избирают секретарем райкома Долгушина. Что же из того, что он не был никогда на

партийной работе? Это, может быть, даже к лучшему... Представьте себе, Алексей Петрович: в районе избирают секретарем райкома лучшего директора МТС или председателя колхоза. Конечно, не такого председателя, что с трудом выводит свою фамилию на банковом чеке. Есть такие стихийно талантливые хозяйственники, но совершенно малограмотные, не читающие даже газет. Я не о таком председателе говорю, а о человеке образованном, политически грамотном, культурном. Вот он становится секретарем райкома — опытный, авторитетный практик колхозного строительства, который много лет удивлял всех прекрасными урожаями и богатым трудоднем. Ведь ему есть что посоветовать председателю, когда он приедет в колхоз! Он сам был в его шкуре, сам когда-то начинал наживать хозяйство на голом месте, сам знает, что невозможно, а что возможно сделать в таких-то условиях. Этот новый на партийной работе человек, несомненно, внесет и что-то новое в жизнь партийного органа. Он уж не потерпит болтовни, пустозвонства, канцелярщины. Это человек дела. Он сам иной раз изнывал от тоски на наших заседаниях, сам возмущался, сколько рабочего времени отнимают у него эти вызовы в район. Он, будучи председателем, снизу просмотрел всю работу райкома, и отделов его, и инструкторов, он знает, что́ и как нужно поправить, чтобы все эти колёса не вертелись вхолостую... Нет, Алексей Петрович, если мы хотим по-настоящему поднять работу райкомов партии, нужны такие люди в райкомах! И надо всё же как-то свободнее выбирать верхушку наших партийных органов, секретарей. Конечно, и сейчас у нас есть всё — и тайное голосование и право отвода. Если кого-то забаллотируют при выборах в члены райкома, то он уже и дальше не продвинется. Но разговор на первом после конференции пленуме ведется обычно только о предложенных обкомом кандидатурах. Свобода выборов, но — из определенного узкого круга уже так или иначе заноменклатуренных «специалистов» по партийной работе. А может быть, не специалист окажется лучшим секретарем? Расширять надо этот круг! Надо больше доверять местным коммунистам. Они же сами не меньше обкома заинтересованы в том, чтобы во главе их парторганизаций стояли достойные люди. Когда хорошо с партийным руководством, тогда всё в жизни налаживается правильно. И с директорами

предприятий будет благополучно, и в школах будет хорошо, и в магазине не предложат покупателю хлеб с водичкой. На хозяйственной работе у нас назначение, но здесь должна быть настоящая выборность. И без помощи партийных масс сами вы, Алексей Петрович, никогда не найдете для всех районов хороших секретарей!..

Мартынов, выложив всё, умолк, вытер простецким жестом, по-рабочему, рукавом пиджака вспотевший лоб, достал из кармана папиросы, хотел закурить, но, глянув на пластмассовую дощечку на стене с надписью: «Здесь не курят», — положил папиросу обратно в коробку.

— Кури, — кивнул ему Крылов. — Ты сколько времени еще здесь пробудешь?

— Да больше у меня тут нет никаких дел.

— Не уезжай сегодня. Заночуй в гостинице. Я тебе позвоню туда. А сейчас иди. — Крылов поднялся и протянул ему через стол руку. — Ты у меня занял два часа, разговор, правда, интересный, но надо же и другие дела делать. Сейчас ко мне придут строители нашей ТЭЦ, которые зимой обещали рапортовать об окончании строительства к Первому мая, а сейчас просят отсрочки к Октябрьской годовщине. Как прикажешь мне с ними разговаривать? Нажимать или не нажимать? Подгонять их или не подгонять? Может быть, не надо подгонять? Угостить их чаем с бутербродами, расспросить о здоровье, о детишках и отпустить с миром? Ведь они люди взрослые, не мальчики, и совесть у них есть — сами понимают, что чем скорее они дадут энергию нашей промышленности, тем лучше... Ладно, иди отдыхай, после поговорим.

Выйдя из обкома, уже на улице, у подъезда, Мартынов встретился лицом к лицу с Борзовым, заметно постаревшим, загорелым, в запыленных сапогах, с головой не бритой наголо, как раньше, а коротко остриженной под машинку. Поздоровались.

— Ну, брат, у тебя вид — как из бани выскочил! — заметил Борзов. — Та́м был? — Он указал глазами на окна третьего этажа над подъездом — кабинет первого секретаря.

— Там.

— Давали духу?.. Сколько раз и мне там, — он опять повел глазами кверху, — всыпали! За что тебе? За ремонт комбайнов?

— Нет, я не с бюро. Бюро здесь вчера было. Та́к приезжал. По кадрам.

Отошли немного в сторону от двери, чтобы не мешать входящим и выходящим из обкома.

— Ну, слышал про меня, — усмехаясь, спросил Борзов, — какой мне дали ответственный пост? Председатель самого крупного в Борисовском районе колхоза — «Страна Советов». Вот! Не хвост собачий! Это тебя надо поблагодарить. Спасибо за твое начинание!

— На здоровье! — ответил Мартынов. — Неужели ты, Виктор Семенович, думаешь, что без моего начинания дело не дошло бы до этого?

— Да нет, я шучу. Конечно, дошло бы. Надо же кому-то вытягивать колхозы из прорыва... Да, вот уж четвертый месяц я в колхозе. «Страна Советов» называется. Почти как у Опёнкина — «Власть Советов». Но по хозяйству ничего похожего! Когда посылали меня, то уговаривали: «Учти, товарищ Борзов, очень перспективный колхоз! Сколько земли, какие угодья!». Что ж, перспективы-то есть, а больше пока ничего. Одни перспективы только и принял от старого председателя. С чего начинать, за что ухватиться — не придумаю. Нет зацепки, ни одна отрасль не дает такого дохода, чтобы вот сегодня уже можно было за ее счет делать оборот в хозяйстве. Ты не рыбак? Не приходилось тебе руками в речке налимов ловить? Нащупаешь его, а он голый, без чешуи, слизь на нем, схватишь рукой — выскальзывает. За что его тащить?

— За жабры, я думаю, — сказал Мартынов.

— Да, за жабры! А голова под корягой! Нет, и ты не сможешь мне ничего дельного посоветовать. Я хочу к Демьяну Богатому съездить, вот тот чему-нибудь научит... Я думал было, Петр Илларионыч, как принял колхоз, сразу сделать целый переворот в хозяйстве. Колхоз наш под самой Борисовкой, в двух километрах железная дорога, большой узел, в разные концы идут поезда. И автотрасса через Борисовку проходит. Богатейшие условия для сбыта продукции, надо, стало быть, и хозяйство перестраивать под эти условия. Я говорил в райкоме и сюда приезжал, в сельхозотдел, еще в фев-

рале: «Помогите нам оборудовать теплицы, дайте на них кредит и материалы, подкиньте нам две автомашины и снимите с нас часть зерновых и технических культур — и я за год сделаю колхоз трижды миллионером! Вот вы рассовали по всему району огородные культуры, в дальних колхозах люди от них отказываются, потому что не смогут довести до ума урожай, — дайте нам эту площадь. Наш колхоз нужно сделать именно огородным. Овощи, ягоды, сад молодой насадить. А первые годы в саду по междурядьям можно разводить клубнику, картошку сажать. Огород, сад и животноводство — вот на что нужно напирать в наших условиях. Но животноводство сразу не поднимешь, на фермах у нас нет ни построек хороших, ни племенного поголовья, туда надо еще вложить много средств, пока дождешься хорошей продукции. Огород скорее даст нам доход. В этом году я нажму всеми силами на огород, а с будущего года начнем поднимать и животноводство». Вот такой у меня был план. Так разве же с нашим секретарем райкома можно сделать дело? Ох, и секретарь у нас, товарищ Гусев, — дуб дубом! «А куда мы денем ту пшеницу и сахсвеклу, если вам урезать план? Это же обязательные культуры, сокращать их мы не имеем права». — «Да вот и добавьте их в те колхозы, где невыгодно заниматься овощами. Или, в крайнем случае, поставьте вопрос перед областью, что в таких-то пригородных колхозах действительно нужно сократить несколько площадь зерновых, и доказывайте, что это будет только на пользу делу!» — «Нет, я такую миссию на себя не возьму». Вот тебе и свободное планирование!..

Борзов вынул из кармана пачку «Казбека», угостил Мартынова, сам взял папиросу. Закурили.

— Чего посмотрел так на мои папиросы? Человек я одинокий, зарплаты председательской хватает, какие в райкоме, бывало, курил, такие курю и в колхозе. В моем положении самое главное — не опускаться!.. Да, планирование! — продолжал Борзов. — Дали нам крылья, машем, машем мы ими, а взлететь не можем. Столько грузу еще на ногах, этого бюрократизма проклятого!.. Ты меня, Петр Илларионыч, знаешь: энергии у меня хватает, без дела сидеть не люблю. Послали меня в колхоз — так дайте же мне возможность развернуться там по-настоящему! Если и мне, как моему предшественнику, считать там эти несчастные копейки и граммы, по

пятнадцать яиц от курицы-несушки в год собирать — я же от скуки подохну! Нет, куда ни кинешься — того нельзя, то не разрешается, то надо еще согласовать. Вот третий раз уже приезжаю сюда насчет локомобиля. Стоит у нас в колхозе государственный локомобиль с той самой оросительной сети, что недостроили. Кое-какие части уже сняли, ржавчина его ест, но еще можно наладить и пустить его в ход. Прошу: дайте нам этот локомобиль, торфу у нас неисчерпаемые запасы, есть жерновой постав — оборудуем мельницу, и своим колхозникам нужно зерно молоть, и со стороны, может, хоть какую тысячу рублей подзаработаем. Нет. Никто не решается сказать мне одно-единственное слово: «Бери». Пусть лучше совсем погибнет машина, чем разрешить использовать ее не по назначению. А со снабжением что у нас делается? Я считаю, Петр Илларионыч, вот это у нас еще неправильно делается — подачки какие-то, а не снабжение! Приезжает товарищ Крылов в колхоз, и если его там настойчиво попросят, то дает, как бы из милости, столько-то сотен листов шифера или автомашину. Значит, выезжает он в колхозы и везет с собой в портфеле какие-то резервы для раздачи нуждающимся — в память о посещении колхоза первым секретарем обкома партии. Нехорошо это, некрасиво! Это же не система. А как быть тем колхозам, которых он не посетил? Вот у нас он не был ни разу и еще, может, пять лет не приедет. Как же нам жить? Чем нам крыть коровники? На чем хлеб возить в поставку?..

Разговор перекинулся на воспоминания:

— Ну, что там сейчас в Троицке? Как Руденко в колхозе работает? Как Глотов, Грибов, Нечипуренко?

Мартынов рассказал.

— Эх, Петр Илларионыч, — махнул рукой Борзов, — как повидал я других секретарей райкомов, да сам под их начальством походил, да вот теперь в колхозе поработал — ей-богу, я не самым плохим был секретарем! На меня стучали кулаками, и я стучал; на меня давили, и я давил. А насчет планов мы все тогда были так воспитаны: выполняй и не рассуждай, что из этого получится! Помню, еще в Лужниковском районе составил я хлебофуражный баланс, и налетел на меня один бо-ольшой представитель! «Что-о? Балансами занимаетесь? Кто вам разрешил это делать? Для свиней зерно оставляете! Собираетесь свиней хлебом кормить? Ячмень — это тот же

хлеб! Вы кто — дурак или вредитель?» Конечно, когда перед тобой так ставится вопрос, то скорее согласишься признать себя дураком. А как без зерна сало получить? Чем же кормить свиней, если всерьез заниматься животноводством? Соломой? Вот как оно было. Думаешь, у меня не болело сердце, когда иной раз заставлял колхоз чистосортные семена вывозить в хлебопоставку?.. Я вот читаю сейчас в журналах: в некоторых морях у нас повыловили рыбу до мальков. Это еще похуже, знаешь, чем колхоз оставить без хлеба на трудодни. Тут всё же с урожаем дело связано, со стихиями, а там ни град, ни засуха не мешают рыбе плодиться. Не надо ни пахать, ни сеять, сумей только сберечь то, что сама природа тебе дает. И то вот к чему привело это: «Давай, давай!..»

— Всё же со мной как-то нелепо получилось, — продолжал Борзов. — Вроде как бы в бою, при атаке поскользнулся и сломал ногу. Не от пули, не от осколка получил ранение, а от собственной неосторожности. Если б не этот дурацкий случай с Мухиным — что́ бы я, не работал сейчас секретарем райкома? Хуже Гусева бы работал? Не смог бы перестроиться?..

Но это Мартынову было уже неинтересно слушать, и он стал прощаться..

— Вижу по костылю, — задержав его руку в своей, сказал Борзов, — что ты недавно из больницы выписался. Слышал, слышал, какой с тобой был случай, как ты чуть не угробился. Ну и как теперь? Куда после больницы? На старое место?

— Вероятно, пошлют в другой район, — ответил, помолчав, Мартынов.

— Да? В другой район? Есть такая наметка?.. А Марья Сергеевна как? — совсем некстати спросил Борзов.

— Ее, пожалуй, назначат директором Надеждинской МТС.

— Ну-ну?.. Вот не ожидал от своей бывшей супруги таких талантов! А справится?

— Ей за это время там было у кого поучиться работать. Ты не знаешь его, Долгушина. Без тебя уже прислали его к нам директором МТС.

— А его что же, переводят куда?

— Да так, в общем, кое-что намечается, — неопределенно ответил Мартынов.

— Слушай, Петр Илларионыч, дело прошлое, —

сказал Борзов, — я тебе должен по-честному признаться: плохое думал про тебя и про Марью Сергеевну. Собственно, насчет того, что она к тебе неравнодушна, я не ошибался, да она и сама это мне сказала. Но я думал, что и ты имеешь на нее виды... Теперь я вижу, что зря тебя подозревал. Рассказывали мне троицкие товарищи, с которыми приходилось встречаться, что ничего такого между вами нет... Я тебя прошу: скажи ей, пожалуйста, что я приеду к ней на той неделе. Возьму отпуск дня на два. Если не захочет, чтоб у нее жил, я в Надеждинке где-нибудь на квартире перебуду, у меня там есть знакомые. Очень соскучился по ребятам, хочется их повидать!.. Если б ты уговорил ее, чтоб она отдала мне Мишутку!

— Передам ей всё, что ты мне рассказал, Виктор Семеныч, но не ручаюсь, что уговорю ее. Дело такое, сам понимаешь, тут не предложишь и не обяжешь.

— Хоть бы мне договориться с нею так, чтоб какое-то время ребята у нее жили, а потом я бы забирал их к себе пожить... Тоже не выход из положения. Два дома будет у них. Да и некому у меня за ними присматривать. Я же сейчас один как перст. Нина с прошлого года в институте в Ленинграде... К пятидесяти годам дело идет, а жизнь расклеилась. По-дурацки как-то всё вышло. Страшно подумать, что же будет, когда вырастут дети? Неужели станем чужими друг другу?... А эта Тамара, борисовская моя, большой дрянью оказалась. Вдруг завелись в доме такие разговоры, каких от Маши я никогда не слышал. «Ты же председатель райисполкома! Какой же ты хозяин района, если не можешь жену за счет собеса на курорт послать?» Или: «Бывшему председателю Рындину всегда под Первое мая и под Октябрьскую годовщину по две корзины продуктов приносили из «Гастронома» на дом, и бесплатно. А ты за всё деньги платишь!». — «Нет, говорю, голубушка! Борзов во многом, может, виноват перед партией, но в одном не виноват: никогда не залезал в государственный карман!» Прогнал я ее.

Впервые за несколько лет знакомства с Борзовым Мартынову захотелось сказать ему что-то теплое, сочувственное, но слов не нашлось, и он лишь крепко пожал ему руку.

В одиннадцатом часу вечера Крылов позвонил Мартынову в гостиницу и позвал его в обком.

— Вот ты, товарищ Мартынов, кажется, невысокого мнения об умственных способностях Масленикова, а он сегодня неплохую штуку придумал, — начал Крылов. — Когда я ему рассказал о твоей уверенности, что если поставить на выборах две кандидатуры, твою и Долгушина, то коммунисты изберут секретарем райкома Долгушина, а не тебя, он предложил так и сделать. «Что ж, говорит, можно в порядке пробы порекомендовать пленуму райкома две кандидатуры. Пусть сами выбирают, кто им больше нравится». Как? По-моему, умен. — Крылов бросил на Мартынова быстрый, испытующий взгляд. — Это чтобы ты уехал из района с аттестацией забаллотированного секретаря.

Мартынов хотел что-то сказать, но поперхнулся, закашлялся и, чтобы скрыть смущение, низко нагнулся над столом. Крылов расхохотался.

— Это он тебе в отместку за сегодняшний разговор! Видимо, всё же тебя он не любит еще больше, чем Долгушина. Ладно, не волнуйся, мы, конечно, на это дело не пойдем. Но видишь, как оно получается, дорогой Петр Илларионович! — с ехидцей в голосе сказал Крылов. — Значит, обком должен всё-таки руководить выборами секретаря райкома? Не пускать их на самотек? Должен как-то направить выборы, чтобы не получилось такого нежелательного ни для тебя, ни для нас казуса? А? А то ведь кто поймет впоследствии твои честнейшие, возможно, побуждения? Всю эту романтику в учетную карточку не занесешь, там будет лишь два слова: «Не избран», и всё!..

Дальше разговор продолжался стоя и на ходу. Крылову надоело за целый день сидеть, — он, отодвинув кресло, вышел из-за стола. Встал и Мартынов.

— Хорошо. Предположим, Долгушин действительно обладает всеми качествами для того, чтобы его избрать секретарем райкома в Троицке...

— Вы, Алексей Петрович, познакомьтесь с ним лично. Не верьте рассказам Масленикова. Поговорите сами с ним. Вначале он вам, возможно, не понравится. Он резок, не старается угодить начальству, может отпустить вам даже какую-то колкость, но вы не поддавайтесь первому впечатлению, переступите через это неприятное и доберитесь до его человеческой сути!

— Да этому я уже научился в разговорах с тобой!.. Так вот, если Долгушин — секретарь райкома, то как другие кадры расставим? Продумал?.. Ты куда?

— Продумал. Могу пойти директором МТС, на его место. Хозяйственная работа мне знакома, я же был и председателем колхоза. Да и работая в райкоме, от хозяйства не отрывался.

— А если не тебя директором? Тогда кого?

— Тогда есть там хорошая коммунистка, Борзова Марья Сергеевна. Работает сейчас в Надеждинской МТС секретарем парторганизации.

— Слышал о ней.

— Справится, Алексей Петрович! Не знаю только, как у нее с дипломами. Она закончила вечернюю среднюю школу и больше не училась, технического образования не имеет. Но у нее большая практика. Она из трактористок. И Долгушин останется ведь в районе, он будет ей помогать. Он умеет помогать людям. Справится — это я даже не то слово сказал. Я предлагаю ее кандидатуру не потому, что больше некого. Уверен, что из Борзовой выйдет хороший директор МТС.

— Так... Ну, а тебя всё же куда? Ты вообще сам-то как, считаешь себя «специалистом» по партийной работе?

— Нет. В анкетах пишу: журналист... Но партийную работу я полюбил.

— Ты не шутил насчет Грязновки? У нас ведь там с секретарем худо!

— Не шутил.

— Район запущенный, но должен тебе сказать — очень перспективный!

Мартынов вспомнил, как Борзов принимал в колхозе от старого председателя «одни перспективы», и улыбнулся.

— Чего смеешься? Район этот может стать самым богатым в области! Нигде ведь нет столько земли, как в грязновских колхозах. Ни деревца, правда, ни кустика, голая степь, но зато какие посевные площади! Тебе же не пейзажи нужны, а хлеб! Сейчас там эти излишки земли даже как-то угнетают колхозы, — нет сил у них хорошо обрабатывать поля. Но если по-настоящему механизировать полеводство!.. Подкинем техники, да

разумно ее использовать — и этот район станет житницей нашей области! А сколько там можно выкармливать свиней, какие условия для молочного животноводства!..

— Если я попаду в Грязновку, — сказал Мартынов, — знаете, Алексей Петрович, с чего я там начну?

— С чего?

— Пошлю в Верховный Совет ходатайство о переименовании районного центра и района. Невозможно работать хорошо, когда у района такое название. Грязновка, Шелапутино, Облупихино — в таких селах одно название уже принижает как-то людей!

— Да, район надо бы переименовать... Но не будет ли это, Петр Илларионович, противно твоим же принципам, — в глазах Крылова появились опять лукавые блестки, — что тебя, как «специалиста по партийной работе», представитель обкома повезет в Грязновку рекомендовать в секретари райкома? А? Что же, у них там нет своих людей? Где же тут «свободные выборы»? Ага! Молчишь! Сам запутался в своих принципах?.. Ну, я помогу тебе выпутаться. Видишь ли, товарищ Мартынов, не то плохо, что обком рекомендует партийной организации в секретари такого-то человека. Рекомендовать надо, на то мы и руководящий партийный орган. Всё дело в том, как рекомендовать! Надо именно рекомендовать, а не навязывать. Вот обком предлагает вашему вниманию такую-то кандидатуру, а там — обсуждайте, решайте, может быть у вас есть на примете и более достойный человек. Давайте ваши соображения, поговорим, взвесим все обстоятельства. Та́к надо, а не нажимать, как нажимали иной раз районные уполномоченные на собрания колхозников, когда привозили им из района нового председателя: на измор брали, по десяти раз заставляли переголосовывать... В Грязновку я сам тебя повезу. Не кота в мешке привезу, а расскажу коммунистам о тебе всё, что знаю. Что́ ты за человек, как работал в Троицке, почему меняешь место работы, какие у тебя положительные качества, какие недостатки. Нажимать не буду. Понравишься — выберут. Не понравишься — повезу назад. Так, что ли?

Мартынов молча кивнул головой.

— Ну, а еще с чего бы ты начал там, кроме переименования района?

— Я не знаю еще района, Алексей Петрович, его особенностей... С людей начну. С колхозных партийных организаций. С актива. Буду искать актив настоящий, которому колхозное дело дорого, как своя собственная жизнь. Будем принимать таких людей в партию — по мозолям на руках, а не на языке. Без рядовых коммунистов колхозные массы мы не поднимем, значит надо начинать с коммунистов... Думаю, что на новом месте буду работать лучше. Меня жизнь многому научила в Троицке. Об одну и ту же кочку дважды не споткнусь.

— Не считай, что всё уже решено, — предупредил Мартынова, прощаясь с ним, Крылов. — Я как бы примериваю, что́ и как может получиться из твоих предложений, но еще не отрезал. Этот разговор пока что между нами. Никому ничего не рассказывай. Посоветуемся еще здесь на бюро. Поезжай домой и работай так, как будто никаких и намеков на твое перемещение в другой район не было и тебе предстоит трудиться в Троицке до скончания века... Медведев, если болен и отлеживается дома после выговора, пусть отлеживается. Не тревожь его до самой конференции. Времени немного уже осталось. Ты ведь не очень скучаешь без него в райкоме?

— Не очень... А вы, Алексей Петрович, всё же прочитайте мои маниловские мечты о красивой жизни.

— Обиделся? Ладно, прочитаю.

— Секретарь райкома не чудотворец, и того, что сверх его сил или на что не хватает его прав, он сделать не может. Требуйте с нас, но и помогайте нам. Перед нами еще целая гора вопросов, которых мы сами не можем решить. — Мартынов вспомнил афоризм Борзова насчет крыльев и груза. — Один председатель колхоза очень верно сказал мне сегодня: «Крылья нам дали, а на ногах еще столько бюрократического груза, что машем, машем ими, а взлететь не можем».

В летнюю пору Мартынов редко когда оставался дома в воскресенье. В этот день не было никаких заседаний, в райкоме его не ждали посетители, и он обычно с утра уезжал в колхозы. Но в первое после возвращения из обкома воскресенье он никуда не поехал и предложил Надежде Кирилловне погулять весь день по окрестностям Троицка. Костыль он уже заменил палкой и ходил, лишь

слегка опираясь на нее. Врачи разрешили прогулки — с отдыхом, не переутомляясь.

Взяв бутербродов и воды на дорогу, пошли за город в поле, к верховьям Бутова лога. По рассказам Димки, уехавшего на всё лето в пионерский лагерь, Мартынов знал, что это очень красивое место, но сам еще не был там ни разу.

Пыльный грейдер, изогнувшись буквой «с», поднимался на бугор. По обеим сторонам дороги расстилались неровные, холмистые поля пшеницы, которая уже колосилась, зацветавшей гречихи, низкорослого, но густого, как щетка, проса. Туман, застилавший небо после вчерашнего дождя, разошелся, солнце припекало. В просе выстукивали свое «пить-пойдем» перепелки. В голубом небе парил, чуть пошевеливая крыльями, неизбежный в степном пейзаже ястреб.

— Ничего хорошего здесь не вижу, — сказала Надежда Кирилловна, вытряхивая из босоножки щебень. — Голая степь. Не туда мы пошли. Надо было идти на луг, к речке или в рощу.

— Погоди, дойдем до хорошего. Димка говорил: тут такие каньоны, как на реке Колорадо в Америке! Будто он там был!

Мартынов остановился у километрового столба с цифрой «2»:

— Ну вот, он говорил: от этого столба смотрите вправо. Посмотрим, что же там вправо? Вон на гречихе какие-то кустики. Нет, то не кустики, то верхушки деревьев. Смотри, Надя! Будто из земли торчат верхушки берез. Вот там, вероятно, и начинается лог.

Пошли напрямик через гречиху. И вдруг, когда уже кончилось обработанное поле и они прошли еще метров тридцать по траве, перед ними у самых ног неожиданно открылась пропасть. Надежда Кирилловна даже чуть попятилась назад.

— Вот это да-а! — отводя руку в сторону, как бы удерживая Надежду Кирилловну, чтобы она не подходила к краю обрыва, сказал Мартынов. — Действительно Колорадо! Кто бы мог подумать, что, идя по степи, можно здесь наткнуться на такую штуку!

Надежда Кирилловна уже не скучала от унылого однообразия степного пейзажа, а во все глаза любовалась открывшейся перед ними картиной. В земле зиял про-

рытый за много лет снеговыми и дождевыми водами глубокий овраг, крутизной склонов напоминавший горное ущелье. Дно оврага было сухое, местами на старых глиняных осыпях росли кустарники, изредка березы, дубки. От главного русла расходились в стороны извилинами отроги. Это было начало, верховье каньона. Дальше, вниз к реке, ущелье раздвигалось, переходило в широкий лог.

— Красиво, но страшно, — сказала Надежда Кирилловна. — Вот что делает с землей вода! Сколько разрушила она здесь пашни!

Прошли дальше краем обрыва, ища спуска вниз. Тут уже и грейдер, от которого они удалились недалеко, достигал перевала. С бугра открывался вид километров на двадцать в окружности — волнистые поля, деревни, перелески.

— Между прочим, Петя, мы находимся сейчас на самой высокой точке Средне-Русской возвышенности. — Надежда Кирилловна повернула Мартынова лицом к вышке на перевале: — Вон знак. Чтоб было тебе известно. Это мне топограф один сказал.

— Замечательное место! — согласился Мартынов. — Название-то какое: «Средне-Русская возвышенность»!..

В той стороне, откуда они пришли, внизу, на берегу реки Сейма, в редкой зелени садов, поблескивая на солнце золочеными крестами колоколен, лежал небольшой русский городок Троицк. С разным чувством смотрели они на него. Надежда Кирилловна еще ничего не знала и просто любовалась красивым видом. А Мартынов прощался с этим земным уголком, ставшим ему за четыре года до боли родным.

— Не так самый город наш хорош, как его окрестности, — сказала Надежда Кирилловна. — Правда, чудные окрестности? На любой вкус! Кто хочет в поле, перепелок послушать, — иди вот так, как мы вышли. А на запад пойдешь — вон луг зеленый. А по ту сторону Сейма — роща, дубы столетние. Весной грачи там кричат с утра до ночи, когда гнёзда делают. Некоторым не нравится, как грачи кричат, даже разоряют гнёзда возле дома на деревьях, а я так люблю их слушать!.. До чего же хороша наша русская природа! Скромная такая, не навязчивая. Хочешь — любуйся, если понимаешь настоящую красоту, не понимаешь — ступай мимо. Помню я,

девочкой еще, первый раз уехала далеко из дому с отцом на Черное море. Два месяца мы там жили. Сначала очень нравилось мне всё — и море, и цветы, и лес тамошний, пальмы, магнолии, тиссы. А потом так надоело! Увидела однажды, как в Адлере возле рынка корова чесалась об пальму — так всё противно стало, не могу на эти пальмы смотреть! И в тот же день, как вернулись мы домой, побежала я в наш лес. Хотя у нас уже и осень была, похолодало, с березок уже листья опадали и дождь шел в тот день, а я всё же в лес убежала и долго там сидела под дубом, слушала, как дождь шумит в листьях...

Прошли еще немного вверх, нашли пологий спуск на дно оврага. Здесь было прохладно и сыро. В некоторые глубокие узкие отроги ущелья никогда не заглядывало солнце, и сейчас, в начале июля, когда всё давно уже покрылось зеленью, дубки и березы убрались в полную листву и земля поросла травой, здесь всё еще пахло ледяной сыростью. Мартынов нашел в одном таком темном, сказочно-таинственном ущелье лисью нору. Попробовали выкурить зверей дымом — ничего не вышло, дым не тянуло в нору. Пошли дном оврага вниз, к реке, где лог становился всё шире, склоны его раздвигались, посветлело вокруг, повеяло опять полевым простором. Из высокого бурьяна невдалеке от тропинки взлетела стая куропаток, сильно напугавших Надежду Кирилловну резким шумом крыльев.

— А чтоб вас лисица съела! — закричала она, швырнув им вслед камень.

У Сейма, в Стрелецкой Слободке, попросили у одного рыбака лодку. Поплавали по реке, переправились на тот берег, в дубовую рощу. Там Мартынов развел на полянке костер. Жарили хлеб с колбасой, пекли на угольях маленьких рыбок, которых Мартынов наловил «авоськой» в пересыхавшем заливчике Сейма. Надежда Кирилловна пошла по лесу собирать землянику и грибы, а Мартынов натаскал веток, устроил себе ложе под деревом в тени и подремал там часок.

— Да, хорошо здесь, слов нет! — сказал он, вздохнув, когда Надежда Кирилловна, вернувшись, села возле него на ветки и протянула ему на ладони несколько ягод. — Значит, ты, Надя, степь не любишь?

— А что хорошего в степи? Пустота, и всё.

— Ну, это как сказать! Одному представляется, что степь — это пустота, а другой видит в ней простор, наслаждается ее далями. На эту тему можно провести целую учебную дискуссию: что такое степь — пустота или простор.

— Нет, такая природа, как здесь, куда лучше! И леса есть, и озёра, и степь, и всего в меру, ничто не надоест. Отдыхать ты только не умеешь. За сколько времени выбрались с тобой погулять! Всё в колхозы и в колхозы ездишь. Завел бы себе лодку, ружье, выехал бы иногда в воскресенье на речку, нас бы с Димкой взял с собой. Можно даже моторчик приспособить к лодке. У нас в «Динамо» сейчас продается такой подвесной моторчик.

— Теперь уже не к чему заводить лодку, — вырвалось у Мартынова.

— Почему?..

— Поедем, кажется, Надя, с тобой в такой район, где ни леса, ни речки хорошей нет. Одни голые степи.

— Опять поедем?.. — горестно воскликнула Надежда Кирилловна.

— Опять. Собирай свои коврики, картинки, укладывай вещички в чемоданы...

И Мартынов рассказал ей всё. Долго рассказывал. И как он присматривался к Долгушину еще до больницы, и что узнавал о нем от людей, лежа там, и как он ездил вот недавно с ним по колхозам, и какое он вдруг принял решение, когда убедился, что ему не учить Долгушина, а учиться надо у него, как работать с людьми.

— В зоне МТС двенадцать колхозов, а в районе — тридцать. Как я могу оставаться здесь секретарем райкома, когда вижу, что, если уж на то пошло, мне надо быть в МТС, а ему — в райкоме! Пойми, Надя, что это очень важно в нашей жизни — чтобы человек занимал место по своим способностям. Пожалуй, самое важное!..

Рассказал подробно о поездке в обком, о разговоре с Масленикововым и Крыловым, о встрече с Борзовым. Надежда Кирилловна слушала его, понурив голову, перебирая в подоле платья цветы, — то отбирала ромашки от васильков и колокольчиков, то смешивала их опять, то откладывала в сторону одни колокольчики.

— Что же ты молчишь, Надя? — спросил Мартынов.

— Я думаю, что немногие на твоем месте поступили бы так...

— Но надо же кому-то поступать и так!.. Ну, скажи, правильно я сделал? — Он приподнялся, сел, согнув ноги в коленках.

Надежда Кирилловна вздохнула:

— Хоть бы уж куда-нибудь в другое место, не в эту Грязновку!..

— Да, тяжелый район. И районный центр похуже Троицка, не город — село. Но это же в наших руках — сделать район хорошим. А?

Надежда Кирилловна положила руку на плечо Мартынову, повернула его лицом к себе, долго, пристально, серьезно смотрела ему в глаза:

— Сколько в тебе еще сил, Петр! Ты, вероятно, никогда не устанешь. Ты совсем не меняешься. У тебя та же душа, что и была, когда я впервые тебя узнала... Но почему ты не сказал мне этого, когда ехал в обком? Зачем скрыл? Я бы не стала тебя отговаривать. Живи и делай всё так, как тебе велит твоя совесть.

Солнце перевалило уже далеко за полдень. На западе поднялись тучи. Надежда Кирилловна отогнала лодку к Стрелецкой Слободке, причалила ее на место, отнесла весло хозяину и вернулась обратно вплавь, держа в одной руке над головой свернутое платье. Мартынов совсем не умел плавать. Решили идти домой другой дорогой — этой стороной Сейма, через луг, еще через одну рощу и через понтонный мост, уже под самым городом.

На лугу было тоже хорошо. Траву уже скосили и просохшее сено сложили в копны. По густоте копен видно было, что трава здесь стояла еще недавно по пояс. Но Надежда Кирилловна уже не обращала внимания на запахи свежескошенного сена и не нагибалась к земле, чтобы рассмотреть поближе какое-то прошелестевшее под ногами живое существо. Шли молча, погруженные каждый в свои мысли. У одной копны она вдруг приостановилась и жалобно спросила:

— А мой сад?

— Я думал, Надя, и о твоем саде, — ответил Мартынов. — Что же, ты свое дело сделала, посадила сад, теперь он будет расти и без тебя. Ты же не для себя его сажала — для людей. И там тебе найдется работа. Вот

там-то, в степях, и сажать сады! Заложим в каком-нибудь колхозе такие питомники, чтоб стали базой для разведения садов по всему району! Там я тебе задам задачку потруднее, не заскучаешь!..

Когда подошли к понтонному мосту, уже завечерело. Солнце давно скрылось за тучи. Темнело, как будто оно уже совсем зашло. Но на реке было еще много гуляющих. Рыбаки ловили с моста рыбу, свесив ноги над водой. Ребята еще купались на пляже. На лодочной станции дежурный сзывал в рупор заплывшие за излучину реки шлюпки.

Мартынов и Надежда Кирилловна присели на перевернутую рыбачью лодку-плоскодонку у самой воды.

Быстро темнело. Набежал тучевой ветер, старая дубовая роща за их спиной угрюмо зашумела. Тяжелая черная туча, надвинувшись с запада, закрыла полнеба. Вода в реке в той стороне, под тучей, была как деготь. Послышались мерные, тяжкие вздохи дизеля на электростанции. В городе за рекой загорались огоньки — от нижних улиц и до вершины холма, застроенного маленькими одноэтажными домиками.

И когда стало уже совсем темно, почти как ночью, в тучах на западе, над самым горизонтом, вдруг прорезалось небольшое окно, и солнце, которое, оказалось, еще не зашло, огромное красное солнце ударило в эту прорезь кинжальными лучами, низко, над самой землей. На минуту всё вспыхнуло вокруг. Ночь отступила. На воде, на верхушках деревьев, на крышах домов в городе заиграли огненные блики. Тень от причального столба у лодочной станции протянулась через полреки. Птицы в роще откликнулись на появление солнца веселым щебетаньем. В противоположной, чистой стороне неба одинокое белое облачко зарозовело, как на утренней заре.

— Солнце! Какое большое! Ой, как красиво! — воскликнула восхищенно Надежда Кирилловна. И заплакала...

Мартынов молчал. Он сам залюбовался закатом, и не знал, чем утешить жену.

— Но ведь еще нет решения, Надя. Или, может, не выберут меня там, в Грязновке. Еще ничего не известно, как оно будет, — сказал он. — Не плачь.

— Не известно? — Надежда Кирилловна повернулась к нему. — А хочешь знать, как будет? Давай погадаю! —

Она уже шутила сквозь слёзы. Солнце уже зашло, на этот раз окончательно, опять потемнело, на руке Мартынова ничего не было видно, да она и не смотрела на руку, смотрела ему в лицо, качая головой, улыбаясь. — Хороший, красивый, счастливый, давай погадаю! Позолоти, дорогой, позолоти! Цыганка всю правду скажет... Хожу я по залесью утренней росой, собираю травы зельные, варю травы зельные во медяном котле, — заговорила она нараспев. — Выйду во чисто поле, стану на восток лицом, на запад спиной. Давай, золотой, бриллиантовый, погадаю! Для дома, для дела, для сердца — всю правду скажу. Счастливый ты, в рубашке родился, а помрешь без штанов. Жить будешь долго, до самой смерти. Жена тебя любит, дети, внуки любить будут. А на врагов твоих болячка нападет. А будет у тебя скоро еще разговор в казенном доме, а после того казенного дома будет тебе дальняя дорога!

— Не миновать, значит? — засмеялся Мартынов.

— Не миновать, золотой! Дал бог тебе ума, не дал разума. Богатым не будешь, профессором не будешь, академиком не будешь, всю жизнь будет тебе дальняя дорога!..

В воде на мелкой волне дрожали огни — отражение города. Два детских голоса перекликались на том берегу, один слышался у самой воды, другой отвечал откуда-то уже с горы:

— Миша-а! Ты взял мою сандалию-у?..

— Не бра-ал! Смотри там, где раздева-ались!..

— А где твой кука-ан, Миша-а?..

— Зачем он тебе? Там одни ершики, ма-аленькие!..

— Я ко-ошке нашей хотел отнести-и!

— Ищи там, под ракито-ой!

— Там темно, бою-усь!..

Зыбь на реке развело в небольшую волну, вода плескалась о берег. Ниже по Сейму, по железнодорожному мосту, прогромыхал с протяжным гудком скорый поезд. Из Слободки доносило ветром пиликанье гармошки и песню, — молодежь гуляла. Девчата пели, как частушки, песню про лодырей-мужиков: «Мы в полях, мы у машины, им поспать бы да поесть! Да какие ж то мужчины? Бабы — вот они и есть». Прошел, сверкая освещенными окнами, автобус со станции, везя в Троицк приехавших домой на каникулы студентов и командировочных.

Мартынов встал, снял пиджак, натянул его на плечи жене, подал ей руку. И они пошли вслед за автобусом по мосту в город, домой.

На понтоне сидел, не боясь надвигавшегося дождя, накрывшись плащом, какой-то рыбак-ночник и время от времени посвечивал карманным фонариком, обводил лучом прыгавшие на неспокойной воде поплавки.

1956 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентин Овечкин

„Трудная весна"

Редактор М. М. Смирнов
Переплет и титул Н. И. Васильева
Заставки Н. И. Кострова
Художник-редактор Б. Ф. Семенов
Технический редактор Л. Г. Левоневская
Корректор Е. Н. Куренкова

Сдано в набор 19/XI 1956 г. Подписано к печати 14/I 1957 г.
Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$. Печ. л. 25,5. Условн. печ. л. 20,9.
Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1605

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 7 р. 50 к.

7 р. 50 к.